ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
БУ «Государственный исторический архив
Чувашской Республики» Минкультуры Чувашии

ИСТОРИЯ ЧУВАШИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1920–1991 гг.): ИНСТИТУТЫ, ПРАКТИКИ, ДИСКУРСЫ

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 120-летию со дня рождения
доктора исторических наук, профессора
Ивана Даниловича Кузнецова

(Чебоксары, 29 сентября 2026 г.)

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2026

УДК 94(470.344)(082)
ББК 63.3(2Рос.Чув)я43
И90

Рекомендовано к публикации на основании решения
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова» №б/н от 03.07.2026 г.

Рецензенты: **Бойко Иван Иванович**, д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования Чувашской Республики
Таймасов Леонид Александрович, д-р ист. наук, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Редакционная коллегия: **Харитонов Михаил Юрьевич**, канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»
Карпов Алексей Валентинович, канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Ответственный секретарь: **Плотникова Елена Владимировна**, ст. преподаватель кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

И90 **История Чувашии в советский период (1920–1991 гг.): институты, практики, дискурсы** : материалы Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной 120-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Ивана Даниловича Кузнецова (Чебоксары, 29 сент. 2026 г.) / редкол.: М. Ю. Харитонов [и др.]. – Чебоксары : Среда, 2026. – 360 с.

ISBN 978-5-908172-35-6

В сборнике представлены статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «История Чувашии в советский период (1920–1991 гг.): институты, практики, дискурсы», посвященной 120-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Ивана Даниловича Кузнецова. В материалах сборника опубликованы результаты исследований по политической, социальной и экономической истории Среднего Поволжья и Приуралья XX века. Особое внимание отводится изучению проблем формирования дискурсивных практик и конструирования исторической памяти в советском обществе, формированию региональных научных школ по философии, социологии, политологии и истории, изучению истории промышленных предприятий и «заводской» социологии, вопросам сохранения историко-культурного наследия и развития архивного дела в национальных регионах Российской Федерации.

Тексты публикуются в авторской редакции.

УДК 94(470.344)(082)
ББК 63.3(2Рос.Чув)я43

© ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», 2026
© БУ «Государственный исторический архив Чувашской Республики» Минкультуры Чувашии, 2026
© Издательский дом «Среда», оформление, 2026

ISBN 978-5-908172-35-6
DOI 10.31483/a-10916

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник включает материалы Всероссийской научно-практической конференции **«История Чувашии в советский период (1920–1991 гг.): институты, практики, дискурсы»**, посвященной 120-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Ивана Даниловича Кузнецова. Конференция состоялась 29 сентября 2026 г. в г. Чебоксары, в Государственном историческом архиве Чувашской Республики. Ее организаторами выступили Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Государственный исторический архив Чувашской Республики и Издательский дом «Среда».

И.Д. Кузнецов (1906–1991) – выдающийся ученый, публицист и педагог, оставивший заметный след в развитии исторической науки и других областей социально-гуманитарного знания. Уроженец деревни Полевые Буртасы Тетюшского уезда Казанской губернии (ныне Яльчикский муниципальный округ Чувашской Республики), он прошел путь от рабфаковца и слушателя Института красной профессуры до одного из основателей советской исторической науки в Чувашии. Его перу принадлежат фундаментальные труды по истории чувашского крестьянства, национально-государственному строительству и истории культуры региона. Пережив политическую репрессию и почти двадцатилетнее отлучение от науки, Иван Данилович после реабилитации вернулся к исследовательской и организационной работе и в 1967 г. стал одним из организаторов исторического факультета в новом Чувашском государственном университете, где впервые в республике были открыты аспирантура и докторантура. На кафедре истории СССР сформировалась научная школа, воспитавшая плеяду известных ученых.

В день открытия конференции работала выставка архивных документов, подготовленная Государственным историческим архивом Чувашии. В экспозиции были представлены подлинные материалы из фонда личного происхождения И.Д. Кузнецова. Торжественное открытие началось с приветственных слов директора архива Г.В. Ертмаковой, проректора по научной работе Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова Е.Н. Кадышева, заведующей сектором архивов Минкультуры Чувашии Т.Н. Малеевой и декана историко-географического факультета О.Н. Широкова.

Директор Государственного исторического архива Чувашской Республики Галина Васильевна Ертмакова начала свое выступление с личных воспоминаний. Она рассказала, что со школьных лет хорошо помнит, как Ивана Даниловича Кузнецова всегда ставили

в пример в их восьмилетней школе в селе Новые Шимкусы Яльчикского района, где будущий ученый учился и окончил школу. Позднее, придя на работу в архив, часто встречала здесь И.Д. Кузнецова, который, работая в архиве, подолгу расспрашивал о своих родных местах. Г.В. Ертмакова поблагодарила за предложение провести конференцию именно в стенах архива и напомнила, что архивисты будут помощниками ученых-историков: без сохраненных документов восстановить историю невозможно. Конференция совпала с юбилеем самого архива: ему исполнилось 85 лет. Г.В. Ертмакова отметила, что по личному фонду И.Д. Кузнецова еще предстоит большая работа: около 70 тысяч единиц хранения (личные документы, рукописи, книги, журналы) нуждаются в систематизации и описании; работа уже близка к завершению, и после соблюдения требований законодательства документы станут доступны исследователям. Г.В. Ертмакова поблагодарила всех участников за интерес и внимание к данному мероприятию. Важно, что молодое поколение слышит живые свидетельства очевидцев, знавших выдающегося историка лично, – это позволит передавать память о нем следующим поколениям.

Проректор по научной работе Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова Евгений Николаевич Кадышев начал с признания, что ему очень приятно оказаться среди плеяды выдающихся людей, «благословляющих» Чувашскую Республику. Обращаясь прежде всего к молодежи, он подчеркнул: именно опора на историческое прошлое и наследие позволит молодым людям выработать объективные представления о мире. Е.Н. Кадышев подчеркнул, что современной науке нам сейчас порой не хватает ученых уровня И.Д. Кузнецова: его работы – та основа, на которой нужно проводить современный анализ событий. Наша задача – выявлять идеи и продолжать традиции, заложенные предыдущими поколениями.

Особое внимание было уделено воспоминаниям коллег и учеников об Иване Даниловиче, которые отметили его неоценимый вклад в их профессиональное становление. Среди выступающих были докт. ист. наук Т.С. Сергеев, докт. культурологии В.А. Васильев, докт. ист. наук В.В. Андреев, докт. юрид. наук А.Г. Петров, докт. ист. наук И.И. Бойко, докт. ист. наук В.И. Соколова, канд. ист. наук В.Г. Харитонова, ветеран архивной службы Чувашии А.В. Выйкин. Все они говорили о И.Д. Кузнецове как о наставнике и человеке, способном зажечь исследовательский интерес на всю жизнь. Профессор В.А. Васильев, один из первых воспитанников

Ивана Даниловича, подчеркнул, что путь в науку начинается с хорошего учителя, и выразил признательность университету за то, что кафедра документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин и сегодня держит высокую планку, заданную И.Д. Кузнецовым.

На пленарном заседании большой интерес вызвали доклады заведующего кафедрой документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин М.Ю. Харитонова о вкладе И.Д. Кузнецова в развитие социально-гуманитарного знания в Чувашии и заведующей сектором Государственного исторического архива Чувашской Республики Н.Ю. Толстовой с обзором личного фонда ученого, хранящегося в архиве.

Научная программа конференции включала четыре секции, на которых было представлено более пятидесяти докладов. Обсуждались вопросы истории региональной власти, экономической и социальной истории Среднего Поволжья и Приуралья, развития в Российской Федерации социально-гуманитарного образования и науки, теории и практики сохранения историко-культурного наследия. Особая секция была посвящена личности И.Д. Кузнецова как общественного деятеля, ученого и педагога. В работе конференции приняли участие исследователи из ведущих вузов и научных учреждений Чувашии, Марий Эл, Мордовии, Татарстана, Москвы, Рязанской, Пензенской и Нижегородской областей.

Структура данного издания в целом соответствует программе конференции. Первый раздел включает доклады секции «И.Д. Кузнецов: общественный деятель, ученый, педагог». Второй раздел посвящен становлению и трансформации региональной власти в XIX–XX вв., третий – экономической и социальной истории Среднего Поволжья и Приуралья, четвертый – истории и современным проблемам социально-гуманитарного образования, науковедения и практики сохранения историко-культурного наследия.

Авторский коллектив сборника представлен городами России (Нижний Новгород, Пенза, Рязань, Саранск, Ульяновск, Чебоксары).

Среди образовательных учреждений выделяются университеты и институты России (Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Пензенский государственный университет, Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное ордена Суворова дважды Краснознаменное командное училище имени генерала армии В.Ф. Маргелова Минобороны России, Чувашский государственный институт культуры и искусств

Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова).

Тематика конференции, безусловно соответствует научным интересам И.Д. Кузнецова, а ее задачи – определить важнейшие направления исследований по истории Чувашии и сопредельных регионов и познакомить научную общественность с новейшими теоретическими и практическими разработками в истории и смежных областях. Конференция продемонстрировала, что научное наследие Ивана Даниловича Кузнецова продолжает вдохновлять и направлять исследователей, сохраняя традиции, заложенные нашими выдающимися учеными.

Научный редактор
канд. ист. наук, доцент,
заведующий кафедрой документоведения,
информационных ресурсов и вспомогательных
исторических дисциплин
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова»
М.Ю. Харитонов

ОГЛАВЛЕНИЕ

И.Д. КУЗНЕЦОВ: ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ

Васильев В.А. Учитель, открывший путь в науку 11

Григорьев А.В. Кузнецов Иван Данилович: штрихи к психологическому портрету ученого 15

Иванова Т.Н. Воспоминания об ученом и педагоге: И.Д. Кузнецов глазами студентки 21

Карпов А.В., Плотникова Е.В. Исследование жизненного пути и научного наследия И.Д. Кузнецова (по данным наукометрических показателей РИНЦ 2026 г.) 27

Карпова О.В., Муравьева И.В. Историко-этнографические обследования с участием И.Д. Кузнецова 1930–1980-х гг. и их вклад в изучении материальной и духовной культуры сельского населения Чувашии..... 31

Касимов Е.В. Чувашский государственный институт гуманитарных наук в годы руководства И.Д. Кузнецова (1963–1968 гг.)..... 35

Мерлушкина Ю.А. Иван Данилович Кузнецов: судьба как летопись народа 40

Сергеев Т.С. Ученый и педагог «большевистской закваски» (воспоминания о профессоре И.Д. Кузнецове) 44

Соколова В.И. И.Д.Кузнецов – организатор первых ячеек комсомола в Яльчикском районе 49

Толстова Н.Ю. Обзор фонда личного происхождения И.Д. Кузнецова в Государственном историческом архиве Чувашской Республики 54

Харитонов М.Ю. На острие эпохи: И.Д. Кузнецов и его вклад в развитие социально-гуманитарного знания в Чувашии 65

СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В XIX–XX вв.

Агеева У.П., Минеева Е.К. От Всевобуча к Совету физкультуры: административные модели управления физической культурой в Алатырском уезде (1918–1925)..... 75

Антипин Б.С. Непростая биография военачальника Генриха Эйхе: между войной, лагерем и книгой 83

Антипова Е.М. Административно-мобилизационные механизмы реализации политики ускорения в Горьком (1985–1987 гг.) 89

Бойко И.И., Харитонова В.Г. И.П. Прокопьев: вехи жизни и деятельности. К 100-летию со дня рождения 95

Желобанов А.В. Чебоксарская совпартшкола 1920-х гг. глазами современников 103

Идрисов Р.А. Современный этап деятельности Общественной палаты Чувашской Республики 115

Купирова Ч.Ш., Семенова И.Ю. Нормативные основы ответственности за уклонение от призыва: исторический опыт Советской России 119

Михайлова С.Ю., Музякова А.Л. Современный дискурс экономической истории Чувашии периода новой экономической политики..... 124

Никитина Е.А. Молодежное географическое движение в Чувашии: исторический очерк..... 137

Семенова И.Ю., Купирова Ч.Ш. Правосудие в отношении детей и подростков в Советской России: историко-правовой аспект..... 142

Симонова О.Ю. Проблемы кадрового обеспечения физической культуры и спорта в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны 147

Учватов П.С., Воропаев Н.Н. События «августовского путча» 1991 г. на региональном уровне: реакция властей и последствия..... 152

Ярадаев М.А. Печать, книгоиздание и радиовещание Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны 157

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Афанасьева Л.Н. Промышленное производство Чувашии в годы Великой Отечественной войны (по документам Госархива современной истории Чувашской Республики) 164

Васильева Л.И. Изучение ярмарочно-базарной торговли в Чувашии во второй половине XIX — начале XX вв. в трудах И.Д. Кузнецова: историографический аспект 171

Головина Н.С. Гендерные особенности закрепления рабочих кадров в отраслях индустрии Чувашии в конце 1950-х – первой половине 1980-х гг..... 176

Доронина К.А., Харитонова Е.М., Казаков Н.А., Харитонов М.Ю. Вопросы формирования и развития сети населённых пунктов на территории Чувашии в период до 1917 года в трудах П.А. Сидорова 182

Камардин И.Н. Промышленный потенциал Поволжья в годы гражданской войны 191

Карпова О.В., Муравьева И.В. Вклад Кузнецова И.Д. в изучение чувашской деревни 1930-х гг. 197

Каталов И.А. Государственная молодежная политика и неформальные объединения в Чувашии периода перестройки (1985–1991 гг.) 201

Ласточкин В.Б. Крестьянство Чувашии в гражданской войне ... 208

Матюшин П.Н. «О действительных и ложных причинах единоличной жизни»: к итогам культурной экспедиции по Чувашии в 1933 г. 213

Михайлова С.Ю., Кадышева О.Е. Финансовое положение Чувашской автономной области в условиях новой экономической политики 217

Никитина В.Н. Отражение истории Чебоксарского завода промышленных тракторов в электронном фотоальбоме «Тракторный гигант на Волге. По ту сторону объектива» 224

Таймасов Л.А. Вопросы христианизации чувашей в трудах И.Д. Кузнецова 229

Трофимов А.В., Широков О.Н. Развитие Сундырской хлопчатобумажной фабрики в 1945–1957 годах: производственно-кадровая и социально-культурная динамика 237

Ялтаев Д.А., Шевченко И.М. Изучение имущественной преступности в Чувашии в пореформенный период во второй половине XIX в. по материалам ГИА ЧР 262

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКОВЕДЕНИЯ И ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Агеева Н.Н., Сорокина А.А. Развитие православного паломничества в Чувашии 266

Александрова Н.В., Иванов Н.В. Профессиональное юридическое образование на рубеже XX–XXI веков: теоретические подходы и современные тенденции развития 272

Алексеев С.И. Информационные ресурсы для изучения жизни и деятельности И.Д. Кузнецова 277

Гаврилов А.О., Сатин М.Д. Сатины – древний дворянский род 281

Голюнов А.Н. Письма Е.А. Яковлевой и И.Я. Яковлева сыну Алексею и его жене как исторический источник 290

Данилов Н.И. От школы милиции к университету: институциональные трансформации системы подготовки юридических кадров в Чувашии (1991–2022 гг.) 296

Ефимов Л.А. Архивный фонд П.Т. Золотова в ЧГИГН как источник изучения наследия чувашского просветителя И.Я. Яковлева 302

Иванов Н.В., Александрова Н.В. Профессионально-образовательный уровень работников милиции Чувашии в 1920-е годы 307

Краснова М.Н. Сохранение памяти о китаеведе Иакинфе Бичурине в современной культуре 310

Никонорова И.В., Никитина О.В., Вишневская М.П., Гуменюк А.Е., Сытина Т.Ф. Географическая наука в Чувашии: люди, школа, практика (опыт кафедры физической географии и геоморфологии ЧГУ им. И.Н. Ульянова) 314

Плотникова Е.В., Карпова О.В., Харитонова С.Б. Подготовка научно-педагогических кадров через аспирантуру в 1925–1955 гг. 324

Семенов А.А. Роль личных документов участников военных конфликтов в патриотическом воспитании подрастающего поколения (по документам ветерана Великой Отечественной войны И.С. Семенова, хранящимся в ГИА ЧР) 328

Скворцова М.С., Орехов Н.А. Обзор личного фонда А.А. Зимина (Ф. Р-3161) в Государственном архиве современной истории Чувашской Республики: состав, содержание и информационный потенциал 335

Смирнов Ф.Е., Скворцова М.С. Обзор фонда Р-3231 «Мининформполитики Чувашской Республики» в Государственном архиве современной истории Чувашской Республики: состав, содержание и информационный потенциал 340

Ткаченко В.Г., Харитонов М.Ю., Ткаченко Е.В. И.Д. Кузнецов и начало археографической деятельности в Чувашии в 1930-е годы 348

Ткаченко Е.В. О концепции электронного справочника «Историки Чувашии»: цели, принципы и структура ресурса 355

И.Д. КУЗНЕЦОВ: ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ

Васильев Владимир Александрович
профессор
БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика

УЧИТЕЛЬ, ОТКРЫВШИЙ ПУТЬ В НАУКУ

Аннотация: *в статье рассказывается о докторе исторических наук, профессоре Иване Даниловиче Кузнецове, одном из основателей советской исторической науки в Чувашии. Рассматривается атмосфера становления высшего исторического образования в республике в 70-е г. XX в. И.Д. Кузнецов создал научную школу, впервые открыл аспирантуру и докторантуру, воспитал плеяду известных историков и своей поддержкой определил научный путь самого автора.*

Ключевые слова: *историческая наука Чувашии, научная школа, аспирантура, наставник, «научные» воспоминания.*

Когда я смотрю на нынешних студентов – молодых, энергичных, ищущих, – я невольно возвращаюсь в тот яркий солнечный день конца августа 1967 г., когда мне, девятнадцатилетнему сельскому пареньку, судьба подарила встречу, определившую всю мою дальнейшую жизнь. Тогда в Чувашии произошло событие, которое я и сегодня, спустя десятилетия, не могу назвать иначе как неожиданным и прекрасным: открылся Чувашский государственный университет. В те годы страна переживала космический подъем, и для нашей республики новый вуз стал такой же ракетой, что разом потянула ввысь все отрасли – и прежде всего историческую науку.

Я хорошо помню, как мы, студенты третьего курса историко-филологического факультета педагогического института, у входа в главный корпус встретили заместителя декана Ивана Ильича Одюкова. Он прищурился от солнца и с хитрицой в голосе спросил, не хотим ли мы, студенты пединститута, учиться в университете. Мы решили, что он шутит, – настолько невероятным показался вопрос. Но через три дня, с первого сентября, мы действительно стали первыми студентами нового вуза. Казалось бы, какая разница – институт или

университет? Оба дают высшее образование. Но эту разницу мы почувствовали сразу: в институте все шло как-то «по-школярски», а здесь мы обрели настоящую исследовательскую свободу. Мы гордо называли себя студентами-историками университета, и в этом было не только тщеславие, но и предчувствие чего-то большего.

Именно тогда судьба свела меня с человеком, за знакомство с которым я благодарен ей до сих пор, – с профессором Иваном Даниловичем Кузнецовым. Для меня он не просто ученый, а целая историческая эпоха, один из основателей советской исторической науки в Чувашии. Открытие университета и исторического факультета стало мощным импульсом для развития всей исторической науки и высшего образования республики, и во главе этого движения встал именно он. Здесь работали подлинные корифеи, люди, не побоюсь сказать, с мировым именем – профессор И.Д. Кузнецов, профессор В.Ф. Каховский, профессор В.Д. Димитриев. Они первыми открыли в Чувашии аспирантуру, и это открыло дорогу в науку тем, кто прежде мог только мечтать о ней.

Я убежден: путь в науку, да и вообще путь в большую жизнь, начинается с хорошего человека, с хорошего учителя. Для меня таким учителем стал Иван Данилович. Я был тогда на четвертом курсе, и он однажды пригласил меня и сказал просто и прямо: «Я беру тебя первым аспирантом». Это были слова, перевернувшие мою судьбу. Правда, судьба распорядилась по-своему, и я считаю это глубоко справедливым: первым официальным аспирантом Ивана Даниловича стал Юрий Петрович Смирнов, ставший впоследствии деканом нашего факультета. Но и меня Иван Данилович не оставил – направил, поддержал, ввел в науку так, как умел делать только он.

О том, как Кузнецов помогал своим ученикам, можно говорить долго. Он не просто передавал знания – он создавал вокруг себя атмосферу творческой увлеченности и научного поиска, в которой каждому хотелось работать. Он учил не бояться нового, не застывать в догме, а искать и сомневаться. По его примеру, по образцу горьковской «Истории фабрик и заводов», на кафедре развернулось фундаментальное исследование истории промышленности и рабочего класса Чувашии, и к нему были привлечены аспиранты Юрий Смирнов, Валерий Шарков и ваш покорный слуга. Мы защитили кандидатские диссертации, наши труды должны были лечь в основу коллективной монографии, и лишь развал Советского Союза помешал ее изданию. Я убежден, что эта книга и сегодня стала бы убедительным свидетельством силы отечественной исторической школы.

Чтобы понять масштаб этого человека, нужно хотя бы коротко вспомнить его путь. Иван Данилович родился в 1906 г. в семье чувашских бедных крестьян. Отец его, Данил Захарович, был кузнецом – отсюда и пошла фамилия рода. Уже в четырнадцать лет Иван Кузнецов стал одним из организаторов волостной ячейки комсомола, и именно комсомол сформировал его как гражданина и патриота, пробудил интерес к изучению общественной жизни. Он был одним из первых студентов Чувашского рабфака, поражал преподавателей памятью и начитанностью, организовал и редактировал первую молодежную газету Чувашии.

Осенью 1926 г., окончив рабфак с отличием, он был направлен на учебу в Институт красной профессуры в Москве, на историческое отделение. Огромное влияние оказали на него занятии с Михаилом Николаевичем Покровским, а институт стал определяющим фактором в его становлении как историка-марксиста. Он до конца жизни оставался убежденным марксистом, но не был догматиком – он был диалектиком, непрестанно ищущим, и потому его книги полемичны, ведь только в полемике рождается новое. Со второго курса он читал лекции в вузах Москвы, а после окончания института работал в Нижнем Новгороде, в 1932 г. вернулся в Чувашию заведующим отделом культуры и пропаганды обкома. В 1933–1934 гг. он провел во всех районах республики пионерское социологическое исследование культуры и быта крестьянства, охватившее каждый двор двадцати одного населенного пункта.

В 1937 г. Иван Данилович был подвергнут политической репрессии и почти двадцать лет провел в отлучении от науки. Но, стойко перенеся эту трагическую страницу своей жизни, он сразу после реабилитации в 1955 г. со всей энергией вернулся к научной и организационной работе.

Стержневой темой его исследований стала история чувашского крестьянства – ведь более девяноста пяти процентов населения края было крестьянским. Итогом трех десятилетий труда стали обобщающая монография в двух частях «Очерки по истории чувашского крестьянства» и докторская диссертация «Крестьянство Чувашии в период капитализма». Но он никогда не был историком одного узкого направления: его перу принадлежат работы по национально-государственному строительству, он принимал самое деятельное участие в подготовке двухтомной «Истории Чувашской АССР». Всего он опубликовал около трехсот работ и двадцать монографий, переводил на чувашский язык труды Маркса, Энгельса и

Ленина. Одним из его детищ стал Музей И.Н. Ульянова, открытый в университете в 1971 г., а также Музей этнографии, созданный в 1986 г., – сегодня это Археолого-этнографический музей историко-географического факультета [2]. Эти уникальные собрания по праву можно назвать памятниками ученому-подвижнику.

Иван Данилович создал свою научную школу, и я с гордостью называю себя одним из его воспитанников. Среди его учеников – доктора исторических наук, профессора Петр Владимирович Денисов, Юрий Петрович Смирнов, Борис Леонидович Алексеев, Татьяна Николаевна Иванова, Елена Константиновна Минеева, Олег Николаевич Широков и другие [1]. Впервые в Чувашии благодаря ему были открыты аспирантура и докторантура, а на историческом отделении были созданы условия для будущего Совета по защите диссертаций, ставший настоящей кузницей исторических кадров для всей России. Почти все ученые-историки республики защитили свои диссертации здесь.

Мой собственный путь – от студента до профессора – прошел целиком в стенах родного университета, и я горжусь этим. За небольшой по историческим меркам срок вуз стал научно-образовательным и культурным центром Чувашии и вошел в число ведущих университетов России. И все же самое дорогое для меня – это память об Учителе. О таких людях, как Иван Данилович Кузнецов, можно говорить бесконечно, и я искренне благодарен тем, кто сегодня продолжает держать в руках ту же кафедру и ту же планку, что задал он. Такие люди – их не сломать. Именно они и есть та основа, на которой стоит историческая наука Чувашии, и наш общий долг – не забывать их.

Список литературы

1. Васильев, В. А. Становление и развитие исторической науки в Чувашской Республике: профессор И.Д. Кузнецов / В. А. Васильев // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 12–19.

2. Широков, О. Н. Кафедра истории СССР Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (1967–1992 гг.) / О. Н. Широков, М. Ю. Харитонов // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения : мат-лы Всерос. науч. конф. – Чебоксары, 2019. – С. 52–56.

Григорьев Александр Владимирович
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

КУЗНЕЦОВ ИВАН ДАНИЛОВИЧ: ШТРИХИ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ УЧЕНОГО

Аннотация: *практика составления психологического портрета известной личности дает возможность осознать истоки ее плодотворной профессиональной деятельности, связать социальные и психологические предпосылки и результаты плодотворной работы. В статье делается попытка установления связи между личностными качествами одного из известных ученых республики и результатами его деятельности. Автор надеется, что исследование связи личностного потенциала ученого с практикой его деятельности позволит не только связать эти два компонента в причинно-следственной связи, но и более осознанно подходить к решению кадрового вопроса в науке.*

Ключевые слова: *психологический портрет личности, личность ученого, творческая лаборатория ученого, психологический портрет.*

Психологический портрет личности – это комплексная психологическая характеристика человека, отмечающая особенности черт его личности: темперамента, характера, способностей, интеллекта, мотивации, коммуникабельности, самооценки и других. Чаще к составлению психологических портретов, как к характеристике знаменитой личности, прибегают историки. При этом исследователь, при отсутствии прямых данных, вынужден руководствоваться косвенными, полученными при изучении деятельности человека.

Автор настоящей статьи отдает отчет в том, что настоящая работа – всего лишь небольшая зарисовка к психологическому портрету известного чувашского историка с интересной и очень сложной судьбой. Предполагаем, что подобные исследования могут иметь практическую пользу, позволяя на ранней стадии становления молодого ученого (школьника, студента) определить волевой, психологический, творческий потенциал личности и рассмотреть будущего преданного труженика науки.

Настоящая статья – далеко не первый опыт составления психологического портрета ученого. В 2009 г. был выпущен сборник рефератов статей зарубежных и отечественных авторов, касающихся описания психологических особенностей выдающихся ученых [5, с. 4–39]. Появление самого термина «психологическое портретирование» часто ассоциируется с именем Н.М. Ракитянского [11]. По мнению А.Т. Пахомовой, попытки составлении портрета современного ученого должны сочетаться с изучением комплекса необходимых для любого ученого качеств, наличия специальных знаний и приверженность этическим нормам [10]. Определенную схему изучения выдающихся личностей предлагает Н.Н. Дудаль [3]. Несколько своих работ теме психологии научного творчества посвятил Ю.И. Мирошников [9].

Что касается попытки корреляции личностных особенностей и деятельности И.Д. Кузнецова, наибольший фактический материал содержится в диссертациях Ю.А. Богомазовой [1] и П.Н. Матюшина [6].

1. Краткая биографическая справка.

Иван Данилович Кузнецов родился 29.5.1906 г., в д. Полевые Буртасы Тетюшского уезда (ныне Яльчикского р-на), умер 1.2.1991 г., в г. Чебоксары. Историк, доктор исторических наук, профессор (1967). Член Союза писателей СССР (1934). Окончил Чувашский рабфак, Институт красной профессуры (1931). Вёл преподавательскую работу в вузах Москвы и Нижнего Новгорода (1926–1932), заведовал отделом культуры и пропаганды, отделом школ и культурно-просветительской работы Чуваш. обкома ВКП(б), руководил сектором истории ЧНИИ социально-культурного строительства, преподавал в вузах Чебоксар. В 1937 г. он был репрессирован и отбывал срок в лагерях Севера страны. После реабилитации в 1955 г. И.Д. Кузнецов работал директором Чуваш. государственного издательства (1956–1958), зав. сектором истории, директором НИИ ЯЛИЭ (1958–1967), заведовал кафедрой истории СССР Чуваш. государственного университета (1967–1973), являлся профессором этой же кафедры (1973–1980), старшим научным сотрудником НИИ ЯЛИЭ (1980–1991), трудился всю сознательную жизнь. Журналист, критик, публицист, переводчик. Заслуженный деятель науки Чувашской АССР (1970). Награждён орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, медалями, занесён в Почётную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чуваш. АССР (1986) [4].

2. Темперамент.

Темперамент – это индивидуальные особенности человека, определяющие динамику его психической деятельности и поведения. По темпераменту, насколько его помнит автор статьи, Иван Данилович был преимущественно холерик и сангвиник. Он шел по коридору достаточно быстро, размеренно, был приветлив с окружающими. Сам он, вспоминая о своей комсомольской юности, нередко вспоминал фразу о «конногвардейских атаках на капитал». Очевидно, ему импонировали скорость принятия решений, энергичные действия. Сталинские репрессии и лагеря приучили его к сдержанности и осторожности в общении.

3. Преобладающий психотип.

Существуют различные классификации психотипов. По одной из них Ивану Даниловичу, на наш взгляд, ближе психотип гипертима. Относящиеся к этому психотипу с детства отличаются шумливостью, общительностью, смелостью. Достаточно изучить биографию Ивана Даниловича, чтобы убедиться в его общественной активности, разносторонности интересов, в стремлении «не плыть в лодке, а грести». Иван Данилович «… умел жестко отстаивать интересы своей республики, был убежденным марксистом, большевиком» [1, с. 263].

4. Ценности.

Среди общечеловеческих ценностей, которым, по мнению респондентов, был привержен профессор Кузнецов, прежде всего относились любовь к близким, совесть, честь и достоинство. Иван Данилович очень дорожил чувствами своей матери. Находясь под следствием и в заключении, он переживал не за себя, а за мать, боялся, что она плохо переживет его арест [6, с. 109, 131]. Иван Данилович даже будучи репрессированным, не разочаровался в социалистических ценностях и идеалах, не озлобился [1, с. 152].

5. Характер.

Характер – совокупность устойчивых индивидуальных черт личности, определяющихся типичным для человека способом поведения, отношением к самому себе, к другим людям, к деятельности и к окружающему миру. Находясь под следствием, Иван Данилович на первых порах в ходе допросов и на суде старался не только оправдаться за «контрреволюционную деятельность», но и выгородить своих друзей по несчастью. Можно уверенно утверждать, что профессор Кузнецов был по природе своей «отъявленным» трудоголиком, что вынужденно подкреплялось ранней потерей отца [1, с. 26].

Иван Данилович отличался внутренней стойкостью [6, с. 201]. В его характеристике говорится: «Теоретически развит, партийно выдержан и дисциплинирован» [8, с. 168], его отличали инициативность, трудолюбие, самокритичность, усидчивость, наличие организаторских способностей [1, с. 105], основательность [2, с. 15].

6. Способности.

Способности – это индивидуально-психологические особенности человека, отвечающие требованиям данной деятельности и являющиеся условием успешного ее выполнения. Иван Данилович был разносторонне развитой личностью. Он обладал необыкновенной памятью, был начитан, стал секретарем редакции первой молодежной газеты Чувашии [2, с. 13]. Обучаясь в Институте красной профессуры, он на каникулах летом 1928 г. успел организовать в своей деревне первое товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ) [1, с. 60]. Отмечается также его креативность и умелое применение самых для своего времени передовых методов, в частности, в социологических исследованиях [1, с. 252–253]. Будучи человеком почтенного возраста, он оставался чутким ко всему новому [1, с. 264].

7. Направленность личности.

Профессор Кузнецов был нацелен прежде всего на общественные интересы, развитие социалистического строительства, исторической науки, а лишь затем на решение своих жизненных планов, преимущественно совпадавших с научными задачами и общественными устремлениями. В характеристике Ученого совета ЧГУ имени И.Н. Ульянова от ноября 1967 г. говорится о принципиальности и идейности И.Д. Кузнецова [1, с. 221].

8. Интеллектуальность.

Широкий кругозор профессора, его глубокие познания, позволили ему стать одним из ведущих ученых-историков советской Чувашии. О высоком уровне интеллекта говорит и характер ответов подследственного Кузнецова на вопросы следователей: «Ответы И.Д. Кузнецова на поставленные следствием вопросы поражают своей лаконичностью, взвешенностью и достоверностью» [6, с. 62]. Иван Данилович был разносторонним человеком. Он был известен не только как ученый-историк, но и как публицист, и даже литературный критик. О рациональном, критическом мышлении Кузнецова свидетельствует, в частности, его научные труды, всегда опиравшиеся на документальную базу [1, с. 156].

9. Эмоциональность.

Несомненно, Иван Данилович был человеком великого терпения и сдержанности. Но назвать его неэмоциональным ни в коем случае нельзя. Он эмоционально отреагировал и на недоверие к нему со стороны родного для него большевистского правительства, Советской власти. Увлеченность, «работа запоем», работа с жаром характеризуют Кузнецова как историка, что косвенно свидетельствует о высоком уровне эмоциональности, которую нередко приходилось сдерживать [1, с. 164]. Об эмоциональности Кузнецова говорит и сам факт его увлеченности литературной критикой, публицистикой, творчеством художников Чувашии.

10. Умение общаться.

Иван Данилович, известный в республике организатор науки, общественный деятель, публицист, несомненно, умел общаться с людьми. Это качество он неоднократно проявлял и в экстремальных жизненных ситуациях. Так, в 1941 г. он был назначен бригадиром на лесоповале в лагере №214. Бригадир оказывался между двух огней: с одной стороны, он должен был распределять стимулирующие пайки так, чтобы придерживаться некоторой справедливости, с другой, он должен был остаться в живых среди психопатов-уголовников. В то же время, получение дополнительных пайков требовало умения находить общий язык с вышестоящим начальством [7, с. 74].

11. Самооценка.

Иван Данилович, несомненно, был амбициозен, иначе он не достиг бы высоких результатов в общественной деятельности и науке. При этом он был достаточно самокритичен, так что его высокую самооценку, соответствующую достижениями заслугам, можно считать вполне адекватной.

Таким образом, генетическая природа и социальная среда обусловили развитие активной, целеустремленной, многогранно развитой, общественно активной личности с адекватной самооценкой. Природный экстраверт вынужденно уживался в ней со сдержанным в проявлении эмоций человеком. Креативная многогранность И.Д. Кузнецова проявляла себя практически в любой сфере деятельности, на которую распространялись интересы ученого, а способность к рефлексии являлась социальным компасом в определении направления деятельности. Изучение жизненного пути Ивана Даниловича Кузнецова еще раз обращает наше внимание на проблему ценности для общества талантливых людей и

справедливости высказывания: «Талантам нужно помогать, бездарности пробьются сами».

Список литературы

1. Богомазова, Ю. А. И.Д. Кузнецов – ученый, педагог и общественный деятел ь: дис. … канд. ист. наук / Ю. А. Богомазова. – Чебоксары, 2008. – 359 с.

2. Васильев, В. А. Становление и развитие исторической науки в Чувашской Республике: профессор И.Д. Кузнецов / В. А. Васильев // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 12–17.

3. Дудаль, Н. Н. Психолого-историческое исследование жизненного пути личности на примере гомельского периода биографии Л.С. Выготского / Н. Н. Дудаль // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2021. – Т. 10, № 4-1. – С. 75–82.

4. Кузнецов Иван Данилович // Чувашская энциклопедия. – URL: chuvenc.ru (дата обращения: 07.09.2026). – Текст : электронный.

5. Личность ученого: социально-психологический портрет : реф. сб. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям ; отв. ред. Т.В. Виноградова. – Москва, 2009. – 32 с.

6. Матюшин, П. Н. Репрессии 1930-х гг. и политическая реабилитация 1950-х – начала 1960-х гг.: исторический опыт и уроки: на материалах доктора исторических наук, профессора И.Д. Кузнецова : дис. … канд. ист. наук / П. Н. Матюшин. – Чебоксары, 2008. – 279 с.

7. Матюшин, П. Н. И.Д. Кузнецов в лагерях Гулага и на поселении Севера: (сентябрь 1941 года – ноябрь 1945 года – январь 1956 года) / П. Н. Матюшин // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2008. – № 4. – С. 71–77.

8. Матюшин, П. Н. Трагизм и величие региональной истории в СССР (на примере судьбы профессора Ивана Даниловича Кузнецова) / П. Н. Матюшин // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (VI Арсентьевские чтения) (Чебоксары, 15–16 октября 2015 г.). – Чебоксары : Интерактив плюс, 2015. – С. 166–171.

9. Мирошников, Ю. И. Психология научной деятельности / Ю. И. Мирошников // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2004. – № 5. – С. 235–246.

10. Пахомова, А. Т. Портрет современного ученого / А. Т. Пахомова // Экономика и социум. – 2013. – № 2 (7). – С. 337–338.

11. Ракитянский, Н. М. Философско-психологическое измерение проблемы портретирования личности политика / Н. М. Ракитянский, Ю. В. Колесниченко // Конфликтология / Nota Bene. – 2015. – № 2 (3). – С. 218–233.

Иванова Татьяна Николаевна
д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧЕНОМ И ПЕДАГОГЕ: И.Д. КУЗНЕЦОВ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТКИ

Аннотация: *в работе, основанной на личных воспоминаниях, воссоздаётся образ И. Д. Кузнецова прежде всего как преподавателя – та грань его деятельности, которая до сих пор оставалась почти не запечатлённой в литературе. Автор училась на историко-филологическом факультете Чувашского государственного университета в 1974–1979 гг., когда Иван Данилович был профессором кафедры истории СССР. Воспоминания носят подчёркнуто личностный характер: они фиксируют внешность и манеру поведения учёного, его лекторский стиль, отношения со студентами и коллегами, а также восприятие его судьбы учениками 1970-х годов.*

Ключевые слова: *Чувашский государственный университет, историко-филологический факультет, преподаватель, лекции, научная школа, воспоминания, история Чувашии.*

Введение. Традиция проводить в университете мемориальные конференции памяти профессоров, внесших вклад не только в чувашскую науку, но и в развитие образования, – добрая и, как мне кажется, очень важная. Готовясь к конференции, посвященной Ивану Даниловичу Кузнецову, я сочла необходимым поделиться своими воспоминаниями, потому что, наверное, остаюсь одной из немногих еще работающих деятелей, которые его помнят и которые слушали его лекции. Но помнят не только как ученого – о Кузнецове-исследователе и организаторе написано немало статей, – а как преподавателя высшей школы. Именно об этой стороне почти не сохранилось свидетельств.

Сразу оговорюсь: я не была его коллегой, а простой студенткой, им восхищавшейся. Он мой учитель и преподаватель, и мой рассказ – о нем именно в этом качестве. Я училась на историко-филологическом факультете с 1974 по 1979 годы. Иван Данилович вышел на пенсию в 1980 году, когда я уже окончила университет и уехала в аспирантуру в Ленинград, поэтому после этого мы с ним

практически не встречались. Когда я вернулась и стала преподавать, его на факультете уже не было.

Внешность и манера поведения. Первое, что хочу отметить: Иван Данилович очень выделялся среди всех преподавателей факультета – чисто внешне, по манере одеваться и держаться в коллективе. Он не был похож на профессоров советского времени, которые обычно ходили в строгих пиджаках, с галстуками и держали дистанцию между собой и студентом.

Он выделялся среди профессоров прежде всего одеждой. Был невысокого роста, постоянно сутулился. Я его ни разу не видела в галстуке: он ходил в рубашках, как правило темного цвета, и часто вместо пиджака надевал что-то типа вязанного кардигана. На фоне парадно одетых профессоров он выделялся уже этим, и это сразу приковывало к нему внимание.

По характеру, чисто личностно, Иван Данилович был для общения внешне достаточно непростым человеком. Он никогда не стремился говорить людям комплименты и приятные вещи, голос у него был немного резкий, речь отрывистая. Когда я поступила на факультет, он, после долгих лет заведования кафедрой истории СССР, передал свой пост Петру Владимировичу Денисову и оставался просто профессором [1, с. 83]. На старших курсах я была членом ученого совета как секретарь комсомольской организации факультета и хорошо помню, что и на ученом совете, и на общих собраниях он всегда выступал очень резко, чаще всего критически. Услышать от него похвалу было сложно. Возникало ощущение, что его немного побаивались – именно потому, что понимали: он скажет всю правду в глаза, ничего не опасаясь.

Урок научной честности. Особенно запомнилось мне его выступление на одной студенческой конференции. Как это часто бывает, мы изучали историю Чувашии, и темы докладов нам просто раздали. Мой доклад был для меня проходным: я тогда уже увлекалась историей зарубежных стран и особого внимания ему не уделила – каюсь. Но меня поразило, как Иван Данилович вел секцию: внимательно слушал, все записывал и задавал очень точные и жесткие вопросы. А после окончания секции разобрал критически все доклады. Он сказал, что мы все списали, и – что меня поразило больше всего – прямо указывал, что вот это списано из такой-то книги, а это из такой-то. Его доскональное знание литературы позволяло ему сразу определять источник. Докладов было больше

десяти, и речь шла не только о моем. Досталось всем выступавшим. Встает вопрос: хорошо это или плохо? С одной стороны, его острокритическое выступление многих расстроило. Но с другой – я выступала на очень многих конференциях, а запомнился именно этот разбор. Он стал для меня определенной школой: к своему докладу надо относиться внимательнее и нельзя надеяться, что все «прокатит» просто так. Чрезмерная, может быть, критичность оказалась по-своему хороша и полезна для меня.

Лекции «не по теме» как школа. Мне очень запомнились его лекции. Мы были молодыми и многого еще не понимали. Студент, слушая преподавателя, хочет прежде всего того материала, который спросят на экзамене, и следит, читает ли лектор по учебнику или дает свое. Наша первая реакция на лекции Кузнецова была: зачем нам это надо? Методически, вроде бы, это были не очень хорошие лекции: он объявлял тему, а затем увлекался и начинал рассказывать что-то о научных проблемах и их исследователях, лично ему знакомых- на первый взгляд не по теме. Мы не понимали, кто у нас это будет спрашивать и как мы будем это на экзамене рассказывать. Но оценила я эти лекции спустя годы, т.к. поняла – это был глубокий анализ знатоком основных проблем истории Чувашии, чего нельзя было прочитать в учебнике.

Очень запомнилась его лекция о В.И. Чапаеве – о том, как было обнаружено, что он родился в Чебоксарах и здесь учился. Он рассказывал, как жители Будайки пришли в кинотеатр (ныне «Родина»), узнали его в фильме и стали кричать: «Это ж наш Васька!» После этого Иван Данилович пошел в архивы, стали изучаться церковно-приходские книги, и было установлено, что Чапаев действительно здесь родился. Насколько я могу судить по его рассказу, это делал именно он; во всяком случае, первой публикацией об этом была небольшая заметка в газете «Красная Чувашия», автором которой был Иван Данилович. Потом он рассказывал, как ездил по селам и искал, но не сам дом Чапаева, а сруб, который был продан. Это было так интересно, а где мы тогда вообще могли об этом услышать? [3, с. 95].

Интересно было и его личностное отношение к ученым – своим коллегам. Говоря о той или иной проблеме, он не ограничивался сухой историографией: начинал с того, что «фамилии называть не буду», но такой-то считает так-то – «это не так, он ничего не знает, он не работал в архивах». Особо непримиримо он был настроен по отношению к татарским ученым по вопросу о булгарском наследии.

Меня поразила его фраза об одной послевоенной сессии, посвященной тому, какое отношение к Волжской Болгарии имеют чувашский и татарский народы: он провел критический анализ выступлений татарских ученых и сказал, что они «выплеснули из ванны грязную воду вместе с ребенком». Он считал, что именно чувашский народ является наследником Волжской Булгарии. Всех ученых, о которых говорил, он знал лично, и оценки его были очень глубокими, но субъективными.

Мы сидели, открыв рты, и слушали эти рассказы, не записывая. Мы не понимали, что это может представлять историческую ценность спустя годы, что с нами делится знаниями один из ведущих специалистов. Мы недооценивали его. Со студентами он тоже был неласков: очень строг, жестко выговаривал тем, кто опоздал или не знал материал.

Свобода от правил и память о репрессии. Меня поражало еще его очень независимое поведение. Он курил, и достаточно много, папиросы «Беломор». Тогда отношение к курению было гораздо более лояльным, на факультете даже было место, где курили вместе и студенты, и преподаватели. Но он курил во время лекции. Говорил: «Ну, сейчас я закурю», после этого открывал дверь, останавливался на пороге – вроде бы формально он выйдет в коридор, но продолжал курить и рассказывать лекцию. Это подчеркивало, что он был достаточно свободен от правил и этикета, считал себя выше этого.

Мы знали, что он был репрессирован, что сидел в ГУЛАГе и, говорят, даже работал там в каком-то статистическом управлении. Сам он об этом нам никогда не рассказывал. В 1970-е гг. шла, я бы сказала, ползучая реабилитация Сталина, не было ни осуждения, ни одобрения этих репрессий, но об этом принято было говорить шепотом. Но именно это пробуждало в нас интерес к нему, и мы прекрасно понимали, что он был репрессирован не по делу, не за что-то реальное, а потому, что придерживался не тех взглядов, которых придерживались некоторые государственные деятели Чувашии. Спрашивать об этом было невозможно. Мы прощали ему эту «непричесанность», понимая, что он сидел в лагерях и там научился этим не очень этикетным манерам.

При этом он был достаточно патриотичен: ничего против страны, ничего диссидентского из его уст не звучало. Было ощущение, что он считал себя одним из лучших ученых Чувашии. На ученом совете между профессорами – а тогда одновременно работали

Василий Филиппович Каховский, Петр Владимирович Денисов и Василий Димитриевич Димитриев – часто вспыхивали споры, и в любой из них, даже если он не имел к нему отношения, Иван Данилович предпочитал вмешиваться. Своим жестким, прокуренным голосом он как бы ставил точку.

Оценка наследия и личности. Насколько я могу судить, самой значимой его книгой является книга по истории чувашского крестьянства, и он считается одним из основоположников аграрной школы. Но он писал и другие статьи, откликался на разные темы – недаром его считают и писателем, и журналистом: он часто публиковался в газетах и сборниках конференций. Он окончил Институт красной профессуры и был одним из первых ученых, происходивших из низов общества, кто получил марксистское образование. В связи с этим он считал себя специалистом во всех вопросах, не боялся никакого ответа и был достаточно эрудированным человеком. По любому поводу у него было собственное мнение. Я думаю, это человек, без которого сложно представить историю чувашской науки, ее становление в советский период.

В 1990-е гг. появлялось немало статей, несправедливо очерняющих его: Кузнецова обвиняли в том, что он «мимикрировал», что после выхода из ГУЛАГа критиковал Сталина, что во время процесса вел себя не так. Я считаю немыслимыми такие обвинения в отношении людей, которые столько пережили. Мы сейчас знаем, что были разные методы воздействия на людей во время допросов. А то, что он не сломался, продолжал работать и оставался ученым широкого профиля, говорит о нем как о человеке с железным стержнем. Вот это точно – железный стержень у него был. В памяти остались его голос, немного скрипучий, немного сгорбленная фигура и – орлиный взгляд. И манера говорить: он не обращался «уважаемый такой-то», а говорил прямо: «да-да-да, это надо сделать, а вы здесь неправы». Никому не боялся сказать то, что думает. Такие люди, наверное, нужны, особенно в науке.

Заключение. Важное значение имеет то, что Кузнецов подготовил достойных учеников, – можно даже говорить о научной школе, которую он заложил в нашем университете. Именно он открыл аспирантуру на кафедре. За это ему большое спасибо, и мы должны его помнить.

Что касается наших личных отношений, тесного общения между нами не было, и я даже не помню, как сдавала ему экзамен.

Если не помню – значит, хорошо сдала: я была отличница. Напрямую мы с ним практически не разговаривали, и его роль в моем становлении я уже обозначила: после той конференции я стала внимательнее относиться к подготовке докладов. Слушать его лекции было очень интересно, но специализировалась я на другой кафедре и поэтому о его методике как научного руководителя не знаю.

Дополнить образ мне помогают рассказы Иды Ивановны Демидовой, его родственницы, – она относилась к нему очень тепло, хотя и с некоторой опаской, и рассказывала, что человек он был непростой [2, с. 132–133]. Помню, как после его смерти мы вместе с Идой Ивановной ходили к его родственникам, жившим в юго-западном районе, чтобы выразить соболезнования, и она старалась их не оставлять. Помню ту квартиру, немного «запущенную». Это все, что я могу рассказать. Более точные свидетельства должны дать те, кто специализировался на его кафедре, – но, к сожалению, из моего поколения таких почти не осталось.

От души благодарю организаторов конференции за то, что память об Иване Даниловиче сохраняется.

Список литературы

1. 55 лет в ногу со временем: к юбилею ЧГУ имени И.Н. Ульянова. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2022. – 495 с.

2. Демидова, И. И. Немеркнущие имена: воспоминания об ученых-историках ЧГУ им. И.Н. Ульянова / И. И. Демидова // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения) : сб. статей (Чебоксары, 15–16 октября 2014 г.). – Чебоксары : Интерактив плюс, 2014. – С. 129–139.

3. Устная история: изучение важнейших событий отечественной истории 1940–1990-х гг. по свидетельствам очевидцев : учеб. пособие / сост. Т. Н. Иванова, Н. Н. Агеева ; отв. ред. О. Н. Широков, О. Г. Вязова ; Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары : Среда, 2022. – 196 с.

Карпов Алексей Валентинович
канд. ист. наук, доцент
Плотникова Елена Владимировна
старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ И НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ И.Д. КУЗНЕЦОВА (ПО ДАННЫМ НАУКОМЕТРИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РИНЦ 2026 г.)

Аннотация: *работа посвящена исследованию жизненного пути и научного наследия доктора исторических наук, профессора Ивана Даниловича Кузнецова (1906–1991) со стороны современных российских авторов. Статья базируется на эмпирических данных, представленных в российском индексе научного цитирования (РИНЦ) по состоянию на осень 2026 г.*

Ключевые слова: *Кузнецов, доктор исторических наук, профессор, Российский индекс научного цитирования, наукометрия.*

В 2005 г. запущена в эксплуатацию национальная библиометрическая базы данных в виде Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Ее главное предназначение – учет и анализ научных публикаций и их цитируемости. Несмотря на то, что данная платформа функционирует чуть более двух десятилетий, за это время сформировалась довольно весомая база научных публикаций российских авторов, включающая в себя миллионы наименований по самой различной тематике. К настоящему времени алгоритмы и возможности этой системы позволяют учитывать актуальные научные запросы современных отечественных исследователей, включая ряд сведений за более ранний хронологический период, еще до запуска РИНЦ, созданной на базе платформе научной электронной библиотеки elibrary.ru.

Учитывая эти возможности, нами была предпринята попытка проанализировать сведения базы данных РИНЦ об уровне популярности со стороны современных российских авторов личности и научных трудов доктора исторических наук, профессора Ивана Даниловича Кузнецова (1906–1991). Цель исследования – оценить степень актуальности изучения жизненного пути, научного

наследия И.Д. Кузнецова и его персонального вклада в развитие как отечественной исторической науки в целом, так и истории Чувашии и чувашского народа, в частности.

После внесения в поисковый запрос РИНЦ фамилии, имени и отчества чувашского ученого («Кузнецов Иван Данилович») из выданных 81798824 записей, представленных в базе данных, система выдала 11 прямых упоминаний о публикациях, связанных с указанными персональными данными. После их изучения было установлено, что прямо или косвенно относятся к исследованию жизни и творчества нашего автора 10 из них [10]. Вследствие чего одна публикация, как не относящаяся к объекту исследования, была выбракована из отобранного массива данных.

По сведениям, представленным на сформулированный запрос по личности И.Д. Кузнецова, в базе данных РИНЦ среди современных исследователей, посвятивших свои работы изучению жизненного пути и научного наследия числятся 7 авторов: Ю.А. Богомазова, В.А. Васильев, А.В. Карпов, П.Н. Матюшин, С.Ю. Михайлова, Г.А. Николаев, В.И. Соколова [1–9, 11]. При этом у одного из них, П.Н. Матюшина, 4 публикации. У остальных авторов – по одной публикации, включая совместную статью А.В. Карпова и С.Ю. Михайловой. Хронологически они включают в себя работы, изданные в 1996, 2005, 2006, 2008, 2015, 2017, 2019, 2024 гг.

Из состава сделанной алгоритмами РИНЦ выборки, две публикации – это авторефераты диссертаций на соискание степени кандидата исторических наук, посвященные исследованию жизненного пути и деятельности И.Д. Кузнецова не только как ученого, педагога и общественного деятеля, но и как человека, пережившего репрессии 1930–1940-х гг. Три публикации вошли в состав статей, опубликованных на страницах научных журналов, входящих в перечень ВАК («Исторический поиск», «Вестник Чувашского университета»). Пять публикаций представлены на страницах сборников статей. При этом особняком стоит упоминание о специализированном сборнике статей, изданной по итогам работы научно-практической конференции историков 2006 г., прошедшего в Чебоксарах 15–16 июня 2006 г., подготовленного специально в ознаменование 100-летия со дня рождения И.Д. Кузнецова.

По уровню цитирования в выборке содержатся данные по 10 ссылкам на сами работы современных авторов. При этом, больше всего цитирований на труды П.Н. Матюшина (8 упоминаний, включая 3 по автореферату диссертации). У статей Г.А. Николаева и В.А. Васильева еще по одному цитированию. По

остальным публикациям, включая полноценный сборник статей, посвященный столетию И.Д. Кузнецова, в представленной выборке сведения о фактах цитирования не имелись.

РИНЦ также позволяет провести авторский анализ самих цитирований. Он показал, что больше всего ссылок на работы В.А. Васильева, П.Н. Матюшина, Г.А. Николаева сделаны исследователями из Чувашского института гуманитарных наук в лице Н.Б. Смирновой (4 позиции) и Ю.В. Гусарова (1 позиция). Есть также одна ссылка на автореферат П.Н. Матюшина в совместной статье С.В. Васильева и Д.Б. Фартусова, посвященного исследованию репрессий 1920-х – 1930-х гг. и государственной реабилитационной политики в Бурятии. По одному случаю зафиксированы ссылки на работу П.Н. Матюшина 2017 г., сделанные В.А. Васильевым (она носит перекрестный характер) и И.В. Муравьевой.

Таким образом, пик внимания к личности И.Д. Кузнецова и его научному наследию среди современных авторов приходится на начало 2000-х гг. – в преддверии и сразу после празднования столетнего юбилея со дня его рождения.

Вместе с тем, актуальные сведения об оценке личности И.Д. Кузнецова, представленные в системе РИНЦ по состоянию на осень 2026 г., являются неполными. Особенно досадным является тот факт, что сформулированная алгоритмами базы данных исходя из сложившейся по его персональным данным выборки, в российской библиометрической базе данных отсутствуют сведения о материалах работы научной конференции 2006 г., по итогам которой был опубликован сборник научных трудов и статей, объемом более 600 страниц. Значительная часть публикаций этого сборника была прямо посвящена различным сторонам жизни и творчества выдающегося чувашского ученого, внесшего весомый вклад в развитие отечественной и региональной исторической науки. Введение в научный оборот этих данных существенно бы улучшило наукометрические показатели РИНЦ по теме исследования жизненного пути и научного наследия И.Д. Кузнецова.

Список литературы

1. Богомазова, Ю. А. И.Д. Кузнецов – ученый, педагог и общественный деятель : автореф. дис. … канд. ист. наук / Ю. А. Богомазова. – Казань : КГУ, 2008. – 22 с.

2. Васильев, В. А. Становление и развитие исторической науки в Чувашской Республике: профессор И.Д. Кузнецов / В. А. Васильев // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 12–19.

3. И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века : сб. ст. всерос. науч. конф. историков (Чебоксары, 15–16 июня 2006 г.). – Москва : ИНИОН РАН РФ, 2006. – 624 с.

4. Карпов, А. В. Становление научной истории Чебоксарского электроаппаратного завода в первой половине 1970-х годов / А. В. Карпов, С. Ю. Михайлова // Исторический поиск. – 2024. – Т. 5, № 2. – С. 114–122.

5. Матюшин, П. Н. И.Д. Кузнецов в лагерях Гулага и на поселении Севера (сентябрь 1941 года – ноябрь 1945 года – январь 1956 года) / П. Н. Матюшин // Вестник Чувашского университета. – 2008. – № 4. – С. 71–77.

6. Матюшин, П. Н. Репрессии 1930-х гг. и политическая реабилитация 1950-х – начала 1960-х гг.: исторический опыт и уроки (на материалах доктора исторических наук, профессора И.Д. Кузнецова) : автореф. дис. … канд. ист. наук / П. Н. Матюшин. – Чебоксары : ЧГУ, 2008. – 19 с.

7. Матюшин, П. Н. Трагизм и величие региональной истории в СССР (на примере судьбы профессора Ивана Даниловича Кузнецова) / П. Н. Матюшин // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (VI Арсентьевские чтения) : сб. ст. – Чебоксары : Интерактив плюс, 2015. – С. 166–171.

8. Матюшин, П. Н. Университетское образование в контексте советской государственной политики 1930-х гг. (штрихи к портрету профессора И.Д. Кузнецова) / П. Н. Матюшин // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова) : сб. ст. – Чебоксары : Среда, 2017. – С. 38–43.

9. Николаев, Г. А. Профессор Иван Данилович Кузнецов и его воспоминания «Как это было» / Г. А. Николаев // Из истории аграрных отношений Чувашии и Среднего Поволжья в XIX-XX веках : сб. ст. к 90-летию со дня рождения Ивана Даниловича Кузнецова. – Чебоксары : ЧГИГН, 1996. – С. 3–13.

10. Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). – URL: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.

11. Соколова, В. И. Национальный вопрос в научном наследии И.Д. Кузнецова: по материалам научной конференции, посвященной 100-летнему юбилею ученого / В. И. Соколова // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова) : сб. ст. – Чебоксары : Среда, 2017. – С. 186–191.

Карпова Ольга Владимировна
старший преподаватель
Муравьева Ирина Владимировна
канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ С УЧАСТИЕМ И.Д. КУЗНЕЦОВА 1930–1980-х гг. И ИХ ВКЛАД В ИЗУЧЕНИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ

Аннотация: *исследование материальной и духовной культуры малых народов России в XX в., особенно после революционных событий 1917 г., – это одно из ведущих направлений советской исторической науки. Одним из эффективных инструментов такой работы следует признать результаты территориально-региональных историко-этнографических обследований различных уровней. Большой вклад в деле изучения материальной и духовной культуры сельского населения Чувашии в советский период, в том числе путем проведения историко-этнографических обследований, внес доктор исторических наук, профессор Иван Данилович Кузнецов. Полученные в ходе таких многолетних исследований данные позволяют проследить основные изменения, происходившие в массовом сознании и благосостояния сельского населения региона на фоне грандиозных социально-экономических и общественно-политических преобразований советской эпохи.*

Ключевые слова: *Кузнецов, историко-этнографические обследования, советский период, Чувашия, сельское население.*

11 июня 2026 г. исполнилось 120 лет уроженцу деревни Полевые Буртасы Яльчикского района Чувашской АССР (ныне – Яльчикского муниципального округа Чувашской Республики), доктору исторических наук, профессору, члену Союза писателей СССР Ивану Даниловичу Кузнецову. И.Д. Кузнецов – ученый и педагог непростой исторической судьбы, переживший репрессии 1930–1940-х гг. Несмотря на это, после своей политической реабилитации он не просто смог восстановиться в научно-литературном

сообществе, но и внести весомый вклад в деле изучения истории родного края и чувашского народа.

Одна из центральных тем научных изысканий И.Д. Кузнецова – изучение изменений материальной и духовной культуры сельского населения Чувашии в советский период. К моменту образования в июне 1920 г. Чувашской автономии, в научном плане, это был один из отсталых регионов [2, с. 12–13; 11, с. 121]. В силу объективной «слабости» собственного научно-кадрового потенциала Чувашии, до 1930-х гг. более-менее масштабные историко-этнографические обследования среди жителей региона велись под руководством ведущих ученых, командированных из Москвы, Ленинграда и Казани [2, с. 12–13; 10, с. 41].

К началу 1930-х гг. в Чувашии предпринимаются первые попытки организации и проведения собственных историко-этнографических обследований. Инициатором и одним из руководителей большого экспедиционного этносоциологического исследования по изучению социально-культурного и бытового состоянии деревни, прошедшего на территории Чувашской АССР в течение 16 ноября – 20 декабря 1933 г., стал И.Д. Кузнецов, выпускник Института красной профессуры 1931 г., бывший в то время заведующим отделом культуры и пропаганды Чувашского обкома ВКП (б). В рамках этого исследования по специальной программе была обследована 21 деревня из 18 районов Чувашии. В общей сложности, по разным подсчетам, обследование затронуло от 23032 до 23 755 человек и свыше 4,5 тысяч домохозяйств [3, с. 41; 10, с. 5]. Предварительное обобщение материалов экспедиции 1933 г., характеризующее изменения в состоянии материального благосостояния и культурного уровня крестьянства Чувашии в течение полутора десятилетия со дня установления советской власти в стране, нашло свое отражение в целом ряде научных публикаций, подготовленных И.Д. Кузнецовым (включая совместные с другими авторами) как на русском, так и чувашском языках [5; 10]. Более досконально переосмыслить и оценить научно-теоретические и эмпирико-концептуальные результаты историко-этнографического обследования 1933 г. И.Д. Кузнецову удалось только через несколько десятилетий [4, 9].

Анализ содержания научных публикаций, подготовленных по итогам экспедиции 1933 г., позволяет говорить о том, что организационный, научно-теоретический и эмпирический уровни их проведения были достаточно высокими для того времени. Так, для организации экспедиции в Чувашии была образована особая

республиканская правительственная комиссия, в состав которой входил и И.Д. Кузнецов. Само исследование проводилось по трем детально разработанным маршрутам на основе специальной созданной анкеты. А для сбора информации в качестве работников по подворно-анкетному обследованию (регистраторов) привлекались, как выражались в то время, представители «местного учительства и культурные силы» (врачи, учащиеся последних курсов школ рабочей молодежи и техникумов и др.) [10, с. 4]. Кроме этого, в составе каждого маршрута дополнительно работали по 2–3 писателя, по 2–3 художника, композиторы, по одному инструктору по учету и статистике, по одному агроному, кинопередвижка, кинооператор (на одном из маршрутов), передвижная типография и др. При этом, все участники экспедиции работали по единой программе исследования, выполняя конкретные задания начальников экспедиции [10, с. 5]. Таким образом, эмпирические материалы, полученные в ходе историко-этнографического обследования на территории Чувашии 1933 г., проведенные при активном участии И.Д. Кузнецова и по сей день являются ценным источником при изучении материальной и духовной культуры сельского населения Чувашии в первые десятилетия с момента установления советской власти.

К сожалению, дальнейшие научные изыскания по заявленной проблематике с участием И.Д. Кузнецова были прерваны в связи с тем, что в ноябре 1937 г. он был репрессирован по ложным обвинениям в национализме и антипартийных делах. Новые историко-этнографические обследования сельского населения Чувашии, подобные по своей масштабности экспедиции 1933 г., были проведены под руководством и непосредственным участием И.Д. Кузнецова лишь после его политической реабилитации и возвращения в Чувашию в 1955 г.

Следует подчеркнуть, что такого рода исследования стали носить более планомерный и систематизированный характер. С интервалом в 10 лет, на территории Чувашии прошли историко-этнографические обследования в 1960, 1970, 1980 гг. Главная отличительная особенность этих экспедиций состоит в том, что они практически проходили в одних и тех же населенных пунктах, что и в 1933 г., на базе единой анкеты подворного обследования с внесением в нее некоторых изменений и дополнений. По итогам каждого такого исследования было подготовлено и издано ряд научных работ. Результаты анализа эмпирического материала были опубликованы как в научных трудах, подготовленных под эгидой научно-

исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР [7, 8], так и на страницах республиканской периодической печати [6]. Несмотря на это, по данным В.П. Иванова, систематизированные и обобщенные материалы всех четырех экспедиций в виде единой работы до сих пор не опубликованы [1, с. 78]. Огромный массив первичных полевых материалов и анкет историко-этнографических обследований 1960–1980-х гг. по-прежнему продолжает храниться в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Таким образом, эмпирические материалы историко-этнографических обследований 1930–1980-х гг. с участием и под руководством И.Д. Кузнецова внесли значительный вклад в деле изучения материальной и духовной культуры сельского населения Чувашии. Благодаря им нам предоставлена уникальная возможность детально реконструировать в течение нескольких десятилетий процесс количественно-качественных изменений, происходивших в материальном благосостоянии и массовом сознании сельских жителей Чувашии в условиях трансформации традиционного общества в индустриальное.

Список литературы

1. Иванов, В. П. Страницы истории этносоциологический исследований в Чувашии / В. П. Иванов // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 77–84.

2. Изоркин, А. В. Центр гуманитарных наук Чувашии / А. В. Изоркин, А. Е. Горшков. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1980. – 136 с.

3. Кудряшов, Г. Е. Динамика полисинкретической религиозности: опыт историко-этнографического и конкретно-социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания религиозных пережитков чувашей / Г. Е. Кудряшов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1974. – 355 с.

4. Кузнецов, И. Д. Вопросы быта колхозной деревни. От лучины до лампочки Ильича / Очерки по истории и историографии Чувашии / И. Д. Кузнецов. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1960. – С. 282–302.

5. Кузнецов, И. Д. Колхозниксен культурлăхĕ хăпарать: колхозниксен килçуртĕнчи çинчен: культура экспедици материалĕсем тăрăх çырнă очерксем / И. Д. Кузнецов. – Шупашкар : Чăв. патш. изд-ви, 1934. – 36 с.

6. Кузнецов, И. Д. Культура возрожденного народа / И. Д. Кузнецов // Советская Чувашия. – 1970. – 30 января. – 1970. – С. 3.

7. Изменение материальной культуры сельского населения Чувашии (По материалам экспедиций 1933, 1960, 1970, 1980 гг.) / И. Д. Кузнецов, Л. А. Иванов, П. А. Сидоров, П. П. Фокин // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. – Чебоксары : ЧНИИ, 1986. – С. 45–93.

8. Кузнецов, И. Д. Чувашия на путях коммунистической цивилизации / И. Д. Кузнецов, И. А. Маркелов, М. Я. Сироткин. – Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1965. – 35 с.

9. Кузнецов, И. Д. Первая комплексная экспедиция по изучению сельского населения Советской Чувашии / И. Д. Кузнецов, П. П. Фокин // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. – Чебоксары : ЧНИИ, 1982. – С. 26–48.

10. Кутяшов, С. С. Чувашская колхозная деревня на пути культурного подъема: очерки по материалам культурной экспедиции 1933 года / С. С. Кутяшов, И. Д. Кузнецов. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1934. – 64 с.

11. Минеева, Е. К. Новые явления в системе образования Чувашии в первые годы советской власти / Е. К. Минеева // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения : сборник трудов Всероссийской научной конференции. – Чебоксары : Среда, 2019. – С. 121–123.

Касимов Евгений Витальевич
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В ГОДЫ РУКОВОДСТВА И.Д. КУЗНЕЦОВА (1963–1968 гг.)

Аннотация: *в статье освещены различные стороны деятельности Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук) в период, когда им руководил Иван Данилович Кузнецов (1963–1968 гг.). В качестве источниковой базы использованы материалы Государственного исторического архива Чувашской Республики и Научного архива Чувашского института гуманитарных наук.*

Ключевые слова: *И.Д. Кузнецов, Чувашский государственный институт гуманитарных наук.*

Биография Ивана Даниловича Кузнецова неразрывно связана с историей Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (далее – НИИЯЛИЭ) – старейшего научного центра Чувашской Республики (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук). И.Д. Кузнецов работал здесь старшим научным сотрудником еще в 1930-е гг., вернулся в институт в августе 1958 г., а затем, в течение пяти лет, с августа 1963 г. по август 1968 г., стоял

во главе учреждения. В настоящей статье прослеживаются основные аспекты деятельности научно-исследовательского института в указанный период времени. Поскольку большую часть 1963 г. во главе института стояли М.А. Андреев и В.Д. Димитриев (и.о. директора с 6 марта по 20 августа), а часть 1968 г. приходится на период руководства В.Д. Димитриева, то основные сведения о деятельности учреждения приводятся за 1964–1967 гг.

И.Д. Кузнецову пришлось работать в непростых условиях. В первой половине 1960-х гг. НИИЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР был небольшим учреждением, существенно уступавшим по своим возможностям многим другим подобным институтам в национальных республиках РСФСР. Так, в 1965 г. директор института И.Д. Кузнецовым и ученый секретарь В.Д. Димитриев отмечали, что «для нормальной разработки проблем истории, языка и истории народа (без экономики) требуется 100–110 человек», поскольку именно таким штатом располагали институты языка, литературы и истории Академии наук СССР в Татарской, Башкирской, Дагестанской, Карельской, Якутской, Бурятской, Коми АССР [10, л. 41]. Коллектив же НИИЯЛИЭ с ноября 1963 г. состоял всего из 19 работников: директор, зам. директора по научной части – ученый секретарь, 8 старших и 5 младших научных сотрудников, зав. библиотекой, зав. научным архивом, бухгалтер и уборщица. В институте не имелось ни завхоза, ни машинисток. Не было ни одного научного сотрудника по искусствоведению, этнографии, экономики промышленности [2, л. 575]. В этой связи руководство НИИЯЛИЭ в первой половине – середине 1960-х гг. неоднократно обращалось в вышестоящие органы с просьбой увеличить штат института, но долгое время безрезультатно, несмотря на поддержку в этом вопросе Совета Министров Чувашской АССР. Лишь в октябре 1966 г. штат института был увеличен на 10 человек с увеличением бюджета на 30 тыс. руб. В течение ноября-декабря все дополнительные штатные единицы были заполнены [2, л. 575; 6, л. 332; 10, л. 41; 11, с. 24]. Таким образом, в конце 1960-х гг. под руководством И.Д. Кузнецова работали уже 29 человек, в том числе 19 старших и 4 младших научных сотрудников.

Из-за малочисленности штатных единиц в научно-исследовательской работе института участвовало значительное число внештатных сотрудников. Однако их привлечение ограничивалось недостатком финансовых средств (хотя в 1963 г., к примеру, с разрешения Министерства финансов институт использовал на данные нужды более 9 тыс. руб. вместо запланированных 7 тыс. руб.) [2, с. 576].

Далек от идеального был и профессиональный уровень работников института. В 1964 г. из 15 научных сотрудников, включая директора и ученого секретаря, 7 человек имели степень кандидата наук, из них 4 кандидата филологических наук (И.А. Андреев, Н.С. Павлов, Н.П. Петров, Г.Я. Хлебников), 2 кандидата исторических наук (В.Д. Димитриев и И.Д. Кузнецов) и 1 кандидат экономических наук (Г.С. Клочко) [4, л. 15–15 об.]. Первый доктор наук в институте появился лишь в 1967 г., им стал сам И.Д. Кузнецов, которому была присуждена степень доктора исторических наук за монографию «Крестьянство Чувашии в период капитализма», изданную в 1963 г. С целью повышения квалификации научных сотрудников дирекция института в последнем квартале 1963 г. организовала семинар по методике научно-исследовательской работы. Занятия в рамках семинара продолжились и в следующем году. Также аналогичный семинар был проведен в 1967 г. [2, л. 582–583; 3, л. 516; 7, л. 502].

Остро стояла проблема выполнения плановых заданий работниками института. Например, в 1964 г. из 23 трех тем, предусмотренных тематическим планом, не были выполнены 12 тем, или 52,2% [3, л. 519]. Ежегодно штатная нагрузка не выполнялась старшим научным сотрудником сектора экономики, кандидатом экономических наук Г.С. Клочко, работавшим в институте с марта 1962 г. В соответствующей справке от 11 апреля 1964 г. отмечалось, что «за 2 года и 3 недели работы в Институте в качестве старшего научного сотрудника Клочко Г.С. не опубликовал ни одной строки, очень мало участвовал в научно-практической работе» [9, л. 179]. В результате экономист в июле 1966 г. был признан Ученым Советом института не соответствующим занимаемой должности и освобожден от работы, уйдя с задолженностью в 15,526 а.л. (при ежегодной норме в 6,0 а.л.). Бывший руководитель сектора литературы Г.Я. Хлебников ушел из института в сентябре 1965 г. с задолженностью в 4,75 а.л. [5, л. 485; 6, л. 341].

Трудности в работу учреждения привносили и организационные изменения в его структуре. Если в 1956–1963 гг. в институте стабильно функционировали четыре сектора – истории, языка, экономики, литературы и искусства. Последующие же пять лет ознаменовались трансформацией структуры института: в 1964 г. из сектора истории выделился сектор культуры, быта и атеизма, а в конце 1966 г. вместо него были созданы сектор искусства и сектор этнографии и социологии [6, л. 340; 8, л. 88, 90–91]. Определенные сложности в работе возникли и в связи с переездом НИИЯЛИЭ с ул. Чернышевского на ул. К. Маркса, в бывшее здание Совнархоза.

Часть книжного фонда осталась в подвале старого здания института, поскольку в новом помещении для размещения библиотеки была предоставлена лишь одна комната [2, л. 590–591; 11, с. 23].

Плюс появилось новое направление деятельности – с 1963 г. НИИЯЛИЭ стал осуществлять в Чувашской АССР координацию научных исследований по гуманитарным наукам (экономика и история Чувашской АССР, чувашское языкознание, литературоведение и искусствоведение), причем на него возлагалась определенная ответственность за своевременный выпуск научных трудов и их качество. Дирекция и руководители секторов провели значительную работу по составлению координационного плана научно-исследовательской работы, который в декабре 1963 г. был утвержден Советом Министров Чувашской АССР. В дальнейшем были разработаны координационные планы на 1966–1967 гг. и 1968–1970 гг. Их выполнение систематически контролировалось посредством заслушивания и обсуждения на заседаниях Ученого Совета института отчетов координируемых кафедр и руководителей авторских коллективов [2, л. 585; 7, л. 503].

Что касается непосредственной деятельности института, то в период руководства И.Д. Кузнецова были изданы такие знаковые для гуманитарной науки труды, как «История Чувашской АССР» (в 2 т., 1966–1967), «Наши земляки – Герои Советского Союза» (два издания, 1964 и 1968), «Очерки дореволюционной чувашской литературы» М.Я. Сироткина (2-е изд., 1967), очерки Н.А. Андреева «Чăваш чĕлхин стилистики» (Стилистика чувашского языка) (вып. 2–3, 1964–1966), «Этимологический словарь чувашского языка» В.Г. Егорова (1964), «Диалектологический словарь чувашского языка» Л.П. Сергеева (1968) и др. За шесть лет (1964–1969 гг.) увидели свет 18 выпусков «Ученых записок» института (Вып. 25–42), многие из которых носили тематический характер; были изданы сборники статей «Вопросы чувашского языка и литературы» (1965), «Классик чувашской поэзии» (1966), «Чувашия за 50 Советских лет» (1970). Кроме того, велась работа над вторым томом этнографического исследования «Чуваши» (издан в 1970 г.), монографиями «Очерки истории Чувашской областной организации КПСС» (1974 г.), «Очерки по истории крестьянства» И.Д. Кузнецова (т. 2, 1969), «Материалы по чувашской диалектологии» (вып. 3–4, 1969–1971), словарями «Чăваш чĕлхин орфографи словарĕ» (Краткий орфографический словарь чувашского языка) (1969), «Русско-чувашский словарь» (1971) и др [1, с. 22–35] В то же время нельзя не отметить ряд фундаментальных трудов, над которыми в

середине – второй половине 1960-х гг. велась продолжительная работа, но которые так и не увидели свет: «Чувашский краеведческий словарь», «История чувашской литературы», «Современная чувашская литература», «Материалы по грамматике современного чувашского языка» (ч. 2).

В рассматриваемый период времени были проведены научные конференции по экономике – «Вопросы развития сельского хозяйства и производственных отношений в деревне в период развернутого строительства коммунизма» (июнь 1964 г.), «Вопросы использования трудовых ресурсов Чувашской АССР» (июнь 1967 г.), «Порайонные особенности воспроизводства населения» (1968 г.). Состоялись научные сессии, посвященные 85-летию со дня рождения профессора В.Г. Егорова (февраль 1965 г.), 75-летию со дня рождения и 50-летию со дня смерти классика чувашской литературы К.В. Иванова (май 1965 г.), 45-летию Чувашской АССР (июнь 1965 г.), 80-летию со дня рождения В.И. Чапаева (февраль 1967 г.), 50-летию ВЛКСМ, 50-летию чувашского театра, 100-летию Симбирской чувашской учительской школы (все в 1968 г.). В 1967 г. совместно с горкомами и райкомами КПСС в разных городах республики были проведены 9 научных сессий, посвященных «50-летию Великой Октябрьской социалистической революции», на которых с докладами выступал сам И.Д. Кузнецов. Ежегодно проводились научные сессии по итогам исследовательских работ института за год.

При институте действовала научная библиотека. Ежегодно она пополнялась сотнями книг, в том числе за счет покупки личных библиотек у наследников известных деятелей науки. Так, в 1966 г. были приобретены библиотеки краеведа М.П. Петрова (422 книги) и казанского историка, профессора С.И. Порфирьева (1729 книг) [6, л. 353]. Кроме того, институтом в середине 1960-х гг. выписывалось 8 газет и свыше 30 журналов [6, л. 354; 7, л. 508–509]. Сотни фотографий и десятки тысяч листов архивных документов пополнили научный архив института, в том числе в 1966–1967 гг. на хранение поступили рукописные фонды историка П.Г. Григорьева, бывшего комсомольского работника И.Ф. Филиппова, композитора Г.Г. Лискова [5, л. 492; 6, л. 354].

Таким образом, 1963–1968 гг., несмотря на все трудности, – это время поступательного развития НИИЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР, когда совершенствовалась организационная структура, повышался профессиональный уровень сотрудников института, велись многочисленные научные исследования по самым разным темам, издавались новые труды (монографии, сборники статей, сборники документов), проводились археологические

экспедиции, научные конференции и сессии, расширялись фонды научного архива и библиотеки.

Список литературы

1. Библиографический указатель трудов Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (1930–1979 гг.) / сост.: А. А. Алексеев, В. А. Алексеев, Ю. Ф. Ефимов [и др.]. – Чебоксары, 1980. – 180 с.
2. ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 12. Д. 88.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 12. Д. 99.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 12. Д. 105.
5. ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 12. Д. 110.
6. ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 12. Д. 122.
7. ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 12. Д. 134.
8. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 1064.
9. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 1065.
10. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1874.
11. Чувашский государственный институт гуманитарных наук. 1930–2000. – Чебоксары : ЧГИГН, 2000. – 228 с.

Мерлушкина Юлия Александровна
канд. ист. наук, преподаватель
ОГБПОУ «Ульяновский колледж культуры и искусства»
г. Ульяновск, Ульяновская область

ИВАН ДАНИЛОВИЧ КУЗНЕЦОВ: СУДЬБА КАК ЛЕТОПИСЬ НАРОДА

Аннотация: *статья посвящена анализу жизненного пути и научного наследия выдающегося чувашского историка И.Д. Кузнецова. Автор рассматривает творческий путь ученого не только как совокупность академических достижений, но и как отражение драматических трансформаций общества в XX веке. В работе раскрываются ключевые направления исследований И.Д. Кузнецова: от изучения этногенеза и социально-экономической структуры крестьянства до анализа процессов коллективизации и полевой этнографии.*

Ключевые слова: *Кузнецов, история Чувашии, этногенез, чувашское крестьянство, репрессии, историография, социально-экономическое развитие.*

История – это не только даты в учебниках и строгие архивные документы. Это прежде всего люди, чьи жизни становятся зеркалом эпохи. В истории Чувашии фигура Ивана Даниловича Кузнецова занимает особое место. Его путь – это драма человека, который

прошел через все испытания «жестокого века», но не утратил главного: верности своему призванию и любви к родному краю. Ему удавалось гармонично сочетать глубочайшие знания и научные интересы по истории, этнографии, экономике, филологии и социологии. Он заслужил право быть причисленным к любой из этих специальностей, однако, прежде всего, он был историком в полном смысле этого слова, оставаясь при этом истинным энциклопедистом.

Иван Данилович был типичным представителем поколения, которому советская власть дала путевку в жизнь. Выходец из бедной крестьянской семьи, он получил высшее образование в годы, когда просвещение стало государственной миссией. Для него учеба не была формальностью – это был шанс вырваться из нищеты и стать тем, кто поможет своему народу обрести голос.

Иван Данилович Кузнецов родился 11 июня 1906 года в крестьянской семье в д. Полевые Буртасы (ныне Яльчикский район Чувашии). Раннее сиротство и тяжелый труд в батрачестве не сломили его стремления к знаниям: последовательно пройдя обучение в церковно-приходской школе, Яльчикском двухклассном училище и трудовой школе II ступени, он заложил основу своего будущего образования [4, с. 94–95].

Революционная эпоха стала определяющим фактором в судьбе Кузнецова. В 14 лет он вступил в комсомол, а в 18 лет – в ряды ВКП(б), став активным участником строительства новой жизни [2]. Его организаторский талант ярко раскрылся в годы учебы на Чувашском рабфаке (1923–1926): он был одним из основателей газеты «Молодой крестьянин» («Çамрăк хресчен»), работал корреспондентом газеты «Канаш», переводил труды В. И. Ленина на чувашский язык и состоял в Союзе писателей и журналистов.

Профессиональное становление Кузнецова как историка-марксиста завершилось в стенах Института красной профессуры в Москве (1926–1931) [3, с. 42–43]. Под руководством ведущих советских ученых он освоил методологию исторических исследований, совмещая учебу с преподаванием в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова и других высших партийных школах. Вернувшись в Чувашию, И.Д. Кузнецов в 1932–1937 годах, будучи заведующим отделом культуры и пропаганды обкома ВКП(б), стал ключевым идеологом и организатором культурных и научных преобразований в республике [1, с. 119].

1930-е годы стали для Кузнецова временем тяжелейших испытаний. Репрессии безжалостно прошлись по его судьбе, бросив в жернова ГУЛАГа. Казалось бы, такая «биография» должна была сломать

человека, лишить его права на профессию и будущее. Но феномен Ивана Даниловича заключается в его невероятной внутренней силе.

В это время в стране начала царить атмосфера поисков «врагов народа», шли аресты нередко безвинных людей. В январе 1937 г. И.Д. Кузнецов попал под подозрение в связях с троцкистами. Основанием для этого послужило то, что он в свое время проходил обучение в ИКП, созданном и руководимом Н.И. Бухариным [5, с. 98]. У ученого отняли партбилет, предъявив обвинение в насаждении «врагов народа» в Педагогическом институте и других учреждениях культуры. Стала складываться гнетущая атмосфера: знакомые, сослуживцы по работе начали его сторониться. 29 ноября 1937 г. последовал арест. Находясь под следствием, И.Д. Кузнецов прошел многочисленные унижения и издевательства и, несмотря на это, вел изнурительную борьбу за свое честное имя, отстаивал честь и достоинство известных людей республики, объявленных сталинским режимом «врагами народа». В феврале 1941 г. ему был вынесен обвинительный приговор – восемь лет лишения свободы с поражением в гражданских правах на пять лет. Свой срок И.Д. Кузнецов отбывал в расположенных в Коми АССР лагерях, где он испытал все: голод, холод, побои, издевательства уголовников и лагерного начальства, болезни [6, с. 10].

По окончании срока ссылки продолжал трудиться на предприятиях Коми АССР, получил профессию инженера-экономиста. 8 апреля 1955 г. решением Пленума Верховного Суда СССР он был полностью реабилитирован – за отсутствием состава преступления [5, с. 99].

Лагеря не ожесточили его, а, напротив, закалили. Вернувшись, он не ушел в тень, не стал «маленьким человеком», боящимся собственной тени. Он вернулся в науку с еще большей глубиной понимания того, что такое человеческое достоинство и историческая правда.

После реабилитации И.Д. Кузнецов активно вернулся к научной и административной деятельности. В 1956–1967 гг. он возглавлял Чувашское книжное издательство, являлся заведующим сектора истории НИИ языка, литературы, искусства и этнографии (НИИ ЯЛИЭ) при Совете Министров Чувашской АССР [7, с. 63]. Параллельно с административной работой он успешно защитил кандидатскую (1958) и докторскую (1967) диссертации.

Важнейшей вехой в его биографии стало участие в становлении исторического образования в Чувашии. Он понимал: чтобы народ был сильным, он должен знать свою историю. С 1967 по 1973 год Иван Данилович заведовал кафедрой истории СССР, став одним из основателей исторического образования в республике. Он не только выстроил учебный процесс, но и сформировал сильную

научную школу, воспитывая национальную интеллигенцию и закладывая этический фундамент для новых поколений историков. С 1980 г. и до конца своих дней ученый продолжал исследовательскую работу в стенах НИИ ЯЛИЭ [7, с. 63].

Став одним из виднейших исследователей истории крестьянства Поволжья, Иван Данилович не был кабинетным ученым. Являясь автором более 200 научных работ, в том числе 20 книг и брошюр, он писал о том, что пропустил через собственное сердце. Его работы – это не сухая статистика, а живое свидетельство жизни деревни, её радостей и трагедий. Он понимал крестьянский быт, психологию и культуру, потому что сам был частью этого мира.

Исследования И. Д. Кузнецова, посвященные чувашскому крестьянству, стали фундаментом региональной историографии. Ученый вышел за рамки узкого классового анализа, комплексно осветив этногенез, быт, культуру и социально-экономические процессы в крае. Он одним из первых ввел в научный оборот данные о церковном землевладении и эволюции крестьянского хозяйства.

Вклад ученого охватывает широкий спектр тем: от роли рабочей молодежи в индустриализации до глубокого анализа коллективизации, подкрепленного уникальной статистикой. Особое значение имеют его масштабные этнографические экспедиции (1933–1980 гг.), позволившие соединить архивную точность с полевыми наблюдениями. Несмотря на идеологические рамки эпохи, Иван Данилович создал фундаментальную базу, незаменимую для понимания процессов становления чувашской идентичности и модернизации сельского хозяйства в XX веке.

Феномен Ивана Даниловича Кузнецова – это феномен человека, который превратил свою жизнь в летопись народа. Он прошел путь от крестьянского паренька до ученого с большой буквы, выстоял под ударами судьбы и оставил после себя школу, которая продолжает его дело. Его история напоминает нам о том, что даже в самые темные времена можно оставаться верным себе. И пока мы помним имена таких людей, как Иван Данилович Кузнецов, наша история остается живой, честной и наполненной глубоким смыслом.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Личный фонд И.Д. Кузнецова. Рукопись «Как это было». – С. 119.

2. РГУ ГАСИ ЧР. Ф. П-I. Оп. 22. Д. 509 – Личное дело И.Д. Кузнецова. – Л. 27.

3. Денисов, П. В. И.Д. Кузнецов – неутомимый труженик исторической науки / П. В. Денисов // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века : сб. статей Всерос. науч. конф. историков. – Москва : ИНИОН РАН РФ, 2006. – С. 623.

4. Ершова, О. В. Кузнецова в большую науку / О. В. Ершова, И. Д. Путь // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века : сб. статей Всерос. науч. конф. историков. – Москва : ИНИОН РАН РФ, 2006. – С. 623.

5. Надикова, О. А. И.Д. Кузнецов – человек неиссякаемой энергии / О. А. Надикова // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века : сб. статей Всерос. науч. конф. историков. – Москва : ИНИОН РАН РФ, 2006. – С. 623.

6. Николаев, Г. А. Профессор Иван Данилович Кузнецов и его воспоминания «Как это было» / Г. А. Николаев // Из истории аграрных отношений Чувашии и Среднего Поволжья в XIX–XX веках : сб. статей. – Чебоксары, 1996. – С. 77.

7. Тенюшев, И. Я. Трудна дорога к вершинам науки (К 100-летию со дня рождения И.Д. Кузнецова) / И. Я. Тенюшев // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века : сб. статей Всерос. науч. конф. историков. – Москва : ИНИОН РАН РФ, 2006. – С. 623.

Сергеев Тихон Сергеевич
профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ «БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЗАКВАСКИ» (ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОФЕССОРЕ И.Д. КУЗНЕЦОВЕ)

Аннотация: *в статье на основе личных воспоминаний автора освещаются научно-педагогическая и общественная деятельность профессора И.Д. Кузнецова (1906–1991) – выдающегося чувашского историка, репрессированного в 1930–1940-е годы и внесшего значительный вклад в развитие исторической науки и высшего образования Чувашии. Рассматриваются этапы его биографии, работа заведующим кафедрой истории СССР Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова в 1967–1973 гг., участие в организации кафедры, подготовке научных кадров, проведении социологических обследований чувашской деревни, а также создание музея И.Н. Ульянова в университете. Особое внимание уделено личности ученого, его научным принципам, педагогическому стилю и роли в формировании исторической школы Чувашии.*

Ключевые слова: *Кузнецов, история Чувашии, Чувашский государственный университет, высшее образование, историческая*

наука, крестьяноведение, репрессии, музей И, Ульянова, научная школа, воспоминания.

Мне посчастливилось потрудиться под его руководством в течение шести лет, со времени назначения его заведующим кафедрой истории СССР вышеупомянутого вуза Чувашии, открытого в 1967 г. К тому времени я уже два года отработал на кафедре истории ЧГПУ им. И.Я. Яковлева в должности и.о. доцента. Перевод в другой вуз был для меня неожиданностью. Но я был не один такой. Весь историко-филологический факультет с 880 студентами и 30 преподавателями тогда вошёл в структуру нового вуза. В год 50-летия советской власти все жили в ожидании каких-то перемен. Гордились, что Чебоксары стали университетским городом!

Членам небольшой по численности кафедры истории СССР из 8 человек было интересно узнать о новом руководителе, авторе многих монографий по истории крестьянства периода капитализма, человеке с трудной судьбой (был репрессирован и находился в сталинских лагерях 18 лет!). Выпускник Чувашского рабфака, Института красной профессуры, со стажем вузовской работы в Москве, Нижнем Новгороде, Чебоксарах, после реабилитации он работал директором Чувашского книжного издательства (1956–1958 гг.), заведующим сектором истории, директором НИИ ЯЛИЭ (1958–1967 гг.). В период работы заведующим кафедрой в 1967–1973 гг. он показал себя как глубокий учёный, педагог-новатор, весьма активный общественный деятель с «большевистской закваской».

Будучи аспирантом, я знал о его брошюре «Чувашская деревня на пути культурного подъёма», написанной в соавторстве с С.С. Кутяшовым и изданной в 1934 г. Речь шла о результатах проводившейся в 1933 г. в 21 сельском населённом пункте Чувашии культурно-бытовой экспедиции (по-современному – социологическом обследовании). В этом масштабном мероприятии с участием 70 работников искусств была большая заслуга тогдашнего заведующего агитпропотделом Чувашского обкома ВКП(б) Ивана Кузнецова. Собранные социологические материалы показывали преимущества колхозной жизни в материальной и духовной сферах. Забегая вперёд, отметим, что именно в тех же населённых пунктах, расположенных на расстоянии не менее 10 км от городов, по тем же 150 опросным листам проводились повторные подворные обследования в 1960, 1970 и 1980 гг. В последнем обследовании с группой студентов ЧГУ принимал участие автор этих строк. Материалы по с. Ходары Шумерлинского района за 1933 и 1960 гг. использованы

мной в брошюре «Старые и новые Ходары (историко-этнографический очерк)» (Чебоксары, 1965). По этим материалам, которые в полуобработанном виде хранятся в научном архиве ЧГИГН, можно написать не одну кандидатскую диссертацию.

Вернёмся к 1967 г., когда кафедра начала работу в помещении корпуса «Е», нынешнего здания экономического факультета ЧГУ. Историю СССР периода феодализма читал кандидат педагогических наук, доцент Д.М. Макаров, историю СССР XIX – начала XX в. – кандидат исторических наук, и.о. доцента Т.С. Сергеев, историю советского периода – кандидат исторических наук, старший преподаватель Г.А. Варюхин, методику преподавания истории – ассистент К.Н. Сидорова. Историю Чувашии вели доктор исторических наук, профессор И.Д. Кузнецов и кандидат исторических наук В.Л. Кузьмин. Курсы «Основы этнографии» и «Историография истории СССР» читал кандидат исторических наук П.В. Денисов, а «Вспомогательные исторические дисциплины», «Источниковедение истории СССР» и «Методика исторических исследований» – доктор исторических наук, директор НИИЯЛИЭ В.Д. Димитриев (по совместительству занимал половину ставки профессора). Для проведения занятий по архивному и музейному делу приглашались сотрудница Чувашского краеведческого музея А.Г. Зерняева и сотрудник ЦГА ЧАССР В.А. Нестеров. Профессора В.Д. Димитриев и И.Д. Кузнецов руководили аспирантами и соискателями. Последний руководил также теоретическим семинаром кафедры «Роль научно-технической революции в историко-социальном процессе». Соответственно своим научным интересам каждый преподаватель вёл спецкурс или спецсеминар, руководил научным кружком, участвовал с докладом или сообщением на научной конференции по своей тематике, публиковал монографии и учебные пособия. При этом не было какого-либо нажима со стороны заведующего кафедрой. Лекции и практические занятия подопечных он тоже не очень контролировал. Это я сужу по тому, как в годы работы на кафедре истории ЧГПИ заведующий кафедрой истории В.Ф. Каховский неоднократно посещал мои академические занятия, давал критические замечания и полезные советы. Лаборантом работала Г.Г. Щипакина, впоследствии ставшая ассистентом и организатором этнографического музея.

Заметным вкладом кафедры в историю третьего в республике вуза (после педагогического и сельскохозяйственного институтов) явилось открытие в нём музея И.Н. Ульянова. Это произошло при активном участии автора этих строк. Ректор С.Ф. Сайкин как-то

вызвал к себе И.Д. Кузнецова и меня, с тем чтобы поручить нам черновую работу по сбору материалов для будущего музея, подчеркнув при этом, что это партийное поручение, которое надо выполнять как можно быстрее. И.Д. Кузнецов сумел привлечь к заготовке экспозиционных столов учащихся Мариинско-Посадского профтехучилища. А вот задача «начинять» стенды фактическим материалом была возложена на меня. На это «собирательство» ушло 4 года. Из-за этого была отложена и приостановлена запланированная мною на ближайшие годы работа над докторской диссертацией по теме «Культура Чувашии». Музей был открыт 19 октября 1971 г. в дни Всесоюзной научной конференции, посвящённой 140-летию со дня рождения И.Н. Ульянова. Он стал органической частью учебно-воспитательного комплекса вуза, его своеобразной «визитной карточкой». На базе музея, научным консультантом которого в течение трёх десятилетий оставался автор этих строк, работал студенческий научный кружок, из числа студентов готовились экскурсоводы, совершались экскурсии в города Ульяновск и Казань по ульяновским и яковлевским местам, в «День науки» работала подсекция «Ульянововеды». К сожалению, в 2012 г. в связи с открытием Музея истории ЧГУ экспонаты музея И.Н. Ульянова временно сложены в помещении бывшей военной кафедры. Приходится надеяться на поиск нового помещения для него.

Рядовые члены кафедры старались воспринимать положительное у коммуниста старшего поколения. У заведующего был выработан свой режим дня: подъём в 4 часа, научная работа дома, занятия по расписанию в вузе, общественная работа. Он имел привычку записывать свои мысли на четвертинке бумаги А4. Запомнилось, что в слове «доллар» он ставил ударение на последнем слоге. Был прост в обращении со студентами и коллегами, доступен и скромен. Вместе с женой Анной Владимировной они неоднократно бывали у нас дома в гостях, общались с нашими детьми, особенно в течение года, когда из-за трещин в их доме по ул. Ленинградская, д. 2 некоторых жильцов этого четырёхэтажного дома временно разместили в соседнем с нами доме по ул. Анисимова, д. 2. Мы жили в доме №4 на 4-м этаже, напротив временной квартиры Кузнецовых на 2-м этаже. Можно было заметить, что рано утром в их окнах загорался свет, означающий, что профессор уже работает. До занятий со студентами он успевал выполнять половину дневной нагрузки, шёл к студентам как бы «отдыхать» от работы с документами. Работая с таблицами, он пользовался арифмометром, что было тогда

шагом вперёд (я уже не говорю о компьютерах, которыми мы пользуемся сейчас).

В августе 1970 г. мы втроём (профессора И.Д. Кузнецов, В.Д. Димитриев и доцент Т.С. Сергеев) ездили в Москву на Международный конгресс исторических наук и жили там неделю в гостинице «Россия». В рамках конгресса в аудиториях МГУ им. М.В. Ломоносова одновременно работали 27 секций и десятки подсекций. Мы заранее распределяли, кто в какой день будет присутствовать на той или иной секции, чтобы всё услышанное и увиденное зафиксировать и поделиться потом с коллегами по своему вузу. Иногда по вечерам Иван Данилович намекал: «Не выпить ли нам по 5 грамм?». Удивляло то, что у него не было похмелья.

В 1973–1980 гг. И.Д. Кузнецов числился профессором-консультантом. Будучи на пенсии, испытывая часто определённые проблемы со своим здоровьем, он всё равно посещал архивы. Вспоминаются слова профессора: «Историк, не пользующийся архивами, – либо лжец, либо слепец!». Его девиз выполняют многочисленные его воспитанники.

За активную научно-педагогическую и общественную работу он награждён орденами Трудового Красного Знамени (1967 г.), Дружбы народов (1976 г.), занесён в Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР (1986 г.).

В своей книге «Историки Чувашии – доктора наук» (Чебоксары, 2002, с. 87–93) я написал об И.Д. Кузнецове короткий очерк. На Всероссийской научной конференции в июне 2006 г. выступил с воспоминаниями «Учитель учителей», которые опубликованы в сборнике «И.Д. Кузнецов – учёный, педагог, переживший репрессии 30–40-х годов XX века» (Чебоксары, 2006, с. 58–61). «Греет душу» такой факт: в соавторстве со своими старшими коллегами И.Д. Кузнецовым и доцентом В.Л. Кузьминым мне удалось издать учебное пособие «Практикум по истории Чувашской АССР» (Чебоксары, 1980. 127 с.).

Человек созидательной эпохи, выходец из народа, известный учёный и педагог, интернационалист, патриот (в годы Великой Отечественной войны он просился на фронт, но заключённым не доверяли оружие), несгибаемый борец за правду и справедливость, И.Д. Кузнецов оставил яркий след в истории и культуре чувашского народа.

Список литературы

1. Иван Данилович Кузнецов – один из классиков чувашской исторической науки XX века // БУ «Госархив современной истории Чувашской Республики». – URL: https://archives21.rchuv.ru/news/2016/06/14/ivan-danilovich-kuznecov-odin-iz-klassikov-chuvash (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.

Соколова Валентина Ивановна
д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

И.Д.КУЗНЕЦОВ – ОРГАНИЗАТОР ПЕРВЫХ ЯЧЕЕК КОМСОМОЛА В ЯЛЬЧИКСКОМ РАЙОНЕ

Аннотация: *в статье рассматривается роль И. Д. Кузнецова в организации первых ячеек комсомола в Яльчикском районе Чувашской Республики. На основе архивных и биографических материалов прослежен путь Ивана Даниловича Кузнецова от ученика церковно-приходской школы до секретаря первичной комсомольской организации. Показано влияние агитаторов-комсомольцев, деятельность групп «Красной звезды», создание Полевобуртасско-Белоозерской ячейки, проведение первой комсомольской конференции в с. Малые Яльчики и формирование райкома. Описаны практические дела комсомольцев: помощь семьям красноармейцев, борьба с самогоноварением и спекуляцией, продразвёрстка, ликбез, спасение детей от голода, участие в подавлении кулацкого мятежа, работа ККОВ. Отмечена дальнейшая деятельность И. Д. Кузнецова на руководящих постах РКСМ-РЛКСМ-ВЛКСМ. Сделан вывод о его значительном вкладе в развитие молодёжного движения.*

Ключевые слова: *комсомол, Яльчикский район, Чувашия, первые ячейки РКСМ, молодёжное движение, коммеморация, краеведение, продразвёрстка, ликбез, ККОВ.*

Целью данной работы является показ роли И.Д. Кузнецова в организации первых ячеек комсомола в Яльчикском районе Чувашской Республики. Ивана Даниловича Кузнецова по праву можно причислить к плеяде выдающихся личностей, оставивших заметный след в истории Чувашии. Он родился в деревне Полевые Буртасы Тетюшского уезда Казанской губернии (ныне Яльчикский район Чувашской Республики) 11 июня 1906 г. (29 мая по старому стилю) в семье кузнеца. В шестилетнем возрасте поступил учиться в церковно-приходскую школу, которую окончил в 1916 г. с похвальным листом. Осенью того же года успешно сдал вступительные экзамены и поступил учиться в пятый класс Яльчикской школы II ступени. По его воспоминаниям, заметный след в его жизни

оставила первая учительница О.Н. Пигольдина, которая обучила его хорошо читать и писать по-русски, а также арифметике.

С приходом Великого Октября в стране появились новые, неизвестные доселе понятия: Советская власть, декрет, позднее Красная гвардия, комитеты бедноты. Строилась новая жизнь, формировалось новое государство. В родной деревне И.Д. Кузнецова организовалась группа сочувствующих партии коммунистов. Были в ней и старшие товарищи Ивана по школе: П.Д. Дмитриев, В.А. Соколов и др. Душой Иван тоже был с ними, но ему тогда исполнилось всего 12 лет.

После изгнания белогвардейцев в 1920 г. в селе Малые Яльчики (ныне Яльчики) восстановила свою работу школа II ступени. Иван Кузнецов продолжил учёбу в ней. Именно в это время он познакомился с группой молодых агитаторов-комсомольцев: с поэтом и вожаком молодёжи Михаилом Кузьминым (Сеспель), организатором первых ячеек комсомола в Казанской губернии Василием Дмитриевым, председателем Тетюшского укома комсомола Павлом Бекшанским. Они вели агитацию среди крестьян и учащихся школ, настойчиво призывая их всех вступать в союзы молодёжи. Под их влиянием 8 мая 1920 г. в селе Яльчики была создана комсомольская ячейка. Вначале в эту ячейку записывались в основном учащиеся школы. Вскоре все члены комсомольского коллектива разъехались по деревням, чтобы помочь жителям сёл и деревень в создании таких же ячеек. Иван Кузнецов поехал в свою деревню, там его избрали секретарём первичной организации комсомола. Вступил в комсомол и его брат Фёдор. В создании молодёжной организации братья Кузнецовы не оказались одиноки: им активно помогали молодые жители деревень Белое Озеро и Полевые Буртасы Пётр Дмитриев, Василий Соколов, Яким Данилов, Михаил Спиридонов, Павел Марков, Феодосий Смирнов, Василий Быков и др.

Следует отметить, что в начале 1918 г., ещё до открытия I съезда РКСМ, подростки 14–16 лет и старше деревень Белое Озеро и Полевые Буртасы стали объединяться в группы сочувствующих коммунистам. Первоначально такие группы создавались при партийных ячейках РКП(б) из числа политически активной молодёжи. В те годы организованную под руководством жителя деревни Белое Озеро коммуниста М.К. Родионова группу молодёжи по-другому стали называть группой сторонников «Красной звезды» в отличие от сторонников «Белой звезды» (были и такие кружки). Активистами этого движения в деревне Полевые Буртасы стали братья Иван и Фёдор Кузнецовы [2].

В конце 1919 – начале 1920 гг. Белоозёрская и Полевобуртасская ячейки комсомола Тетюшского уезда объединились и получили название П.Б.Б.О. (Полевобуртасско-Белоозёрская ячейка). К этому времени организация пополнилась новыми членами. К середине 1920 г. ячейки РКСМ были созданы во всех деревнях и сёлах Тетюшского уезда.

В период становления комсомольских организаций большое значение имела организаторская деятельность Казанской и Симбирской городских организаций РКСМ. Чувашская секция губкомола в г. Казани возникла 2 октября 1919 г. во главе с В.Д. Дмитриевым и также внесла значительный вклад в дело формирования молодёжного движения в Яльчикском (тогда район назывался Малояльчиковским) районе [3, с. 34–35].

Важную роль в дальнейшем развитии комсомольских организаций сыграл состоявшийся 16–20 июня 1920 г. I Всероссийский съезд чувашских секций, ячеек и активных работников РКСМ, который был подготовлен Чувашской секцией при ГК РКСМ г. Казани. Делегатами на этот съезд были избраны старшие товарищи И. Кузнецова В. Дмитриев, Ю. Сергеева, А. Сергеев, Г. Захаров, И. Золотников, А. Марков и др. Открыл съезд его организатор – учащийся Тетюшской учительской семинарии Василий Дмитриевич Дмитриев. По инициативе председателя съезда В. Дмитриева и секретаря М. Çеçпеля была послана приветственная телеграмма В. Ленину. 2–10 октября 1920 г. работал III съезд РКСМ. Делегатами на этот съезд были направлены старшие товарищи и наставники И. Кузнецова В. Дмитриев (д. Белое Озеро Яльчикского района) и В. Каштанов (д. Ново-Ахпердино Батыревского района). После съезда они очень активно работали по сплочению комсомольско-молодёжных рядов [1].

8 декабря 1920 г. в селе Малые Яльчики состоялась первая комсомольская конференция, для организации которой из Тетюши приехали Василий Дмитриев и Михаил Çеçпель. В декабре 1920 г. в Яльчиках был сформирован райком комсомола (однако объединиться в район тогда не удалось). В райкоме были созданы четыре отдела. Заведующим отделом агитации и пропаганды была избрана Юлия Сергеева (тогда уже член партии, позже стала первым доктором медицинских наук), отдел оборонно-массовой и спортивной работы возглавил 14-летний Иван Кузнецов, культурно-массовую работу – Игнатий Молодов (впоследствии стал известным артистом). В РК был организован также отдел помощи семьям

красноармейцев. Секретарём РК РКСМ стала работать Зинаида Сусмет. В начале 1921 г. она была избрана секретарём Тетюшского кантонного комитета РКСМ. Позже она была избрана делегатом на IX Всероссийский съезд Советов, встречалась с Владимиром Лениным, Надеждой Крупской, Кларой Цеткин.

Комсомольцы и молодёжь заготавливали дрова для членов солдатских семей, ремонтировали дома, заборы и хозяйственные постройки, изготавливали для них валенки. Кроме того, они ремонтировали старые и клали новые печи. Все эти работы выполнялись молодёжью бескорыстно, бесплатно, тем самым завоёвывая авторитет и уважение среди односельчан. Старые люди всё меньше стали называть их «Антихристами» и «Забывшими Бога» людьми за антирелигиозную пропаганду. В 1921 г. комсомольцы и молодёжь деревень Полевые Буртасы и Белое Озеро вместе организовали добровольную пожарную дружину. Кроме тушения пожаров они проводили активную противопожарную пропаганду. Комсомольцы и молодёжь вели санитарное просвещение среди населения, облагораживали улицы, чистили и убирали дворы, чинили мосты, охраняли их во время ледохода. Работники райкома тогда не получали никакого вознаграждения за свой труд, но, несмотря на это, активно участвовали во всех мероприятиях, проводимых государственными органами и общественностью района. Яльчикский райком партии всячески поддерживал молодёжь во всех её начинаниях и руководил работой комсомольцев [2].

В годы неурожая и голода комсомольцы и несоюзная молодёжь всячески боролись с самогоноварением. В их обязанности входила также борьба со спекуляцией, выполнение планов продразвёрстки, розыски спрятанного кулаками хлеба, борьба с дезертирством и др. Выполнение трудгужповинности (трудовой и гужевой), снаряжение рабочих и лошадей на лесозаготовки, проведение «Недель крестьянина», «Недель сбора железного лома», «Дней сухаря», оказание помощи семьям красноармейцев в уборке урожая, допризывная подготовка молодёжи, проведение политбесед, работа в пунктах ликбеза, помощь в создании народных домов, изб-читален, выпуск стенных газет, постановка спектаклей силами местных самодеятельных артистов, обслуживание так называемых «красных улахов» – вот далеко неполный перечень мероприятий, проводимых комсомольцами в эти годы.

Яльчикский комсомольский отряд участвовал в подавлении кулацкого мятежа в январе 1921 г. В 1921–1922 гг. комсомольцы

много сил отдали делу спасения детей от голода, эвакуации их в московские детские приюты. Они оказывали помощь в организации общественных столовых в деревнях, подбирали для работы в них работников, составляли списки остро нуждающихся в общественном питании. Они доставляли на своих плечах продукты со станций Ибреси и Канаш в столовые, привозили семенной фонд (зерно, картофель) и распределяли его среди особенно нуждающихся крестьян. Члены Союза молодёжи участвовали также в сборе золотых и серебряных вещей (в основном церковных) для помощи голодающим. В эти годы Иван Кузнецов работал в Новых Шимкусах ответственным секретарём волостного комитета комсомола, секретарём волостной детской комиссии.

Начиная с 1922 г. во всех деревнях и волостях Чувашии начали создаваться КОВ (комитеты крестьянской взаимопомощи или общественной взаимопомощи). Эти комитеты боролись с последствиями голода, помогали нуждающимся продуктами, топливом, сельскохозяйственными орудиями, в приобретении лошадей и т. д. Они участвовали в распределении сельскохозяйственного инвентаря: из машинного пункта в волости маломощным крестьянам напрокат отправляли плуги, сеялки, жнейки. Члены комитета комсомола разъясняли крестьянам сущность многополья, мелиорации, кооперации всех видов, говорили о пользе их для беднейшего крестьянства.

Таким образом, следует отметить, что И.Д. Кузнецов внёс большой вклад в развитие комсомольско-молодёжного движения и прежде всего в организацию первых ячеек комсомола в Яльчикском районе. В течение почти десяти лет он возглавлял организации РКСМ-РЛКСМ-ВЛКСМ различного уровня, проработав уездным инструктором комсомола, секретарём комсомольской ячейки Чувашрабфака, секретарём первой чувашской комсомольской газеты «Çамрăк хресчен» («Молодой крестьянин»), членом Чебоксарского горкома КСМ, секретарём ячейки комсомола института Красной профессуры. Он считал, что именно комсомольская школа дала ему настоящую путёвку в жизнь.

Список литературы

1. ГАСИ ЧР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–21.

2. Коммунизм ялавĕ. Орган Яльчикского райкома КПСС и районного Совета народных депутатов. – 1988. – 28 октября.

3. Филиппов, И. Ф. Рождение комсомола Чувашии : сб. статей / И. Ф. Филиппов. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1961. – С. 34–35.

Толстова Наталия Юрьевна
канд. ист. наук, заведующая Научным центром
БУ «Государственный исторический архив Чувашской Республики» Минкультуры Чувашии
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОБЗОР ФОНДА ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И.Д. КУЗНЕЦОВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация: *в статье показан информационный потенциал фонда Ивана Даниловича Кузнецова в Государственном историческом архиве Чувашской Республики. Характеризуются виды документов, отложившихся в фонде известного чувашского историка, выявляется их значение для изучения различных аспектов истории Чувашии и жизни самого исследователя.*

Ключевые слова: *Государственный исторический архив Чувашской Республики, личный фонд И, Кузнецова, историческая наука, Чувашский институт гуманитарных наук, ЧГУ им, Ульянова.*

В наши дни мы нередко обращаемся к наследию Ивана Даниловича Кузнецова (1906–1991) – выдающегося историка, педагога, организатора науки и общественного деятеля. Его творческое наследие – не просто собрание трудов, а масштабный пласт источников, позволяющий понять, как формировалась региональная историческая наука в XX веке, какие вызовы стояли перед учеными и как личность исследователя переплеталась с эпохой. И. Д. Кузнецов – пример сочетания энциклопедических знаний, организаторского таланта и невероятной стойкости: пройдя через репрессии и ссылку, он сумел полностью раскрыть свой научный потенциал и оставить после себя богатое наследие, которое продолжает служить опорой для новых поколений исследователей.

В фондах Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР) хранится большое количество документов, отражающих различные аспекты жизни и творчества ученого-историка. Прежде всего следует выделить фонды учреждений, в которых И.Д. Кузнецов трудился на руководящих должностях (даны уточненные названия по путеводителю фондов ГИА ЧР): Р-1515 «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»

(директор института в 1963–1968 гг., руководитель сектора истории в 1958–1963 гг.); Р-236 «Чувашское государственное книжное издательство Управления по печати при Совете Министров Чувашской АССР, г. Чебоксары» (директор издательства в 1956–1958 гг.); Р-2453 «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, г. Чебоксары» (заведующий кафедрой истории СССР в 1968–1973 гг.). Кроме того, материалы, связанные с жизнью И.Д. Кузнецова, есть в фондах Р-484 «Чувашский сельскохозяйственный рабочий факультет, г. Чебоксары» (обучался в 1923–1926 гг.), Р-1335 «Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева» Министерства образования Российской Федерации, г. Чебоксары» (преподавал в 1932–1933 гг.) и Р-2669 «Комитет государственной безопасности Чувашской АССР (КГБ Чувашской АССР)» (судебно-следственные материалы и документы надзора) [4, с. 158–159, 745–746, 760–761, 797]. Обзоры документальных материалов ГИА ЧР, отражающих факты биографии И.Д. Кузнецова, даны в работах Ю.А. Богомазовой и П.Н. Матюшина, подготовивших и успешно защитивших диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по темам «И.Д. Кузнецов – ученый, педагог и общественный деятель» и «Репрессии 1930-х гг. и политическая реабилитация 1950-х – начала 1960-х гг.: исторический опыт и уроки (на материалах доктора исторических наук, профессора И.Д. Кузнецова)» [1, с. 16–17; 3, с. 54–63].

Подлинный же кладезь информации представляет собой личный фонд И. Д. Кузнецова, хранящийся в Государственном историческом архиве Чувашской Республики [2]. Он поступил в 1991 г., после смерти ученого, насчитывает более 70 тыс. единиц хранения [1, с. 15; 3, с. 54] и дает уникальную возможность увидеть работу историка «изнутри». Однако, к настоящему времени, несмотря на огромную проделанную работу, опись фонда еще не завершена, и он остается недоступным для исследователей, которые свободно могут пользоваться лишь журналами, книгами и иными печатными изданиями из личной библиотеки, в полном объеме переданной в научно-справочную библиотеку ГИА ЧР (3210 книг и 150 журналов – «Тăван Атăл», «Ялав», «Дружба народов», «Новый мир», «Волга» и др.). Тем не менее мы считаем необходимым ознакомить

всех заинтересованных лиц с информационным потенциалом личного фонда И.Д. Кузнецова, надеясь, что это поможет интенсифицировать работы по систематизации фонда. Так как фонд не описан, ссылки даются только на сам фонд, без указания описи и дела.

Для удобства анализа систематизируем имеющиеся материалы по группам.

1. Копии архивных документов, выписки из газет прошлых лет и редких книг по темам исследования автора.

И.Д. Кузнецов был разносторонним автором и тщательным исследователем, в силу чего данные материалы заметно преобладают над всеми остальными. Больше всего отложилось копий документов по теме «Крестьянство Чувашии в период капитализма» – за эту монографию, увидевшую свет в 1963 г., ученому позже (в 1967 г.) была присуждена степень доктора исторических наук. Широко представлена история Чувашской автономии в первое послереволюционное десятилетие. Много статистических данных по функционированию крестьянских хозяйств в XVIII-XX вв. и по истории колхозов и совхозов в 1920-е – 1970-е гг. Есть материалы, относящиеся к истории чувашского народа XVII–XVIII вв., среди них выписки из ревизских сказок, писцовых, переписных и отдаточных книг, копии челобитных, указов, описей, столбцов Приказного стола и др. Отдельную группу составляют копии архивных документов об участии чувашских крестьян в восстаниях под руководством С.Т. Разина и Е.И. Пугачева. Собранные И.Д. Кузнецовым материалы зачастую не ограничиваются территориальными рамками Чувашского края. Например, в фонде отложилось большое количество документов об общественно-политической обстановке в губерниях Российской империи в начале XX в., в том числе о крестьянских волнениях, беспорядках рабочих, мусульманском движении (панисламизме) и др. [2].

В фонде представлены машинописные копии, фотокопии и выписки из документов таких архивов, как Центральный архив Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации, г. Москва), Центральный государственный архив РСФСР (Государственный архив Российской Федерации, г. Москва), Центральный государственный архив древних актов СССР (Российский государственный архив древних актов, г. Москва), Центральный государственный исторический архив в Москве (ликвидирован в 1961 г., фонды на правах отдела

присоединены к Центральному государственному архиву Октябрьской революции и социалистического строительства СССР), Московский архив Министерства юстиции (ныне в составе Российского государственного архива древних актов, г. Москва), Центральный государственный исторический архив СССР (Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург), Центральный государственный архив Татарской АССР (Национальный архив Республики Татарстан, г. Казань), Центральный государственный архив Марийской АССР (Государственный архив Республики Марий Эл, г. Йошкар-Ола), Центральный государственный архив Ульяновской области (Государственный архив Ульяновской области, г. Ульяновск), Архив Ульяновского обкома КПСС (Государственный архив новейшей истории Ульяновской области, г. Ульяновск), Центральный государственный архив Чувашской АССР (Государственный исторический архив Чувашской Республики, г. Чебоксары), Партийный архив Чувашского обкома КПСС (Государственный архив современной истории Чувашской Республики, г. Чебоксары), Научный архив Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары) [2].

Сохранились десятки тетрадей с выписками из дореволюционных книг и литературы 1920–1930-х гг. по вопросам развития сельского хозяйства на территории Чувашии в различные периоды истории. И.Д. Кузнецов также собирал газеты и делал вырезки из них по темам своих исследований и по актуальным вопросам общественной жизни. Например, в фонде сохранились газеты 1930-х гг. – «Горьковский рабочий», «Горьковская правда», «Горьковский университет», а также номера газеты «Электрик», собранные Иваном Даниловичем для подготовки истории Чебоксарского электроаппаратного завода, за 1977–1979 гг. Нередко газетные материалы содержат пометки, сделанные рукой самого И.Д. Кузнецова.

Исследователям могут быть полезны документы, связанные с деятельностью Союза писателей Чувашии, общества «Знание», Чувашского комитета защиты мира, Чебоксарского электроаппаратного завода, среди которых – выписки из протоколов заседаний, планы деятельности, постановления и резолюции, доклады [2].

2. Рукописи научных работ И.Д. Кузнецова, черновики, рабочие заметки, конспекты выступлений, копии научно-популярных публикаций в периодической печати.

И.Д. Кузнецовым на протяжении его долгой научной деятельности было опубликовано более 200 работ, в том числе 20 книг и брошюр [5]. Рукописи большинства этих трудов сохранились в описываемом фонде. Среди них особый интерес представляют машинописные копии с авторской правкой, которые показывают «внутреннюю кухню» работы ученого. В том числе в фонде есть копии статей, опубликованных И.Д. Кузнецовым в 1930-е и во второй половине 1950-х – 1980-е гг. в журналах «Тăван Атăл» и «Ялав», газетах «Канаш», «Красная Чувашия» (затем «Советская Чувашия»), «Колхозник ялавĕ», «Коммунизм ялавĕ», «Молодой коммунист», «Пионер сасси», «Авангард» (Батыревский район), «За коммунизм» (Канашский район), «Колхоз ялавĕ» (Яльчикский район), «Çĕнтерӳ ялавĕ» (Моргаушский район), «Ял пурнăçĕ» (Красноармейский район), «Хĕрлĕ ялав» (Урмарский район), «Коммунизм çути» (Цильнинский район Ульяновской области), «Ульяновец» (ЧГУ им. И.Н. Ульянова) и др. Очевидно, что наличие указанных материалов заметно упрощает работу будущим исследователям, освобождая от необходимости обращаться непосредственно к десяткам газет и журналов.

Тематика статей в периодической печати крайне многообразна: социально-экономическое и культурное развитие Чувашского края (автономии) до революции и в советское время, история колхозов и совхозов республики, история революционного движения и чувашской большевистской организации и др. Очень много биографических статей: о роде Чапаевых, пребывании в Чувашии известных политических деятелей и деятелей культуры (А.С. Пушкин, Н.К. Крупская, М.И. Калинин), жизни и деятельности/творчестве славных представителей чувашского народа, среди которых просветитель И.Я. Яковлев, космонавт А.Г. Николаев, архитектор П.Е. Егоров, чувашские ученые, писатели и поэты и т. д. Также в фонде сохранилось большое количество черновых материалов к указанным статьям. Особо можно выделить публикации И.Д. Кузнецова в период его нахождения в лагерях ГУЛАГА: очерк «Социалистический метод хозяйствования. (Из жизни алебастрового завода)», напечатанный в газете «За Северо-Печорскую магистраль» (22 июня 1948 г. №38); статья «Высокие скорости поискового бурения (о бригаде Григория Скляр)», увидевшая свет в газетах

«Красное знамя» (Коми АССР) и «Печорский лесоруб» от 14 и 19 января 1956 г.) [2].

Интересно обращение И.Д. Кузнецова к истории Китая и русско-чувашских связей. Сохранились тетради с переводом сотен китайских слов на чувашский и русский языки, рукопись неопубликованной статьи «Китайская революция – следствие мировой революции».

Современным читателям может быть интересна «Повесть о том, как профессор Г.Н. Волков заблудился в дебрях этнопедагогики» с критикой книги Г.Н. Волкова «Об этнопедагогике чувашского народа». С целью аргументации своей позиции И.Д. Кузнецовым, в духе времени были проштудированы произведения В.И. Ленина, К. Маркса и Л.И. Брежнева, на основе чего составлены многочисленные карточки с цитатами, имеющими отношение к этнопедагогике. Кроме того, сохранились и черновые заметки на книги Г.Н. Волкова [2].

Много материалов, связанных с защитой докторской диссертации: автореферат, доклад и резюме по монографии, отзывы на книгу и ответы И.Д. Кузнецова на замечания рецензентов и др. Отметим также наличие в фонде немалого числа документов (письма, заявления, акт проверки, решения и др.) по вопросу экспертной проверки монографии И.Д. Кузнецова «Крестьянство Чувашии в период капитализма», проведенной в связи с жалобами, поступившими от историков Т.Г. Григорьева и В.Л. Кузьмина. Среди них, в частности, есть справки о проверке и перепроверке ссылок на архивные фонды в указанной книге, обращение В.Л. Кузьмина в Генеральную прокуратуру СССР с просьбой возбудить уголовное дело на В.Д. Димитриева, И.И. Музыкантова, П.В. Ермолаева за выдачу якобы ложных справок к диссертации И.Д. Кузнецова [2].

При этом важно учитывать, что исторические взгляды И. Д. Кузнецова формировались в рамках идеологических норм исторической науки 1920–1980-х гг. Сегодня некоторые его выводы пересматриваются и уточняются, а отдельные критические суждения кажутся спорными. Однако это не умаляет ценности его трудов как источников эпохи и как базы для дальнейших исследований.

Помимо собственно исторических работ, в личном фонде И. Д. Кузнецова сохранились рукописи критических статей, рабочие материалы и подготовительные заметки к исследованиям творчества чувашских писателей и поэтов – в частности, К.В. Иванова, М. Сеспеля, П.П. Хузангая и др. Эти документы раскрывают методологию его литературоведческих работ, подходы к анализу

художественного текста в контексте национальной культуры и общественно-политической повестки времени. Рукописные варианты статей, черновые редакции и редакторская правка, сохранившиеся в фонде, позволяют проследить, как складывалась его позиция по спорным вопросам национальной литературы. Сохранились литературные произведения самого И.Д. Кузнецова на чувашском и русском языках, написанные в 1923–1936 гг.; есть тезисы и конспекты выступлений ученого на пленумах, собраниях и совещаниях партийных и советских работников.

И.Д. Кузнецов внимательно следил за общественно-политической жизнью республики и историческими публикациями в прессе. В фонде сохранились тетради-указатели статей разных авторов по общественно-политическим вопросам и вопросам культуры, опубликованных в средствах массовой информации Чувашской АССР за 1931–1984 гг. [2].

3. Рецензии и отзывы.

Подготовка и публикация научных работ, как правило, сопровождается написанием рецензий и отзывов. В описываемом фонде отложилось два вида данных документов: рецензии и отзывы, подготовленные И.Д. Кузнецовым на работы других авторов, и оценки ученых и общественности о рукописях и увидевших свет трудах исследователя. Рецензии и отзывы представлены как вырезками из газет и журналов, так и огромным количеством неопубликованных материалов. В том числе Иваном Даниловичем были составлены десятки отзывов о диссертациях на соискание ученой степени.

Следует отметить, что И.Д. Кузнецов сразу же после реабилитации и возвращения в Чувашию активно включился в научную и общественно-политическую жизнь республики. В частности, во второй половине 1950-х гг. в газетах «Советская Чувашия» и «Коммунизм ялавĕ» было опубликовано большое количество отзывов исследователя о трудах, увидевших свет в это время, среди них: о книгах «Материалы по истории Чувашской АССР» (выпуск 2), «Чуваши. Этнографическое исследование» (часть 1), романе А.С. Артемьева «Салампи», балладе Г.Н. Айги «Пĕр пуля çинчен çырнă баллада», воспоминаниях И.Е. Ефимова «За Советскую власть», монографии В.Н. Калашникова «Борьба КПСС за укрепление и дальнейшее развитие союза рабочего класса и колхозного крестьянства в период подготовки и внесения новой Конституции (1935–1937 гг.)», книге И.А. Маркелова «Общественно-политические

взгляды И.Я. Яковлева и др. [2]. Тогда же, осенью 1959 г., им, совместно с В.Д. Димитриевым, были составлены замечания и предложения по проекту улучшения преподавания истории в школе, подготовленному Академией педагогических наук РСФР. Написание отзывов и рецензий на труды историков, произведения чувашских писателей, поэтов и драматургов продолжалось им и в дальнейшем, вплоть до последних лет жизни.

4. Служебная и личная переписка.

Сохранившиеся в большом количестве письма И.Д. Кузнецова – один из наиболее ценных источников данного фонда. Фонд содержит обширную переписку – как личную, так и деловую. Переписка с друзьями, коллегами и учениками, редакциями газет и журналов, научными и образовательными учреждениями, Чувашским книжным издательством, органами власти и общественными организациями позволяет увидеть ученого в профессиональных и человеческих связях, проследить, как принимались те или иные решения. В личных письмах раскрываются бытовые детали, переживания, отношение к событиям эпохи, переписка позволяет глубже понять личность ученого, отдельные эпизоды его жизни и работы, особенно в период становления исторического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

И.Д. Кузнецов переписывался со многими известными людьми середины – второй половины XX в.: летчиком-космонавтом А.Г. Николаевым, академиком М.В. Нечкиной, поэтом П.П. Хузангаем, историками В.Д. Димитриевым и П.В. Денисовым и др., что позволяет дополнить историю их жизни новыми биографическими чертами [2].

5. Биографические документы: воспоминания, дневниковые записи, автобиографии, ежедневники, интервью, анкеты и др.

В фонде отложилось большое количество разнообразных уникальных документов, связанных с жизнью и профессиональной деятельностью И.Д. Кузнецова: дипломы кандидата и доктора наук, аттестаты старшего научного сотрудника и профессора, военный билет и орденская книжка, служебные и командировочные удостоверения, личные листки по учету кадров, характеристики, членские билеты и учетные карточки самых различных общественных организаций, читательские билеты библиотек, делегатские билеты, пропуска, справки, заявления по личным вопросам, санаторно-курортные книжки, квитанции, талоны, уведомления, пригласительные билеты. Отдельно выделим приказы о награждении, почетные

грамоты и благодарности. Очень много поздравлений (открытки, телеграммы) от частных лиц, организаций, предприятий и учреждений к праздникам и в связи с юбилейными датами Ивана Даниловича. Среди документов, связанных с периодом репрессий, можно отметить «Заключение (выводы) комиссии парткома первичной организации Обкома ВКП(б) об исторических работах И. Д. Кузнецова» с пометами самого Ивана Даниловича, протокол обыска с описью изъятых документов [2].

Многочисленные блокноты, ежедневники, записные книжки, заметки «для себя», списки литературы, наброски идей, бытовые записи показывают повседневную жизнь ученого, его рабочий ритм, приоритеты, способы организации труда. В них содержатся и стихотворения, написанные самим И.Д. Кузнецовым в разные периоды жизни. Что важно, подобные документы сохранились и по 1920-м гг., несмотря на изъятие личных материалов после ареста, и по 1940-м – середине 1950-х гг. – очень сложному периоду жизни Ивана Даниловича, находившемся в это время в лагерях ГУЛАГа и ссылке.

Значительный объем фонда составляют документы, относящиеся к служебной деятельности И.Д. Кузнецова в качестве старшего научного сотрудника, заведующего сектором истории и директора Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР: планы работы, отчеты, выписки из приказов и др.

Особенно многочисленны материалы, связанные с преподавательской деятельностью И.Д. Кузнецова, который в течение продолжительного времени (с 1967 г. по 1989 г.) работал в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова профессором и заведующим кафедрой истории СССР. В фонде хранятся планы работы кафедры, тексты лекций по философии, истории СССР и Чувашской АССР, методические разработки, планы семинарских занятий, экзаменационные билеты, списки рекомендованной литературы. Документы отражают не только содержание курсов, которые читал Иван Данилович, но и его подход к преподаванию: стремление сделать сложный исторический материал доступным, связать региональную историю с общероссийской, опираться на документальные источники. Достаточно много сохранилось дипломных работ, отзывов на них, рефератов и докладов студентов историко-филологического факультета ЧГУ им. И.Н. Ульянова и Чебоксарского филиала Московского кооперативного института,

где И.Д. Кузнецов выступал в качестве научного руководителя [2]. Все эти материалы могут быть полезны для изучения истории высшего образования в Чувашской Республике.

Наибольшую информационную ценность представляют воспоминания и автобиографии И.Д. Кузнецова, датированные разными годами и сильно различающиеся по своим объемам. Особенно важна рукопись воспоминаний «Как это было», которая задумывалась автором как своего рода исповедь для детей, не предназначенная к печати. В воспоминаниях рассказывается о детстве Ивана Даниловича, его становлении как ученого, и, особенно подробно, о годах жизни, последовавших за арестом в 1937 г. и вплоть до возвращения в родную Чувашию в 1955 г. из ссылки и лагерей. Частично воспоминания были опубликованы в 1988 г. в газете «Советская Чувашия» и журнале «Ялав» [1, с. 15], а также использованы при подготовке вышеупомянутых диссертаций Ю.А. Богомазовой и П.Н. Матюшина. Есть отдельно записанные в 1972 г. воспоминания о голоде в Чувашской автономной области.

К материалам данной группы относятся докладные записки слушателя Института красной профессуры И.Д. Кузнецова о проделанной научной работе за 1930/31 учебный год, есть задания Нижегородского коммунистического университета по истории народов СССР на 1931/32 учебный год, выданные И.Д. Кузнецову. В большом количестве сохранились программы конференций, съездов, научных сессий, в работе которых принимал участие Иван Данилович.

В фонде собраны газетные статьи, опубликованные в связи с юбилейными датами в жизни ученого, его участием в различных научных и памятных мероприятиях; есть вырезки из газет с информацией о награждении И.Д. Кузнецова орденами и почетными грамотами, занесении его в Почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР. Сохранились дневники и воспоминания других лиц, например, воспоминания П.В. Ермолаева о поездке за фондом И.Д. Кузнецова после ареста Ивана Даниловича, записи П.П. Хузангая о И.Д. Кузнецове, выписки из дневника-воспоминаний брата И.Д. Кузнецова Никандра и др. [2].

6. Фотоснимки (личные, семейные, с коллегами) и музейные предметы.

Составной частью фонда являются фотоснимки И. Д. Кузнецова в разные периоды жизни, фотографии членов семьи, коллег, участников научных мероприятий. Визуальные материалы дополняют

документальные свидетельства, помогают восстановить контекст эпохи, увидеть круг общения ученого, атмосферу научных и общественных событий. К числу музейных предметов относятся полтора десятков картин и рисунков заслуженного художника Чувашской АССР А.М. Тагаева-Сурбана (1907–1990).

Таким образом, фонд личного происхождения И. Д. Кузнецова – уникальный комплекс документов, который позволяет увидеть историю науки и общества XX века через призму судьбы одного человека, проследить эволюция идей ученого: от первых набросков до финальных редакций публикаций. Научное наследие Ивана Даниловича – это не только фундаментальные труды, но и созданная им источниковая база, методические подходы, а также сформированная научная школа. Он внес огромный вклад в подготовку научных и педагогических кадров, воспитав целую плеяду кандидатов и докторов наук. Несмотря на сложности с доступом к материалам, их потенциальная научная ценность огромна. Систематизация и описание фонда откроют новые возможности для изучения жизни и творчества И. Д. Кузнецова, а также для более глубокого понимания истории Чувашии в целом.

Список литературы

1. Богомазова, Ю. А. И.Д. Кузнецов – ученый, педагог и общественный деятель: специальность 07.00.02 «Отечественная история» : дис. … канд. ист. наук / Ю. А. Богомазова. – Чебоксары, 2008. – 358 с.

2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-2532. Фонд личного происхождения И.Д. Кузнецова.

3. Матюшин, П. Н. Репрессии 1930-х гг. и политическая реабилитация 1950-х – начала 1960-х гг.: исторический опыт и уроки (на материалах доктора исторических наук, профессора И.Д. Кузнецова) / П. Н. Матюшин ; Чуваш. гос. ун-т им. И.Я. Яковлева. – Чебоксары, 2008. – 279 с.

4. Путеводитель по фондам Государственного исторического архива Чувашской Республики. Т. 2 (Ч. 1). Фонды советского и постсоветского периодов. – Чебоксары : ГИА ЧР, 2016. – 384 с.

5. Сергеев, Т. С. Кузнецов И.Д. / Т. С. Сергеев // Чувашская энциклопедия. – URL: https://chuvenc.ru/filter_from_MainTable_/%D0%9A?page=121&ysclid=mu1meosrkc122279219 (дата обращения: 14.09.2026). – Текст : электронный.

Харитонов Михаил Юрьевич
канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

НА ОСТРИЕ ЭПОХИ: И.Д. КУЗНЕЦОВ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В ЧУВАШИИ

Аннотация: *в статье рассматривается научное наследие И.Д. Кузнецова (1906–1991) – историка, оставившего более 200 работ по аграрной истории, социальной структуре, национальному движению, партийному строительству и культуре Чувашии. Обосновывается идея, что труды И.Д. Кузнецова, написанные в рамках советской исторической науки, содержат проблематику, которая в современном знании относится к социологии и политологии. В работе выделяются социологическое и политологическое измерения его наследия, раскрывается исследовательское содержание, стоящее за привычными историческими темами, и обосновывается необходимость междисциплинарного прочтения его трудов.*

Ключевые слова: *история Чувашии, социально-гуманитарное знание, междисциплинарное прочтение, советская социология, советская политология, советская историческая наука.*

Иван Данилович Кузнецов (1906–1991) – одна из ключевых фигур социально-гуманитарного знания Чувашии XX века. Историк по образованию, он оставил наследие, которое не сводится к одной дисциплине: более 200 научных работ, включая 20 книг и брошюр. Его труды посвящены аграрной истории, национальному движению, партийному строительству, литературной критике, этнографии и культурологии. Жизнь И.Д. Кузнецова вместила партийную работу 1930-х гг., арест 1937 г. и возвращение в науку после реабилитации 1955 г. Позднее, с 1967 по 1973 гг., он заведовал кафедрой истории СССР в Чувашском государственном университете, а затем до 1980 г. был профессором той же кафедры [4]. Цель статьи – не полное описание его творчества, а попытка показать, что работы И.Д. Кузнецова, написанные в рамках советской исторической науки, содержат проблематику, которая в современном знании относится к социологии, политологии и другим дисциплинам, и что его наследие требует междисциплинарного прочтения.

К 1920-м гг. институциональное оформление социальных наук в мире еще не завершилось; границы между историей, социологией, политологией и другими дисциплинами оставались подвижными. В Советской России этот процесс приобрел принципиально иной характер. Традиционные историко-филологические факультеты были ликвидированы еще в 1919 г. и заменены факультетами общественных наук. В школе история как самостоятельный предмет исчезла: ее заменило обществоведение, объединившее политэкономию, экономическую географию, советское право, историю социализма. Институт красной профессуры, где учился И.Д. Кузнецов, имел формальное разделение на отделения, – историческое, экономическое, философское, – которые однако функционировали в рамках единой методологии изучения общества – марксизма-ленинизма. Самостоятельные дисциплины – социология, политология – не имели институционального существования; их предметное поле поглощалось историческим материализмом и политической экономией. Лишь в конце 1950-х гг. в СССР стали проникать мировые тенденции: постепенно оформляется социология, но в урезанном виде – как «конкретные социальные исследования» при сохранении идеологического контроля [3]. Политология же как самостоятельная дисциплина так и не сформировалась: ее проблематика растворялась в научном коммунизме, историческом материализме и истории КПСС.

Отсюда следует, что И.Д. Кузнецов не мог быть социологом или политологом, поскольку таких специальностей в то время просто не было. Но предмет, который он изучал, был социальным и политическим. Надо также подчеркнуть еще один момент. Как показал С.Б. Крих, язык советской историографии обладал свойствами обязательности и принудительности: высказывание с марксистскими маркерами было предпочтительнее высказывания без них, а апелляция к уже достигнутой истине делала исследование повторением известного на новом материале [1].

Историческое наследие. И.Д. Кузнецов пришел в науку как историк и оставался им до конца жизни. Его историческое наследие складывается из нескольких крупных исследовательских тем, в каждой из которых он внес значительный историографический вклад.

Первая и главная тема – история чувашского крестьянства, над которой он работал почти тридцать лет. В статье «Из истории Чувашии» (1933) он с марксистских позиций осмыслил экономическое положение крестьянства – малоземелье, повинности ясачных

крестьян XVII века, классовое расслоение – и ввел в оборот понятие «коштанство», до него практически не изученное. Первая часть темы, защищенная как кандидатская диссертация (1958), охватывала эпоху от Золотой Орды и Казанского ханства до XIX века; вторая – монография «Крестьянство Чувашии в период капитализма» (1963), защищенная как докторская, – исследовала классовую дифференциацию, аграрный вопрос и крестьянские промыслы; третья (в основном осталась в черновиках) – доводила повествование до колхозного строя. Эта трилогия создала периодизацию аграрной истории Чувашии почти за пять столетий.

Вторая тема – история крестьянских движений и социальных конфликтов: крестьянские войны XVII–XVIII вв., «черемисские войны», насильственная христианизация, Акрамовское восстание 1842 г., «кулацкий мятеж» 1921 г. Сборник документов «Национальные движения в России в период первой русской революции» (1935) – первый в историографии Среднего Поволжья свод источников по революции 1905–1907 гг. Эти сюжеты И.Д. Кузнецов рассматривал через классовое противостояние в деревне, но с детальным анализом расстановки сил, что давало фактическую канву для изучения политических процессов в регионе.

Третья тема – создание общей истории чувашского народа. Очерк «Из истории Чувашии» (1933) стал первым опытом марксистского осмысления всей истории чувашей – от Волжской Булгарии до автономной области 1920 г. Параллельно И.Д. Кузнецов предпринял и первое систематическое исследование истории партийной организации («Краткая история Чувашской большевистской организации», 1935–1936). Позднее он свел свою концепцию истории Чувашии в книгу «Очерки по истории чувашского народа» (1962, на чувашском языке). Затем к этому добавились главы в коллективных трудах – «История Чувашской АССР», «Очерки истории Чувашской областной организации КПСС», монография «Чуваши».

Все эти работы, при всей их значимости для исторической науки, содержали во многом проблематику, которая в современном познании относится к иным дисциплинам. И.Д. Кузнецов работал в дискурсе советской исторической науки, но его исследовательская практика выходила за ее пределы – не потому, что он намеревался это сделать, а потому, что материал требовал инструментов, которые в советской системе не имели собственных институций.

Социологическое измерение. Выделение социологического измерения в наследии И.Д. Кузнецова требует оговорки. Он не

употреблял слова «социология», не ссылался на Э. Дюркгейма или М. Вебера и не осознавал свои работы как социологические. Инструменты, которые он применял – классовый анализ, историко-сравнительный метод, анкетное обследование, – он считал инструментами исторической науки. Однако с позиций сегодняшней дисциплинарной карты эти инструменты и те вопросы, которые он ставил перед материалом, совпадают с предметом социологии. Ниже рассматриваются направления, в которых социологическое содержание его работ проступает наиболее отчетливо.

Руральная социология. Это самое очевидное из социологических измерений наследия И.Д. Кузнецова. В 1933 г. он был инициатором и одним из руководителей экспедиции по изучению социально-культурного и бытового состояния деревни, охватившей ряд селений Чувашии; обследование велось подворно, по единой методике. Предварительные итоги были опубликованы в брошюре «Чувашская колхозная деревня на пути культурного подъема» (1934, совместно с С.С. Кутяшовым). В 1960 г. Кузнецов участвовал в организации повторной экспедиции по обследованию тех же деревень – так было заложено лонгитюдное исследование. В 1970 и 1980 гг. прошли третий и четвертый срезы по той же методике; итогом стала публикация «Изменение материальной культуры сельского населения Чувашии» (1986, в соавторстве), обобщившая почти полвека трансформации сельского быта [2]. В этих исследованиях И.Д. Кузнецов выступил не как историк, реконструирующий прошлое, а как социолог, фиксирующий настоящее по данным подворного опроса. Четыре среза по единой методике, охватывающие почти пятьдесят лет, делают это исследование первым комплексным эмпирическим социолого-этнографическим лонгитюдным проектом в национальной республике СССР.

Социология социальных структур и стратификации. Анализ социальной структуры пронизывает почти все наследие И.Д. Кузнецова, но наиболее отчетливо проступает в работах о классовой дифференциации крестьянства. Еще в очерке 1933 г. он оспорил выдвигаемый ранее эсерами тезис о чувашах как сплошном «хура халăх» («черном народе»), т.е. бесклассовом крестьянстве, и показал, что классовая дифференциация была реальностью. Он работал с данными переписи 1897 г., использовал статистические группировки по показателям дифференциации (земля, скот, посевы, урожайность) и бюджетный анализ по типам хозяйств, прослеживал динамику расслоения – как имущественные различия перерастают

в классовые. В результате были выявлены слои – бедняки, середняки, кулаки, коштаны – каждый со своим экономическим положением, образом жизни и политическим поведением, и определены количественные параметры каждого слоя. Роль И.Д. Кузнецова в этом разделе состоит в том, что он фактически первым в регионе построил систематическую картину социальной стратификации чувашской деревни – на историческом материале, но инструментами, которые сегодня относятся к социологии социальной структуры.

Этносоциология. Этническая проблематика у И.Д. Кузнецова не сводится к этнографическому описанию обычаев и обрядов. Статья «К вопросу о происхождении чувашской народности» (1957) – это анализ этногенеза и этнической идентичности. В монографии «Крестьянство Чувашии в период капитализма» (1963) он анализировал этническую идентичность и этнодемографию чувашей: компактное расселение в восьми уездах трех губерний, соотношение чувашского и русского населения, влияние национального фактора на социальную мобильность и трудовую миграцию. Он показал, что неграмотность и незнание русского языка ограничивали отхожий промысел и обрекали чувашскую бедноту на дешевый труд чернорабочих. В монографии «Чуваши» (глава об общественных отношениях и быте, совместно с Н.И. Ивановым) этносоциологический анализ получил систематическое оформление. Отдельного разговора заслуживает позиция И.Д. Кузнецова в дискуссии о народной педагогике, развернувшейся в 1960–1970-е годы. В ряде трудов того времени роль национального в воспитании преувеличивалась: этническое рассматривалось в отрыве от социального, а традиции прошлого идеализировались. И.Д. Кузнецов же выступал с других позиций – он исходил из того, что этническое нельзя изучать вне социального: национальные особенности воспитания имеют смысл лишь в связи с социальными отношениями и классовой структурой общества. Его место в сфере этносоциологии определяется тем, что он в своих работах последовательно подчинял этническое социальному, а при анализе этничности стремился выйти из области описания обычаев в область социальных отношений.

Социология труда и экономическая социология. В аграрных работах И.Д. Кузнецова экономическое измерение присутствует постоянно: анализ крестьянских бюджетов, доходов и расходов хозяйств, урожайности как показателя экономического положения. Работы «Об урожайности крестьянских хозяйств в Чувашии в дореволюционное время» (1960) и «Урожайность крестьянских надельных

земель в Чувашии в 1858–1917 гг.» (1962) использовали экономические показатели не сами по себе, а как индикаторы социального положения. Отдельно стоят работы по истории Чебоксарского электроаппаратного завода (1975) и Козловского комбината автофургонов (1981), написанные вместе с молодыми коллегами, которые обычно относят к «хоздоговорной» продукции. Но по содержанию это полноценные эмпирические исследования: И.Д. Кузнецов работал с анкетами рабочих и ИТР, кадровыми документами, планами и отчетами производства. Анкетный опрос и анализ производственной отчетности – это прямой сбор первичных данных, а не сводка парадных реляций. Роль ученого в этом разделе – в том, что он изучал становление и развитие рабочего класса в аграрном крае, где пролетариат был малочислен и занят не в фабрично-заводской промышленности, а на лесоразработках и в мелких мануфактурах, и одновременно исследовал социальные изменения методами и инструментами, которые сегодня считаются социологическими.

Социология культуры и социология образования. В монографии 1963 г. отдельная глава посвящена культурно-бытовому состоянию крестьянства: грамотности, школам, физическому состоянию населения. Симбирская чувашская школа И.Я. Яковлева – сквозная тема в работах И.Д. Кузнецова: от ранних статей до участия в юбилейных сборниках о просветителе и статей о Симбирской школе. И.Я. Яковлев у него – не просто просветитель, а социальный деятель, чья школа стала механизмом превращения крестьянских детей в учителей, то есть каналом вертикальной мобильности. Как литературный критик («Время и литература», 1977) И.Д. Кузнецов рассматривал литературу как социальный институт: в статьях о К.В. Иванове, М. Сеспеле, Н.И. Шелеби анализировалось как художественное творчество отражает классовое и национальное сознание. Роль И.Д. Кузнецова для данного раздела социологии состоит в том, что он исследовал не просто историю просвещения, а то, как образование и культура опосредуют социальные изменения и формируют идентичность.

Политологическое измерение. С политологией ситуация еще сложнее, чем с социологией. Как дисциплина она в СССР так и не сформировалась, и И.Д. Кузнецов не мог работать в рамках несуществующей специальности. Но политические процессы – формирование и борьба идеологий, мобилизация масс, функционирование партийного института, национальная политика, политические конфликты – составляют значительную часть его наследия. Он описывал их языком

исторического материализма, но предмет был политическим. Ниже выделяются шесть направлений, в которых политологическое содержание его работ проступает наиболее отчетливо.

Политическая институтология. В наследии И.Д. Кузнецова эта проблематика представлена в работах о партийной организации. Работа «Краткая история Чувашской большевистской организации» (1935–1936) – первый опыт анализа партийной организации как политического института, с внутренней структурой, механизмами рекрутирования, функциями идеологического контроля и мобилизации. Позднее эта тема развита в «Очерках истории Чувашской областной организации КПСС» (1974), где И.Д. Кузнецов руководил коллективом авторов и написал отдельную главу. Статья «Борьба Чувашской организации ВКП(б) с национал-уклонизмом» (1966) выходит за рамки историографии партии: она исследует внутрипартийные механизмы борьбы с инакомыслием, политические кампании как инструмент поддержания идеологического единства. При политологическом прочтении работ И.Д. Кузнецова видно, что партийную организацию он описывал как политический институт – со структурой, правилами и механизмами воспроизводства, а не как хронику событий, – и создал корпус работ по институциональной истории региональной партийной организации.

Этнополитология и национальная политика. Национальный вопрос – сквозная тема в наследии И.Д. Кузнецова, охватывающая почти полвека. Работы начала 1930-х гг. содержали анализ национальной политики царизма, политики обрусения и роль миссионерских школ. В них же он проводил разбор национального движения – роль Чувашского национального общества, позицию эсеров-националистов, проекты «Идель-Уральских штатов». Сборник документов 1935 г. дополнил этот анализ материалами о программных документах и политической тактике национальных организаций. В работах зрелого периода – доклад «Поражение чувашского буржуазного национализма в 1917–1918 гг.» (1957), статья «Октябрьская революция и крах чувашского буржуазного национализма» (1958) – анализ усложняется: исследуется расстановка политических сил в национальной республике, механизм краха национальной альтернативы. Поздние работы (1972, 1978) еще четче проводят анализ политических механизмов национального самоопределения, а выступления на международных конференциях помещают чувашский материал в сравнительный контекст национальных движений народов СССР. Роль И.Д. Кузнецова для

данного раздела политологии: он проследил этнополитическую динамику почти за полвека и одним из первых в регионе рассмотрел национальное движение как политический процесс, а не как этнографический сюжет, а также поставил проблему национально-освободительного движения у народа, не имевшего собственной государственности.

Исследование политических идеологий. И.Д. Кузнецов был не только исследователем идеологий, но и их активным производителем – его полемические тексты сами являются материалом для анализа идеологического процесса в действии. В статьях 1930-х гг. он подверг критическому разбору идеологические позиции дореволюционных авторов и современных ему националистов, анализировал эсеровскую концепцию «бесклассового» чувашского народа, миссионерскую идеологию системы Ильминского, ленинскую концепцию национального вопроса. Полемика продолжалась и в поздних работах: статья «К вопросу о национальном социализме и национальном коммунизме» (1959), рецензия «Следуя по ложному пути» (1969), статья «В плену теоретической сумятицы» (1969). Он работал внутри марксистской рамки и не выходил за ее пределы, но его критика фиксировала, как идеологические конструкции формируются, какие политические интересы обслуживают и как трансформируются со временем. Для раздела «политические идеологии» роль Кузнецова состоит в том, что он дал материал для анализа этих процессов: показал внутреннюю логику и противоречия националистических конструкций и оставил корпус полемических текстов – сам по себе источник по истории политической мысли региона.

Политическая мобилизация и массовое политическое поведение. И.Д. Кузнецов описывал механизмы вовлечения крестьянства в политику: от крестьянских сходов 1905 г. до комбедов 1918 г., от партийных ячеек до мобилизации на гражданскую войну. Крестьянские съезды 1917 г., I Всероссийский съезд коммунистов-чувашей (1920), создание Чувашского коммунистического комитета (1918) описаны как последовательность актов политической мобилизации. Статья «В.И. Ленин и освободительная борьба чувашского народа» (1960) и доклад «Об этапах перехода чувашского народа от капитализма к социализму» (1967) анализируют мобилизационные процессы в долгосрочной перспективе: от пассивного сопротивления до активного участия в революции и коллективизации. И.Д. Кузнецов фиксировал, как политическая мобилизация проходит через этнические и социальные слои: чувашские крестьяне

действовали иначе, чем русские или марийские; бедняки – иначе, чем середняки или кулаки.

Политическая конфликтология. Акрамовское восстание 1842 г., волнения 1905–1907 гг., «кулацкий мятеж» 1921 г. – конфликты разного типа: классовые, этнополитические, внутриполитические. И.Д. Кузнецов описывал их в рамках марксистской парадигмы классовой борьбы, но собранный материал позволяет видеть структуру конфликта: стороны, интересы, динамику эскалации, способы разрешения, последствия. Особый случай – Атменевское восстание 1913 г., вооруженный конфликт общинников с отрубниками и полицией, в котором И.Д. Кузнецов анализировал провал столыпинской политики как политического конфликта; внутрипартийная борьба с национал-уклонизмом – конфликт внутри политической элиты. Рассматривая работы И.Д. Кузнецова политологически, здесь мы можем отметить, что за марксистской формулой «классовой борьбы» у него стоит полноценная структура конфликта: разобраны виды конфликтов, а локальный конфликт проанализирован как индикатор провала большого политического курса.

Политическая коммуникация и социализация. И.Д. Кузнецов был не только исследователем, но и практиком обоих процессов. Как заведующий отделом культуры и пропаганды обкома, автор многих газетных статей, позднее лектор общества «Знание», он действовал в сфере политической коммуникации, направленной на формирование массового политического сознания. Его многочисленные публикации конца 1960-х гг. об И.Я. Яковлеве – от статей в «Ученых записках» до газетных очерков – были частью целенаправленной информационной кампании, построенной по принципам политической коммуникации: адаптация сообщения к аудитории, повторяемость, охват разных уровней читательской публики. Роль первой чувашской газеты «Хыпар» (1906), партийной печати 1920–1930-х гг., системы школьного образования как каналов политической коммуникации присутствует в его работах, хотя и описывается в терминах «классовой борьбы» и «культурной революции». Работы о роли образования и литературы в формировании политического сознания – «Молодежи о коммунизме» (1961), статьи о воспитании, работы об И.Я. Яковлеве и Симбирской школе – анализируют, как политические ценности передаются новым поколениям. В этой сфере значение исследований и деятельности И.Д. Кузнецова носит двойной характер: он и анализировал политическую коммуникацию как систему, с каналами, технологиями и

аудиторией, и сам был ее активным участником, оставив корпус текстов, который служит источником по истории политической коммуникации в регионе.

Заключение. И.Д. Кузнецов – историк по образованию, самоидентификации и институциональной принадлежности: его язык – язык исторического материализма, методология – марксистско-ленинская. Однако его наследие выходит за рамки одной дисциплины: рассмотренные социологическое и политологическое измерения – лишь два наиболее крупных подхода, а в его трудах обнаруживается и философское, и культурологическое, и литературоведческое измерения. Работы И.Д. Кузнецова содержат массив эмпирических данных, анализ социальных и политических процессов и методологический опыт, который можно переосмыслить в новых дисциплинарных рамках, не обесценивая исторической природы его трудов. Все это позволяет считать И.Д. Кузнецова фигурой, стоящей у истоков социально-гуманитарного знания в Чувашии, – тем фундаментом, на котором оно во многом основано.

Список литературы

1. Крих, С. Б. Язык советской историографии: основные характеристики / С. Б. Крих // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 156, кн. 3. – С. 214–222.

2. Сергеев, Т. С. Материалы этнографических экспедиций 1933 и 1960 годов как источник для изучения этнокультурных процессов в жизни сельского населения Чувашии / Т. С. Сергеев // Этнокультурные феномены в образовательном процессе : сб. науч. статей. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2020. – С. 228.

3. Филиппов, А. Ф. Советская социология как полицейская наука / А. Ф. Филиппов // Политическая концептология. – 2014. – № 3. – С. 91–105.

4. Широков, О. Н. Кафедра истории СССР Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (1967–1992 гг.) / О. Н. Широков, М. Ю. Харитонов // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения : сб. трудов Всерос. науч. конфции. – Чебоксары : Среда, 2019. – С. 52–56.

СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В XIX–XX вв.

Агеева Ульяна Павловна
аспирант, старший преподаватель
Минеева Елена Константиновна
д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОТ ВСЕВОБУЧА К СОВЕТУ ФИЗКУЛЬТУРЫ: АДМИНИСТРАТИВНЫЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ В АЛАТЫРСКОМ УЕЗДЕ (1918–1925)

Аннотация: *в статье на основе архивных материалов исследуется процесс становления и смены административных моделей управления физической культурой в Алатырском уезде Симбирской (с 1924 г. – Ульяновской) губернии в 1918–1925 гг. Показано, что за этот период руководство физкультурой прошло путь от уездного отдела Всевобуча и 7-го ротного участка через Военно-спортивный клуб и Спортцентр к уездному Совету физической культуры. Выявлены кадровые, материальные и организационные трудности, обусловившие частые реорганизации. Установлено, что создание ВСФК и местных советов заложило централизованную систему, однако её внедрение столкнулось с разрывом между нормативным оформлением и реальной практикой. Определены формы и результаты физкультурно-спортивной работы, а также значение этого опыта для последующего развития движения в регионе.*

Ключевые слова: *физическая культура, спорт, Всевобуч, Алатырский уезд, Совет физической культуры, допризывная подготовка, спортизация населения.*

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения регионального опыта управления физической культурой в первые годы советской власти. Период 1918–1925 гг. стал временем становления модели физического воспитания, основанной на массовой спортизации населения и допризывной подготовке. Отдельное внимание заслуживает история Алатырского уезда, находившегося в 1918–1925 гг. в составе Симбирской (с 1924 г. – Ульяновской)

губернии и в сентябре 1925 г. переданного в состав Чувашской АССР. Это позволяет рассмотреть развитие физкультуры в уезде как самостоятельный процесс, прошедший этапы эволюции административных моделей – от Всевобуча до уездного Совета физической культуры. В существующей историографии физкультурное движение Алатырского уезда до 1925 г. специально не изучалось, что оставляет заметный пробел в региональной истории физической культуры.

Цель исследования – на основе архивных материалов проследить процесс становления и смены административных моделей управления физической культурой в Алатырском уезде в 1918–1925 гг., выявить их особенности, определить эффективность и причины реорганизаций, а также оценить значение этого опыта для последующего развития физкультурного движения в регионе.

Формирование советской физической культуры в нашей стране началось после победы Октябрьской революции. В первые годы новой власти сложились общественно-политический характер, идейная направленность, научность советской системы физического воспитания. С ликвидацией буржуазного строя были отменены привилегии эксплуататорских классов на занятия физической культурой и на создание спортивных обществ [6].

В годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции на основании декрета ВЦИК от 22 апреля 1918 г. «О всеобщем военном обучении» [1. Д. 26. Л. 93] был создан Всевобуч – военно-спортивная организация, осуществлявшая допризывную подготовку рабочей и крестьянской молодёжи.

О задачах, поставленных перед Всевобучем, Н. И. Подвойский позднее писал в статье «Ленин и физическое воспитание»: «Декрет о Всеобщем военном обучении соединил гимнастику и все виды физического развития и тренировки с общим и военным образованием в нашей стране. Этим декретом физкультура была введена в единую систему воспитания трудящихся, их подготовки к защите Родины и к высокопроизводительной многообразной работе…» [7].

В Алатырском уезде Симбирской губернии 19 сентября 1918 г. был сформирован Отдел Всевобуча. Согласно докладу уездного инспектора т. Ступина, 5 января 1919 г. была проведена регистрация советских служащих и рабочих заводов. Врачебной комиссией годными были признаны 223 чел. Их распределили по пяти взводам, и с 16 января началось обучение в помещениях: завода бывшего владельца Попова, Духовного училища, мужского монастыря, Совнархоза и пожарной команды [1. Д. 26. Л. 94].

Итоги первого года работы по военному обучению молодёжи были подведены на Первом Всероссийском съезде работников физической культуры, спорта и допризывной подготовки, прошедшем в Москве в апреле 1919 г [8, с. 41]. На съезде была отмечена деятельность Всевобуча и подчеркнута необходимость повышения качества подготовки молодёжи к военной службе; особое внимание уделялось системному подходу к физическому воспитанию подрастающего поколения и расширению сети спортивных клубов. В материалах съезда отмечалось: «Если мы воспитаем молодое поколение так, что создадим основу здорового тела и в то же время будем развивать его дух, то мы создадим тип гражданина, наиболее способного к защите своего Отечества». Делегаты утвердили «Положение о допризывной подготовке молодёжи» и Устав спортивного клуба.

Принятые на съезде документы определили направление преобразований на местах. В Алатырском уезде в результате реорганизации местного отдела Всевобуча 26 апреля 1920 г. был сформирован 7-й ротный участок, осуществлявший допризывную подготовку населения и организацию спортивно-физкультурной работы [2. Д. 871. Л. 4]. Анализ деятельности участка выявил значительное расхождение между требованиями нормативных документов и фактическими возможностями: согласно Положению о допризывной подготовке и соответствующей инструкции, штатная потребность в младших инструкторах составляла 90 человек, тогда как фактически в уезде имелось лишь 15 инструкторов, при этом участок испытывал недостаток в пособиях и спортивном инвентаре [2. Д. 871. Л. 177]. В этих условиях выполнение задач допризывной подготовки и организации физкультурной работы было затруднено.

Наряду с этим в ротном участке действовало пять спортивных организаций: в Алатыре – общество «Спартак», кружок «Люцифер», спортивная секция при РКСМ и отряд скаутов, в селе Промзино – секция при РКСМ. Общая численность их членов составляла 104 человека [2. Д. 871. Л. 177]. Эти объединения, будучи немногочисленными, отражали общественную инициативу и интерес к физической культуре в уезде. Кроме того, в результате мобилизации рабочих и при содействии волвоенкоматов были оборудованы две спортивные площадки и 22 гимнастических городка [2. Д. 871. Л. 176]. Таким образом, несмотря на недостаток кадров и материальные трудности, в уезде предпринимались меры по созданию минимальной спортивной инфраструктуры и поддержке физкультурного движения, что свидетельствует о частичном выполнении поставленных задач.

Наряду с организационной и инфраструктурной работой в ротном участке велась целенаправленная пропаганда физической культуры: в Алатыре было возбуждено ходатайство о переименовании улицы Московской в улицу Всевобуч, что должно было символически закрепить новые общественные идеалы; был организован первый алатырский отряд скаутов, действовавший под руководством Т. Семёнова; состоялись футбольные матчи и состязания по лёгкой атлетике среди любителей спорта и допризывников [2. Д. 871. Л. 164]. Местные органы Всевобуча использовали доступные формы агитационно-пропагандистской работы – от переименования улицы до публичных спортивных мероприятий, что способствовало распространению идей физического воспитания среди населения и формированию интереса к организованным занятиям спортом.

Перечисленные местные инициативы являлись составной частью общей политики, направленной на физическое развитие молодежи, что нашло отражение в приказе Реввоенсовета Республики №2167 от 17 декабря 1919 г [8, с. 599–600], в котором были сформулированы задачи допризывной подготовки, в частности: «…2. Физически развить, то есть сделать здоровым, сильным, выносливым и ловким, способным легко переносить тяготы и лишения военно-походной и боевой службы. 3. Тренировать, то есть достигнутые в отношении физического развития результаты превратить в привычные для организма навыки». Выполнение этих задач возлагалось на органы Всевобуча, которые руководили физкультурной работой по всей стране, организуя военно-спортивные клубы, где молодежь занималась преимущественно прикладными видами спорта и участвовала в спортивных соревнованиях [8, с. 43].

В декабре 1920 г. на базе 7-го ротного участка был создан военно-спортивный клуб, объединивший все спортивные силы уезда. 2 января 1921 г. клуб был официально открыт как Алатырский военно-спортивный клуб Всевобуча, председателем которого был назначен Н. Н. Печерников [2. Д. 867. Л. 13]. Согласно документам, в январе 1921 г. эта организация являлась единственным субъектом, осуществлявшим мероприятия по спортизации населения [2. Д. 1161. Л. 2].

Клуб насчитывал 120 членов, из них 26 женщин; среди них было немало опытных местных спортсменов и видных деятелей физической культуры. Организация состояла из двух секций – спортивной и культурно-просветительной, каждая из которых подразделялась на самостоятельные отделы. Спортивная секция включала 12 отделов: гимнастику, вольные движения, тяжёлую атлетику, лёгкую атлетику,

лыжный и конькобежный спорт, фехтование, футбол, хоккей, теннис, парусно-гребной спорт, плавание, а также игры. Культурно-просветительная секция включала три отдела: литературно-художественный, драматический и музыкальный. Средняя ежедневная посещаемость клуба составляла 28 человек [2. Д. 1161. Л. 74].

Организационные изменения в системе физкультурных учреждений уезда продолжались и после открытия клуба. Согласно приказу Запасной армии Приволжского военного округа (Запармии Приво) от 25 мая 1921 г. 7-й ротный участок 16 июня 1921 г. был упразднен, а на его базе создано Отделение спорта и призывной подготовки Алатырского уездного военного комиссариата. Первоначально предполагалось два спортцентра – в г. Алатыре и с. Промзино, однако 9 июля 1921 г., во исполнение приказа Запармии и Приво от 4 июня того же года, приказом уисполкома Промзинский спортцентр был ликвидирован, а в Алатыре учрежден единый уездный спортцентр. К этому времени в волостях действовало 12 спортклубов [2. Д. 1140. Л. 13].

Согласно плану работы Уездного отделения Всевобуча и спортцентров, уездную систему возглавляло Отделение Всевобуча как руководящий и контролирующий орган, которому непосредственно подчинялись спортцентры, проводившие допризывную подготовку и спортизацию населения. Для объединения частных спортивных организаций и проведения государственной политики был создан Военно-спортивный клуб Всевобуча [2. Д. 1442. Л. 2].

Реорганизация 7-го ротного участка, в результате которой в уезде вместо одного органа были созданы два (Отделение Всевобуча и спортцентр), оказалась нецелесообразной. Во-первых, два учреждения выполняли одни и ту же функции, причем спортцентр как исполнительный орган располагал широким штатом 48 человек [2. Д. 1140. Л. 13], тогда как Отделение Всевобуча контролирующий и передаточный орган имело штат всего 12 человек. Кроме того, проведение допризывной подготовки через спортцентр было затруднено, т.к. на каждого инструктора приходилось 150 – 200 допризывников, что при норме 6 часов в неделю было явно недостаточно [2. Д. 1140. Л. 16]. Наряду с этим возникли кадровые и материальные трудности: спортцентры располагали инструкторским составом, не имевшим спортивной подготовки, что требовало организации при них курсов помощников младших инструкторов; спортивное имущество и инвентарь из-за отсутствия на рынке приходилось приобретать и изготовлять собственными силами [2. Д. 1442. Л. 3].

Согласно приказу Симбирского губернского военного комиссариата, к 3 сентября 1921 г. спортцентр в Алатыре был реорганизован по новым штатам, а в селе Порецком создан спортпункт. Оба учреждения, продолжая текущую работу, приступили к созданию спортячеек [2. Д. 1140. Л. 14]. Всего было создано шесть ячеек: при спортцентре, Институте природоведения, механическом заводе, женской школе II ступени, уездном комитете РКП и уездном комитете РКСМ. Всего в уезде насчитывалось 13 ячеек [2. Д. 1142. Л. 32].

Несмотря на организационные трудности, физкультурная работа в уезде не прекращалась. Согласно докладу председателя спортцентра тов. Ильина И.И. (июль 1921 г.), спорт в городе развивался активно: организация насчитывала 200 человек, из них 35 женщин [2. Д. 1142. Л. 23]. Состоялись День спорта и Всевобуча, товарищеские футбольные матчи. Активно работал спортклуб Всевобуча, создавший три женские и две детские группы, реорганизовавший ударную группу гимнастов и сформировавший две футбольные команды. В обществе «Спартак» действовали две футбольные и одна детская команды. 24 июля состоялась первая городская конференция спортсменов, на которой были определены дальнейшие направления работы [2. Д. 1142. Л. 17]. Основными препятствиями оставались голод, отсутствие средств, недостаток спортинвентаря и костюмов, что затрудняло работу в спортячейках.

После гражданской войны, как отмечает Г.С. Деметер, Всевобуч оставался главным органом управления физкультурной работой, поскольку специализированный государственный орган ещё не был создан. Попытка спортизации населения через районные спортивные центры не увенчалась успехом из-за экономических трудностей и сокращения ассигнований [4, с. 22].

Согласно отчёту о деятельности Алатырского отделения Всевобуча за ноябрь 1921 г., 31 октября 1921 г. во исполнение приказа губернского военного комиссариата о реорганизации спортивных центров и клубов последние были расформированы, а вместо них создан единый уездный спортпункт со штатом в 10 инструкторов. Если ранее в уезде действовала широкая сеть спортклубов и ячеек, то после сокращения кадров в ведении уездного отделения Всевобуча осталось три клуба в Алатыре и шесть в уезде. Для улучшения ситуации была открыта школа физической культуры, комплектовавшаяся исключительно городскими допризывниками, что не требовало расходов на содержание. Среди основных препятствий в работе отмечены голод, отсутствие канцелярских принадлежностей,

недостаток инвентаря, слабая связь с губернией и частые реорганизации органов Всевобуча [2. Д. 1140. Л. 57].

В дополнение к этим мерам приказом №482 от 24 ноября 1921 г. всем уездным отделениям Всевобуча и подведомственным им спортпунктам предписывалось расформироваться и на основании анкет каждого работника переукомплектовать уездные отделения, заполнив их лучшим инструкторским составом [2. Д. 1135. Л. 26].

Формирование единой системы государственного управления физической культурой в РСФСР началось с учреждения Высшего совета физической культуры (ВСФК), созданного декретом ВЦИК РСФСР от 27 июня 1923 г. «Об образовании высшего и местных советов физической культуры трудящихся РСФСР» [10]. Это решение положило начало централизованной системе управления, на ВСФК возлагались согласование и объединение научной, учебной и организационной деятельности ведомств и организаций в сфере физического воспитания трудящихся. Продолжением этой системы стало создание при уездных исполнительных комитетах уездных советов физической культуры, которые осуществляли государственное руководство физкультурным движением на местах.

Однако на практике реализация этой системы встретила значительные трудности. В докладе о деятельности губернского отдела, рассмотренном 25 марта 1925 г. на заседании президиума Ульяновского губернского исполнительного комитета Совета рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов, отмечалось, что работа в уездах по физической культуре признана слабой. Причинами названы недавнее создание советов и недостаточное внимание местных органов власти [1. Д. 356. Л. 7].

Показателен в этом отношении Алатырский уезд. На заседании президиума Алатырского уездного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 9 мая 1925 г. председатель Совета физической культуры тов. Леонов представил доклад о деятельности этой организации. Отмечалось, что Совет фактически функционирует с января 1925 г., тогда как средства на содержание выделяются с октября 1924 г. К тому времени было создано девять ячеек: шесть городских (326 человек) и три уездных (108 человек). Общее число занимающихся – 434 человека, из них 61% мужчин и 39% женщин. Переход от старых форм работы к новым в городе осуществлён, в уезде – нет. Проведено два агитационных выступления. В дальнейшем планировалось создание новых ячеек в уезде и организация соревнований [1. Д. 360. Л. 29].

Таким образом, создание ВСФК и уездных советов положило начало централизованной системе управления физической культурой, однако её становление на местах столкнулось с трудностями. Между нормативным закреплением централизованной системы и её практической реализацией в уездах сохранялся разрыв: реформа управления опережала реальные возможности местных органов.

На фоне незавершенности реформ на местах в 1925 г. произошли изменения в административно-территориальном устройстве. Преобразование Чувашской автономной области в Чувашскую автономную Советскую Социалистическую Республику было закреплено постановлением ВЦИК от 21 апреля 1925 г. 15 июня того же года ВЦИК и СНК РСФСР издали постановление «О государственном устройстве ЧАССР». Согласно постановлению ВЦИК от 20 июня 1925 г., в состав Чувашской АССР вошли три волости Алатырского уезда Ульяновской губернии: Алатырская (с г. Алатырем), Порецкая и Кувакинская [5, с. 39]. Включение промышленно развитой территории с населением свыше 121 тыс. человек было призвано укрепить созданную в апреле 1925 г. автономию и ускорить формирование единого экономического комплекса в рамках республики [3. Л. 6].

Таким образом, управление физической культурой в Алатырском уезде в 1918–1925 гг. включало несколько последовательных этапов: от уездного отдела Всевобуча до уездного Совета физической культуры. На каждом этапе возникали трудности: острый дефицит ресурсов и частые реорганизации, которые затрудняли деятельность. Создание ВСФК при ВЦИК РСФСР и местных советов положило начало централизованной системе управления, однако её внедрение столкнулось с разрывом между нормативными требованиями центрального органа и реальными возможностями регионов.

Несмотря на эти трудности, физкультурная работа не прекращалась: устраивались соревнования и агитационные мероприятия, открывались школы физической культуры, работали спортивные кружки. К моменту вхождения в состав Чувашской АССР в июне 1925 г. Алатырский уезд располагал уже сложившейся, хотя и не завершённой системой физкультурной работы. Опыт Алатырского уезда свидетельствует, что становление советской системы физического воспитания было сложным процессом, зависевшим от решений центра, местных условий, кадров и финансового обеспечения.

Список литературы

1. ГИА ЧР Ф. Р-244. Оп. 1.
2. ГИА ЧР Ф. Р-335. Оп. 1.

3. ГАСИ ЧР Ф.П-8. Оп. 1.
4. Деметер, Г. С. Очерки по истории отечественной физической культуры и олимпийского движения / Г. С. Деметер. – Москва : Советский спорт, 2005. – 322 с.
5. Нестеров, В. А. Населенные пункты Чувашской АССР. 1917–1981 годы : справочник об административно-территориальном делении / В. А. Нестеров. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1981. – 352 с.
6. Очерки по истории физической культуры : сборник / ред.-сост. Ф.И. Самоуков, В.В. Столбов. – Москва : Физкультура и спорт, 1967. – 199 с.
7. Подвойский, Н. И. Ленин и физическое воспитание / Н. И. Подвойский // Красный спорт. – 1940. – № 4 (831).
8. Потёмкин, И. А. Динамовский почин: на все сто! Документальные очерки по истории физкультурно-спортивного общества «Динамо» (советский период) / И. А. Потёмкин. – Москва : У Никитских ворот, 2023. – 416 с.
9. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. – Москва, 1919. – №68–69. – С. 599–600.
10. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1923 г. №61–77. Отдел первый / Народ. комиссариат юстиции. – Москва. – С. 602.

Антипин Борис Сергеевич
аспирант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

НЕПРОСТАЯ БИОГРАФИЯ ВОЕНАЧАЛЬНИКА ГЕНРИХА ЭЙХЕ: МЕЖДУ ВОЙНОЙ, ЛАГЕРЕМ И КНИГОЙ

Аннотация: *статья посвящена биографии Генриха Христофоровича Эйхе (1893–1968 гг.) – командира Красной армии периода Гражданской войны, кавалера ордена Красного Знамени №96, узника Печорских лагерей и военного историка. Прослеживается его путь от рижского коммерческого училища и службы в старой армии через командование Шихранским отрядом и 26-й Златоустовской стрелковой дивизией к работе над книгами «Уфимская авантюра Колчака» и «Опрокинутый тыл». Особое внимание уделено разграничению Шихранской группы войск и Шихранского отряда, а также параллели с судьбой историка И. Д. Кузнецова: оба прошли через Чувашию и Печору и после реабилитации вернулись к научной работе. На примере двух биографий показано, как*

советская система возносила, ломала и вновь «возвращала» человека, а наука становилась способом вернуть утраченное.

Ключевые слова: *Гражданская война, Восточный фронт, Шихранская группа войск, Шихранский отряд, 26-я Златоустовская стрелковая дивизия, политические репрессии, Кузнецов, Чувашия, Печорлаг.*

Советская эпоха выработала особый тип биографии, в которой индивидуальная судьба подчинялась логике, не зависящей от воли человека. Система возносила – ломала – и иногда, не до конца, «возвращала».

Генрих Эйхе родился 29 сентября 1893 г. в Риге, в семье латышского рабочего. Окончил Рижское коммерческое училище (1914 г.), год занимался в Берлинской консерватории по классу композиции [1–3]. В 1915 г. призван в армию, окончил Петергофскую школу прапорщиков, служил в 245-м пехотном Бердянском полку 62-й пехотной дивизии, дослужился до штабс-капитана [1]. Осенью 1917 г. стал сторонником большевиков.

22 марта 1918 г. Г.Х. Эйхе добровольно вступил в РККА в Смоленске и получил назначение командиром 1-го революционного пехотного полка имени Облисполкома Западной области [1]. Оттуда – на Восточный фронт.

Летом 1918 г. после падения Симбирска (22 июля) и Казани (7 августа) части Народной армии КОМУЧа и чехословацкого корпуса рвались к железнодорожной магистрали Тюрлема – Шихраны – Ибреси – Алатырь – единственной линии, связывавшей фронт с тылом и обеспечивавшей связь между 1-й и 5-й армиями красных. Перехват дороги рассекал бы советский фронт надвое [11, с. 18]. Основные силы 5-й армии были объединены в Левобережную и Правобережную группы, действовавшие непосредственно под Казанью. Дополнительно для прикрытия железной дороги на территории будущей Чувашии сформировали Алатырскую и Шихранскую группы войск.

Алатырская группа под командованием В.Г. Пеньевского первоначально включала 1-й батальон Симбирского полка, батальон Кромского полка, конную сотню, Смоленскую гаубичную батарею, местный батальон; к сентябрю её состав был следующим: 1-й батальон Кромского полка, Алатырский батальон, Смоленскую батарею, гаубичную батарею, конную сотню, две роты Симбирского полка [8; 10; 13]. В неё влили Буинский отряд под

командованием И.С. Космовского, военного комиссара Буинского уезда, сформировавшего отряд до 250 человек из русских, татар, чувашей и мордвы.

Шихранская группа (штаб – ст. Шихраны, ныне г. Канаш) была создана 12 августа как резерв Восточного фронта; она первоначально включала один батальон Кромского полка, 4-й Латышский полк, 3-й Симбирский полк, 1-й Казанский полк, автомобильный отряд, броневой взвод, авиаотряд (2 самолёта), пулемётную роту и татаро-башкирский батальон [8; 10; 13]. В течение своего существования в августе – сентябре 1918 г. состав Шихранской группы менялся. В литературе имеются различные сведения о командовании данной группой. Согласно документальным источникам, первоначально группой командовал кадровый офицер из латышей Я.Я. Юршевский [9, с. 218]. Как долго он был командующим, пока не ясно. После взятия красными войсками Казани (10 сентября) части Правобережной и Шихранской групп переподчинили 1-й армии М.Н. Тухачевского; в это время во главе группы находился некто Каменщиков (вероятно, подполковник В.В. Каменщиков, вскоре ставший начальником войск охраны железных дорог РСФСР). Пробыл он командующим, вероятно, совсем недолго. Уже 18 сентября в одном из приказов по 5-й армии отмечается, что части Шихранской группы включаются в состав Правобережной группы, командующим которой обозначен Н.И. Вахрамеев, также из бывших кадровых военных [16, с. 34–35].

Дополнительно в составе группы был создан Ибресинский отряд, в котором числились Брянский стрелковый полк и финский отряд Чернова – подразделение из финских красногвардейцев, ранее охранявших ВЧК в Москве. Из местных чувашских добровольцев здесь упоминается кавалерийский отряд под командованием А. Лебедева [10]. В составе группы действовал отряд П.Е. Крепкова, посланный в Малое Батырево, где 28 августа он принял неравный бой: командир и 40 бойцов погибли [11, с. 19].

Также в составе Шихранской группы действовал особый отряд под командованием Г.Х. Эйхе [18, с. 180]. По данным Р.А. Бадикова, опирающегося на архивные материалы, это формирование именуется «Шихранским отрядом» [1; 5, с. 19]. К сентябрю 1918 г. этот отряд состоял из 4-го Латышского полка, 1-го Латышского кавалерийского полка, артбатареи. Эйхе командовал им с августа по ноябрь 1918 г. Таким образом, в историографии следует различать Шихранскую группу войск (крупное объединение, которым командовали

Юршевский, Каменщиков, Вахрамеев) и Шихранский отряд (формирование внутри группы, которым командовал Эйхе). Утверждение, что Эйхе «командовал Шихранской группой», – неточность, возникшая из отождествления группы и отряда.

Во время боёв под Казанью войска КОМУЧа вели активные наступательные действия. Основная группа стремилась захватить ст. Тюрлему. Другая часть 27–28 августа вышла к Большому Батырево, намереваясь прорваться к Ибресям и Шихранам, но подошедшие из Ибресей и Шихран части отбросили белых [10; 11]. В боях с этой группой белых погиб отряд Крепкова.

8 сентября Шихранская группа перешла в наступление одновременно с Алатырской группой и частями 1-й и 5-й армий: 8 сентября заняты Большое Батырево и Большие Яльчики, 11–14 сентября совместно с Алатырской группой освобождён Буинск, 15 сентября – Тетюши. Параллельно на симбирском направлении Железная дивизия Г.Д. Гая 12 сентября освободила Симбирск [9].

Шихранский отряд влили в 26-ю стрелковую дивизию. 7 ноября 1918 г. Г.Х. Эйхе назначили командиром 3-й бригады в составе 232-го полка имени Облисполкома Западной области, 233-го Казанского и 234-го Маловишерского полков [19]. Зимой 1918–1919 гг. 3-я бригада вела позиционные бои на Урале. С апреля 1919 г. Г.Х. Эйхе – начальник 26-й стрелковой дивизии. Ключевые операции: Бугурусланская; форсирование Белой (за неё награждён орденом Красного Знамени №96); Юрюзанский рейд (июнь – июль); Челябинская операция (июль – август, разгром Волжской группы Каппеля) [1; 4; 6; 16; 19]. В ноябре 1919 – январе 1920 гг. Г.Х. Эйхе командовал 5-й армией, завершив ликвидацию остатков войск Колчака [20]. В марте 1920 – апреле 1921 гг. он был первым главкомом Народно-революционной армии ДВР.

В 1923 г. Г.Х. Эйхе уволился из армии и более двенадцати лет работал в системе Внешторга. В мае 1938 г. арестован по обвинению в участии в «латышской контрреволюционной организации» и как двоюродный брат бывшего члена ЦК Р.И. Эйхе [1; 5]. 14 февраля 1939 г. Особое совещание НКВД осудило его на 5 лет ИТЛ; позже срок дважды увеличивали. В общей сложности Г.Х. Эйхе провёл в лагерях и ссылке около 16 лет. Пострадали и его близкие: жена и дочь. Срок он отбывал в Ухто-Ижемском ИТЛ в бассейне Печоры, работал бухгалтером Печорского геологоразведочного района.

В тех же печорских местах оказался и историк Иван Данилович Кузнецов (1906–1991 гг.), уроженец деревни Полевые Буртасы

Яльчикского района, тех самых мест, где в 1918 г. действовал отряд Эйхе. Арестован в ноябре 1937 г. по делу о чувашской «контрреволюционной буржуазно-националистической организации», в феврале 1941 г. получил 8 лет, отбывал срок в Севжелдорлаге на строительстве Северо-Печорской железной дороги [22]. Реабилитирован в 1955 г.

В апреле 1954 г. Военная коллегия Верховного суда СССР прекратила дело Г.Х. Эйхе за отсутствием состава преступления [1]. Он вернулся в Москву и стал членом Совета военно-научного общества при Центральном музее Советской Армии. Получив доступ к архивам обеих сторон, работал не как мемуарист, а как исследователь. После реабилитации вышли «Уфимская авантюра Колчака» (1960 г.) [21] и «Опрокинутый тыл» (1966 г.) [20] – главный труд о партизанском движении в тылу Колчака. И.Д. Кузнецов в те же годы возглавил Чувашский НИИ языка, литературы, истории и экономики (с 1958 г.) и защитил докторскую диссертацию (1967 г.) [22]. Оба хотели принести пользу, старались наверстать упущенное время.

Г.Х. Эйхе умер 25 июля 1968 г. в Юрмале. Похоронен на Введенском кладбище в Москве.

Г.Х. Эйхе и И.Д. Кузнецов – два человека, связанных одним пространством: Чувашия и Печора. Они прошли через тяжёлые испытания, но сумели выстоять. Лагерь пытался стереть их личности, однако наука стала для них способом вернуть утраченное.

Список литературы

1. Бадиков, Р. А. Генрих Христофорович Эйхе / Р. А. Бадиков // Вопросы истории. – 2015. – № 1. – С. 45–59.

2. Бадиков, Р. А. Г.Х. Эйхе: опыт исследования детских и юношеских лет жизни красного командарма / Р. А. Бадиков // Новейшая история России. – 2016. – № 3. – С. 84–92.

3. Бадиков, Р. А. «Призыв и война грозили решительно перечеркнуть мои занятия музыкой…»: к вопросу о службе Г.Х. Эйхе в период Первой мировой войны / Р. А. Бадиков // Вестник МГПУ. Сер. Ист. науки. – 2016. – № 4. – С. 5–18.

4. Бадиков, Р. А. Юрюзанский рейд начдива Г.Х. Эйхе / Р. А. Бадиков // Военно-исторический журнал. – 2017. – № 4. – С. 27–32.

5. Бадиков, Р. А. Военно-управленческая деятельность Г.Х. Эйхе в период Гражданской войны на востоке России (1918–1921 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Р. А. Бадиков. – Москва, 2017.

6. Бадиков, Р. А. Челябинская операция 1919 года в военной биографии красного начдива Г.Х. Эйхе / Р. А. Бадиков // Вестник Пермского университета. Сер. История. – 2016. – № 3. – С. 99–107.

7. Клементьев, В. Н. Гражданская война / В. Н. Клементьев // Чувашская энциклопедия. – URL: https://chuvenc.ru/show_Publication/1098 (дата обращения: 14.09.2026). – Текст : электронный.

8. Клементьев, В. Н. Группировки Красной Армии в Чувашии / В. Н. Клементьев // Чувашская энциклопедия. – URL: https://chuvenc.ru/show_Publication/1811 (дата обращения: 14.09.2026). – Текст : электронный.

9. Ненароков, А. П. Восточный фронт, 1918 / А. П. Ненароков. – Москва : Наука, 1969. – 295 с.

10. Петров, И. Е. Чувашия в период интервенции и Гражданской войны / И. Е. Петров. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1954. – 184 с.

11. Румянцев, М. В. Участие трудящихся Чувашии в разгроме империалистической интервенции и внутренней контрреволюции в годы гражданской войны / М. В. Румянцев ; Науч.-исслед. ин-т языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1963. – 132 с.

12. Богомазова, Ю. А. И.Д. Кузнецов – ученый, педагог и общественный деятель : автореф. дис. … канд. ист. наук / Ю. А. Богомазова. – Казань, 2008. – 22 с.

13. Чувашия в годы гражданской войны. Образование Чувашской автономной области: сб. документов / Чуваш. науч.-исслед. ин-т языка, литературы, истории и экономики, Центр. гос. архив ЧАССР, Парт. архив Чуваш. обкома КПСС. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1960. – 718 с.

14. В боях рожденная. 1918–1920. Боевой путь 5 армии: сб. док. / отв. сост. С. Д. Гусаревич, Т. Ф. Каряева. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1985. – 418 с.

15. Спреслис, А. И. Латышские стрелки на страже завоеваний Октября. 1917–1918 гг / А. И. Спреслис. – Рига : Зинатне, 1967. – 243 с.

16. Краткий исторический очерк 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. – Красноярск : Изд. Подива 26 и Енгубкома РКП, 1925. – 72 с.

17. Эйхе, Г. Х. Опрокинутый тыл / Г. Х. Эйхе. – Москва : Воениздат, 1966. – 384 с.

18. Эйхе, Г. Х. Уфимская авантюра Колчака. (Март – апрель 1919 г.): Почему Колчаку не удалось прорваться к Волге на соединение с Деникиным / Г. Х. Эйхе. – Москва : Воениздат, 1960. – 295 с.

Антипова Елизавета Михайловна
аспирант
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный
технический университет им. Р.Е. Алексеева»
г. Нижний Новгород, Нижегородская область
DOI 10.31483/r-169349

АДМИНИСТРАТИВНО-МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ УСКОРЕНИЯ В ГОРЬКОМ (1985–1987 гг.)

Аннотация: *в статье рассматриваются механизмы реализации общесоюзного курса на ускорение социально-экономического развития на городском уровне на примере Горького в 1985–1987 годах. На основе анализа документов Горьковского обкома КПСС, материалов городских партийных конференций и архивных источников исследуются основные инструменты реализации политики: укрепление трудовой дисциплины, партийная мобилизация, антиалкогольная кампания, социалистическое соревнование, а также меры по техническому перевооружению машиностроения. Показано, что реализация ускорения в Горьком осуществлялась преимущественно через административно-мобилизационные механизмы, тогда как техническое обновление промышленности сталкивалось с рядом структурных условий.*

Ключевые слова: *ускорение, Горький, машиностроение, трудовая дисциплина, антиалкогольная кампания, социалистическое соревнование, техническое перевооружение.*

Провозглашённая в апреле 1985 года на Пленуме ЦК КПСС политика ускорения социально-экономического развития определила новый этап экономической политики СССР. Ключевым инструментом ускорения был объявлен научно-технический прогресс, а его локомотивом – машиностроение. Горький как один из крупнейших машиностроительных центров страны, где располагались Горьковский автомобильный завод, завод «Красное Сормово», завод «Двигатель революции» и другие предприятия общесоюзного значения, занимал в этой стратегии особое место.

Цель данной статьи – проанализировать механизмы реализации курса на ускорение на примере Горького в 1985–1987 годах. Задачи исследования: определить место Горького в общесоюзной стратегии ускорения; рассмотреть основные механизмы реализации

политики на городском уровне; выявить условия, в которых проходила реализация ускорения.

Горький концентрировал крупные предприятия автомобильной, судостроительной, станкостроительной и двигателестроительной отраслей. Горьковский автомобильный завод (ГАЗ) являлся головным предприятием советской автомобильной промышленности, «Красное Сормово» – одним из ведущих судостроительных заводов, завод «Двигатель революции» – крупным производителем двигателей внутреннего сгорания.

На общесоюзном уровне Горький рассматривался как один из центров, призванных обеспечить техническое перевооружение народного хозяйства. В материалах XXVII съезда КПСС подчёркивалась необходимость повышения роли крупных промышленных центров в решении задач экономического развития [16]. Горьковская областная партийная организация была ориентирована на «ускорение научно-технического прогресса» как на приоритетное направление работы.

В 1986 году на ГАЗе началось производство гибких производственных модулей ИР500, предназначенных для оснащения автомобильной промышленности. Планировалось, что к 1990 году предприятие будет полностью реконструировано и переоснащено, а выпуск производственного оборудования для автомобильной отрасли увеличится втрое. Предполагаемый объём инвестиций в эту программу оценивался в 1,2–1,4 млрд рублей [8].

Однако к середине 1980-х годов оборудование ведущих предприятий Горького в значительной степени устарело. Согласно документам обкома КПСС, на ГАЗе около 11% оборудования эксплуатировалось 40 и более лет, примерно 40% технологического оборудования имело срок службы 25 лет. Отдельные производства не подвергались техническому перевооружению на протяжении десятилетий и располагали до 70% изношенного оборудования [8]. Аналогичная ситуация складывалась на заводе «Красное Сормово» и заводе «Двигатель революции».

Основным инструментом реализации ускорения на городском уровне стало укрепление трудовой дисциплины и партийная мобилизация. Эта направленность соответствовала общесоюзным установкам: уже на апрельском пленуме 1985 года М. С. Горбачёв указывал, что «быструю отдачу можно получить, если привести в действие организационно-экономические и социальные резервы и, в первую очередь, активизировать человеческий фактор» [13].

В Горьком реализация этой установки приняла форму усиления партийного контроля на предприятиях и повышения персональной ответственности руководителей. В 1986 году на XXVII Горьковской областной партийной конференции в числе главных задач были определены «повышение организованности и дисциплины», «наращивание ритма и темпа напряжённого труда» [15]. Городские партийные органы организовывали комиссии из партийного актива, которые проводили проверки на предприятиях, в учреждениях и торговых организациях с целью выявления нарушений трудового порядка.

Наряду с пропагандистскими мерами применялись административные санкции. Ужесточалась вертикаль власти, усиливалась персональная ответственность за выполнение плановых заданий. В 1985–1986 годах в Горьком, как и в целом по стране, произошла смена значительной части руководящих кадров: за два года было заменено около 70% членов ЦК КПСС, 60% секретарей обкомов и 40% членов Политбюро [10]. На городском уровне это выразилось в обновлении руководства предприятий и партийных организаций.

Антиалкогольная кампания стала наиболее заметной практической мерой начального этапа ускорения на городском уровне. Постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» от 7 мая 1985 года и последовавший за ним Закон СССР «О борьбе с пьянством и алкоголизмом» от 17 мая 1985 года задали правовую основу кампании [12].

В Горьком, как и в других промышленных центрах, кампания имела выраженную производственную направленность. Пьянство рассматривалось как основная причина прогулов, низкой производительности труда и аварийности. По данным областных органов, только на промышленных предприятиях Горьковской области ежегодные потери от алкоголя, связанные с прогулами, оценивались в 15–18 млн рублей [18].

Реализация кампании на городском уровне включала сокращение сети торговли алкогольной продукцией, ограничение времени продажи, ужесточение ответственности за появление на работе в нетрезвом виде. Первоначально эти меры дали определённый эффект: сократились прогулы, снизился производственный травматизм. В дальнейшем проявились негативные последствия: рост самогоноварения, дефицит сахара, увеличение очередей, потери государственного бюджета.

Третьим механизмом реализации ускорения в Горьком стало социалистическое соревнование и мобилизация «человеческого фактора».

Эта направленность опиралась на представление о том, что активизация трудовой инициативы способна обеспечить рост эффективности производства без дополнительных материальных вложений.

В 1986 году городские партийные органы систематически использовали социалистическое соревнование для продвижения задач ускорения. Проводились конкурсы по производственным показателям, развивалось рационализаторское движение, распространялся опыт передовиков. На XXVII областной партийной конференции подчёркивалась необходимость «неуклонного расширения участия трудящихся в управлении» [15].

В условиях устаревшего оборудования и недостаточной механизации возможности для реализации трудовой инициативы были ограничены. Рационализаторские предложения не могли компенсировать технологическое отставание производственной базы.

Горьковский автомобильный завод являлся центральным объектом технического перевооружения в городе. В рамках ускорения предприятие было включено в программу модернизации, предусматривавшую освоение производства гибких производственных модулей ИР500. Производство модулей было организовано на основе лицензии, полученной от Ивановского станкостроительного завода. Первые шесть модулей планировалось изготовить к февралю 1986 года. В дальнейшем предполагалось наращивание выпуска с целью обеспечения потребностей отрасли [8].

Реализация программы столкнулась с трудностями. Техническое перевооружение требовало стабильного финансирования, своевременной поставки комплектующих и согласованной работы смежных предприятий. В условиях 1985–1987 годов эти условия не были обеспечены в полной мере. Программа модернизации ГАЗа, рассчитанная на несколько лет, продвигалась медленнее, чем предполагалось.

Техническое перевооружение машиностроения в Горьком ограничивалось рядом структурных факторов. В 1970–1985 годах доля капитальных вложений, направляемых на техническое перевооружение действующих предприятий, не превышала 30–35% от общего объёма, тогда как для нормального воспроизводства требовалось не менее 50–60% [8]. Техническое обновление предприятий Горького зависело от поставок оборудования из других регионов и отраслей. Гибкие производственные модули ИР500 производились на основе лицензии, что указывало на зависимость от внешних технологических источников. Координация межрегиональных поставок в условиях плановой системы оставалась сложной задачей.

В 1985–1987 годах предприятия ещё не получили значительной хозяйственной самостоятельности [2]. Решения о техническом перевооружении требовали многоуровневого согласования, предприятия не могли самостоятельно определять приоритеты и темпы обновления. Предприятия Горького были обязаны выполнять плановые задания по выпуску продукции, одновременно осуществляя техническое перевооружение. В условиях ограниченных ресурсов эти задачи вступали в конкуренцию. Руководство предприятий, как правило, отдавало приоритет выполнению текущих планов, поскольку невыполнение плана влекло немедленные санкции, тогда как отставание в модернизации сказывалось не сразу.

Реализация ускорения в Горьком в 1985–1987 годах дала определённые краткосрочные результаты. Укрепление дисциплины способствовало сокращению прогулов и нарушений трудового распорядка. Антиалкогольная кампания в первый период привела к снижению производственного травматизма. Социалистическое соревнование активизировало трудовую инициативу.

Эти эффекты носили преимущественно мобилизационный характер. Административное давление не создавало внутренних стимулов к повышению эффективности труда. По мере ослабления кампанейского накала первоначальные достижения нивелировались. Антиалкогольная кампания, давшая наиболее заметный первоначальный эффект, обернулась ростом нелегального производства алкоголя и социальными издержками [18].

Центральное противоречие реализации ускорения в Горьком состояло в несоответствии между задачами текущего производства и технической модернизации. Предприятия города должны были одновременно выполнять плановые задания и осуществлять техническое перевооружение. В условиях ограниченных ресурсов эти задачи конкурировали между собой. Практика показала, что текущее производство имело приоритет. Плановые задания оценивались по итогам года и влекли немедленные организационные выводы. Модернизация же была рассчитана на длительную перспективу, и её отставание не приводило к столь же быстрым санкциям. В результате предприятия направляли ресурсы на выполнение текущих планов, откладывая техническое обновление.

Список литературы

1. Аганбегян, А. Г. Научно-технический прогресс и ускорение социально-экономического развития / А. Г. Аганбегян. – Москва : Экономика, 1985. – 65 с.

2. Бунич, П. Г. Хозмеханизм: идеи и реальности / П. Г. Бунич. – Москва : Политиздат, 1988. – 123 с.

3. Гайдар, Е. Т. Гибель империи: уроки для современной России / Е. Т. Гайдар. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 447 с.

4. Горбачёв, М. С. Коренной вопрос экономической политики : доклад на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса, 11 июня 1985 г / М. С. Горбачёв. – Москва : Политиздат, 1985. – 32 с.

5. Горбачёв, М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира / М. С. Горбачёв. – Москва : Политиздат, 1988. – 271 с.

6. Горбачёв, М. С. Собрание сочинений / М. С. Горбачёв. – Москва : Весь Мир, 2008. – С. 187–214.

7. Горьковская правда. – 1986. – 1 февраля.

8. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). – Ф. 3. – Оп. 10. – Д. 14. – Л. 156.

9. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). – Ф. 3. – Оп. 12. – Д. 159.

10. Елисеева, Н. В. История перестройки в СССР. 1985–1991 гг. / Н. В. Елисеева. – Москва : РГГУ, 2017. – 548 с.

11. Ермолов, А. Ю. Причины экономического краха СССР в российской историографии / А. Ю. Ермолов // Вопросы теоретической экономики. – 2022. – № 2. – С. 13–154.

12. Закон СССР «О борьбе с пьянством и алкоголизмом» от 17 мая 1985 г // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1985. – № 21. – Ст. 361.

13. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. – Москва : Политиздат, 1985. – 31 с.

14. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15 октября 1985 г. – Москва : Политиздат, 1985. – 16 с.

15. Материалы XXVII Горьковской областной партийной конференции. – Горький : Волго-Вятское книжное издательство, 1986. – 112 с.

16. XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля – 6 марта 1986 г.: стенографический отчёт: в 3 т. – Москва : Политиздат, 1986. – 320 с.

17. Тимошенко, М. А. Анализ управления аграрным сектором экономики Волгоградской области в период Перестройки / М. А. Тимошенко // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. – 2011. – № 7. – С. 428–434.

18. Фоменков, А. А. Антиалкогольная кампания в Горьковской области в годы перестройки / А. А. Фоменков // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. – 2019. – Т. 4, № 4. – С. 18–23.

19. Веряскина, А. Н. Проблема дефицита появилась не перед самым крахом СССР: о ситуации в торговле в Горьковской области в начале перестройки / А. Н. Веряскина, Н. Ю. Марголис, А. А. Фоменков // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». – 2018. – № 4. – С. 21-23.

20. Черненко, К. У. Утверждать правду жизни, высокие идеалы социализма: речь на юбилейном пленуме правления Союза писателей СССР 25 сентября 1984 года / К. У. Черненко // Вопросы литературы. – 1984. – № 11. – С. 3–16.

21. Ясин, Е. Г. Хозяйственные системы и радикальная реформа / Е. Г. Ясин. – Москва : Экономика, 1989. – 318 с.

Бойко Иван Иванович
д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник
Харитонова Валентина Григорьевна
канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник

БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика

И.П. ПРОКОПЬЕВ: ВЕХИ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Аннотация: *в статье на основе архивных материалов, воспоминаний, интервью, научных и публицистических работ И.П. Прокопьева кратко освещаются основные этапы его жизни и деятельности как государственного и общественного деятеля. Его деятельность во второй половине 20 века была направлена на успешное развитие Чувашии и чувашского народа, что нашло отражение в высокой оценке личности Ильи Павловича современниками.*

Ключевые слова: *Чувашская Республика, личность в истории, Прокопьев, государственный и общественный деятель.*

Илья Павлович Прокопьев (1926–2017) – выдающийся государственный и общественный деятель, первый секретарь Чувашского обкома КПСС, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., кандидат экономических наук, профессор, член Союза писателей России. Это человек большой души и большого сердца, талантливый руководитель и мудрый наставник, имя которого вписано в историю Чувашской Республики и Российской Федерации. Вся трудовая деятельность Ильи Павловича Прокопьева была посвящена служению Родине и народу. Его преданность делу, бескомпромиссная требовательность к себе и другим, принципиальность и смелость при принятии решений вызывали глубокое уважение жителей Чувашии.

Деятельность И.П. Прокопьева как государственного руководителя нашла отражение в научных исследованиях, публицистике, в газетных и журнальных статьях [5–7; 9; 18]. В данной работе авторы попытались осветить вехи жизни и деятельности И.П. Прокопьева через призму его воспоминаний, интервью, архивные материалы.

И.П. Прокопьев родился 29 июля 1926 г. в деревне Мачамуши Вурнарского района..Как и большинство детей того времени, он с

ранних лет познал сельский труд. Илья Павлович с добротой вспоминал своих родителей Марфу Евгеньевну и Павла Прокопьевича: «Примером для нас были родители, близкие, односельчане, которые с раннего утра до поздней ночи трудились на земле для создания благополучия семьи» [2, л. 1; 16, с. 51–52]. После окончания семи классов Калининской средней школы Вурнарского района Чувашской АССР в 1940 г. Илья Павлович, выдержав конкурс, был зачислен в Калининское педагогическое училище. После окончания училища в 1943 г. начал свою трудовую деятельность учителем истории и географии в Хумушской семилетней школе Вурнарского района Чувашской АССР. Но долго преподавать не пришлось. В ноябре 1943 г. молодой учитель был призван в ряды Красной Армии. В автобиографии, хранящейся в Государственном архиве Чувашской Республики он отмечает: «Моя военная служба длилась почти семь лет, с ноября 1943 г. по октябрь 1950 г в 3-м отдельном Краснознаменном тяжелом понтонном полку в должностях понтонера палубного, телефониста и старшего писаря полка. Участвовал в войне против милитаристской Японии в составе Второго Дальневосточного фронта. Наш полк обеспечивал форсирование рек Амур и Сунгари» [3, с. 52]. За успешное выполнение задания по переправе боевой техники и войск 19-летний Илья Прокопьев был награжден медалью «За отвагу», которой он очень дорожил. По окончании войны Илья Павлович продолжил службу на Дальнем Востоке, в эти годы он экстерном окончил исторический факультет Хабаровского государственного педагогического института [9].

В октябре 1950 г. Илья Павлович назначен заведующим отделом пропаганды и агитации Калининского райкома КПСС. В 1952–1956 гг. работал секретарем, затем вторым и первым секретарем того же райкома [5, с. 7]. В эти годы большую часть в районном звене руководящих органов составляли бывшие фронтовики, им надолго приходилось выезжать в села и деревни для оказания помощи и проведения мероприятий разного характера и уровня. И.П. Прокопьев вспоминал эти годы: «В те годы районные организации не имели автомобилей, и их работники добирались до деревень пешком или на своих велосипедах. Живя неделями в командировках, питались сухим пайком, взятым с собой, так как столовых в колхозах не было, ночевали на стульях и столах в помещении правлений колхозов. Положив под голову газетные подшивки и укрывшись своей армейской шинелью. Все эти бытовые трудности переносили спокойно, ибо каждый понимал, что они

являются следствием войны и преодолеть их можно только напряженной работой» [11, с. 171].

В сентябре 1956 г. И.П. Прокопьев был направлен на учебу в Высшую партийную школу при ЦК КПСС в Москве. В 1958 г., после окончания Высшей партийной школы при ЦК КПСС, первый секретарь Чувашского обкома партии С.М. Ислюков предложил И.П. Прокопьеву поработать его помощником [5, с. 7]. Илья Павлович считал Семена Матвеевича Ислюкова своим наставником и учителем. «Каждый человек на своем жизненном пути встречается с добрыми людьми, оставляющими неизгладимый след. Одним из таких авторитетов, наряду с родителями, школьными учителями и армейскими командирами, для меня был и остается Семен Матвеевич Ислюков» [11, с. 48]. С 1959 г. его назначили заведующим отделов школ и высших учебных заведений, пропаганды и агитации Чувашского обкома КПСС. В 1961 – 1963 гг. Илья Павлович – аспирант Академии общественных наук при ЦК КПСС, по завершении учебы защитил диссертацию на ученую степень кандидата экономических наук. В 1963–1973 гг. Илья Прокопьев работал секретарем Чувашского обкома КПСС по идеологии [2, л. 2–3].

В январе 1974 г. Илья Павлович Прокопьев избирается первым секретарем обкома КПСС и работает на этом ответственном посту до октября 1988 г. В начале 1974 г. Чувашской АССР был вручен орден Дружбы народов. Эту награду принимал И.П. Прокопьев. В ответной телеграмме, посланной в ЦИК СССР, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР отмечалось: «Задачей первостепенной важности для нас является всемерное повышение эффективности общественного производства, производительности труда, ускорение технического перевооружения народного хозяйства на основе новейших достижений науки и техники, развертывание социалистического соревнования за досрочное выполнение плановых заданий» [1, л. 1 об. 2; 6]. В дальнейшей свое работе Илья Павлович придерживался данных обязательств. С его именем неразрывно связаны годы успешного развития Чувашии. В феврале 1970 г. началась хозяйственная деятельность уникального комплекса по созданию электронного оборудования – Чебоксарского приборостроительного завода «Элара», 20 марта 1970 г. было торжественно начато строительство Чебоксарской ГЭС, 12 января 1972 г. приступили к возведению завода промышленных тракторов. Во многом благодаря его организаторскому таланту в Чувашии организовывались всесоюзные стройки, построены МНТК «Микрохирургия глаза», Центральный стадион, Чувашский

государственный театр оперы и балета и многие другие объекты народного хозяйства. В эти годы строился город Новочебоксарск, осваивались новые мощности на химическом комбинате, электроаппаратном заводе, хлопчатобумажном комбинате, заводе электроизмерительных приборов, строились предприятия легкой и пищевой промышленности. Город Чебоксары вырос в один из крупнейших индустриальных, научных и культурных центров Поволжья, а за успешное выполнение трудящимися города планов десятой пятилетки в 1986 г. был удостоен ордена Трудового Красного Знамени. Важной отраслью сельского хозяйства в республике становилось хмелеводство. В конце 1985 г. все основные показатели развития аграрного сектора экономики Чувашии достигли максимальных показателей за всю историю советского периода [8, с. 342–350]. Илья Павлович вспоминал: «Задача стояла непростая, предстояли две крупные стройки: тракторный завод, ГЭС. Выполнили ту и другую. А в 1980 году вышло постановление Совета Министров СССР по развитию городского хозяйства Чебоксар на 1981–1985 годы. Тогда даже мечтать не могли, что город наш прирастет сразу тремя районами (северо-западным, юго-западным, новоюжным), и чуть не в два раза увеличится его население. Деньгами на преображение Чебоксар скинулись 16 союзных министерств. С их помощью построили театр оперы и балета, художественный музей, Дворец пионеров, грязелечебницу санаторий «Чувашия», укрепили волжский берег…» [9].

Были и сложности, которые стремились устранить, применяя ряд организационных, научно-технических и экономических решений. Позже в своих трудах Илья Павлович отмечал и анализировал также и свою деятельность. Его характеристики отдельных периодов истории 20 в. носят емкий характер («противоречивое десятилетие», «ошибки и их последствия») [11, с. 85–86; 16]. В одной из своих статей он пишет «Вместе с тем следует подчеркнуть, что достижения республики в подъеме экономики и культуры могли быть более весомыми, если бы экономическая реформа начала 70-х годов была последовательно реализована» [10, с. 79].

Особое внимание И.П. Прокопьев уделял развитию в республике общеобразовательной и профессиональной школы, высшего образования. В 1967 г. открылся Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. В интервью газете «Республика» Илья Павлович отмечал, что «Вопрос открытия вуза поднимался еще в 20-е годы прошлого века. Было и постановление, но дело не сдвинулось с мертвой точки. Вновь начали разговор в середине 50-х

годов – снова не удалось довести до конца. В т Волжский филиал Московского энергетического института, филиал заочного обучения Горьковского политехнического института. С.М. Ислюков посоветовал поднять этот вопрос на уровне Центрального комитета партии и правительства СССР. Министр образования страны В.П. Елютин вскоре отправил комиссию для ознакомления с ситуацией в Чебоксарах. Затем комиссия за комиссией…. Наконец-то «верхи» согласились. Но снова проблема – нужен ректор. Ислюков передоверил поиски ректора И.П. Прокопьеву» [18]. Вскоре ректором Чувашского государственного университета был назначен С.Ф. Сайкин.

В поле зрения Ильи Павловича всегда были вопросы повышения материального благосостояния и культурного уровня трудящихся, строительства жилья, школ, детских садов, объектов здравоохранения и культуры. В своих научных работах он анализировал развитие отраслей экономики, в целом развитие и перспективы развития Чувашии [13; 15].

В эти годы он избирался депутатом Верховного Совета Чувашской АССР шести созывов, причем в шестом созыве (1963–1967) был избран председателем Верховного Совета республики, депутатом Верховного Совета СССР – четырех, членом ЦК КПСС – трех созывов [2, л. 4]. Давая краткую характеристику своей деятельности И.П. Прокопьев отмечал: «…в октябре 1988 г. вышел на пенсию по состоянию здоровья. В годы партийной работы более 20 лет возглавлял Экономический совет при обкоме КПСС, читал лекции в вечернем университете марксизма-ленинизма, опубликовал научные работы, в том числе монографии…» [2, л. 3].

Вскоре после выхода на пенсию Илья Павлович начал заниматься преподавательской деятельностью на экономическом факультете Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, где он проработал преподавателем кафедры отраслевой экономики и организации производства.

С образованием в 1991 г. Чебоксарского филиала института экономики и менеджмента Санкт-Петербургского государственного политехнического университета И.П. Прокопьев начал вести курсы лекций по «Теории организации управления производством» и «Управлению персоналом», где ему было присвоено звание доцента. В то же время Илья Павлович являлся заместителем руководителя Регионального центра менеджмента и маркетинга «Прогресс». С 1992 г. И.П. Прокопьев назначен профессором кафедры экономики,

менеджмента и маркетинга, с 1999 г. – избран секретарем Ученого совета Чебоксарского института экономики и менеджмента Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. С 1995 г. Илья Павлович выбран членом-корреспондентом, с 2001 г. – действительным членом Международной академии наук и практики организации производства. В 2000 г. И.П. Прокопьеву присвоено звание почетного профессора Санкт-Петербургского государственного политехнического университета [5, с. 8; 17].

Наряду с преподавательской деятельностью, Илья Павлович вел активную общественную работу: был членом Республиканского совета ветеранов войны и труда, Совета ветеранов воинов-дальневосточников, Совета землячества Вурнарского района «Туслăх», вел большую воспитательную работу среди подрастающего поколения. Он, являясь членом Чувашского рескома КПРФ, оказывал большую помощь партии, охотно делился огромным опытом партийной работы [3].

Илья Павлович автор ряда научных статей и мемуарных очерков. Это и публикации в чувашских журналах, и книга о космонавте Андрияне Николаеве «Живая легенда», сборники статей и публицистических очерков «По зову сердца», «Во имя народа», «Жизнь, отданная народу», «Верность долгу» [9; 10; 11; 13]. Ясный и образный язык очерков делает их доступными самому широкому кругу читателей. Творчество ряда писателей и поэтов современников, воспевающих свою малую Родину, природу, родной народ И.П. Прокопьев называл: «Традиционным восприятием земледельческого образа жизни жителей республики» [14, с. 28]. С 2002 г. Илья Павлович являлся членом Союза писателей России. Характеризуя свое восприятие происходивших событий в культуре и общественной жизни в республике, он писал: «Не будет преувеличением если скажу, что у меня в годы работы не осталось районов, хозяйств, предприятий и учреждений, где не бывал. Знал почти всех писателей, композиторов, художников, певцов. Я дружил не только с руководителями, но и с рядовыми тружениками. Находил время читать художественную литературу, писал рецензии…» [18].

За трудовые и военные заслуги Илья Павлович награжден орденом «Знак почета» (1966 г.), орденами Трудового Красного Знамени (1971 г., 1973 г., 1981 г.), орденами Ленина (1976 г., 1986 г.), Отечественной войны I степени (1986 г.), медалями «За отвагу» (1945 г.), «За победу над Японией» (1946 г.), Почетной грамотой Чувашской Республики (2006 г.), медалью ордена «За заслуги перед Чувашской Республикой» (2011 г.), орденом «За заслуги перед Чувашской

Республикой» (2016 г.). Ему присвоено звание «Почётный гражданин города Чебоксары» (2011 г.) [4, л. 1].

20 февраля 2017 г. Ильи Павловича Прокопьева не стало.

В целях увековечения памяти Ильи Павловича 4 апреля 2018 г. улице в микрорайоне «Новый город» присвоено его имя, 27 июля 2018 г. на фасаде здания, где он проживал, установлена мемориальная доска.

Вся жизнь Ильи Прокопьева – это история становления Чувашии как развитого индустриального и аграрного центра Поволжья. Многое из того, чем десятилетия гордилась и гордится Чувашия, создавалось под непосредственным руководством Ильи Павловича Прокопьева. Его вклад в развитие Чувашской Республики сегодня трудно переоценить. Илья Павлович любил свою Родину: «Для меня Чувашская Республика – место согревающее и успокаивающее душу, родина отца и матери. Поверьте, нет на земле места ближе и родней!» [18].

Семен Матвеевич Ислюков высоко ценил И.П. Прокопьева, поздравляя его он писал: «Вы олицетворяете основные черты чувашского народа – народа труженика, народа -строителя и борца, народа – интернационалиста и патриота. Трудолюбие, скромность в быту, верность своему делу принятому решению, внимательность к людям, заботливость в семье снискали Вам всеобщее признание и уважение в народе» [5, с. 10].

Сегодня наследие и деятельность И.П. Прокопьева на благо развития Чувашии востребовано обществом. Следует подчеркнуть, что он и сам являлся в какой-то мере исследователем этого периода, об этом свидетельствуют его труды, глубже понять его как человека и государственного деятеля позволяют воспоминания о нем его друзей, соратников, наставников. Да и архивные материалы, бережно сохраненный им самим, детьми, архивными учреждениями республики раскрывают его жизненные позиции и вклад в развитие Чувашии.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-7523. – Оп. 106. – Д. 323.

2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. – Ф. Р-3054. – Оп. 1. – Д. 292.

3. Государственный исторический архив Чувашской Республики. – Ф. Р-3054. – Оп. 1. – Д. 348.

4. Государственный исторический архив Чувашской Республики. – Ф. Р-3054. – Оп. 2. – Д. 192.

5. Дорогой созидания: об И.П. Прокопьеве / С. М. Ислюков, Л. П. Прокопьев, А. А. Александров [и др.] ; сост. Д. Ф. Семенов. – Чебоксары : ЧИЭиМ, 2006. – 262 с.

6. Жизнь и деятельность Ильи Павловича Прокопьева через фотообъектив: электронный фотоальбом / Государственный архив современной истории Чувашской Республики ; ред. С. А. Казеева, З. А. Лукиянова ; выявление документов А. П. Максимов. – Чебоксары : Госархив современной истории ЧР, 2018.

7. И.П. Прокопьев. Вехи жизни: к 90-летию со дня рождения / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук ; сост. Ю. Н. Исаев, А. П. Леонтьев, Л. П. Петров. – Чебоксары : Новое Время, 2016. – 35 с.

8. Краткая история Чувашии и чувашского народа. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2019. – 446 с.

9. Михеева, Л. Крепкие корни: интервью с Прокопьевым Ильей Павловичем / Л. Михеева // Чебоксарские новости. – 2011. – 28 июля (№80). – 2011. – С. 4.

10. Прокопьев, И. П. Верность долгу : сб. статей / И. П. Прокопьев. – Чебоксары, 1999. – 88 с.

11. Прокопьев, И. П. Во имя народа : сб. статей и очерков / И. П. Прокопьев. – Чебоксары : Чувашия, 2001. – 194 с.

12. Прокопьев, И. П. Живая легенда: слово об Андрияне Николаеве / И. П. Прокопьев. – Чебоксары, 2004. – 26 с.

13. Прокопьев, И. П. Народное хозяйство Чувашии: итоги и перспективы / И. П. Прокопьев. – Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1972. – 103 с.

14. Прокопьев, И. П. По зову сердца : сб. статей / И. П. Прокопьев. – Чебоксары, 1998. – 212 с.

15. Прокопьев, И. П. Размещение и специализация сельскохозяйственного производства в колхозах Чувашии / И. П. Прокопьев. – Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1962. – 64 с.

16. Эта наша с тобой биография // Дорогой созидания: об И.П. Прокопьеве / С. М. Ислюков, Л. П. Прокопьев, А. А. Александров [и др.] ; сост. Д. Ф. Семенов. – Чебоксары : ЧИЭиМ, 2006. – С. 16–53.

17. Учитель по призванию // Дорогой созидания: об И.П. Прокопьеве / С. М. Ислюков, Л. П. Прокопьев, А. А. Александров [и др.] ; сост. Д. Ф. Семенов. – Чебоксары : ЧИЭиМ, 2006. – С. 209–214.

18. Филиппова, Л. В гостях у первого секретаря Чувашского обкома КПСС / Л. Филиппова // Республика. – 2012. – 23 мая (№23). – С. 11.

Желобанов Артемий Владимирович
аспирант, ассистент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ЧЕБОКСАРСКАЯ СОВПАРТШКОЛА 1920-х гг. ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

Аннотация: *в статье проведен критический анализ субъективных источников, в которых отражена история Чебоксарской совпартшколы 1920-х гг. Исследование базируется на общефилософских и специальных исторических методах. Отмечается фрагментарность имеющихся сведений, которая осложняла полную характеристику данного учебного заведения со стороны современников. Признание большого значения совпартшколы в деле подготовки управленческого контингента следует от чувашского государственного деятеля С. А. Коричева. Воспоминания народного поэта Чувашии С. В. Эльгера дают представление о совпартшколе как о площадке проведения литературного собрания областного значения. В связи с данным форумом, а также на основании архивных данных и субъективных источников (воспоминания о писателе К. И. Пайраше), делается предположение о существовании особой творческой атмосферы в рамках исследуемого учебного заведения. Разбор фрагментов романа «Пирвайхи юрату» И. Я. Саламбека, упоминавших в определенном контексте Чебоксарскую совпартшколу, позволил раскрыть дух времени, в котором жили ее курсанты.*

Ключевые слова: *Чебоксарская совпартшкола, воспоминания, Эльмень, Коричев, Эльегр, Саламбек, партийный учебные заведения.*

Создание 24 июня 1920 г. Чувашской автономной области [13, с. 31] имело большое значение для чувашского народа, поскольку ее появление определило широкие перспективы развития национальной государственности [12, с. 194]. Однако область столкнулась со множеством проблем, одной из важнейших оставался кадровый дефицит. Решение последнего Д. С. Эльмень, видный чувашский советский партийный деятель, предполагал осуществить при интенсивном культурном и политическом воздействии на население автономии [20, с. 64]. Частые перестановки в аппарате управления [5, с. 190] наряду с практикой совмещения должностей в одних руках [4, с. 209–210] вызвали к необходимости поиск

ресурсов пополнения руководящего резерва. Среди разнообразных источников увеличения численности государственных служащих Чувашской автономии следует выделить систему партийной учебы, чьи подразделения функционировали как в рамках области, так и за ее пределами. В состав образовательных учреждений политического профиля входила и рассматриваемая Чебоксарская областная советская партийная школа (совпартшкола, СПШ), основанная в ноябре 1920 г. [16, с. 112] Согласно архивным данным, основным направлением ее деятельности являлась подготовка партийных и государственных служащих для волостных и уездных учреждений области [7, Д. 1. Л. 1].

В настоящее время остается слабо изученным такой аспект истории Чебоксарской совпартшколы, как отражение данного учреждения в субъективных источниках. Особую трудность представляет поиск мемуарной литературы вследствие ее фактического отсутствия за редким исключением. Причин такому состоянию проблемы несколько. Самая тривиальная заключается в том, что многие именитые выпускники Чебоксарской совпартшколы не оставили воспоминаний. Среди них были педагог и участник Великой Отечественной войны Осипов Роман Иосифович, окончивший курс в 1924 г. [25]; государственный деятель Чернов Вадим Петрович, завершивший обучение в совпартшколе I ступени в 1927 г. [28]; журналист, государственный служащий и фронтовик Сарра Андрей Иванович, чья учеба окончилось в 1931 г. [26] и др. Тоже самое касалось административно-педагогического состава, например, Волкова Меркурия Андреевича, совмещавшего должность преподавателя с функциями заведующего отдела агитации и пропаганды Чебоксарского горкома РКП(б) [17], и Шумилова Сергея Львовича, возглавлявшего совпартшколу в 1926–1929 гг. [10] Другой причиной, помешавшей отдельным людям написать мемуары, стали политические репрессии, в частности, в отношении Юрьева Петра Федоровича, осуществлявшего преподавательскую деятельность в Чебоксарской совпартшколе II ступени в течение 1926–1928 гг. Арест в 1938 г. и гибель во время следствия в 1940 г. [11] оборвали потенциальную возможность получить крупицы информации о педагогической работе наркома земледелия ЧАССР в данном образовательном учреждении.

Имеющиеся данные следует справедливо охарактеризовать как отрывочные и фрагментарные, вследствие чего реконструкция целостной картины жизнедеятельности Чебоксарской совпартшколы

представляется достаточно затруднительной. Вместе с тем, опираясь на наличествующие неполные сведения, вычлененные из текста воспоминаний, мы подвергнем их критическому обзору. Все это позволит реализовать цель настоящего исследования, заключающуюся в характеристике Чебоксарской совпартшколы со стороны современников.

Статья базируется на общефилософских и специальных исторических методах. К последним следует отнести историко-генетический (последовательный разбор субъективных источников с соблюдением хронологической обусловленности описываемых в них событий), историко-сравнительный (сличение текста воспоминаний с объективными данными на предмет расхождений) и др. Материалом исследования послужили открытые мемуарные источники, расположенные в Национальной библиотеке Чувашской Республике, и неопубликованные документы Государственного архива современной истории Чувашской Республики.

Упоминания о Чебоксарской совпартшколе мы можем получить из воспоминаний, содержащихся в брошюре «Первые шаги». Их автор, Сергей Андреевич Коричев, являлся видным государственным деятелем Чувашии, проработавший в Наркомнаце и занимавший руководящие посты в Чувашском облисполкоме (июль 1921 – июнь 1924 гг.) и Совнаркоме ЧАССР (ноябрь 1925 – июль 1926 гг.) [27]. Опубликованные Чувашским книжным издательством в 1969 г., т.е. примерно спустя 8 лет после смерти автора, они представляют собой текст, обработанный И. П. Павловым. Как замечает сам составитель, в книгу включались воспоминания, имевшие «общественное звучание, не сбиваясь на изложение узкобиографических фактов» [18, с. 6]. Отсюда можно заключить, что уже на стадии отбора фрагментарность данных оказывалась неизбежной. При этом следует заметить о стремлении И. П. Павлова избежать фиксации общих рассуждений, не относившихся к первым пяти годам после событий Октябрьской революции 1917 г. существования советской власти в Чувашском крае. Записанные воспоминания были согласованы с их рассказчиком, который, вопреки своим желаниям, не сумел их дополнить ввиду обострения продолжительной болезни и последовавшей смерти [18, с. 6]. Учитывая все это, можно отметить, что наблюдаемая в брошюре группировка событий по разделам, скорее всего, основывалась на принципе тематического отбора из разрозненных ретроспекций С. А. Коричева. Все это позволяет сделать предположение, что само событие – появление совпартшколы, – в глазах мемуариста являлось столь же

важным, сколь и процесс рождения чувашской национальной государственности. В пользу этой гипотезы свидетельствует раздел «Совпартшкола и рабфак» [18, с. 58], в котором можно отыскать следующие строки: «Практически же, как неотложная задача дня, ставился вопрос о совпартшколе и рабфаке. Совпартшкола должна была готовить волостных партийных, советских и комсомольских работников…» [18, с. 60]. При этом, уже в следующем абзаце, отмечается, что, в отличие от рабфака, «открытие совпартшколы было разрешено быстро» [18, с. 60]. Из этого следует, что в глазах С. А. Коричева совпартшкола имела большое значение, равное рабфаку: «Оба учебных заведения были подлинной кузницей кадров для Чувашии в первые годы Советской власти. Вся учебная деятельность совпартшколы строилась на тесном сочетании изучения теории с практической общественно-политической работой. Слушатели ее проводили большую культурно-массовую и политико-просветительную работу в волостях, расположенных вокруг Чебоксар. Широко была поставлена шефская работа над деревней, антирелигиозная пропаганда. В массовой работе и на селе активное участие принимали также и преподаватели совпартшколы, особенно ее заведующий М. А. Ананьев, много труда вложивший в организацию учебно-воспитательной работы школы» [18, с. 61–62].

Как видно из вышеприведенного отрывка, С. А. Коричев давал высокую оценку М. А. Ананьеву как заведующему Чебоксарской совпартшколой. Поскольку хронологическая протяженность воспоминаний (если не считать биографических отступлений самого С. А. Коричева), заявленная самим составителем, охватывала период приблизительно с 1917 по 1922 гг. [18, с. 6], возникает несоответствие мемуарного источника с историческими реалиями. В указанных отрывках логика повествования позволяет заключить, что в первые годы существования Чебоксарской совпартшколы большую роль в постановке ее деятельности на высокий уровень сыграл М. А. Ананьев, однако архивные данные убедительно свидетельствуют о том, что школа была организована Николаем Христофоровым – выпускником Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова [7, Д. 1. Л. 26], который был назначен ее заведующим Чувашским обкомом [7, Д. 1. Л. 1] 12 октября 1920 г. [7, Д. 1. Л. 7] Многочисленные отчеты свидетельствуют о том, что вся тяжесть организации нового образовательного учреждения легла на плечи бывшего студента комвуза; совпартшкола нуждалась не только в мебели, которой следовало оборудовать комнаты [7, Д.

1. Л. 7], но и в канцелярских принадлежностях. Острая нехватка данных вещей вела, по словам заведующего, к снижению эффективности учебного процесса [7, Д. 1. Л. 9]. Улучшение последнего произошло после неоднократных писем («положение курсантов парт.-сов. школы ужасное[,] т.к. нет лекторов по научным предметам» [7, Д. 1. Л. 16]) и отчетов («заблаговременно подыскать лекторов» [7, Д. 1. Л. 13]) заведующего в Москву в Главполитпросвет, прислявшего студентов комвуза им. Я. М. Свердлова летом 1921 г. [7, Д. 1. Л. 36] Плохое снабжение школы провиантом являлось не следствием бездеятельности Христофорова, а объективной реальностью, поскольку случившийся весной-летом 1921 г. недород привел к масштабному голоду [16, с. 83], что объясняло стремление курсантов СПШ «выехать за пределы области в хлебородные места» [7, Д. 1. Л. 36об]. На наш взгляд, недооценка роли Христофорова и фактическое его забвение мемуаристом проистекала из-за того, что С. А. Коричев в период с 1918 по 1921 гг. состоял при должности заместителя заведующего Чувашским отделом Наркомнаца, а также заведующим чувашской секцией при политотделе Реввоенсовета 2-й армии Восточного фронта Гражданской войны [27]. Последний факт особенно примечателен, так как мог означать пребывание государственного деятеля за пределами Чувашской автономии. Также следует иметь ввиду, что лишь с июля 1921 г. С. А. Коричев стал председателем облисполкома [27]. Приблизительно в середине сентября 1921 г. новым заведующим совпартшколы стал М. А. Ананьев (его размашистая подпись располагается в архивном деле в конце статистического отчета, расположенного после доклада за август и первую половину сентября 1921 г. [7, Д. 1. Л. 44]). Все это могло определить заблуждение С. А. Коричева относительно роли Христофорова и Ананьева в судьбе Чебоксарской совпартшколы в первое время ее существования. Схожим образом следует оценивать следующие слова С. А. Коричева: «За десять лет работы через совпартшколу прошли сотни избачей, секретарей волостных ячеек партии и комсомола, и, получив политическую подготовку, они стали ценными советскими, партийными и комсомольскими работниками» [18, с. 62]. Поскольку в 1926 г. автор анализируемых мемуаров получил должность заместителя наркома земледелия Туркменской ССР [27], он никак не мог наблюдать воочию развитие Чебоксарской совпартшколы в течении десятилетия.

Уникальными можно считать воспоминания о совпартшколе, которые содержатся в книге «Эльгер, Семен Васильевич. Хурапа шурă. Тĕрлĕ вăхăтра çырнисем : проза, поэзи, аса илӳсем, кун кĕнекинчен, çырусем, хаклавсем, асăрхаттарусем» [29] (перевод: «Эльгер, Семен Васильевич. Черное и белое. Сочинения в разное время: проза, поэзия, воспоминания, из книги дня, письма, отзывы, замечания»). Как указано на форзаце, книга была выпущена в 1994 г. и тем самым приурочена к столетию со дня рождения народного поэта Чувашии Семена Эльгера. Книга представляет собой сборник произведений поэта на русском и чувашском языках. Среди сочинений и писем интерес представляет небольшая заметка-воспоминание «К 70-летию со дня рождения К. В. Иванова» [29, с. 388]. Заголовок включает два пласта текста, отделенных друг от друга датировкой. Первая часть помечена 26 мая 1960 г. [29, с. 389], вторая – 30 мая 1960 г. [29, с. 390] Упоминание Чебоксарской совпартшколы прослеживается во втором отрывке текста: «Однажды, в апреле или мае 1924 года, Николай Золотов и Д. С. Эльмень в Совпартшколе (находящейся за зданием гостиницы «Волга») провели литературный вечер с докладом Н. Золотова о значении поэмы «Нарспи». В президиуме собрания сидели сам секретарь ОК ВКП(б) Эльмень, Н. Золотов, совпартшкольцы, И. Д. Кузнецов и другие. Н. Золотов в своем докладе со всей яростью пытался доказывать, что «Нарспи» не должна войти в пантеон развивающейся чувашской литературы, потому что она написана сыном кулака-мироеда и воспевает богатство Михедера и в то же время в приниженном виде показывает чувашскую бедноту и трудовое крестьянство. Эту же мысль повторил выступивший в прениях Д. С. Эльмень» [29, с. 389]. Из этого фрагмента можно видеть, что Чебоксарская совпартшкола весной 1924 г. стала местом культурного литературного мероприятия высшего уровня, на котором присутствовали выдающийся чувашский государственный деятель Даниил Семенович Эльмень [15], редактор в 1923–1925 гг. газеты «Канаш» Золотов Николай Яковлевич [2], будущий доктор исторических наук Иван Данилович Кузнецов [23], а также курсанты совпартшколы. Такой состав президиума объяснялся результатом яркого творческого процесса объединения литературных сил Чувашской области и редакции газеты «Канаш» в единую организацию в первой половине 1920-х гг. Наконец, 19 июля 1923 г. при редакции данного СМИ был сформирован Союз чувашских писателей и журналистов, организаторами которого стали упомянутые Д. С. Эльмень и Н. Я. Золотов [14, с. 165]. Далее в заметке С. В. Эльгер писал, что выступил против негативных оценок последних, и, будучи

единственным из присутствовавших, защитил поэму «Нарспи» [29, с. 389–390]. Воспоминания об этом эпизоде писатель завершил словами: «Помнится, ни Эльмень, ни Золотов Н. мне особенно ничем не возражали. Не знаю, может быть, им нечем было крыть меня или же не хотели вступить со мною в полемику, считая меня еще «мелкой сошкой». Но я считаю, что возразил им замечательно, хорошо. Это был достойный отповедь того времени» [29, с. 390] (ошибочные речевые обороты оригинала сохранены).

Проведение столь представительного литературного вечера на базе Чебоксарской совпартшколы не следует считать экстраординарным событием. Как свидетельствует масштабный «Отчет о работе Совпартшколы Автономной Чувашской области с 20 марта 1923 до 20 марта 1924 года» [7, Д. 36. Л. 49], во втором триместре (приблизительно зима 1923–1924 гг.) начали функционировать газетно-литературный и чувашский литературный кружки [7, Д. 36. Л. 53]. Их появление стало следствием реализации протокола методического совещания января 1924 г. (председатель М. А. Ананьев), один из пунктов которого включал стремление руководства школы побудить курсантов к творческой самореализации в рамках клубных кружков [7, Д. 36. Л. 35]. Исходя из этих фактов, а также имея ввиду, что формирование образованной управленческой элиты Чувашии находилось под контролем партийного обкома [7, Д. 1. Л. 1], можно предположить, что данное дискуссионное литературное мероприятие проводилось с целью культурной огранки курсантов, тем самым формируя гармонично развитого будущего политического руководителя.

Краткие упоминания о Чебоксарской совпартшколе можно обнаружить в собрании 3 книг-биографий об известных чувашских врачах-литераторах Кузьме Пайраше, Николае Евдокимове и Василии Дмитриеве «Врачи-писатели Чувашии» [8]. Например, буквально в двух предложениях отмечается, что Кузьма Пайраш учился в 1925–1927 гг. в совпартшколе II ступени, окончив которую стал литературным сотрудником редакции газеты «Канаш». По всей видимости, во время учебы в данном учреждении он написал пьесу «Телейсĕр кунсем» (Несчастные дни) [8, с. 12]. Это подтверждает в своих воспоминаниях член Союза писателей СССР Эсхель Аркадий Александрович, имевший с Пайрашем близкое знакомство [8, с. 58]: «Наряду со стихами и рассказами других писателей, мы с любовью читали маленькие «смешинки», фельетоны, рассказы и сценки Кузьмы Пайраша, а когда его пьесу «Несчастные

дни» ставили в школах, мы участвовали в постановках в роли «артистов». Когда мы вспоминаем эти дни сегодня, то творческая деятельность Кузьмы Ильича Пайраша открывается еще ярче. Он, родившийся в д. Вускасы (ныне Ишлейский район), после окончания сельской школы поступает в Чебоксарскую совпартшколу. В газету он начал писать еще во время учебы в сельской школе» [8, с. 59–60]. Таким образом, первый серьезный литературный опыт Кузьма Пайраш получил во время учебы в Чебоксарской совпартшколе. Уточнение биографом, что учеба Пайраша проходила в совпартшколе II ступени, неслучайно, поскольку в августе 1923 г. в Чебоксарской СПШ появилась I ступень обучения (дата фиксируется на основании статистических данных о наборе курсантов соответствующего уровня) [7, Д. 36. Л. 2]. Возникновение двухступенчатой совпартшколы стало результатом слияния Чебоксарской областной и Цивильской уездной совпартшкол. Поскольку данное мероприятие потребовало реализации ряда мер по поиску классных помещений, преподавательского состава и учебной литературы [7, Д. 36. Л. 10 об], можно утверждать, что указанная в отчетных документах дата – октябрь 1923 г. – знаменовала собой окончание данного процесса [7, Д. 36. Л. 59об].

Пребывание в Чебоксарской совпартшколе стало для Пайраша не только временем творческой реализации, но и обретением счастья в личных делах. Об этом свидетельствуют воспоминания его супруги Матрены Ивановны, записанные А. П. Даниловой 16 ноября 1976 г. на чувашском языке [8, с. 63–64]. Перевод воспоминаний на русский язык сделал Н. Г. Григорьев – редактор Чувашского книжного издательства [8, с. 65]: «С молодым Кузьмой я познакомилась в 1925 году во время учебы в Чебоксарской совпартшколе. Вскоре он – солидный, сердечный и доброй души парень и я подружились. Мы поняли, что наши мысли и думы совпадают, и поженились. Еще во время учебы в совпартшколе он регулярно выписывал и читал много газет. Печатал свои заметки, очерки, фельетоны и репортажи, которые получались хорошими, и мы за них радовались» [8, с. 64].

Использование художественного произведения для изучения прошлого предполагает эмоциональное погружение в эпоху, тем самым создавая возможность получить представление о социальном портрете общества в определенное время [24, с. 62–63]. Именно художественное произведение позволяет реконструировать повседневность и духовно-нравственный мир героев прошлого, поскольку его тематика создается под влиянием значимых

исторических событий. Последние отражаются в восприятии автора при помощи создания литературного произведения, таким образом постигающего окружающую действительность [24, с. 63–64]. В этой связи не менее интересным источником о Чебоксарской совпартшколе можно считать роман «Пирвайхи юрату» (Первая любовь), который был опубликован в 1970 г. [22] на чувашском языке. Здесь и далее в настоящей работе дается машинный перевод фрагментов текста. Его автором был Иван Яковлевич Яковлев (годы жизни: 1906–1973), печатавшийся под псевдонимом Саламбек – писатель, драматург и член союза писателей СССР [1]. Саламбек являлся одним из значимых представителей литературного процесса Чувашии наряду с П. П. Хузангаем и В. И. Красновым-Асли. Репрессии привели к отрыву от творчества множества литераторов, в том числе и Саламбека [3] (реабилитирован в 1956 г.). Роман «Пирвайхи юрату» был написан на закате жизни писателя. При этом стоит отметить, что сам Саламбек не учился в Чебоксарской совпартшколе. Его образовательный уровень основывался на обучении сначала в Чебоксарском педагогическом техникуме (завершил в 1926 г.), а затем в аспирантуре при Центральном научно-исследовательском институте национальностей в 1935 г. Источником познаний писателя о Чебоксарской совпартшколе и ее курсантах могла послужить деятельность в сфере образования, которую он осуществил после завершения продолжительной работы в Чебоксарском горкоме и в редакции газеты «Çамрăк коммунист» и журнала «Хатĕр пул» в 1926–1932 гг. Так, в 1935–1937 гг. Саламбек являлся заместителем директора Чувашского государственного пединститута и директором Алатырского педагогического училища [1]. Замещения этих должностей не исключало возможного контакта с другими учебными заведениями. Кроме того, будучи членом комсомола с 1921 г. [21], он мог иметь общение с товарищами по организации, которые учились в совпартшколе.

Последняя гипотеза отчасти подтверждается следующим фрагментом текста: «Как только мы приехали в Чебоксары, всех нас, комсомольцев, отправили в городской отряд «ЧОН». Мы верили в полевой устав Красного Луга, в винтовочный, пулеметный огонь. Занятия проходили в совпартшколе, куда рвались комсомольцы совпартшколы, рабфака и нашего техникума» [22, с. 46]. По отрывку нельзя понять, в каком году разворачивалось действие. Поскольку упоминается совпартшкола, происходившее можно отнести ко времени не ранее ноября 1920 г., а с учетом периода деятельности

частей особого назначения (ЧОН) и времени их окончательного расформирования, не раньше 1925 г. [19, с. 17]

Приводимый далее отрывок красноречиво свидетельствует о том, что из себя представлял досуг курсантов Чебоксарской совпартшколы: «Пришли в рабклуб, сели в зале. Борисов с нами не пошел. «Синяя блуза» учащихся совпартшколы вышла на сцену, начался концерт. Пели острые политические частушки, читали стихи. Напоследок разыграли забавный маленький скетч. Концерт мне очень понравился» [22, с. 114]. В рассматриваемом фрагменте речь идет о совместном времяпрепровождении главного героя с девушкой Лисук (Лизок). Первое появление персонажа сам герой отнес к 1926 г. [22, с. 107], что дает право определить описываемый событийный ряд романа к этому времени. В отрывке речь шла о «Синей блузе» – театральном объединении, возникшем в 1923 г. в Москве в качестве любительского студенческого коллектива, которым руководил журналист Б. С. Южанин. Прозвище было получено из-за одежды: члены объединения носили свободные черные брюки и синие блузы, тем самым подчеркивая сходство с традиционной одеждой европейского рабочего класса. «Синяя блуза» вела пропагандистскую деятельность, в том числе посредством развлекательных агитационных концертов [9, с. 46], что подтверждается в анализируемом отрывке. Подобные московской, «Синие блузы» получили широкое распространение в Советской России [6, с. 29]. Судя по отрывку, подобное объединение возникло и в Совпартшколе. И хотя архивными данными это не подтверждается (несмотря на существование в 1924 г. сценического кружка, название которого неизвестно: «Особенно увлекся работой сценический кружок, который выступает на каждом пролетарском празднике» [7, Д. 36. Л. 53]), тем не менее, фрагмент передает настроения эпохи.

Таким образом, полученный материл позволяет сделать ряд выводов. Полная характеристика Чебоксарской совпартшколы 1920-х гг. со стороны современников затруднена чрезвычайно малым количеством субъективных источников. Данное положение дел было вызвано отсутствием мемуаров со стороны выпускников школы по определенным причинам. Однако отрывочные сведения при экстраполяции позволяют определить место исследуемого учреждения в восприятии свидетелей далекой эпохи. Несмотря на то, что воспоминания чувашского государственного деятеля С. А. Коричева при критическом анализе показывают аберрацию роли заведующих совпартшколы на начальном этапе ее существования, ее большое значение в

формировании образованного управленческого контингента для Чувашии остается для него неоспоримым. Воспоминания народного поэта Чувашии С. В. Эльгера свидетельствуют о том, что Чебоксарская совпартшкола рассматривалась как одна из площадок литературного вечера областного значения, где происходило обсуждение важных для чувашского литературного процесса вопросов. Поощрение руководством совпартшколы стремлений курсантов к креативности могло привести к складыванию особой творческой атмосферы, которая имела шансы повлиять на К. И. Пайраша, создавшего первую серьезную литературную работу во время учебы в данной школе. Анализ фрагментов романа выдающегося чувашского писателя И. Я. Саламбека «Пирвайхи юрату», имевших отношение к Чебоксарской совпартшколе, позволяет осмыслить дух времени, в котором жили курсанты совпартшколы. Последние охарактеризованы писателем как люди с выраженными культурными стремлениями, выражавшихся в театральных постановках политико-агитационного назначения. Следует подчеркнуть, что тема исследования требует более углубленного изучения, невозможного без привлечения новых мемуарных источников.

Список литературы

1. Абрамов, В. А. Саламбек Иван Яковлевич / В. А. Абрамов // Чувашская энциклопедия. – URL: https://chuvenc.ru/show_MainTable/146363 (дата обращения: 19.09.2026). – Текст : электронный.

2. Артемьев, Ю. М. Золотов Николай Яковлевич / Ю. М. Артемьев // Чувашская энциклопедия. – URL: https://chuvenc.ru/show_MainTable/145018 (дата обращения: 20.09.2026). – Текст : электронный.

3. Артемьев, Ю. М. Литература чувашская / Ю. М. Артемьев // Чувашская энциклопедия. – URL: https://chuvenc.ru/show_MainTable/152198 (дата обращения: 19.09.2026). – Текст : электронный.

4. Васильева, О. Н. Кадровая проблема и попытки ее разрешения в процессе формирования государственного аппарата Чувашской автономной области / О. Н. Васильева // Вестник Марийского государственного университета. Сер. Исторические науки. Юридические науки. – 2019. – № 3. – С. 207–214.

5. Васильева, О. Н. Формирование аппарата государственного управления Чувашской автономной области во второй половине 1920 года / О. Н. Васильева // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения. – 2019. – С. 184–192.

6. Гамалей, С. Ю. К вопросу об истоках зарождения народных театров в СССР / С. Ю. Гамалей // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2026. – № 2. – С. 26–30.

7. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф.П-1818/373. Опись 1.

8. Григорьев, Н. Г. Врачи-писатели Чувашии: в 5 кн. Кн. 2: Кузьма Пайраш. Кн. 3: Выживший в концлагерях: о Н.Е. Евдокимове. Кн. 4: Мĕтри Вăçлейĕ/ Н. Г. Григорьев. – Чебоксары, 2009. – 182 с.

9. Денисов, А. В. От авангарда к официозу. Театр революционной сатиры и «Синяя блуза» в Минске в 1920-е гг / А. В. Денисов // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. – 2024. – № 1 (281). – С. 44–49.

10. Димитриев, В. Д. Шумилов Сергей Львович / В. Д. Димитриев // Чувашская энциклопедия. – URL: https://chuvenc.ru/show_MainTable/148482 (дата обращения: 17.09.2026). – Текст : электронный.

11. Долгов, В. Е. Юрьев Петр Федорович / В. Е. Долгов // Чувашская энциклопедия. – URL: https://chuvenc.ru/show_MainTable/147989 (дата обращения: 17.09.2026). – Текст : электронный.

12. Ертмакова, Г. В. Создание автономии: на пути сохранения национальных культур / Г. В. Ертмакова // Исторический поиск. – 2020. – Т. 1, № 4. – С. 192–196.

13. Законы и постановления о Советах Чувашской АССР (1920–1987 гг.) : документы и материалы / сост., авт. пред. и ввод. ст. В. А. Нестеров; редколлегия : А. П. Петров, Л. П. Прокопьев, С. М. Ислюков. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1989. – 464 с.

14. Иванов, М. И. Даниил Эльмень: острые грани судьбы / М. И. Иванов. – 2009. – 255 с.

15. Изоркин, А. В. Даниил Семенович Эльмень / А. В. Изоркин // Чувашская энциклопедия. – URL: https://chuvenc.ru/show_MainTable/144489 (дата обращения: 20.09.2026). – Текст : электронный.

16. История Чувашии новейшего времени : в 2 книгах. Кн. 1. 1917–1945 / И. И. Бойко, В. Г. Харитонова, Д. А. Ялтаев [и др.] ; отв. ред. И. И. Бойко ; Чувашский государственный институт гуманитарных наук. – Чебоксары : ЧГИГН, 2001. – 384 с.

17. Клементьев, В. Н. Волков Меркурий Андреевич / В. Н. Клементьев // Чувашская энциклопедия. – URL: https://chuvenc.ru/show_MainTable/144522 (дата обращения: 17.09.2026). – Текст : электронный.

18. Коричев, С. А. Первые шаги: (Воспоминания о первых годах Сов. власти в Чувашии) / Лит. запись И. П. Павлова / С. А. Коричев. – Чебоксары : Чувашиздат, 1969. – 83 с.

19. Кузьмичёв, И. В. Стальной кулак пролетариата / И. В. Кузьмичёв // Сержант : журн. – 1999. – № 10. – С. 13–19. – URL: https://web.archive.org/web/20130513192922/http://sergeant.genstab.ru/pdf/10_chon.pdf (дата обращения: 21.09.2026). – Текст : электронный.

20. Пантелеймонова, Л. В. Особенности административно-территориального деления в РСФСР в 1920-е годы (на материалах Чувашской автономии) / Л. В. Пантелеймонова // Исторический поиск / Historical Search. – 2022. – Т. 3, № 1. – С. 61–84.

21. Саламбек Иван Яковлевич // Чувашский народный сайт. – URL: https://h1.nu/1yyfp (дата обращения: 21.09.2026). – Текст : электронный.

22. Саламбек, И. Я. Пирвайхи юрату : роман / И. Я. Саламбек. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1970. – 287 с.

23. Сергеев, Т. С. Иван Данилович Кузнецов / Т. С. Сергеев // Чувашская энциклопедия. – URL: https://chuvenc.ru/show_MainTable/143703 (дата обращения: 20.09.2026). – Текст : электронный.

24. Смолякова, В. П. Художественная литература как исторический источник для исследования дореформенной России / В. П. Смолякова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. – 2022. – № 2 (46). – С. 61–71.

25. Федоров, Ф. Ф. Осипов Роман Иосифович / Ф. Ф. Федоров // Чувашская энциклопедия. – URL: https://chuvenc.ru/show_MainTable/146983 (дата обращения: 17.09.2026). – Текст : электронный.

26. Федоров, Ф. Ф. Сарра Андрей Иванович / Ф. Ф. Федоров // Чувашская энциклопедия. – URL: https://chuvenc.ru/show_MainTable/147362 (дата обращения: 17.09.2026). – Текст : электронный.

27. Федоров, Ф. Ф. Коричев Сергей Андреевич / Ф. Ф. Федоров // Чувашская энциклопедия. – URL: https://chuvenc.ru/show_MainTable/145775 (дата обращения: 20.09.2026). – Текст : электронный.

28. Федоров, Ф. Ф. Чернов Вадим Петрович / Ф. Ф. Федоров // Чувашская энциклопедия. – URL: https://chuvenc.ru/show_MainTable/147642 (дата обращения: 17.09.2026). – Текст : электронный.

29. Эльгер, Семен Васильевич. Хурапа шурă. Тĕрлĕ вăхăтра çырнисем : проза, поэзи, аса илӳсем, кун кĕнекинчен, çырусем, хаклавсем, асăрхаттарусем / С. В. – Элкер, 1994. – 447 с.

Идрисов Рустем Анатольевич
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация: *общественная палата Чувашской Республики была создана в 2011 г. в качестве механизма взаимодействия общества и государства, имея особые полномочия в сфере общественного контроля. Однако современные условия развития Чувашии и всей России привели к существенному расширению и качественному изменению этих функций. Ключевым фактором этих изменений, по мнению автора, явилось, начиная с 2022 г., проведение СВО.*

Ключевые слова: *Общественная палата Чувашской Республики, Специальная военная операция, патриотическое воспитание, социальная защита, дистанционное электронное голосование, общественный контроль.*

Общественная палата Чувашской Республики, созданная в 2011 г., изначально видела главным направлением своей

деятельности осуществление общественного контроля за работой государственных органов власти. Однако поскольку республика, как и другие регионы Российской Федерации, постоянно сталкивается с новыми вызовами, связанными с активизацией гражданской позиции, вовлечением населения в решение социально значимых проблем, ее деятельность в современный период претерпела значительные изменения.

Период 2022–2026 гг. явился для Общественной палаты Чувашской Республики моментом существенной содержательной и функциональной перестройки, вызванной глубокими изменениями внешнеполитической обстановки, началом Специальной военной операции и последующей модернизацией всей системы государственного и общественного регулирования в России.

С момента начала СВО в число приоритетных направлений деятельности Общественной палаты вошли социальная поддержка участников спецоперации. Это нашло в том числе отражение в деятельности всех профильных комиссий палаты. причем произошло качественное изменение этого направления деятельности. До 2022 г. вопросы патриотического воспитания и социальной защиты были рассредоточены по разным направлениям. Теперь же они сконцентрированы вокруг главной цели – оказание всесторонней помощи Вооруженным Силам и интеграции ветеранов в общественную жизнь республики. По сути Общественная палата Чувашской Республики стала сейчас одним из региональных центров по координации гуманитарных миссий, содействующих достижению указанной цели. При этом деятельность Общественной палаты Чувашской Республики существенное отличается, например, от волонтерских движений, так как функционально она способна проводить общественную экспертизу мер социальной поддержки.

В ряде случаев Палата выступает в качестве медиатора между военным комиссариатом, министерством труда и социальной защиты и обществом. Это направление работы особенно востребовано, когда необходимо рассмотрение случаев отказов в мерах поддержки, внесение изменений в определенные региональные нормативные акты. Для осуществления этой работы при Общественной палате Чувашской Республики была создана постоянно действующая рабочая группа по взаимодействию с участниками СВО и членами их семей.

Члены Общественной палаты Чувашии регулярно принимают участие в реализации патриотических и памятных мероприятий, в

частности проектов «Разговоры о важном» и «Уроки мужества» со студентами и учащимися различных образовательных организаций [1].

24 октября 2024 г. Общественная палата Чувашской Республики в рамках своего ежегодного форума утвердила создание общественного движения «От Победы к Победе». Оно явилось новой платформой для консолидации усилий граждан, общественных организаций и органов власти в деле воспитания подрастающего поколения. Тогда же по итогам проведенного форума была утверждена специальная награда – медаль Общественной палаты Чувашской Республики «За содействие специальной военной операции» [3].

Еще одним важным направлением текущей деятельности Общественная палата Чувашской Республики видит интеграцию новых регионов в правовое и культурное поле РФ и развитие в связи с этим межрегионального сотрудничества. Так, 22 июня 2023 г. член комиссии по социальной политике и национальным вопросам Общественной палаты Чувашской Республики, член Президиума Союза отцов России профессор Олег Волков принял участие в первом отцовском форуме «Отцы и дети. Взгляд в будущее» на территории Донецкой Народной Республики. В ходе работы проектных площадок данного форума состоялся обмен опытом, были предложены проекты по духовно-интеллектуальному развитию ребенка, воспитанию патриотизма, знакомству с выдающимися земляками, развитию семейного спорта, наставничества, помощи особенным детям. Сам Олег Волков провел одну из площадок стратегических сессий, посвященную теме «Домашнее воспитание: от рождения до школы» [4].

Сотрудничеству с новыми российскими регионами способствует и подписанное 8 апреля 2026 г. соглашение между Общественными палатами Чувашской Республики и Луганской Народной Республики [6]. Оно явилось важным инструментом в развитии партнерских отношений между регионами, способным осуществлять прямой обмен опытом, воплощать в жизнь совместные проекты, решать актуальные задачи, стоящие перед обществом и населением нашей страны.

Отдельным направлением текущей деятельности стала модернизация системы общественного наблюдения за выборами. В 2023 г. впервые было проведено дистанционное электронное голосование (ДЭГ). В структуре республиканского Штаба для проведения соответствующей работы была создана специальная группа по общественному наблюдению за ДЭГ. На местах создавались мобильные группы общественного наблюдения, ставшие

действенным инструментом согласования интересов и медиации возникающих конфликтных ситуаций на участках. В эти мобильные группы входили представители муниципальных палат, члены Общественной палаты Чувашской Республики, представители Адвокатской палаты Чувашской Республики. Это дало возможность оперативно осуществлять юридическую консультацию на местах и решать все возникающие вопросы [2]. Наработанный опыт деятельности членов Общественной палаты Чувашской Республики в этом направлении в дальнейшем позволил в том числе успешно провести в нашем регионе президентские выборы в 2024 г., Единый день голосования в 2025 г., а также состоявшиеся совсем недавно выборы в Государственную Думу РФ и Государственный Совет Чувашской Республики.

Преобладание современной военно-патриотической тематики мероприятий тем не менее не снимает с Общественной палаты необходимости уделять внимание задачам устойчивого социально-экономического развития республики. В связи с этим Палата регулярно проводит значительную работу, посвященную общественным проверкам объектов, строящихся в рамках инфраструктурных бюджетных кредитов и новых национальных проектов, стартовавших в 2025 г. Например, 6 июня 2025 г. представители Общественной палаты Чувашской Республики проинспектировали строительство поликлиники в с. Шихазаны [7], а 14 августа 2025 г. проверили ход капитального ремонта СОШ №22 г. Чебоксары [5].

Таким образом в современных условиях мы наблюдаем явный количественный и качественный рост задач, стоящих перед Общественной палатой Чувашской Республики, что демонстрирует ее востребованность в качестве канала коммуникации государства и общества.

Список литературы

1. Ежегодный доклад о деятельности Общественной палаты Чувашской Республики за 2022 год. – URL: https://opchr21.ru/docs/ (дата обращения: 07.09.2026). – Текст : электронный.

2. Ежегодный доклад о деятельности Общественной палаты Чувашской Республики за 2023 г. – 2023. – URL: https://opchr21.ru/docs/ (дата обращения: 07.09.2026). – Текст : электронный.

3. Ежегодный доклад Общественной палаты Чувашской Республики за 2025 год: проект. – URL: https://opchr21.ru/docs/ (дата обращения: 07.09.2026). – Текст : электронный.

4. Общественная палата Чувашской Республики активно взаимодействует с некоммерческими организациями новых субъектов Российской Федерации. – URL: https://opchr21.ru/novosti/ (дата обращения: 09.09.2026). – Текст : электронный.

5. Проверили ход капремонта СОШ 22 г. Чебоксары. – URL: https://opchr21.ru/obshchestvennyy-kontrol/na-kontrole-glavy-chuvashii-obshchestvenniki-proverili-khod-kapremonta-sosh-22-g-cheboksary/ (дата обращения: 12.09.2026). – Текст : электронный.

6. Соглашение о сотрудничестве и взаимодействии между Общественной палатой Луганской Народной Республики и Общественной палатой Чувашской Республики. – URL: https://opchr21.ru/docs/ (дата обращения: 09.09.2026). – Текст : электронный.

7. Участники проекта на контроле Главы республики. – URL: https://opchr21.ru/obshchestvennyy-kontrol/uchastniki-proekta-na-kontrole-glavy-respubliki-proinspektirovali-stroitelstvo-polikliniki-v-s-shikh/ (дата обращения: 12.09.2026). – Текст : электронный.

Купирова Чулпан Шеукатовна
канд. юрид. наук, доцент
Семенова Инна Юрьевна
канд. ист. наук, старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ ПРИЗЫВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Аннотация: *в статье проведен краткий анализ базовых нормативных актов института уголовной ответственности за уклонение от воинской обязанности в Советской России. Хронологические рамки – 1917–1960 гг. В современной России введение конституционного долга граждан служить в армии обуславливает запрет для них на отказ от военной службы, а для военнослужащих – избегать исполнения своих обязанностей в армии. Опыт прошлого необходим для понимания и адекватной оценки современной ситуации в вопросах привлечения к ответственности уклонистов.*

Ключевые слова: *правопорядок, воинская повинность, защита Отечества, воинская дисциплина, уклонение от призыва.*

Постреволюционный период Советской России являлся реформаторским для всех сфер жизнедеятельности советского общества. Коснулся он и вопросов государственной политики в отношении лиц, уклонявшихся от исполнения воинского долга по защите Отечества.

Понимание государственной реакции на поведение уклонистов от воинского долга требует осмысления, опыт прошлого важен для избежания ошибок в будущем. Советский период в решении этого вопроса особенно значим. Отметим, что законодательство об уголовной ответственности за уклонение от воинской обязанности имело длительную историю. Установленный порядок прохождения военной службы – один из ключевых элементов всей системы военно-служебной деятельности, и регламентировался он в нашей стране весьма детально, но лишь с петровских времен. Допетровское законодательство о преступлениях против порядка пребывания на военной службе было весьма фрагментированным, отличалось неопределенностью. Введение уголовных санкций за уклонение от армейской службы было необходимо ради поддержания воинской дисциплины и пресечения попыток избежать исполнения воинского долга. Без надёжной правовой защиты установленного порядка службы само понятие дисциплины в армии утрачивало смысл: если невыполнение обязанностей остаётся безнаказанным, рушится основа всего военного уклада. Правда, уголовное преследование само по себе не решало проблему – была нужна согласованность всех элементов, от воинского воспитания до правоприменения. В XIII веке была сформирована система преступлений преступлениях против порядка пребывания на военной службе, а к середине XIX века она была приведена в соответствие общему уголовному законодательству (Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г., Устав о воинской повинности 1874 г., Уголовное Уложение 1903 г.).

Советский же период отличался более детальным подходом. Воинская служба предполагала строгое соблюдение дисциплины – без этого вся система управления попросту рассыпалась бы. Уголовная ответственность за нарушения в этой сфере выступала одним из ключевых инструментов, удерживающих порядок: речь шла о вполне конкретном правовом механизме, а не об абстрактной угрозе. В принятом узаконении «О рабоче-крестьянской Красной Армии» (1918) был изначально закреплен принцип поступления в Красную Армию на добровольной основе, а не как принудительный призыв, причем сразу же определялись основания привлечения к ответственности уклонистов с назначением мер уголовного наказания (двухлетний срок лишения свободы, принудительные работы и конфискация всего имущества) [1]. Принятый в те же дни Декрет СНК РСФСР «О социалистическом рабоче-крестьянском Красном

Флоте» от 14 февраля 1918 г. закрепил отказ от всеобщей воинской повинности в пользу добровольности службы, но этот же нормативный акт впервые зафиксировал уголовно-правовой состав преступного деяния «побег» [2]. Меры уголовного воздействия в условиях массовой мобилизации в период Гражданской войны были ужесточены, дезертиром являлся «всякий военнослужащий, отсутствовавший в своей части более 7 дней», уголовное наказание вплоть до расстрела [3]. Уголовный закон 1922 года под побегом понимал уже самовольное оставление воинской части свыше 6 суток (статья 204). Глава VII документа была посвящена воинским преступлениям [4]. Уклонисты, причинившие себе увечья, повреждения или инициировавшие обман (глухота, слепота и др.) подвергались трехлетнему лишению свободы с конфискацией или без таковой, а совершившие подобные деяния в военное время или в боевой обстановке – вплоть до высшей меры наказания [4]. Самовольная отлучка и побег (уточненная редакция понятия) стали самостоятельными уголовно-правовыми составами по Положению о воинских преступлениях» от 31 октября 1924 г [5]. Появились новые способы уклонения (симуляция болезни, подлог документов), которые также подлежали уголовному преследованию [5]. По Уголовному кодексу РСФСР от 22 ноября 1926 года (глава II «Преступления против порядка управления») за уклонение от призыва к отбыванию действительной военной службы – лишение свободы на срок до 6 месяцев с последующим отправлением в часть для прохождения положенного срока службы, а при уклонении от обязательной военной службы с применением подлого документа, подкупа должностных лиц или иных ухищрений – до пяти лет с теми же условиями дальнейшего прохождения срока службы [6]. В ряде случаев применялись меры дисциплинарного взыскания по уставу. Основанием освобождения от уголовной ответственности являлись уважительные причины уклонения от установленного порядка прохождения военной службы.

В Советской России институт уголовной ответственности за уклонение от воинской обязанности прошел длительный путь становления, отражающий смену политических режимов и геополитической обстановки. Ключевым нормативным актом стал Закон СССР «О всеобщей воинской обязанности» (1967), характеризовавший восприятие военной службы как священного долга гражданина, а уклонение от нее рассматривалось как посягательство на обороноспособность государства [8]. Согласно ст. 80 УК РСФСР

1960 года за уклонение от призыва предусматривались такие виды наказаний, как лишение свободы сроком до трех лет либо направление в дисциплинарный батальон на тот же срок, что подчеркивало повышенную общественную опасность деяний против воинской обязанности [7]. Характерной чертой того периода являлась высокая степень идеологизации состава преступления. Уклонение от призыва рассматривалось как проявление антиобщественного, «паразитического» мировоззрения, что влияло на неотвратимость наказания. Современный период развития законодательства ознаменовался принятием в 1996 году Уголовного кодекса Российской Федерации, его ключевой нормой стала ст. 328 «Уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы». До 2022 года диспозиция данной статьи оставалась относительно стабильной. Однако, изменение геополитической обстановки, мобилизационные мероприятия и обострение вооруженного конфликта обусловили существенные изменения как самого состава преступления ст. 328 УК РФ, так и общей части уголовного права, направленные на ужесточение общих условий ответственности и появление новых составов.

В текущей Военной доктрине Российской Федерации подчеркивается, что в условиях современных геополитических напряженностей угрозы национальной безопасности России и ее союзных государств не только сохраняются, но и местами усиливаются. В современных условиях военная обязанность как составная часть национальной безопасности России напрямую обеспечивает: укомплектованность Вооруженных Сил РФ; поддержание боевой готовности войск; возможность оперативного развертывания вооруженных сил в случае мобилизации; сохранение обороноспособности государства на требуемом уровне. Игнорирование гражданами воинской обязанности подрывает основы военной безопасности, снижает боеготовность армии и создает угрозу суверенитету и территориальной целостности страны.

В нынешних геополитических реалиях, характеризуемых множеством вызовов и усилением международной напряженности, институт всеобщей воинской обязанности остается базовым компонентом формирования оборонного потенциала государства. В Российской Федерации, как и во множестве иных юрисдикций, уклонение от военной либо альтернативной гражданской службы порождает дополнительно существенные риски общественной безопасности и конституционного правопорядка. Особую

актуальность проблема приобретает в ракурсе гуманистических ценностей общества, где альтернативная гражданская служба функционирует как компромиссный институт для граждан, чьи пацифистские или религиозно-моральные убеждения несовместимы с военной повинностью. Отметим, что по сведениям Генпрокуратуры Российской Федерации, в 2020–2025 годах зафиксировано свыше 50 000 фактов уклонения от исполнения воинской обязанности, что свидетельствует о системной криминогенной тенденции. Актуальность вопроса обусловлена не только ростом административных и уголовных дел, но и цифровой реформой призыва: электронными повестками, государственными реестрами, усиленными санкциями, централизованной информационной платформой «Госуслуги», биометрической верификацией призывников, автоматизированным обменом данных.

Таким образом, изучение советского опыта привлечения к уголовной ответственности за уклонение от призыва сегодня особенно важно, так как точное исполнение воинского долга остается критически значимым для обеспечения стабильности и национальной безопасности страны. На наш взгляд, требуется активизация научных исследований по данной тематике.

Список литературы

1. О рабоче-крестьянском Красной Армии : декрет СНК РСФСР от 15 января 1918 г // Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 17. – Ст. 245.

2. О социалистическом рабоче-крестьянском Красном Флоте : декрет СНК РСФСР от 14 февраля 1918 г // Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 23. – Ст. 325.

3. О борьбе с дезертирством : декрет СНК РСФСР от 2 февраля 1921 г // Собрание узаконений РСФСР. – 1921. – № 9. – Ст. 61.

4. Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 г // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

5. Положение о воинских преступлениях : постановление ЦИК СССР от 31 октября 1924 г // Собрание законодательства СССР. – 1924. – № 24. – Ст. 207.

6. Уголовный кодекс РСФСР от 22 ноября 1926 г. (вступил в силу 1 марта 1927 г.) // Собрание узаконений РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

7. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (вступил в силу 1 января 1961 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.

8. О всеобщей воинской обязанности : Закон СССР : от 12.10.1967 №1950-VII // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1967. – № 42. – Ст. 552.

Михайлова Светлана Юрьевна
д-р ист. наук, доцент, профессор
Музякова Алина Леонидовна
канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЧУВАШИИ ПЕРИОДА НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация: *на фоне сохранения неослабевающего интереса к изучению истории НЭПа становится актуальным обобщение достижений региональных исследователей в XXI столетии. В статье анализируется современный научный дискурс, посвященный изучению развития экономики Чувашии в 1921–1929 гг. На основе общенаучных принципов историзма и объективности, специально-исторических методов – сравнительно-исторического, ретроспективного и диахронического анализа рассматривается трансформация историографических подходов к изучению реализации НЭПа в регионе: от советской парадигмы с ее акцентом на классовой борьбе и неизбежности социалистического строительства к современным концепциям, опирающимся на микроисторию, социальную историю и историю повседневности. Обосновывается вывод об историческом переосмыслении НЭПа: от восприятия его как временной тактической уступки большевиков – к пониманию этого периода как этапа формирования сложной региональной экономической идентичности под влиянием множества исторических факторов.*

Ключевые слова: *НЭП, Чувашия, экономическая история, дискурс.*

Интерес к изучению истории новой экономической политики в СССР не угасает вот уже более чем на протяжении столетнего периода. За это время в отечественной историографии было сформировано и институционализировано отдельное обширное направление, получившее в профессиональной среде название «нэповедение». При этом ряд исследователей, отмечая всплески внимания к данной теме и отдельным ее аспектам в связи с различными коренными изменениями в российской истории [1; 10; 24] полагает, что «наши знания о нэпе приблизительны и схематичны» [23, с. 39]. Одним из

наиболее очевидных объяснений указанного феномена представляется неоднократно подчеркиваемая в историографии зависимость трактовок НЭПа непосредственно от политической ангажированности и конъюнктурности, а также сохранявшиеся в течение долгого времени в научных трудах тематические и методологические диспропорции, когда реализовывался преимущественно столично-центрированный подход к освещению проблем НЭПа, а региональная специфика оставалась вне поля исследовательских интересов.

Между тем, вполне оправданным представляется допущение В.М. Рынкова, что: «Возможно, реальный нэп является равнодействующей той экономической политики, которая по-разному проводилась в отдельных регионах и в различных отраслях экономики» [15, с. 7]. На наш взгляд, оно верно характеризует сложившийся в последние годы вектор, оценивающий НЭП, в том числе и прежде всего, как сумму региональных практик.

Необходимо отметить, что в целом, несмотря на условия жесткого идеологического давления в рамках марксистско-ленинской догматики и цензуры в советские годы, учеными Чувашии был накоплен и введен в научный оборот огромный массив данных об экономическом развитии региона в период НЭПа, несомненно, заложивший прочный фундамент для последующих научных изысканий в этом направлении [2; 4; 12; 14; 18; 20–22; 24; 25]. Характерным рефреном их трудов была оценка НЭПа как необходимого переходного этапа от Гражданской войны к плановому социалистическому хозяйству. При этом главным субъектом экономической истории выступали государство и партия, сельскохозяйственная кооперация же воспринималась не как самостоятельное рыночное явление, а как инструмент интеграции аграрного сектора в плановую экономику под эгидой диктатуры пролетариата. НЭП и последующая индустриализация преподносились как единственный путь преодоления вековой экономической и культурной отсталости края, его превращения из аграрного придатка в индустриально-аграрную республику.

Трансформация научных парадигм с конца 1980-х – начала 1990-х гг. и открывшиеся вместе с ней возможности для исследователей породили новые импульсы развития «нэповедения» в Чувашии. Знаковой в этот период стала работа А.Ю. Давыдова с характерным для эпохи перестройки (когда ученые впервые получили возможность открыто ставить под сомнение догматы советской исторической науки) названием «Кооперация периода НЭПа: экономическая целесообразность или идейный диктат», опубликованная

в 1991 г. в сборнике статей «Из истории Чувашии советского периода», подготовленном НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской ССР [11]. Эта статья фиксирует момент смены научной парадигмы в изучении региона. Используя архивные данные и материалы прессы 1920-х гг., А.Ю. Давыдов демонстрирует, что экономика страны обладала достаточным потенциалом для рыночной модернизации. Свертывание НЭПа трактуется им не как закономерный этап построения социализма, а как политическое решение, нанесшее удар по эффективно работавшему сектору экономики.

На сегодняшний день опубликовано немало работ, освещающих экономические проблемы НЭПа в Чувашии под новым углом зрения и во взаимосвязи с другими не менее важными аспектами, ранее, как правило, остававшимися вне поля исследовательских интересов: соотношение власти и общества, соотношение государственной и частной собственности, многоукладность экономики, повседневность, этнокультурный и человеческий факторы и др.

Важным шагом в постсоветской региональной историографии стал выход фундаментального труда «История Чувашии новейшего времени» (книга 1, охватывающая период с 1917 г. по 1945 г.), изданного Чувашским государственным институтом гуманитарных наук в 2001 г. Именно эта коллективная монография, на наш взгляд, послужила основой современного дискурса экономической истории Чувашии периода НЭПа.

В ней впервые на новых теоретико-методологических основаниях и обширного круга источников, в том числе и рассекреченных архивных документов, показана история края в 1921–1929 гг. [13, с. 82–142].

Автором раздела, посвященным периоду НЭПа в Чувашии, В.Н. Клементьевым с опорой на статистические данные детально рассмотрены противоречия этого периода: исследован процесс интеграции отсталой сельскохозяйственной автономии в рыночную среду, показаны структурные барьеры (командные методы ведения народного хозяйства, ужесточение системы планирования, жесткие законодательные рамки деятельности частных предпринимателей, идеологические установки и доктринальное недоверие к частной собственности, дискриминационное налогообложение, низкий агротехнический уровень, устаревшее и изношенное оборудование предприятий, скудость оборотных средств, кадровый дефицит, отсутствие топливно-энергетических ресурсов и пр.), обусловившие низкую эффективность этого процесса.

Основной тезис, характеризующий результаты НЭПа в Чувашии, – восстановление народного хозяйства республики после Гражданской войны, катастрофического голода 1921–1922 гг. действительно состоялось, но оно имело ярко выраженный количественный, а не качественный характер. К 1927 г. экономика республики достигла или превзошла довоенные показатели по основным показателям. К примеру, в аграрном секторе – посевные площади превысили уровень 1913 г., было восстановлено поголовье всех видов скота до довоенного уровня [13, с. 87–88]; в промышленности – были отремонтированы и запущены оставшиеся дореволюционные предприятия. При этом подчеркивается, что «в промышленности восстановительный процесс не был завершен. В 1927/28 г. выпуск продукции в крупной промышленности в денежном выражении составил только 86,7% от уровня 1913 г.» [13, с. 101].

Восстановление сельского хозяйства сопровождалось социально-экономическими изменениями деревни: повсеместно распространились аренда земли, наем рабочей силы, «возрождался широко распространенный до революции среди крестьянского населения Чувашии уход на отхожие промыслы» [13, с. 88], «наблюдался приход сезонных рабочих из соседних регионов в Чувашию» [13, с. 89].

В качестве ключевого элемента новой экономической политики и инструмента интеграции региона в общесоюзную экономическую систему В.Н. Клементьевым рассматривается кооперативное движение. Так, по его мнению, сельскохозяйственная кооперация «сыграла важную роль в восстановлении крестьянского хозяйства, приспосабливая его к рынку» [13, с. 93]. При этом главной отличительной чертой чувашской кооперации ученый называет крайне низкую финансовую слабость и зависимость от государства. Государственное вмешательство в жизнедеятельность кооперации носило противоречивый, а в ряде случаев, деструктивный характер: с одной стороны, создавалась благоприятствующая законодательная база, предоставлялись льготы, с другой – партийные органы возлагали на систему кооперации выполнение несвойственных ей социальных обязательств в ущерб коммерческой логике (бесплатная сдача техники в аренду любому крестьянину через прокатные пункты, проведение агрокультурных мероприятий для бедняков, сбыт продукции по государственным закупочным ценам и пр.). Особенно усиливается отрицательное влияние государства на кооперативы во второй половине 1920-х гг. – «требование проведения

«строгой классовой линии» отбрасывало не только кооперативный принцип равенства возможностей, но и нэповское признание частного интереса» [13, с. 92]. К концу же 1920-х гг., по мнению В.Н. Клементьева, «почти ликвидировались основные принципы, без которых кооперация переставала быть кооперативной, такие, как самостоятельность, возможность свободного оперирования на рынке» [13, с. 93].

Выходя за рамки сухой статистики, В.Н. Клементьев раскрывает глубокие социальные изменения чувашской деревни в 1921–1929 гг. Историк подчеркивает, что НЭП привел к активному социальному размежеванию. Несмотря на рост зажиточной прослойки в деревне, абсолютное доминирование сохраняли бедняцкие (56,8%) и середняцкие (40,4%) хозяйства. Причем автором акцентировано внимание на том, что в разрезе критериев ЦСУ СССР того периода «середняк чувашской деревни мало отличался от бедняка русской» [13, с. 89].

По мнению В.Н. Клементьева, преодоление сложного, противоречивого положения деревни с ее аграрной перенаселенностью, низкой урожайностью, бедностью было возможно путем постепенного перехода «к интенсификации сельского хозяйства на базе индивидуального крестьянского хозяйства при широком развитии всех форм кооперации, а не только производственной» [13, с. 93]. Поскольку рыночный путь эволюции аграрного сектора, по убеждению государственного руководства страны, не был способен вывести сельское хозяйство из архаичного доиндустриального состояния, став базой для решения задач форсированной индустриализации, «по отношению к деревне возобладал волевой, конъюнктурный подход» [13, с. 94] – была выбрана линия на коллективизацию.

Отдельно автором рассмотрено влияние финансового оздоровления страны на жизнь региона. Отмечено, что оно способствовало установлению самостоятельного бюджета Чувашской автономии, оживлению торговли, прежде всего розничной. При этом выделена следующая особенность: если в первые годы НЭПа в сфере товарного обращения доминировал частник (в 1923 г. – 76%), то с 1926 г. он вытеснялся из сферы торговли (в 1927/28 г. – 19%) [13, с. 95].

Во второй половине 1920-х гг., по мнению ученого, происходит смещение фокуса финансовой политики: если в начале НЭПа она была направлена на восстановление экономики в целом, то к концу десятилетия она стала инструментом подготовки индустриализации. Так, расходы на развитие промышленности автономии выросли более чем вдвое: с 231,5 тыс. рублей в 1925/26 г. до 623,6 тыс.

рублей в 1927/28 г. При этом, «основная их часть шла не на ремонтно-восстановительные работы, как это было в предыдущий период, а на новое промышленное строительство» [13, с. 100]. В качестве предвестника будущей индустриализации автором рассматривается составление первых народнохозяйственных планов-прогнозов, работы по которым в Чувашии стартовали во второй половине 1920-х гг. с привлечением научной общественности.

Несмотря на все усилия по развитию индустрии, как резюмирует В.Н. Клементьев, шло сокращение доли промышленности в экономике Чувашии с 8,5% в 1925/26 г. до 6,7% в 1927/28 г., что свидетельствовало об усилении аграрной специализации региона и нарастании зависимости темпов его индустриализации от состояния сельскохозяйственного сектора [13, с. 105]. При этом последний «не выдерживал той нагрузки, которую возлагала на него политика ускоренного промышленного развития» [13, с. 102], что подтверждалось кризисом хлебозаготовок зимой 1927 г. – весной 1928 г.

В целом, концепция В.Н. Клементьева дает представление о том, как отсталая аграрная Чувашия пыталась встроиться в нэповские рыночные отношения и почему этот эксперимент оказался не столь успешным. Описывая парадоксальную двойственную природу советской экономики 1921–1929 гг., ученый отмечает «странный симбиоз» экономических и командно-административных методов управления, элементами которого были «административно-рыночная система, неэквивалентный обмен между городом и деревней, торможение роста зажиточного индивидуального крестьянского хозяйства, хозрасчет в промышленности, действовавший в ограниченном виде; <…> жесткий однопартийный режим с элементами либерализма» [13, с. 105].

Подход В.Н. Клементьева, по нашему мнению, можно охарактеризовать как умеренно-академический: избегая историографических крайностей (от идеализации и апологетики НЭПа как гениального плана до радикального его отрицания), исследователь трактует НЭП не как результат пересмотра политико-идеологических основ правящей партией, а как прагматичный инструмент, вызванный «необходимостью вывода народного хозяйства из кризиса и выживанием режима» [13, с. 104].

Применительно к реалиям Чувашии 1921–1929 гг. интерес вызывает концепция Е.В. Касимова, смещающего исследовательский фокус с макроэкономических показателей на микроуровень – повседневное выживание и психологию крестьянства. Им

анализируется отношение крестьян Чувашии к коммунистической партии, косвенно свидетельствующее о социально-экономической обстановке эпохи и служащее главным индикатором успешности НЭПа [14]. В отличие от классической историографии, как правило, объясняющей свертывание НЭПа политическими решениями руководства или объективными экономическими диспропорциями (кризис хлебозаготовок), его подход вскрывает внутренние механизмы краха политики в специфических условиях Чувашии (хронического земельного голода, особенности психологии чувашского земледельца и пр.), демонстрируя реальную сложность социальных процессов и глубокую пропасть между коммунистической утопией и повседневной жизнью чувашского крестьянства. При этом ученым впервые вводимые в научный оборот ранее засекреченные архивные материалы за 1920-е годы (информационные сводки Чувашского отдела ОГПУ, докладные записки особых отделов и др.) используются не просто как фактологический справочник, а как инструмент верификации данных партийных отчетов, газетных публикаций и официальной статистики того времени [14; 16].

Е.В. Касимов также подвергает комплексному анализу кредитную политику в Чувашии в 1920-х гг., реальный доступ крестьян к финансовым ресурсам и эффективность этих вложений для восстановления подорванного Гражданской войной хозяйства. Им подчеркивается, что распределение кредитов подчинялось идеологической задаче 1920-х гг. – предотвращению социального расслоения и поддержке бедняцких слоев за счет ограничения финансирования зажиточных хозяйств несмотря на риски снижения экономической эффективности аграрного сектора [14].

Обобщающий характер носят работы В.В. Орлова, рассматривающего НЭП в Чувашии как чрезвычайно противоречивый и неоднозначный исторический этап [17–20]. Концепция исследователя, выстроенная на фундаментальном анализе широкого круга источников, представляет НЭП в Чувашии не как период успешного процветания, а как время упущенных возможностей, когда региональная специфика вошла в неразрешимое противоречие с глобальными задачами советского государства.

В работах ученого содержится комплексный анализ социально-экономического развития Чувашии в 1921–1929 гг. во взаимосвязи с этнополитическими аспектами. Изучая сложный процесс формирования национальной политической элиты, он дает критическую оценку ее деятельности, в том числе дискуссиям о выборе

стратегии социально-экономического развития Чувашии: «Большинство ее лидеров принадлежало к числу сторонников приоритетного развития аграрного сектора экономики. <…> Аграрная стратегия развития автономии, выбранная центральными органами вопреки решениям XIV съезда партии об индустриализации страны, предопределила стадиальное отставание Чувашии от общих темпов социально экономического развития страны» [21, с. 32].

По мнению В.В. Орлова, некомпетентность руководства республики, кризис власти (в Чувашской партийной организации за неполных шесть лет сменилось девять ответственных секретарей обкома партии; руководящая политическая элита Чувашии не могла выбрать из своей среды авторитетного лидера; отсутствие авторитета «временщиков» в центральных органах управления) привели к тому, что ключевые для Чувашии проблемы, связанные с изменением ее статуса, расширением административно-территориальных границ, финансированием программ социально-экономического развития решались на низком профессиональном уровне [21, с. 31].

Характеризуя хозяйственный облик Чувашии, ученый акцентирует внимание на доказательстве системного кризиса автономии, индикаторами которого являлись: отсутствие внутренних источников развития и дотационная зависимость от центра; ориентация дотаций на потребление, а не на развитие; скрытая массовая безработица и аграрная перенаселенность (около 95% населения проживало в сельской местности, местная промышленность не могла абсорбировать избыток рабочих рук); архаичный технологический профиль, при котором рыночные механизмы были способны лишь консервировать старые формы хозяйствования, но не могли запустить индустриализацию; отсутствие тяжелой промышленности, а значит невозможность производить даже простейшие средства производства для собственных нужд (плуг, гвоздь); бессилие рыночных механизмов, когда в условиях отсутствия капитала и технологий рынок мог лишь поддерживать старое хозяйство (к примеру, ремонтировать мельницы), но был не способен построить современное промышленное предприятие.

Вывод исследователя сводится к тому, что экономика и социальная сфера Чувашии в 1921–1929 гг. демонстрировали всесторонний коллапс: ни один из значимых макроэкономических параметров не достиг уровня 1913 г. Среди причин упадка народного хозяйства Чувашии В.В. Орлов, помимо однобокой стратегии развития автономии на базе аграрного сектора, архаичности технологического и

структурного профиля экономики, называет доминирование идеологических приоритетов над объективной экономической целесообразностью [21, с. 39], хотя «введение нэпа отвечало интересам большинства жителей Чувашии, где удельный вес крестьян составлял 91,7%» [21, с. 40].

В.В. Орлов формулирует теорию «чувашского тупика», согласно которой национальная государственность, сконструированная на этнокультурной, а не хозяйственно-экономической основе, изначально обрекла регион на инфраструктурную изоляцию, малоземелье и аграрную перенаселенность [21, с. 43].

Исследуя причины неуспешности НЭПа, ученый указывает на ключевой социально-психологический фактор – формирование глубокой социальной апатии как следствие регионального опыта военного коммунизма. Институциональное насилие (жестокое подавление восстания безоружных чувашских крестьян в январе 1921 г.) и фискальный произвол властей спровоцировали тотальное неверие в советские идеалы, что обесценило управленческие практики периода НЭПа, сведя их эффективность к нулю [21, с. 43].

В.В. Орлов рассматривает экономический кризис 1920-х гг. через призму его социальных последствий. Массовый голод (до конца 1926 г.), неграмотность, нищета и социальные болезни, порожденные отрывом реформ от действительности, сформировали глубокое разочарование населения в НЭПе. Вводя понятие «антимодернизационного фактора», автор утверждает, что этот психологический надлом препятствовал поступательному развития экономики [21, с. 45].

Анализ В.В. Орловым региональной специфики НЭПа демонстрирует обреченность реформ, игнорировавших уровень экономического развития территории. По оценке исследователя, дозированное включение рыночных отношений оказалось неэффективным, а курс на укрупнение производства (трестирование) и ликвидацию частной инициативы лишь усугубил кризис. Неспособность партийно-государственной линии решить проблему острой нехватки капиталов, материалов и специалистов привела к структурной деградации: Чувашия окончательно утратила статус товарного аграрного региона, превратившись в зону внутреннего потребления хлеба [21, с. 44].

Опровергая тезис об экономической исчерпанности НЭПа, В.В. Орлов объясняет свертывание НЭПа опасением власти реставрации буржуазных порядков и стремлением предотвратить политическую либерализацию. Форсированная индустриализация и коллективизация стали основами административно-командной

системы, генезис и директивные методы управления которой были сформированы в 1921–1929 гг. [21, с. 45].

Несмотря на все противоречия, в региональной историографии НЭП часто рассматривается как период, обладавший модернизационным потенциалом. Один из ведущих специалистов по истории кооперативного движения в Чувашии О.Г. Вязова исследует возможности кооперации для обеспечения устойчивого роста региональной экономики. Отходя от взгляда на кооперацию как на сугубо экономический инструмент, исследовательница анализирует широкий круг вопросов: особенности развития сельскохозяйственной кооперации Чувашии, особенности государственной и партийной кооперативной политики, культурно-просветительскую роль кооперативов, участие женщин в кооперации, их вовлечение в общественное производство и управление, трансформацию кустарных промыслов чувашских крестьян под влиянием рыночных отношений, вклад кооперации в Чувашии в борьбу с голодом 1921–1922 гг. В ее работах кооперация предстает как сложный социально-культурный институт, оказывавший влияние на хозяйственные показатели, социальную структуру, гендерные отношения и национальную культуру автономии [3–9].

Экономическая история Чувашии 1921–1929 гг. рассматривается современными учеными также через призму становления государственного аппарата и государственных структур. Так, в 2012 г. С.В. Гончаровой была защищена кандидатская диссертация на тему «Формирование и деятельность органов управления промышленностью и сельским хозяйством Чувашии в 1920-е гг.» [10]. Исследовательница, анализируя деятельности органов управления промышленностью и сельским хозяйством Чувашии в условиях НЭПа, делает «вывод, что в первой половине 1920-х гг. поддержка рыночных принципов в экономике региона со стороны хозяйственных ведомств была минимальной, а во второй половине десятилетия она вовсе была сведена на нет» [10, с. 21]. С.В. Гончарова также исследует реализацию государственных землеустроительных работ в 1920-е гг., особенно актуальную для Чувашии того периода в силу ряда факторов – сохранившегося общинного землепользования, высокой плотности населения и малоземелья [10].

Характерная черта современных работ историков – попытки переосмысления хронологических рамок НЭПа, вызванные несоответствием между официальной политической датировкой и реальными экономическими процессами на местах. К примеру, по

мнению В.В. Орлова, если общесоюзный НЭП относительно последовательно длился около 7–8 лет, то в Чувашии рост экономических показателей произошел только после преодоления голода 1921–1922 гг., а значит реальный временной промежуток реализации принципов НЭПа (рыночный обмен, накопление капитала) оказался сжатым примерно в 5 лет (1923–1927 гг.), прежде чем произошла переориентация на задачи коллективизации [16].

Таким образом, современный дискурс трансформирует восприятие экономической истории Чувашии в 1921–1929 гг., рассматривая ее не как линейный хозяйственный процесс, а как сложную многофакторную систему, детерминированную совокупностью локальных политических, этносоциальных и культурных переменных. При этом направленность исследований эволюционирует в русле общероссийской историографической парадигмы: фокус изучения смещается с федерального центра на регионы при одновременном отказе от упрощенных схем предшествующих теоретико-методологических установок, когда НЭП рассматривался исключительно как временный тактический и вынужденный маневр в рамках марксистско-ленинской историографии, или как упущенная рыночная альтернатива тоталитаризму в радикально-либеральных трактовках 1990-х гг. Следует заметить, что обновление дискурса стало возможным благодаря расширению источниковой базы – введению в научный оборот рассекреченных архивных документов, что позволило ученым обратиться к фундированному изучению табуированных аспектов НЭПа.

В центре внимания исследователей находится ряд актуальных вопросов: механизмы влияния малоземелья и высокой плотности населения на восприятие крестьянами рыночных реформ; трансформация кооперации из двигателя рынка в инструмент государственного распределения; а также роль языкового барьера и нациестроительства в замедлении реализации политики центра и др.

Комплексность научного осмысления исторического опыта 1921–1929 гг. базируется на нескольких ключевых исследовательских векторах: отказе от макроэкономического детерминизма, когда на первый план выходит анализ экономической повседневности (бюджетов чувашских крестьянских хозяйств, структуры потребления, цен), социальной стратификации (реального расслоения деревни), человеческого фактора (мотивации экономических агентов); этнокультурных особенностей (экономики через призму политики коренизации); роли институтов (кооперации, местного

аппарата управления); демографической катастрофы 1920-х гг. и ее последствий; географической специфики и инфраструктурных ограничений Чувашии 1920-х годов (отсутствие промышленности, экстенсивный характер земледелия, логистическая изоляция, энергетический голод и пр.).

Отказываясь от узкоэкономических трактовок, современные исследователи убедительно доказывают, что определяющую роль сыграла совокупность уникальных условий региона. Именно детальный анализ повседневного саботажа, теневых практик хозяйствования и этнокультурного ландшафта и других особенностей позволяет раскрыть истинную специфику автономии Чувашии в период НЭПа.

Список литературы

1. Бакшеев, А. И. «Под давлением идеологии»: Отечественное сельское хозяйство 1920-х годов в советской историографии 1920-х – начала 1950-х годов / А. И. Бакшеев, А. Г. Рогачев // Известия лаборатории древних технологий. – 2022. – Т. 18, № 1 (42). – С. 209–218.

2. Бойко, И. И. Индустрия и рабочий класс Чувашии за 70 лет / И. И. Бойко // Чувашской АССР – 70 лет : сб. ст. – Чебоксары, 1990. – С. 35–63.

3. Вязова, О. Г. Жилищная кооперация: роль в улучшении бытовых условий жизни чебоксарцев в 20–30-х годах XX века / О. Г. Вязова. – Чебоксары : история, этнография, культура : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2019. – С. 158–163.

4. Вязова, О. Г. К вопросу о национальных особенностях в развитии сельскохозяйственной кооперации Чувашии в годы новой экономической политики / О. Г. Вязова // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении : материалы VIII Межрегион. науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. – Чебоксары, 2005. – С. 271–276.

5. Вязова, О. Г. Кооперация Чувашии в борьбе с голодом 1921–1922 гг / О. Г. Вязова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2007. – № 3 (17). – С. 162–164.

6. Вязова, О. Г. Местная власть и кооперация Чувашии в годы НЭПа / О. Г. Вязова // Новый исторический вестник. – 2009. – № 1 (19). – С. 54–60.

7. Вязова, О. Г. Неизвестная страница в истории кооперации советской России: становление кооперативной системы социального обеспечения / О. Г. Вязова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 11 (79). – С. 369–375.

8. Вязова, О. Г. Особенности формирования кооперативной системы Чувашии / О. Г. Вязова // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 7. – С. 3–9.

9. Вязова, О. Г. Сельскохозяйственная кооперация Чувашии в годы новой экономической политики / О. Г. Вязова // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья : сб. материалов VI Регион. науч. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 342–349.

10. Гончарова, С. В. Деятельность органов управления сельским хозяйством Чувашии по проведению землеустроительных работ в 1920-е годы / С. В. Гончарова // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 1. – С. 19–22.

11. Гончарова, С. В. Формирование и деятельность органов управления промышленностью и сельским хозяйством Чувашии в 1920-е гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / С. В. Гончарова. – Чебоксары, 2012. – 22 с.

12. Давыдов, А. Ю. Кооперация периода НЭПа: экономическая целесообразность или идейный диктат / А. Ю. Давыдов // Из истории Чувашии советского периода: сб. ст. – Чебоксары, 1991. – С. 39–52.

13. История промышленности и рабочего класса Чувашии: в 2 ч. Ч. 1: 1861 г. – июнь 1941 г / В. П. Рожнов, А. В. Изоркин, С. Н. Хаймулин, Г. И. Иванов ; науч. ред. и авт. предисл. А. В. Изоркин. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1978. – 238 с.

14. История Чувашии новейшего времени. Кн. 1: 1917–1945. – Чебоксары, 2001. – 261 с.

15. История Чувашской АССР. Т. 2: От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. – Чебоксары, 1967. – 279 с.

16. Касимов, Е. В. Отношение крестьянства Чувашии к коммунистической партии в годы новой экономической политики / Е. В. Касимов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 6–1 (12). – С. 103–105.

17. Касимов, Е. В. Кредитная политика Советского государства как инструмент регулирования сельскохозяйственного производства в Чувашии в годы НЭПа / Е. В. Касимов // Чувашский гуманитарный вестник. – 2012. – № 7. – С. 52–68.

18. Круглый стол «НЭП – итоги и перспективы изучения» // Гуманитарные науки в Сибири. – 2021. – Т. 28, № 4. – С. 5–17.

19. Миловидова, Н. В. Нэповская модель российской модернизации 1920-х годов: историографический аспект / Н. В. Миловидова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20, № 6. – С. 104–107.

20. Орлов, В. В. Голод 1920-х годов в Чувашии: причины и последствия / В. В. Орлов // Отечественная история. – 2008. – № 1. – С. 106–117.

21. Орлов, В. В. К дискуссии об основных направлениях социально-экономического развития Чувашии в годы нэпа / В. В. Орлов // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 13. – С. 39–42.

22. Орлов, В. В. Промышленность Чувашии в годы НЭПа: основные проблемы и итоги развития / В. В. Орлов // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 30. – С. 43–52.

23. Орлов, В. В. Формирование местного бюджета Чувашии и финансирование программ ее социально-экономического развития в годы НЭПа / В. В. Орлов // Чувашский гуманитарный вестник. – 2006. – № 1. – С. 38–61.

24. Орлов, В. В. Этнополитические и социально-экономические аспекты развития Чувашии в 20-е годы XX века / В. В. Орлов. – Москва, 2009. – 395 с.

25. Орлов, В. В. Этнополитическое и социально-экономическое развитие Чувашии в 20-е годы XX века : автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / В. В. Орлов. – Казань, 2009. – 48 с.

26. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Ч. 1. – Чебоксары, 1989. – 302 с.

27. Фельдман, М. А. Современная историография нэпа: столетия не хватило / М. А. Фельдман // Новая и новейшая история. – 2022. – № 3. – С. 27–41.

28. Яхутль, Ю. А. Проблемы нэпа в отечественной историографии / Ю. А. Яхутль // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 1. – С. 41–48.

Никитина Елена Алексеевна
магистр, ассистент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

МОЛОДЕЖНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЧУВАШИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Аннотация: *в работе рассматривается становление и развитие молодежного движения географов в Чувашии с 1920-х годов по настоящее время, приуроченная к 180-летию Русского географического общества и 10-летию Молодежного движения. Автор выделяет ключевые этапы: от юннатского движения в 1920-е годы, создание Чувашского филиала Географического общества СССР, его распад и возрождение в Чувашском отделение РГО. Особое внимание уделено современному развитию: создание сети Молодежного центра и клубов РГО и их деятельности в республике.*

Ключевые слова: *Русское географическое общество, Молодежное движение РГО, Молодежный клуб РГО.*

Русское географическое общество с момента его создания в 1845 году и по сей день привлекало и продолжает привлекать к своей деятельности молодых ученых и исследователей, активно проводило работу по вовлечению в географию и смежные науки обучающихся школ и студентов университетов. В 2016 году Русское географическое общество запустило проект по созданию в

регионах Молодежных клубов, которые сейчас действуют во всех регионах России. Но привлечение молодежи к географическим исследованиям велось задолго до организации Русским географическим обществом Молодежных центров и клубов и в связи с 10-тилетием Молодежного движения актуально рассмотреть становление географической молодежи в Чувашии.

История молодежного движения географов и краеведов в Чувашии пережила за советские и послесоветские годы взлеты и падения и ее можно поделить на несколько этапов: юннатское движение в 1920-х годов, военные и послевоенные годы, Чувашский филиал Географического общества СССР в 1960–1980-е годы, упадок в конце XX века и новая волна развития в начале XXI века.

Основополагающую роль в становлении движения сыграло Общество изучения Чувашского края, созданное в 1921 году при Чувашском центральном (национальном) музее. При нем функционировало порядка десятка секций, в том числе и естественно-историческая, историко-археологическая, этнографическая. Основными участниками движения становились молодые учителя и учащиеся техникумов. Они собирали этнографический материал, фольклор и описывали историю своих деревень.

В 1931 году в Чебоксарах была основана детская туристская станция (ныне – Центр одаренных детей и молодежи «Эткер» Минобразования Чувашии). Большое развитие получило юннатское движение («Юные натуралисты») и деятельность кружков по интересам «Юные огородники», «Юные животноводы», «Юные садоводы». Стоит отметить, что для школьников это являлось не просто досугом, а полноценным обучением, включая практическую работу. К работе кружков привлекались методисты и преподаватели высших учебных заведений, разрабатывались руководства и указания [4].

Начавшаяся перестройка экономики на жесткий план привела к реорганизации краеведения и к 1937 году состоялась почти полная ликвидация общественных организаций по изучению родного края. Однако, юннатская работа в школах Чувашии сохранилась, и приобрела четко практическое направление с целью укрепления связей школы с сельским хозяйством для подготовки кадров к колхозам и совхозам. Для этого пришкольные участки использовались для опытов и экспериментов, выращивания зерновых, овощей и фруктов. Великая Отечественная война сделала деятельность юннатских кружков подотчетной и направленной на выращивание сельхозпродукции для фронта. И уже в послевоенные годы юннатское

движение получило новый виток за счет организации конкурсов и выставок исследовательского характера [5].

Вторая половина 20 века во многом прошла под эгидой созданного в 1967 году Чувашского филиала Географического общества СССР. В его состав входили географы, геологи, историки и краеведы, специалисты сельского хозяйства. Большими ключевыми проектами общества стали «Атлас сельского хозяйства ЧАССР» (1974), медико-географическое районирование, изучение топонимики региона [6].

Работа филиала в первую очередь заключалась в профессиональном научном сообществе, но через сотрудников учебных заведений и учителей в деятельность, несомненно, включались школьники и студенческая молодежь. Филиал поддерживал и координировал краеведческую работу в школах. Так проводился сбор информации и организовывались исследования по топонимике (изучение названий сел, рек, урочищ), метеорологические и гидрологические наблюдения, изучение почв, действовала фенологическая сеть, проводились экскурсии и походы.

С распадом СССР и прекращением работы Чувашского филиала Географического общества в 90-ые гг. 20 в. активность молодежи в сфере географии значительно упала и держалась на энтузиастах-учителях в школах и центрах творчества. Очередной новый виток она получила с открытием в Чувашском госуниверситете кафедры географии (Е.И Арчиков, Н.Ф. Петров, А.В. Арсентьева, П.А. Сидоров), которая в дальнейшем переросла в географический факультет из 3 кафедр (на 2026 год: физической географии и геоморфологии, социально-экономической географии и туризма, природопользования и геоэкологии, входящих в состав историко-географического факультета) [1].

Возрождение географического сообщества состоялось в 2006 году, когда было открыто Чувашское республиканское отделение Русского географического общества под председательством д.г.н., проф. Ю.Р. Архипова. В настоящее время председатель отделения – к.г.н., доц. И.В. Никонорова, председатель Попечительского совета – Глава Чувашии О.А. Николаев.

Создание географической научной школы в республике и расширение деятельности Чувашского отделения РГО сыграло огромную роль в популяризации географии и смежных наук. С самого начала активная молодежь, в лице студентов и молодых преподавателей, стала принимать участие в экспедициях и полевых

исследованиях, просветительских и профориентационных акциях, в экологических мероприятиях (субботники, посадки леса и др.), в конференциях («Арчиковские чтения»), тематических встречах с учеными и путешественниками, организовывать олимпиады и конкурсы («ГЕОтурнир», «Из дальних странствий возвратясь…») [2]

Летом 2016 года Русским географическим обществом был инициирован проект по созданию Молодежных клубов на базах региональных отделений. И осенью 2016 года советом Чувашского РО РГО был сформирован клуб под руководством Е.А. Никитиной. Клуб активно сотрудничал и проводил мероприятия с РЭОО «Зеленый город», Министерством природных ресурсов и экологии Чувашии, ФГБУ «Государственный заповедник «Присурский» и другими экологическими организациями; неоднократно организовывал конференции, выставки, интеллектуальные игры и кинопоказы. Активисты клуба поддерживали мероприятия Чувашского отделения РГО и Чувашского госуниверситета: являлись добровольцами и активными участниками акций РГО «Географический диктант», «Ночь географии», «НЕурок географии» и др., дней открытых дверей, полевых посвящений в первокурсники, практик и походов. Совместно с Экспедиционным отрядом Чувашского отделения РГО (рук. Д.В. Алексеев) организовывались и успешно проводились экспедиции по изучению Сурского и Казанского оборонительных рубежей, рек Волга и Сура, а также Амоксарских островов в Чебоксарском водохранилище.

В 2024 год стал годом «перезагрузки» в Молодежном движении РГО. На выездном заседании Совета регионов и молодежном слете Русского географического общества в г. Уфа было объявлено о создании Молодежных центров РГО в регионах. Деятельность клубов также сохранялась с присвоением им названий. Таким образом на 2026 год в Чувашии действуют Молодежный центр РГО (рук. Е.А. Никитина) и 3 клуба: «Маттур» на базе Чувашского РО РГО (рук. А.Ю. Харитонов), «Шумерлинские путешественники» на базе Гимназии №1 г. Шумерля (рук. Е.Н. Голованова), «Яшлăх» на базе Мариинско-Посадского местного отделения ЧувРО РГО (рук. Л.А. Тимофеев).

История молодежного движения географов в Чувашии насчитывает более ста лет и развивалась от юннатского движения до современных центров и клубов РГО. Непрерывность деятельности обеспечивалась географическим сообществом, научной географической школой и энтузиастами. Работа центра и клубов способствует популяризации географии, экологического образования и

исследовательской деятельности, что подтверждает актуальность Молодежного движения РГО как в Чувашии, так и в России.

Список литературы

1. Никонорова, И. В. К 10-летию возобновления деятельности Чувашского республиканского отделения Русского географического общества / И. В. Никонорова // Региональные географические и экологические исследования: актуальные проблемы : сб. материалов Всерос. молодежной школы-конф., посвященной 15-летию основания кафедры природопользования и геоэкологии и 10-летию возрождения деятельности Чувашского республиканского отделения ВОО «Русское географическое общество» (Чебоксары, 8–13 ноября 2016 г.) / Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. – Чебоксары : Интерактив плюс, 2016. – С. 10–17.

2. Никонорова, И. В. Чувашское республиканское отделение Русского географического общества (170-летнему юбилею посвящается) / И. В. Никонорова // Естественнонаучные исследования в Чувашии. – 2015. – № 2. – С. 96–107.

3. Отделение Русского географического общества и научная школа профессора Е.И. Арчикова в Чувашии / И. В. Никонорова, А. Е. Гуменюк, Е. А. Никитина, Д. В. Алексеев // Науки о Земле: от теории к практике (Арчиковские чтения – 2020) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной 175-летию Русского географического общества и 95-летию со дня рождения доктора географических наук, профессора Е.И. Арчикова (Чебоксары, 5–8 ноября 2020 г.) / Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова; Чувашское республиканское отделение ВОО «Русское географическое общество». – Чебоксары : Среда, 2020. – С. 10–14.

4. Терехова, О. П. Из истории юннатского движения Чувашии / О. П. Терехова // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 1. – С. 209–214.

5. Терехова, О. П. Осуществление экологического воспитания и обучения молодежи в системе образования Чувашии на рубеже XX-XXI вв / О. П. Терехова // Европейский журнал социальных наук. – 2012. – № 10–1 (26). – С. 105–113.

6. Широков, О. Н. История создания Чувашского филиала Географического общества СССР / О. Н. Широков, М. А. Широкова // Вестник ЧГУ. – 2018. – № 2.

Семенова Инна Юрьевна
канд. ист. наук, старший преподаватель
Купирова Чулпан Шеукатовна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПРАВОСУДИЕ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация: *в статье проведен краткий анализ базовых нормативных актов привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности в Советской России. Хронологические рамки – 1917–1996 гг. Исследование узаконений показало государственную политику в отношении детей и подростков в вопросах применения мер уголовного наказания – переход карательного подхода на воспитательный (возмездие на воспитание). Опыт прошлого необходим для понимания современной ситуации в системе «детского» уголовного правосудия.*

Ключевые слова: *«детское» уголовное правосудие, ювенальное право, уголовно-правовая государственная политика, несовершеннолетние правонарушители.*

Постреволюционный период Советской России является объектом пристального внимания исследователей в различных сферах жизни общества, и уголовно-правовая не является исключением. Развитие современной системы «детского» уголовного правосудия невозможно без обращения к опыту прошлого. Учет ошибок прошлого позволит избежать их в будущем.

В дореволюционный период несовершеннолетние относились к отдельной группе субъектов преступления. Уже в Соборном уложении 1649 года говорилось о «молодых летах», хотя возрастные границы правонарушителей в документе прямо не определялись. В то время назначение наказания относилось к полномочиям суда, руководствовавшегося умственной зрелостью виновного, которую орган правосудия определял самостоятельно. Позднее «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года определило, что «лица моложе 10 лет не подлежат уголовной ответственности, а в возрасте от 10 до 14 лет могут быть освобождены от наказания, если

будет признано, что они действовали без разумения». Примечательно, но возрастная граница от 14 до 17 лет позволяла быть привлеченным к ответственности в ограниченном объёме, причем не исключалась возможность замены уголовного наказания мерами воспитательного характера. По сути можно говорить о первых предпосылках гуманизации наказания в отношении детей и подростков.

В тот период на становление института уголовной ответственности значительное влияние оказали зарубежные концепции. Под влиянием работ Ч. Беккариа и Ф. Листа в России утвердилась идея о том, что при определении ответственности необходимо принимать во внимание уровень психического развития несовершеннолетних и их способность осознавать общественную опасность совершаемых действий. Во времена правления в России царя Александра II было проведено множество крупных реформ, которые полностью изменили и революционизировали систему уголовного правосудия страны. В 1864 году введена система наказаний, которая отделяла несовершеннолетних от взрослых преступников. В указанный период утверждалось, что несовершеннолетние могут считаться первонаперво преступниками, и устанавливалось, что несовершеннолетние и взрослые должны иметь отдельные методы содержания под стражей и направляться в определённые «приюты», а не в тюрьмы вместе с остальными обвиняемыми взрослыми. Уголовное Уложение 1903 года установило порог уголовной ответственности на отметке в 10 лет, но при этом требовало обязательного подтверждения факта осознания подростком противоправности своих действий. Судебная власть наделялась правом заменять реальное наказание мерами воспитательного характера, включая помещение несовершеннолетних в специализированные учреждения.

Таким образом, дореволюционный период отличается переходом от формального применения общих норм к осознанию необходимости индивидуального подхода к детям. Несмотря на это, система оставалась фрагментированной и сильно зависела от субъективного мнения судей, что препятствовало надежной защите детских прав.

После событий Октября 1917 года государственная политика в отношении наказания детей и подростков изменилась – карательная направленность была заменена на идею воспитания. Декретом СНК РСФСР от 14 января 1918 года «О комиссиях для несовершеннолетних» вводилась система специальных органов, именуемых комиссиями по делам несовершеннолетних [1]. Она упраздняла тюремное заключение для детей и подростков. Комиссия структурно включала представителей из трех ведомств (юстиции, народного просвещения и

общественного призрения), причем один из них являлся врачом. По новым правилам правонарушения и преступления малолетних более не рассматривались судами, что позволяло не назначать строгие меры наказаний. Данные государственные учреждения интенсивно функционировали, беря за основу положения инструкций, содержащих для работы с особым «детским» контингентом рекомендации медико-педагогического и психологического характера. К 1920 году по стране их насчитывалось 245. Они оказывали помощь трудным подросткам в рамках социальной реабилитации (помещение в трудовые колонии, приемники-распределители, трудовые коммуны и сеть детских воспитательных учреждений опеки и патроната). Руководящие начала по уголовному наказанию 1919 года также устанавливали запрет уголовного судебного преследования и наказания до 14 лет, а правонарушители от 14 до 18 лет могли быть подвергнуты лишь мерам воспитательного характера. И лишь если комиссия признавала применение воспитательных мер в отношении лиц с 14 до 18 лет невозможными, то дело передавалось народному суду [3]. Реальное воспитательное воздействие на трудновоспитуемых несовершеннолетних, особенно детей-бродяг и сбежавших воспитанников детдомов и приютов, оказала и детская социальная инспекция как государственный орган борьбы с детской беспризорностью, нищенством, проституцией, спекуляцией, правонарушениями, а также «с эксплуатацией детей и дурным с ними обращением в ремесленных, кустарных, фабричных и иных предприятиях и учреждениях, в семье», образованная Декретом СНК РСФСР от 23 сентября 1921 года [2]. Советская власть продуманно планомерно создавала механизм государственных структур для перевоспитания правонарушителей.

Первый советский уголовный закон 1922 года ввел 14-летний возраст привлечения к уголовной ответственности [4]. Новшеством законодателя закрепленная стала возможность освобождения несовершеннолетнего от наказания с передачей под надзор родителей или общественных организаций. Подобный государственный подход можно расценивать как основу советской системы ювенальной юстиции.

В середине XX века механизм работы с несовершеннолетними начал меняться. В СССР подростковая преступность названа социальным явлением. В 1927–1953 гг. господствовал «возмездный подход», согласно которому те, кто совершает определённые преступления, заслуживают страданий, а жертвам необходима компенсация. Возраст уголовной ответственности снижен с 14 до 12 лет. С принятием Уголовного кодекса 1922 года, исключения, сделанные

во времена правления Александра II, для вынесения наказаний для несовершеннолетних были отменены.

Впервые понятия «малолетний» и «несовершеннолетний» использованы в 1924 году [5]. К малолетним нарушителям применялись меры исключительно педагогического характера. Ко второй группе допускалось принятие мер судебно-исправительного характера в случае, если педагогические меры не давали результат. В период с 1925 по 1931 год большинство дел рассматривались комиссиями по делам несовершеннолетних. Лишь 10% дел уходили на рассмотрение в районные суды.

Из-за отсутствия у судебных инстанций инструментов для применения к подросткам-правонарушителям реальных действенных воспитательных мер, они нередко прибегали к краткосрочному заключению. Такая практика влекла за собой плачевные результаты: в местах заключения молодые люди контактировали со взрослыми преступниками или рецидивистами из своей среды, что лишь укрепляло их антисоциальные установки и дурные привычки. Возвращаясь после отбывания срока, они оказывались более испорченными, чем до суда. Чтобы исправить ситуацию, проведя анализ правоприменительной практики, Наркомюст СССР 15 апреля 1936 года принимает нормативный акт «Об улучшении работы судов по борьбе с преступлениями, совершенными подростками», который предписывает судьям проявлять особую осторожность и тщательность при вынесении приговоров несовершеннолетним (лишение свободы как мера уголовного наказания лишь в отношении рецедивистов, систематических беглецов из детдомов и лиц, совершивших особо социально опасные преступления. Подобная рекомендация расширила пределы судейского усмотрения при применении мер наказаний, не связанные с лишением свободы.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года закрепил дифференцированный возраст привлечения к уголовной ответственности – с 14 лет (убийство, разбой и ряд тяжких) и 16 лет (все иные составы); причем в 1930 году повысив минимальный возраст до 16 лет и снова снизив в 1930 году за тяжкие уголовно-правовые составы до 12 лет [65]. В Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года, ставших базой для уголовного кодифицирования в 1960 году, был установлен возраст уголовной ответственности с 16 лет, а за отдельные тяжкие преступления с 14 лет [7]. Сохранялась возможность освобождения от наказания и направления в специальные воспитательные учреждения.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года субъектом преступления определил лицо, которое достигло возраста 16 лет, по ряду тяжких составов – с 14 лет [8]. Процессуальные нормы вывели производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в отдельную главу; ввели присутствие защитника и законного представителя; закрепили расширенный предмет доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, то есть появились нормы, носившие воспитательную функцию. В целом можно отметить, что уголовное законодательство 1960 года в отношении несовершеннолетних носило больше карательный характер. Распад СССР и принятие в 1996 году Уголовного кодекса РФ заложили новые основы развития института, который пошел по пути разграничения мер уголовного наказания и мер воспитательного характера. Такой подход служит подтверждением гуманистической направленности эволюции российского уголовного законодательства и подтверждает приоритет воспитательных функций. Сегодня наблюдается поступательное формирование ювенальной юстиции. Хотя, в России пока не создана отдельная система ювенальных судов, во многих субъектах Российской Федерации функционируют специализированные судебные коллегии для рассмотрения дел несовершеннолетних. Параллельно реализуются меры по внедрению восстановительных практик, развитию медиативных программ и обеспечению постпенитенциарного сопровождения подростков.

Список литературы

1. О комиссиях для несовершеннолетних : декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г // Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 16. – Ст. 227.

2. О детской социальной инспекции : декрет СНК РСФСР от 23 сентября 1921 г // Собрание узаконений РСФСР. – 1921. – № 66. – Ст. 506.

3. О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных деяниях : декрет СНК РСФСР от 4 марта 1920 г // Известия ВЦИК. – 1920. – № 51. – 6 марта.

4. Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 г // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

5. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : постановление Президиума ЦИК СССР от 31 октября 1924 г // Собрание законодательства СССР. – 1924. – № 24. – Ст. 204.

6. Уголовный кодекс РСФСР от 22 ноября 1926 г. (вступил в силу 1 марта 1927 г.) // Собрание узаконений РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

7. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : постановление Президиума ЦИК СССР от 25 декабря 1958 г // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 6.

8. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (вступил в силу 1 января 1961 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.

Симонова Ольга Юрьевна
соискатель, старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-169129

ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В ЧУВАШСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема кадрового обеспечения физической культуры и спорта в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Характеризуется количественный и качественный состав штатных работников физкультурного движения республики в условиях массовой мобилизации специалистов на фронт. Изучаются основные формы восполнения кадрового дефицита и повышения квалификации (краткосрочные курсы, семинары, привлечение мастеров спорта). На основе архивных материалов анализируются вынужденные меры по преодолению кадрового кризиса в тыловом аграрном регионе и оценивается их эффективность в условиях тотальной мобилизации.*

Ключевые слова: *кадровое обеспечение, физическая культура и спорт, Великая Отечественная война, Чувашская АССР, физкультурное движение, мобилизация, комплекс ГТО, общественные инструкторы.*

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) тотальная мобилизация ресурсов страны стала залогом достижения победы. Система физической культуры и спорта, наряду с промышленностью и сельским хозяйством, была экстренно перестроена под нужды фронта. Эта перестройка носила системный общесоюзный характер. Как показывают исследования по материалам отдельных регионов, спортивно-массовая работа на местах повсеместно переключалась на подготовку боевых резервов и реабилитацию раненых средствами лечебной физкультуры [3, с. 62]. Аналогичные процессы развернулись и в Чувашской АССР. Спортсмены и физкультурники республики пополняли ряды Красной армии, участвовали в партизанском движении, готовили боевые резервы через систему Всеобщего военного обучения и оказывали помощь госпиталям.

Однако успешное решение всех этих задач требовало наличия квалифицированных специалистов: инструкторов, тренеров и преподавателей, способных организовать массовую военно-физическую подготовку населения в условиях военного времени.

В современной историографии проблемы кадрового обеспечения физкультурного движения в военный период чаще рассматриваются в общем контексте развития отрасли. Между тем специфика подготовки и восполнения кадров в условиях мобилизации, особенно в тыловых аграрных регионах, остается недостаточно изученной. Чувашская АССР, принявшая на себя огромную нагрузку по обеспечению фронта, представляет особый интерес как типичный пример тыловой республики, где кадровые проблемы проявились наиболее остро.

Анализ научной литературы свидетельствует, что физкультурное движение в республике еще в предвоенные годы сталкивалось с серьезными кадровыми трудностями [5; 8]. С началом боевых действий накопившиеся проблемы обострились. Массовая мобилизация физкультурников на фронт привела к резкой нехватке инструкторов и преподавателей физической культуры. Недостаточный уровень профессиональной подготовки оставшихся специалистов не позволял в полной мере выполнять возросшие задачи по военно-физической подготовке населения [1; 4].

Ситуация дополнительно осложнялась ужесточением директив из центра. Согласно приказу Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР от 23 сентября 1941 г. «О работе физкультурных организаций в связи с введением всеобщего военного обучения» на местные комитеты, добровольные спортивные общества (далее – ДСО) и советы Осоавиахима (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству) возлагалась обязанность в оперативном порядке обеспечить как инструкторский состав, так и материальную базу для массового военно-физического обучения [7]. Для Чувашского республиканского комитета по делам физической культуры и спорта (далее – Комитет) выполнение этой установки становилось первоочередной, но крайне сложной задачей.

Реализовать эти предписания на практике оказалось затруднительно из-за критического состояния инфраструктуры и снижения внимания местных органов власти к физкультурной работе. Уже во второй половине 1941 г. обеспеченность учебных заведений спортивными помещениями резко снизилась: в вузах, техникумах и

школах республики не сохранилось ни одного специализированного зала, а более 300 средних и неполных средних школ полностью лишились площадок для проведения занятий [2. Д. 659. Л. 2]. Подобные ограничения объективно сдерживали развитие массового физкультурного движения, делая выполнение центральных директив во многом формальным.

Архивные документы начала 1942 г. фиксируют масштаб кадрового дефицита в республике. При общей численности физкультурников, превышавшей 22 тыс. человек, штатный аппарат насчитывал всего 83 руководящих и инструкторско-преподавательских работника (включая сотрудников Комитета и ДСО). Уровень их профессиональной подготовки был разнородным: лишь 4 человека имели высшее образование, 7 – среднее. Подавляющее большинство (70 человек) окончили физкультурные отделения или краткосрочные курсы продолжительностью от 1 до 6 месяцев, и только 3 специалиста прошли полноценную подготовку в школах тренеров [2. Д. 658. Л. 1].

Указанные проблемы носили системный характер. Как справедливо отмечает В. В. Тимофеев, практика краткосрочных курсов, призванных ускоренными темпами восполнить кадровый дефицит, в целом себя не оправдала, так как не гарантировала необходимого уровня профессиональной подготовки [6, с. 267]. Эта закономерность в полной мере относилась и к физкультурной сфере. Экстренная подготовка инструкторов не позволяла обеспечить глубокую методическую проработку навыков, что неизбежно сказывалось на качестве военно-физической работы.

Анализ выполнения плановых заданий по комплексу ГТО подтверждает эти трудности. Если план по ГТО I ступени за 1941 г. был выполнен на 64,8% (подготовлено 4 422 человека из 6 825 запланированных), то с нормативами более высокой ступени ситуация была критической: задание по ГТО II ступени выполнено лишь на 16,5% (20 человек из 121), а план по подготовке значкистов «Будь готов к труду и обороне» (БГТО) – на 33,1% (973 человека из 2 550) [2. Д. 659. Л. 2].

В отчетах того периода основной причиной невыполнения заданий называлось отсутствие штатных преподавателей физкультуры. Зачастую эту работу вели преподаватели других дисциплин, не всегда заинтересованные в ее результатах [2. Д. 659. Л. 2]. Ситуацию усугубляла высокая текучесть управленческих кадров на периферии. Так, в Козловском, Октябрьском и Урмарском районах за год сменилось от 3 до 5 инспекторов (в целом по республике –

7 человек), что привело к полному отсутствию подготовки значкистов ГТО в этих районах за 1942 г [2. Д. 664. Л. 2].

В качестве вынужденной меры по восполнению дефицита была развернута система ускоренной подготовки общественных кадров. Через семинары и курсы удалось подготовить 299 общественных инструкторов и 311 физоргов [2. Д. 659. Л. 2], которые впоследствии взяли на себя основную нагрузку по организации физкультурной работы. Дополнительно к началу 1942 г. были обучены 305 инструкторов по лыжам и 160 – по рукопашному бою [2. Д. 671. Л. 6]. Несмотря на общие трудности, руководство республики предпринимало попытки точечного усиления кадрового потенциала, привлекая к преподаванию квалифицированных спортсменов: мастеров спорта М. М. Гущину и Г. И. Иванова, а также перворазрядников Филичкину и Самойлову [2. Д. 660. Л. 3об., 5].

К 1943 г. наметилась определенная стабилизация: число физкультурников выросло до 26 803 человека (прирост на 7 360 человек по сравнению с началом 1942 г.), а из 11 действовавших ДСО 7 получили освобожденных штатных работников [2. Д. 664. Л. 1]. Отдельные районы демонстрировали высокую эффективность: коллектив деревни Чиркасы Чебоксарского района перевыполнил задание по ГТО I ступени на 220% и самостоятельно подготовил 10 общественных инструкторов по лыжам и рукопашному бою [2. Д. 664. Л. 1об.].

Позднее, в 1945 г., эта модель подтвердила свою жизнеспособность: только за первое полугодие совет ДСО «Учитель» подготовил 289 лыжников-бойцов по 30-часовой программе (при плане 150), 51 общественного инструктора и 87 значкистов ГТО I ступени [2. Д. 671. Л. 6].

Однако эти локальные успехи не отменяли системных проблем в управлении отраслью. Руководство Комитета опиралось преимущественно на письменные указания и редкие выездные проверки (19 выездов за год) [2. Д. 664. Л. 2]. При этом низовые комсомольские организации большинства районов фактически устранились от контроля, вопросы физкультуры не ставились на бюро, а отчеты инспекторов не заслушивались [2. Д. 664. Л. 2]. Этот разрыв между директивами центра и их реализацией на местах стал характерной чертой функционирования государственного аппарата в экстремальных условиях военного времени.

Таким образом, проблема кадрового обеспечения физической культуры и спорта в Чувашской АССР носила системный характер: массовая мобилизация спортсменов и педагогов на фронт лишила

республику костяка высококвалифицированных специалистов, что закономерно привело к срыву плановых заданий по комплексу ГТО. Стремясь восполнить этот дефицит, Комитет прибег к экстренным мерам, развернув сеть краткосрочных курсов для подготовки общественных инструкторов и привлекая к преподаванию мастеров спорта. Хотя эти вынужденные решения не могли в полной мере компенсировать падение качественного уровня подготовки из-за сжатых сроков обучения, в условиях тотальной войны их оказалось достаточно для поддержания необходимого минимума военно-физической готовности населения. Несмотря на организационные трудности, республика смогла адаптировать физкультурное движение к военным реалиям, внеся свой весомый вклад в общее дело достижения Победы за счет мобилизации общественных ресурсов и энтузиазма рядовых активистов.

Список литературы

1. Антонова, О. В. Зарождение физкультурного движения в Чувашии (1917–1937 гг.) / О. В. Антонова // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. – 2010. – Т. 5, № 1. – С. 202–203.

2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. Р-1238. Оп. 1.

3. Калинина, Е. А. Проблемы организации физической культуры и спорта в Карелии в годы Великой Отечественной войны / Е. А. Калинина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. – Т. 42, № 6. – С. 62–69.

4. Никишев, В. История физической культуры и спорта Чувашии. К. Никишев – Патриарх спорта Чувашии / В. Никишев. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2017. – 299 с.

5. Тимофеев, В. В. Патриотическое воспитание, физкультурное и спортивное движение в Чувашии накануне Великой Отечественной войны / В. В. Тимофеев, М. В. Тимофеев // Патриотизм как объединяющая национальная идея : столетию Великой российской революции (от свержения самодержавия к образованию СССР) посвящается : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции (Ульяновск, 11–12 мая 2017 г.). – Ульяновск : Ульяновский государственный технический университет, 2017. – С. 198–202.

6. Тимофеев, В. В. Проблемы образования и воспитания и их решения в Чувашии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / В. В. Тимофеев, М. В. Тимофеев // Вестник Башкирского университета. – 2007. – Т. 12, № 4. – С. 263–267.

7. Сарычева, Т. В. Советская система физической культуры как социокультурный феномен XX столетия (на примере Западной Сибири, 1920–1991 гг.) : монография. – / Т. В. Сарычева. – Томск : Печатная мануфактура, 2018.

8. Симонова, О. Ю. Развитие физкультурного движения в предвоенные годы (1939–1941) на примере Чувашской АССР / О. Ю. Симонова, А. А. Данилов // Вестник Чувашского университета. – 2025. – № 3. – С. 123–131.

Учватов Павел Сергеевич
д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела истории
Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
г. Саранск, Республика Мордовия
Воропаев Николай Николаевич
преподаватель
ФГКВОУ ВО «Рязанское гвардейское высшее
воздушно-десантное ордена Суворова дважды Краснознаменное
командное училище имени генерала армии В.Ф. Маргелова»
Минобороны России
г. Рязань, Рязанская область

DOI 10.31483/r-169368

СОБЫТИЯ «АВГУСТОВСКОГО ПУТЧА» 1991 г. НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: РЕАКЦИЯ ВЛАСТЕЙ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация: *в статье на материалах Мордовии и Рязанской области рассматривается общественно-политическая ситуация в регионах РСФСР, сложившаяся накануне и в ходе кризиса августа 1991 г. В ходе исследования были использованы историко-генетический, историко-сравнительный, аналитический методы. Отмечается противостояние между сторонниками демократического движения и консервативными представителями партийно-хозяйственной номенклатуры; неудача ГКЧП в целом способствовала усилению демократов, что особенно ярко проявилось на примере Рязанской области. В то же время поражение «августовского путча» не привело к завершению масштабного кризиса, охватившего в том числе регионы страны.*

Ключевые слова: *перестройка, ГКЧП, региональные власти, Верховный Совет Мордовской ССР, областной Совет народных депутатов Рязанской области.*

Одним из ключевых событий в истории советской России стал так называемый августовский путч 1991 г., в ходе которого участники Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) предприняли попытку отстранить М. С. Горбачева от власти и свернуть проводимый им курс. Хроника этих событий в целом подробно описана [7, с. 239–248]. В то же время для исследователей представляет интерес их отражение на региональном

уровне, где реакция властей была обусловлена местной спецификой. В настоящее время опубликован ряд работ, посвященных действиям областных и городских органов власти в дни ГКЧП [1; 6; 9; 10]. В рамках данной статьи в качестве примера выбраны два региона, различные по своим экономическим характеристикам и составу населения: Мордовия (Мордовская ССР) – автономная республика Поволжья, значительное место в структуре производства которой занимал аграрный сектор; Рязанская область – находящийся в непосредственной близости от столицы страны регион с развитой промышленностью и высоким уровнем урбанизации, где в конце 1980-х гг. русские составляли свыше 95% населения.

К середине 1991 г. общественно-политическая обстановка в Рязанской области была напряженной. В регионе сформировалось два основных центра власти, главным из которых стал областной Совет народных депутатов и его Президиум, в который вошли многие консервативные представители партийно-хозяйственной элиты. Председатель областного Совета, Л. И. Хитрун, с 1987 г. занимал пост первого секретаря Рязанского обкома партии. Вторым, оппозиционным властным центром являлся Рязанский городской Совет, победу на выборах в который в 1990 г. одержали сторонники демократического движения во главе с В. В. Рюминым. Конфликт между ними был практически открытым. В феврале 1991 г. Л. И. Хитрун, выступая на областном радио, говорил, что в городе фактически произошло разрушение исполнительной власти [2, л. 10]. События августовского кризиса 1991 г. могли лишь способствовать усугублению и без того непростой ситуации.

В дни путча по областному центру начали распространяться непроверенные сведения о том, что руководство областного Совета намеревалось ввести в городе чрезвычайное положение. На центральной площади проходил митинг, причем главным требованием его участников, судя по всему, было получение достоверной информации о происходящих в Москве событиях. Перед собравшимися выступал В. В. Рюмин, в толпе распространялись листовки, содержавшие указ Президента РСФСР Б. Н. Ельцина о незаконности действий ГКЧП [13]. 20 августа состоялась внеочередная сессия областного Совета, на которой Л. И. Хитрун, обрушившись в своей речи на «радикально настроенные группы», ставящие под сомнение легитимность депутатов всех уровней, попытался провести решение о создании регионального комитета по чрезвычайному положению. Эта инициатива не получила поддержки среди большинства депутатов, боявшихся действовать столь жесткими методами.

Предложение председателя лишь вызвало споры, в особенности резко против были настроены сторонники демократических реформ [3, л. 5–16].

В целом дни кризиса прошли в области относительно спокойно (все предприятия и учреждения работали в обычном режиме), однако после провала ГКЧП В. В. Рюмин решил использовать сложившиеся обстоятельства и перешел в наступление на своих оппонентов. В регионе была создана комиссия по расследованию соучастия в «антиконституционных действиях хунты заговорщиков», опечатавшая здания обкома КП РСФСР и райкомов партии. Поражение ГКЧП ознаменовало и конец политической жизни Л. И. Хитруна, который по решению Президиума Верховного Совета РСФСР потерял пост председателя областного Совета [11]. Контролируемый демократами Рязанский горсовет также предпринял попытку закрыть газету Рязанского обкома партии и областного Совета – «Приокскую правду», неосторожно напечатавшую постановления ГКЧП. Однако депутаты областного Совета не поддержали это решение, осудив действия городских властей [4, л. 79, 83, 91].

Новый председатель областного Совета В. В. Приходько являлся более умеренным лидером, склонным к проведению реформ, хотя и отвергавшим самые радикальные инициативы. Но замена ключевой фигуры в руководстве не означала завершение имевшего глубокие корни конфликта между Рязанским областным и Рязанским городским Советами, хотя и произошло заметное усиление сторонников демократического движения. Заключив временный союз с директоратом крупных предприятий, с сентября 1991 г. они смогли занять главенствующее положение не только в городском Совете, но и в образованной администрации Рязанской области. Остававшийся на более консервативных позициях законодательный орган власти – областной Совет депутатов, напротив, утрачивал свое прежнее значение, поскольку с формированием администрации был лишен своего исполнительного комитета.

В Мордовии, на первый взгляд, ситуация к середине 1991 г. выглядела схожей, хотя и имела свои особенности. Главный центр власти – Верховный Совет Мордовской ССР, состоял преимущественно из представителей советско-партийной номенклатуры; участники демократического движения из регионального отделения «Демократической России» составляли в нем оппозиционную фракцию. В то же время на выборах депутатов Саранского городского Совета в 1990 г. уверенно победили демократы, и горсовет, таким образом, являлся главной опорой сторонников реформ [8, с. 27]. Наиболее

влиятельной фигурой в республике в начале 1990-х гг. стал получивший пост председателя Верховного Совета Н. В. Бирюков, руководитель, сделавший карьеру на советско-партийной работе, но позиционировавший себя как сторонник умеренных реформ. На выборах председателя Верховного Совета благодаря гибкой позиции ему удалось заручиться поддержкой демократов, лидер которых, В. Д. Гуслянников, призвал голосовать за него [5, с. 39].

В дни ГКЧП Н. В. Бирюков и его окружение заняли выжидательную позицию. 20 августа Президиум Верховного Совета МССР воздержался от объявления чрезвычайного положения в республике и от создания каких-либо органов, призванных проводить в жизнь постановления ГКЧП. Не выступая с прямым осуждением участников путча и их действий (республиканские власти считали, что законность этих мер должна будет определиться на предстоящих сессиях Верховного Совета СССР и РСФСР [14, л. 2]), Н. В. Бирюков и председатель Совета министров МССР А. А. Паулов обратились к народу Мордовии с призывом проявить «политическую мудрость, выдержку и дальновидность», декларируя неприятие любой конфронтации. Вместо этого они считали необходимым сосредоточиться на стабилизации экономики и призывали представителей разных движений и партий объединиться ради «стабильности и согласия во всех сферах общественной жизни» [14, л. 2–4]. В то же время Саранский городской Совет выступил с решительным осуждением ГКЧП, а в столице республики 22 августа прошел митинг, участники которого высказали свою солидарность городскому Совету [12].

Когда стало ясно, что ГКЧП потерпел поражение, республиканские лидеры фактически поддержали демократов. 21 августа группа депутатов Верховного Совета МССР от «Демократической России» во главе с В. Д. Гуслянниковым и В. В. Шустиным выпустила заявление с требованием созвать внеочередную сессию законодательного органа власти по обсуждению положения в стране и республике в связи с «попыткой антиконституционного переворота» [15, л. 4]. Руководство Верховного Совета пошло им навстречу, назначив сессию на 5 сентября, а также официально подтвердило необходимость неукоснительного соблюдения на территории Мордовии нормативных актов законно избранных органов власти России. Отдельно была отмечена «последовательная и принципиальная позиция Саранского городского Совета депутатов» по защите конституционного порядка в дни путча [15, л. 1–3]. Однако руководство республики и большинство депутатов Верховного Совета проявили выдержку, отринув наиболее резкие выступления демократов, требовавших «расправы» над всеми, кто так или иначе

поддержал «заговорщиков». В частности, под удар попала газета «Советская Мордовия», 20 августа опубликовавшая заявление ГКЧП. Часть депутатов – сторонников демократического движения добивалась закрытия газеты и увольнения ее главного редактора [8, с. 45]. Президиум Верховного Совета постановил, что законодательный орган власти республики становился соучредителем газеты и тем самым не поддержал требования о ее закрытии [16, л. 2].

Таким образом, Рязанский областной Совет в дни августовского кризиса показал свою нерешительность и непоследовательность (попытка лидера консервативных сил Л. И. Хитруна взять область под контроль путем создания чрезвычайного органа власти не нашла поддержи у большинства депутатов). В это же время контролировавшие Рязанский городской Совет демократы, воодушевленные поражением ГКЧП, получили возможность действовать и усилили свои позиции. В Мордовии, напротив, республиканское руководство на время смогло удержать ситуацию под своим контролем, изначально заняв осторожную позицию. В целом на уровне республики провал «августовского путча» привел к усилению руководства Верховного Совета и, прежде всего, его председателя Н. В. Бирюкова. В обоих регионах, однако, конфликт между условными консерваторами и сторонниками реформ не был исчерпан, и масштабный общественно-политический кризис продолжил развиваться в последующие годы.

Список литературы

1. Воронцов, Н. С. Политическая позиция руководства Приморского краевого Совета народных депутатов в период августовского кризиса 1991 года / Н. С. Воронцов // Успехи современной науки. – 2017. – Т. 2, № 4. – С. 217–223.

2. Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. П-3. Оп. 113. Д. 40.

3. ГАРО. Ф. Р-3251. Оп. 41. Д. 80.

4. ГАРО. Ф. Р-3251. Оп. 41. Д. 81.

5. Заседания Верховного Совета Мордовской АССР 12-го созыва. Внеочередная третья сессия (16 октября 1990 г.) : стенографический отчет. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1990. – 109 с.

6. Иванов, А. М. Деятельность Смоленского областного Совета народных депутатов и Смоленской областной партийной организации КПСС в период августовских событий 1991 г / А. М. Иванов // Studia Humanitatis. – 2018. – № 3. – URL: https://st-hum.ru/content/ivanov-am-deyatelnost-smolenskogo-oblastnogo-soveta-narodnyh-deputatov-i-smolenskoy (дата обращения: 17.09.2026). – Текст : электронный.

7. История современной России: хроники «эпохи перемен» (1985–1999): в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. С. М. Шахрая. – Москва : Фонд современной истории; Издательство Московского университета, 2012. – 555 с.

8. Кониченко, Ж. Д. На пороге реформ: общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов / Ж. Д. Кониченко, В. А. Юрченков. – Саранск : НИИГН, 2006. – 368 с.

9. Маслов, Д. В. «Фактов содействия ГКЧП не установлено». Из протокола Загорского городского Совета народных депутатов Московской области. Сентябрь 1991 г / Д. В. Маслов // Исторический архив. – 2004. – № 1. – С. 3–17.

10. Матвеев, М. Н. Самарский областной и городской Советы народных депутатов в дни ГКЧП в августе 1991 г / М. Н. Матвеев // Вестник Самарского государственного университета. – 2003. – № 3 (29). – С. 86–107.

11. Нарастает волна перемен // Известия. – 1991. – 24 августа.

12. Резолюция митинга граждан города Саранска, состоявшегося 22 августа 1991 года // Саранскія вѣсти. – 1991. – 27 августа. – 1991.

13. Традиции протестной активности в регионе / Выпуски политического мониторинга. Рязанская область (март 1997). – 1997. – URL: http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1997/0397/62.html (дата обращения: 17.09.2026). – Текст : электронный.

14. Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГА РМ). Ф. Р-234. Оп. 10. Д. 1305.

15. ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 10. Д. 1306.

16. ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 10. Д. 1307.

Ярадаев Максим Александрович
аспирант, ассистент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПЕЧАТЬ, КНИГОИЗДАНИЕ И РАДИОВЕЩАНИЕ ЧУВАШСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности региональной медиасистемы в условиях военного времени на примере Чувашской АССР. На основе архивных источников и статистических данных выявлены механизмы адаптации издательского дела, периодики и радиовещания к задачам идеологического обеспечения обороны. Определены тематические приоритеты и кадровые изменения в работе Чувашгиза и Радиокомитета. Делается вывод о роли печатных и радиоканалов как инструмента государственной политики и общественной мобилизации в тылу.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Чувашская АССР, книгоиздание, периодическая печать, радиовещание, агитация.*

С началом Великой Отечественной войны советское общество столкнулось с необходимостью радикальной реорганизации практически всех сфер деятельности, издательская отрасль не стала исключением. В Чувашской АССР, как и в других автономных

республиках, печать, книгоиздание и радио стали ключевыми инструментами идеологической мобилизации и оперативного информирования населения. Остро ощущалась потребность в корректировке рабочих планов творческих организаций, книгоиздательских учреждений и органов радиовещания, равно как и в определении той роли, которую надлежало выполнять каждому деятелю литературы и искусства в условиях борьбы с фашизмом.

В этом контексте реакция властей была незамедлительной: 23 июня 1941 года, то есть на второй день с начала военных действий, в Чувашской АССР было созвано расширенное совещание, объединившее литераторов, сотрудников периодических изданий и редакторский состав Чувашского государственного издательства (Чувашгиз).

Повестка совещания включала два ключевых пункта: пересмотр планов художественного сектора и организацию выпуска литературы оборонного назначения. На тот момент Чувашгиз являлся единственной издательской структурой в республике. Литераторам, журналистам и работникам издательства были даны безотлагательные указания, продиктованные лозунгом Центрального Комитета партии и Советского правительства «Всё для фронта! Всё для победы!» [7, с. 6].

В военные годы деятельность Чувашгиза была подчинена целям идеологического сопровождения оборонных задач. Ведущее место в издательской программе отводилось работам партийно-государственного руководства СССР, выступлениям и приказам И.В. Сталина, произведениям В.И. Ленина, выпускавшимся тиражами в десятки тысяч экземпляров и придающим книгоизданию того времени выраженный мобилизационный, массово-политический характер.

Количественные показатели книгоиздания Чувашии за 1941–1945 годы свидетельствуют о сохранении значительного издательского потенциала республики. В общей сложности за 1941–1945 годы Чувашгизом было выпущено 870 названий литературы различных направлений: массово-политической, оборонной, сельскохозяйственной, художественной и детской. Суммарный тираж этих изданий составил около 6 миллионов экземпляров [7, с. 8], что в среднем составляло 174 книги ежегодно [8]. Тематический состав выпущенной продукции включал учебные материалы по ПВО и ПХО, воинские уставы и наставления, методические пособия для всеобщего военного обучения, а также общественно-политические и художественные издания. При этом на общественно-политические и оборонные издания приходилось около 40% общего выпуска книг. В фонде библиотеки ЧГПУ им. И.Я. Яковлева сохранилось

свыше 800 книг по различным отраслям знаний, изданных в военные годы.

Значительная доля выпускаемой продукции издавалась параллельно на двух языках – чувашском и русском, обеспечивая доступность печатных материалов для всех групп населения двуязычного региона. Особое место занимали военно-оборонные брошюры и листовки, пользовавшиеся повышенным спросом. Один лишь текст доклада И.В. Сталина был отпечатан и реализован в виде листовок и брошюр тиражом в 97,5 тыс. экземпляров [4, Д. 385. Л. 58–59]. Кроме того, в Чувашской АССР были изданы: «Будь готов к ПВХО», «Готов к санитарной обороне СССР», «Пожарное звено», «Химическое звено», «Правила поведения населения г. Чебоксар в условиях противовоздушной обороны», «Наставления по стрелковому делу».

Периодические издания республики в годы войны сохраняли устойчивость: на постоянной основе выпускались две газеты республиканского уровня, две городские, двадцать девять районных и четыре заводские, наряду с альманахом «Илемлĕ литература» [7]. Основными республиканскими печатными изданиями оставались газеты «Красная Чувашия» и «Чăваш коммуни» («Чувашская коммуна»). «Красная Чувашия» являлась ежедневной общественно-политической газетой Обкома ВКП(б) и ЦИК Чувашской АССР (до принятия Конституции Чувашской АССР в 1937 г.), затем – Верховного Совета Чувашской АССР. Выходила с 1929 г. по 30 декабря 1951 г., а с 1 января 1952 г. была переименована в «Советскую Чувашию» [4, Д. 385. Л. 73].

Газета «Чăваш коммуни» выходила параллельно с «Красной Чувашией» на чувашском языке и выполняла сходные функции: публиковала сводки с фронтов и материалы о трудовых достижениях тыла, служила инструментом политической информации. На местах организовывались раздача и коллективная читка газет, параллельно выпускались боевые листки. В рамках подготовки к 70-летию Победы были оцифрованы и включены в Электронную библиотеку Национальной библиотеки Чувашской Республики копии газет «Красная Чувашия» и «Чăваш коммуни» за 1941–1945 гг. – в совокупности 2730 номеров [3].

Особое место в системе агитационно-массовой работы занимала листовка «За Родину» – периодическое издание упомянутых республиканских газет. Выпускалась редакционной коллегией с декабря 1941 по январь 1942 года в Чебоксарах; всего вышло восемь номеров. Издание пользовалось большой популярностью среди

рабочего населения. Листовка освещала труд рабочих и колхозников Чувашии, содержала специальную рубрику «На фронтах Отечественной войны», посвященную обзору военных действий [17].

В начале 1943 года в трудовых коллективах АССР возник ряд патриотических инициатив, на которые оперативно откликались местные СМИ. Так, 5 января 1943 года в газетах было опубликовано обращение, с которым молодёжь Чкаловского района выступила ко всем труженикам колхозов, работникам предприятий и учреждений, а также учащимся школ Чувашской АССР. Авторы призывали начать сбор пожертвований на создание эскадрильи боевых самолётов «Комсомолец Чувашии» [1].

Одним из наиболее значимых издательских и идеологических проектов военного времени стало «Письмо чувашского народа своим сынам-фронтовикам». Оно было опубликовано 7 июля 1943 года в газете «Красная Чувашия», а на чувашском языке – в газете «Чăваш коммуни». Под письмом поставили подписи около 380 тыс. человек [16, с. 270]. В составлении текста, как отмечает В.П. Станьял, участвовали Н.И. Шелеби, С.В. Эльгер, К.А. Чулгась, С.А. Шавлы, А.А. Эсхель; по другим данным – С. Эльгер, И. Тукташ, А. Эсхель и другие чувашские писатели [12]. Письмо вышло отдельной брошюрой: «Письмо чувашского народа своим сынам-фронтовикам». – Чебоксары: Гос. изд-во ЧАССР, 1943. – 20 с.

«Письмо» получило широкое распространение среди фронтовиков-чувашей и уроженцев Чувашии, сражавшихся в действующей армии. Печатная продукция в условиях войны рассматривалась в первую очередь как средство агитации и пропаганды, однако была также реализована и в форме поддержки земляков на фронте. В Чувашский обком партии поступали обращения от военнослужащих и командного состава частей с просьбами о высылке газет и книг на чувашском языке.

Государственное радиовещание в Чувашии началось 8 марта 1932 года с вводом в эксплуатацию радиовещательной станции РВ-74, работавшей на средних волнах. В том же месяце был образован Комитет по радиофикации и радиоинформации [14]. Деятельность Чувашского радио сыграла значительную роль в мобилизации трудящихся на трудовые и боевые подвиги. К началу 1941 года в республике насчитывалось 18,5 тыс. радиоприёмных устройств, в том числе 1,1 тыс. радиоприёмников и 17,4 тыс. трансляционных точек; основная их часть была сосредоточена в городах и районных центрах. 3 июля 1941 года по радио прозвучало

обращение И.В. Сталина к народу «О Великой Отечественной войне Советского Союза», выпущенное огромным тиражом – 19 млн экземпляров; в годы войны оно переиздавалось трижды.

Важнейшие выступления по вопросам развития сельского хозяйства передавались в сельские населённые пункты по телефонной сети ежедневно дважды по 15 минут – утром и вечером. «Перевод текстов с русского на чувашский язык проводился работниками Радиокомитета» [15, с. 86], – отмечает В.Г. Харитонова.

Чебоксарская радиостанция в 1941 году работала ежедневно. Среднесуточный объём местного вещания составлял 2 ч 06 мин. Согласно производственной программе Чувашского радиокомитета, общий объём местного вещания за 1941 год равнялся 766 ч, из них на художественное вещание приходилось 255 ч. В структуре художественного вещания выделялись музыкальные передачи (157 ч), литературно-драматические (49 ч) и детские (49 ч).

Материально-техническая база студии включала ленточный микрофон с усилителем, стойки программ к ленточным микрофонам, рояль, пианино, фистармонию, гармоны немецкого строя, два патефона и домру. Фонодокументы были представлены тонфильмами – 273 штуки общей продолжительностью 35 ч 32 мин [2]. В библиотеке Радиокомитета таковых хранилось 2105 единиц.

Музыкальное вещание Чувашского радио в военные годы опиралось в том числе на собственный исполнительский коллектив. В сентябре 1943 года при Радиокомитете был создан вокальный ансамбль; по штату в нём значились 24 артиста хора и 12 артистов оркестра национальных инструментов, однако фактически удалось укомплектовать только вокальную группу, в которой не хватало мужских голосов [9]. Его руководителями в разное время были композиторы В.П. Воробьёв (1943–1944) и Г.Я. Хирбю (с мая 1944 по 1951). Коллектив возник в годы Великой Отечественной войны, когда все музыкальные учреждения Чувашии находились в состоянии консервации.

Вместе с тем кадровая ситуация в издательской сфере республики осложнилась: две трети писателей ушли на фронт, многие полиграфисты также были призваны в армию, а печатные издания подвергались сокращению.

В отличие от прессы и радио, телевидение в Чувашии в годы Великой Отечественной войны не функционировало вовсе, поэтому нами будут кратко обозначены послевоенные вехи. В 1941 году процесс распространения телевидения в СССР был прерван начавшейся войной: регулярное телевещание в стране началось лишь

10 марта 1939 года в Москве и оставалось недоступным широким массам населения. Зарождение чувашского телевидения относится к послевоенному периоду. 14 декабря 1957 года бюро Чувашского обкома КПСС и Совет Министров Чувашской АССР приняли постановление «О строительстве радиорелейной линии Канаш – Чебоксары и ретрансляционных телевизионных станций в городах Чебоксары, Канаш и Шумерля» [18]. Эту дату принято считать началом истории чувашского телевидения. 1950–1960-е годы стали периодом его зарождения и становления в республике.

Опыт Чувашии показывает, что издательская деятельность может быть оперативно адаптирована к экстремальным условиям, выступая результативным инструментом реализации государственной политики и общественной мобилизации. Несмотря на тяжёлые условия военного времени, республика сохранила значительные объёмы книгоиздания, обеспечила выпуск оборонной и массово-политической литературы, поддерживала двуязычную печатную и радиокоммуникацию. Важную роль в этом процессе сыграли чувашские писатели и журналисты. Из 30 членов и кандидатов Союза писателей Чувашии 22 ушли на фронт [5], среди них Пётр Хузангай, Яков Ухсай, Леонид Агаков, Николай Ильбеков; девять человек работали в армейских и фронтовых газетах, а Алексей Талвир был корреспондентом «Комсомольской правды». Оставшиеся в тылу – Аркадий Эсхель, Николай Полоруссов-Шелеби, Семён Эльгер, Стихван Шавлы – создавали произведения оборонной тематики.

Список литературы

1. Артемьева, Г. Г помощь фронту / Г. Артемьева. – URL: https://old-chebnovosti.rchuv.ru/news/2023/01/12/v-pomoschj-frontu (дата обращения: 26.09.2026). – Текст : электронный.

2. Вакку, Г. В. История Чувашского радиовещания : учебное пособие / Г. В. Вакку ; ред. А. П. Данилов. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. – 96 с.

3. Вести Национальной электронной библиотеки Чувашской Республики. Вып. 8 / Бюджетное учреждение «Национальная библиотека Чувашской Республики» Минкультуры Чувашии. – URL: https://nbchr.ru/PDF/vesti_eb_08_15.pdf (дата обращения: 26.09.2026). – Текст : электронный.

4. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. П-1. Оп. 23.

5. Гусарова, А. Ю. Календарь Победы: чувашские писатели в дни войны / А. Ю. Гусарова. – URL: https://giachr.archives21.ru/news/617774854 (дата обращения: 26.09.2026). – Текст : электронный.

6. Гусарова, А. Ю. Трудовые дружины в Чувашии в годы Первой мировой войны: по материалам Государственного исторического архива Чувашской Республики / А. Ю. Гусарова // Регионы России в военной истории страны. Выпуск VI : сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции (Йошкар-Ола, 13–14 ноября 2024 г.) / ред.-сост. О. А. Кошкина. – Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2024. – С. 23–33.

7. Дедушкин, Н. Перо и штык / Н. Дедушкин // Дружба. – 1977. – № 28. – С. 3–12.

8. Книги военного лихолетья. – URL: https://www.nbchr.ru/index.php/virt_iz/PPT/index.php?option=com_content&view=article&id=1512&Itemid=1932#1 (дата обращения: 24.09.2026). – Текст : электронный.

9. Кондратьев, М. Г. Вокальный ансамбль Чувашского радиокомитета / М. Г. Кондратьев. – URL: https://chuvenc.ru/show_Publication/636 (дата обращения: 26.09.2026). – Текст : электронный.

10. Романов, В. Ф. Печать Чувашии в годы Великой Отечественной войны / В. Ф. Романов. – URL: http://ainros.ru/materPP/418PobPrib.htm (дата обращения: 24.09.2026). – Текст : электронный.

11. Минувших лет живая память (книги, изданные в Чувашии в 1941–1945 гг.) : сборник трудов конференции / Л. П. Сергеева, С. В. Налимова, О. А. Ильина [и др.] // Великая Отечественная война в истории народов Поволжья: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 16 мая 2024 г.) / редкол.: О. В. Андреев [и др.]. – Чебоксары : Лару-тăру, 2024. – С. 363–365. – ISBN 978.

12. Станьял, В. 1941–1945 çулсенчи чăваш литературипе / В. Станьял. – Шупашкар, 2010. – 85 с.

13. Степанова, Р. В. Краеведческие информационные ресурсы о войне / Р. В. Степанова // Вестник чувашской народной академии наук и искусств. – 2015. – № 1. – С. 132–136.

14. Тургай, О. Н. Радиовещание / О. Н. Тургай, Г. В. Вакку. – URL: http://chuvenc.ru/show_Publication/3886 (дата обращения: 26.09.2026). – Текст : электронный.

15. Харитонова, В. Г. Пропагандистская и агитационная работа в Чувашии в годы Великой Отечественной войны / В. Г. Харитонова // Вестник Чувашского университета. – 2023. – № 1. – С. 83–92.

16. Харитонова, В. Г. Национальный и языковой факторы агитационно-пропагандистской работы накануне и в годы Великой Отечественной войны в Чувашской АССР / В. Г. Харитонова // Регионы России в военной истории страны. Выпуск VI : сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции (Йошкар-Ола, 13–14 ноября 2024 г.) / ред.-сост. О.А. Кошкина. – Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2024. – С. 267–281.

17. Чувашская энциклопедия / Чувашский государственный институт гуманитарных наук. – URL: https://chuvenc.ru/main/10 (дата обращения: 25.09.2026). – Текст : электронный.

18. Чувашское телевидение: начало пути. – URL: https://вперёд21.рф/2022/12/16/чувашское-телевидение-начало-пути/ (дата обращения: 25.09.2026). – Текст : электронный.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Афанасьева Людмила Николаевна
главный архивист
БУ «Госархив современной истории
Чувашской Республики» Минкультуры Чувашии
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ЧУВАШИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСАРХИВА СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Аннотация: *статья посвящена истории промышленности Чувашской АССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. На основе архивных документов, хранящихся в Госархиве современной истории Чувашской Республик, рассматриваются процессы перехода промышленности республики на военные рельсы, эвакуация предприятий из прифронтовых регионов, становление оборонно-промышленного комплекса и вклад местной промышленности в Победу. Освещается роль местной, лесной, деревообрабатывающей, лёгкой и пищевой промышленности, а также промысловой кооперации.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Чувашская АССР, промышленность Чувашской АССР, эвакуация предприятий, оборонная промышленность, местная промышленность.*

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала суровым испытанием для всей страны, потребовав коренной перестройки всех сфер жизни, прежде всего промышленности. 30 июня 1941 г. был создан Государственный Комитет Обороны СССР (далее – ГКО СССР) как чрезвычайный орган управления, решения которого были обязательными для всех организаций, воинских частей и граждан. В Чувашии уполномоченным ГКО СССР стал первый секретарь Чувашского обкома ВКП(б) И.М. Чарыков, а организация мобилизационной и хозяйственной работы была сосредоточена в Совете Народных Комиссаров Чувашской АССР.

Вследствие немецкой оккупации западных регионов страны объём промышленного производства в СССР сократился более чем

вдвое, что поставило перед государством непростую задачу сохранения имеющегося оборудования прифронтовых территорий и максимального использования потенциала тыла. Именно в таких условиях началась масштабная перестройка промышленности и транспорта под лозунгом «Всё для фронта! Всё для победы над врагом!», особую роль в которой сыграло радиообращение Председателя ГКО СССР И.В. Сталина в июле 1941 г. [1, Л. 57–59].

Одними из первых предприятий Чувашии, перешедших на военное производство, стали Канашский вагоноремонтный и Алатырский паровозоремонтный заводы, а также Козловский комбинат стройдеталей и Шумерлинский деревообделочный комбинат [3, Л. 1–2]. На Канашском вагоноремонтном заводе к октябрю 1941 г., несмотря на ограниченные мощности, было построено 734 платформы, отремонтировано 2143 вагона и обработано 10500 колёсных пар; были созданы спеццеха №13, №14 и №15, где в короткие сроки освоено производство корпусов мин [2, Л. 55]. В начале 1942 г. с использованием эвакуированного оборудования с Дарницкого, Жмеринского и им. Шевченко вагоноремонтных заводов начались масштабные реконструктивные работы, после чего предприятие перешло на производство бронепоездов, бронеавтомобилей и ремонт танков. План июля 1942 г. по выпуску и отгрузке корпусов мин был выполнен на 133%, что составило 20000 корпусов [2, Л. 55–55об.].

На Алатырском вагоноремонтном заводе кроме ремонта поездов был организован специальный цех по обработке заготовок артиллерийских снарядов и отливке деталей для ремонта железнодорожных путей [3, Л. 73].

Значительное расширение производственных мощностей произошло и на других предприятиях республики. Шумерлинский деревообделочный комбинат и Козловский комбинат стройдеталей, переданные в ведение Наркомата авиационной промышленности СССР, были преобразованы в заводы №471 и №494 [8, Л. 90]. На заводе №494 с сентября 1942 г. развернулось производство самолётов «С-2»: конструкторское бюро в сжатые сроки подготовило 3200 переработанных чертежей и необходимую оснастку, что позволило строго соблюдать график выпуска. В 1942 г., выполнив производство значительного числа планеров ГР-11, завод успешно решил задачу, поставленную Государственным Комитетом Обороны СССР по освоению и организации серийного выпуска самолётов «С 2» [11, Л. 36–37]. Выпустив первую серию самолётов в ноябре 1942 г., завод был удостоен третьего места во Всесоюзном социалистическом

соревновании заводов НКАП СССР. После перехода в 1943 г. на серийное производство самолётов завод из месяца в месяц увеличивал количественные показатели по выпуску машин. Коллектив завода №471 с ноября 1942 по октябрь 1943 гг. выпускал двухмоторный самолёт «ЯК-6», а с октября 1943 г. успешно освоил и приступил к производству самолётов «У-2ВС»; план 1943 г. заводом был выполнен на 104,4% [12, Л. 48–49, 55–56].

Оба предприятия не только обеспечивали фронт авиатехникой, но и занимались непрерывным улучшением качества продукции. Их успехи неоднократно отмечались Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов и Наркоматом авиапромышленности СССР: в 1944 г. завод №494 занимал второе место во Всесоюзном социалистическом соревновании [13, Л. 45], а завод №471 – вторые и третьи места. Особой гордостью стало то, что за период с августа 1942 по август 1945 гг. в ходе выпуска самолётов «С-2» завод №471 23 месяца подряд удерживал призовые позиции в общесоюзном соревновании, что стало свидетельством вклада чувашских тружеников тыла в победу [14, Л. 1].

В ноябре 1941 г. в Чебоксарах начал работу завод №320 Наркомата вооружения СССР [5, Л. 23–25]. В конце 1941 г. вступила в строй первая очередь завода, и уже в декабре 1941 г. была выпущена первая партия зажигательных авиабомб ТГ-50 и 100-ЦК; вскоре ассортимент расширился за счёт фотобомб ФОТАБ-50 для аэрофотосъёмки и трассирующих снарядов для 45-мм пушек [6, Л. 42–42об.].

Несмотря на недостаточную оснащённость, коллектив завода досрочно выполнил программу 1942 г. по выпуску пиротехнических боеприпасов, превысив план на 5,9% и снизив себестоимость продукции на 24,8%. В 1942 г. завод освоил производство 15 видов боеприпасов, включая осветительные бомбы САБ-100–55 и парашютные ракеты ПР-4 и ПР-8 [5, Л. 23–24]. План 11 месяцев 1943 г. завод выполнил по оборонной промышленности на 101,2%, по товарной – на 104,3%, по валовой – на 103,0%. Всего за годы войны завод наладил выпуск 16 видов боеприпасов, а к 1945 г. перевыполнял плановые показатели на 102,6% [5, Л. 23].

Значительный вклад в оборонный потенциал республики внесли и другие предприятия. Эвакуированный в г. Алатырь завод «Арсенал №5» уже к октябрю 1942 г. выполнил производственный план на 77,7%, добившись значительной экономии ресурсов и роста числа стахановцев: если в апреле 1942 г. их доля составляла 51,6%, то к октябрю достигла 65%. Завод специализировался на выпуске

ложек для винтовок и пулемётов, ствольных накладок, универсальных учебных мушек, а также на ремонте артиллерийских систем, пулемётов и оптических приборов [7, Л. 1об.].

В связи с тяжёлой обстановкой в г. Ленинграде завод «Электрик», ранее поставлявший электрооборудование для танков, самолётов и флота, оказался не в состоянии выполнять свои функции, и Наркомат электропромышленности СССР принял решение организовать производство специальной электроаппаратуры для нужд обороны в г. Чебоксары с привлечением базы эвакуированного Харьковского электромеханического завода. Эвакуированное оборудование, рабочие и инженерно-технические работники прибыли глубокой осенью 1941 г. [8, Л. 69–69об.].

Прибывшие основные цеха Харьковского электромеханического и части Ленинградского электротехнического заводов стали основой для вновь созданного завода №654, развернувшего производство деталей для оборудования военной техники [8, Л. 69–69об.]. Благодаря энтузиазму небольшого коллектива в рекордно короткие сроки оборудование было смонтировано и пущено в ход в неприспособленных зданиях [9, Л. 2]. В январе 1942 г. завод дал первую продукцию. Завод значительно перевыполнял установленный государственный план: для предприятий танковой промышленности план по поставкам II квартала 1942 г. был выполнен на 131,4%, по авиационной промышленности – на 138,5%, а своей продукцией завод снабжал 40 общесоюзных наркоматов.

Чебоксарский электроаппаратный завод №654 стал уникальным в стране предприятием по производству некоторых видов электроаппаратов для танковой, авиационной и других отраслей оборонной промышленности; в номенклатуру выпускаемой продукции входили зажимы, штепсельные разъёмы типа ШР, контакторы постоянного и переменного тока, реле переменного тока, различные станции управления [10, Л. 76–76об.].

Наряду с предприятиями оборонного значения в Чувашскую АССР переводились производства лёгкой промышленности. В г. Чебоксарах были размещены типографии им. Евгении Соколовой и «Печатный двор» из Ленинграда, обувные фабрики из Кременчуга, Белой Церкви и Сум, чулочная фабрика из Полтавы, табачные фабрики «Дукат» и «Ява» из Москвы, фабрика «Басон» из Киева [8, Л. 4]; в Цивильске – Ленинградский штамповочный механический завод; в Алатыре – махорочная фабрика из Черкасс, мебельная фабрика из Воронежа, Харьковская обувная фабрика, а также Гайворонский,

Великолукский и Полтавский вагоноремонтные заводы; в Канаше – текстильная фабрика из Вышнего Волочка и опытный завод «Газоочистка» из Московской области [15, Л. 71–73].

Особую роль сыграл приём и обустройство текстильных предприятий: установление ткацко-хлопчатобумажных фабрик должно было охватить 5 точек по республике, из них самая крупная – в Чебоксарах, фабрики меньшего значения – в Канашском, Сундырском и Цивильском районах [15, Л. 71].

В соответствии с приказом Наркомтекстиля СССР от 7 апреля 1942 г.

№45-К Совнарком Чувашской АССР и бюро Чувашского обкома ВКП(б) постановили утвердить строительство в Чебоксарах новой текстильной фабрики мощностью 10–12 тыс. веретён, сопряжённых с ткацкими станками; для размещения части ткацких станков планировалось передать Объединению текстильных фабрик здание общежития авиашколы. Ответственным за строительство новой текстильной фабрики был назначен Чувашстройтрест; на базе законсервированных строительных площадок города планировалось строительство жилых домов для рабочих текстильной фабрики. На эвакуированных предприятиях – заводе спецэлектроаппаратуры, хлопчатобумажной, чулочной, табачной, технoткацкой фабриках – к началу 1942 г. работало свыше 1300 рабочих и служащих.

Предприятия местной промышленности Чувашии также трудились во имя Победы. Хлебокомбинат г. Алатыря наряду с плановыми заданиями перешёл на производство спецсухпайков. На Канашском мясокомбинате вместо ушедших на фронт мужчин работали женщины и эвакуированные работники. Артель им. 1-го Мая Канашского района не только выполняла распиловку давальческой древесины сверх плана (125,7%), но и сосредоточилась на изготовлении спецукупорки для вагоноремонтного завода и черенков для саперных лопат.

Промартели и предприятия Комсомольского района выполняли планы по спецзаданиям, производя черенки для копальных и пехотных лопат, топорища, дуги, подковы, лыжи и сани [17, Л. 151–152, 154].

В Мариинско-Посадском районе промышленные артели наряду с изделиями широкого потребления выпускали маскировочные сети и лыжные кольца, а обозно-бондарный завод райпромкомбината освоил производство обозных саней-стандарт, пароконных телег и обмундирования для Военно-морского флота. Судоверфь Мариинско-

Посадского района наладила выпуск двух видов оборонной продукции – волокуш и мостовых понтонов [16, Л. 45–45об.].

Гартовская леспромартель Порецкого района, обучая женщин, производила колёса военного типа, а артель им. Кирова выполняла спецзаказ по изготовлению маскировочных ковров.

Война предъявила большие требования к лесной и деревообрабатывающей промышленности. Чувашская АССР, имея значительные запасы ценной древесины и налаженный процесс по лесозаготовкам и деревообработке, выполняла заказы военного ведомства по изготовлению лыж, снегоступов, саней и по поставке специальных ассортиментов для оборонных нужд страны [18, Л. 43]. За короткий промежуток времени работниками деревообрабатывающей отрасли для Красной армии было изготовлено 48462 пары лыж, задание по изготовлению черенков к саперным и пехотным лопатам было выполнено в количестве 300 тыс. штук [19, Л. 7–8].

Кроме того, республика имела задание на заготовку и вывозку авиационной сосны, авиадуба, ружейной болванки, артбрусков. В тяжелейших условиях военного периода лесная промышленность Чувашской АССР стала играть стратегическую роль, решая сразу несколько важных задач: она обеспечивала поставки строительных материалов и сырья для работы оборонных заводов, участвовала в восстановлении железных дорог и снабжала население топливом [20, Л. 34].

В связи с потерей Донецкого угольного бассейна страна столкнулась с острой нехваткой топлива; по решению Государственного Комитета Обороны СССР в 1942 г. железные дороги были переведены на дровяное отопление, и за период с марта 1942 по апрель 1945 гг. предприятия Чувашии поставили железнодорожникам 2,3 млн куб. м дров. Резко увеличился и объём лесозаготовок и торфодобычи; большое внимание было уделено обеспечению г. Чебоксары дровами, за распределением дров был установлен строгий контроль [21, Л. 44–45].

Шумерлинский лесхоз в военный период, в 1944–1945 гг., дважды удостаивался переходящего Красного Знамени ВЦСПС и Главлесоохраны благодаря сотрудничеству с колхозами Моргаушского и Советского районов. Значительный вклад оказали и работники Алатырского леспромхоза, которые не только обеспечивали масштабные лесозаготовки и поставки дров для железной дороги, но и организовали крупномасштабный сплав древесины. Лесная промышленность Чувашской АССР внесла неоценимый вклад в Победу: благодаря самоотверженному труду рабочих и колхозников республики удалось не только

выполнить, но и перевыполнить задания ГКО СССР, обеспечив фронт и тыл критически важными ресурсами.

Таким образом, за время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. промышленность Чувашии сделала новый шаг вперёд в своём развитии и добилась значительных результатов. Предприятия оборонной промышленности перевыполняли производственную программу; количество рабочих и служащих, занятых в строительстве, увеличилось только на январь 1942 г. до 7,5 тысяч человек. В республику были эвакуированы предприятия, оборудование и квалифицированные кадры из прифронтовых регионов, включая Харьков, Полтаву, Ржев и другие города, что не только расширило производственные мощности, но и привнесло ценный опыт специалистов, ранее работавших в крупных индустриальных центрах страны. Коренным образом изменился и состав рабочих: на смену ушедшим на фронт мужчинам пришли женщины и подростки, что потребовало перестройки системы подготовки кадров и адаптации производства к новым условиям. Самоотверженный труд рабочих, инженеров, служащих и колхозников республики, грамотная организация производства и массовый трудовой героизм позволили Чувашии преодолеть трудности военного времени и внести весомый вклад в общую Победу.

Список литературы

1. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-1. Оп. 23. Д. 315.
2. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-1. Оп. 23. Д. 4.
3. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-1. Оп. 23. Д. 949.
4. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-1. Оп. 23. Д. 396.
5. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-1. Оп. 23. Д. 706.
6. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-1. Оп. 23. Д. 696.
7. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-1. Оп. 23. Д. 644.
8. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-1. Оп. 23. Д. 385.
9. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-1. Оп. 23. Д. 696.
10. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-1. Оп. 23. Д. 314.
11. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-646. Оп. 1. Д. 41.
12. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-1. Оп. 23. Д. 395.
13. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-1. Оп. 23. Д. 386.
14. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-1. Оп. 23. Д. 947.
15. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-1. Оп. 23. Д. 75.
16. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-1. Оп. 23. Д. 388.
17. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-1. Оп. 23. Д. 644.
18. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-1. Оп. 23. Д. 43.
19. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-1. Оп. 23. Д. 1297.
20. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-1. Оп. 23. Д. 650.
21. БУ «ГАСИ ЧР». Ф. П-1. Оп. 23. Д. 727.

Васильева Людмила Игоревна
главный архивист
БУ «Государственный исторический архив Чувашской Республики» Минкультуры Чувашии
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИЗУЧЕНИЕ ЯРМАРОЧНО-БАЗАРНОЙ ТОРГОВЛИ В ЧУВАШИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв. В ТРУДАХ И.Д. КУЗНЕЦОВА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: *в статье рассматривается вклад И.Д. Кузнецова в изучение ярмарочно-базарной торговли Чувашии второй половины XIX – начала XX вв. Анализируются методологические подходы ученого, его источниковедческая база, ключевые выводы о динамике и структуре торговли. Выявляются сильные стороны и ограничения методологии Кузнецова. Прослеживается развитие его научного наследия в трудах учеников и современных исследователей.*

Ключевые слова: *ярмарочно-базарная торговля, Чувашия, Кузнецов, историография, крестьянство, социально-экономическая история, капитализм, крестьянские промыслы.*

Изучение ярмарочной и базарной торговли в дореволюционной Чувашии представляет собой важную тему для понимания социально-экономического развития региона. Ключевую роль в ее изучении сыграли работы выдающегося историка Ивана Даниловича Кузнецова (1906–1991): «Крестьянство Чувашии в период капитализма» (1963) [3] и «Очерки по истории чувашского крестьянства» (ч. 1 – 1957 [4], ч. 2 – 1969 [5]).

Целью данной статьи является анализ интерпретации И.Д. Кузнецовым ярмарочно-базарной торговли, рассмотрение методологических подходов, использованных автором, а также источниковой базы, на которую он опирался. Особое внимание уделено выявлению положений, предложенных Кузнецовым в свое время, и последующему анализу того, какие из них подверглись пересмотру в более поздних исследованиях.

Проводя историографический анализ трудов И.Д. Кузнецова, начнем с его фундаментального исследования, посвященного изменениям в крестьянском хозяйстве в условиях рыночных отношений. Речь идет о монографии «Крестьянство Чувашии в период капитализма».

В основу исследования легли разнообразные источники: статистические ежегодники Министерства внутренних дел и Министерства земледелия, материалы земских учреждений (с данными об объемах торговли, ассортименте товаров и числе участников), архивные документы, связанные с купечеством, налоговой политикой и регламентацией ярмарок. Помимо этого, в работе применялись материалы из периодической печати, в которых освещались значимые торговые события и их воздействие на крестьянское население [3, с. 559–570].

И.Д. Кузнецов использовал комбинированный подход, сочетая количественный анализ с историко-генетическим методом. В рамках количественного анализа он изучал изменения в количестве ярмарок, объемах продаж и структуре товарооборота. Историко-генетический метод позволил ему выявить связь между развитием торговли и такими процессами, как распад натурального хозяйства, повышение товарности крестьянских хозяйств и социальной дифференциации в деревне.

В исследовании был сделан вывод о том, что торговля на ярмарках и базарах стала важным инструментом включения крестьян в рыночную экономику. Во второй половине XIX в. отмечался значительный рост числа ярмарок и объема товарооборота, что было связано с аграрной реформой 1861 г. и развитием железнодорожной сети. И.Д. Кузнецов подчеркивал, что «Чувашский край был аграрно-сырьевым придатком промышленного центра России» [3, с. 555]. Крестьяне поставляли на продажу зерно, кожу, шерсть и куриные яйца, при этом приобретая промышленные товары, такие как ткани и орудия труда [3, с. 297–298]. Это указывало на нарастающую вовлеченность деревни в рыночные отношения.

И.Д. Кузнецов акцентировал внимание на классовых различиях, сравнивая беднеющих крестьян, вынужденных продавать свои последние запасы, с зажиточными кулаками, активно занимавшимися торговлей. Он критиковал общепринятый в историографии метод – замену классового анализа сословным подходом, при котором крестьянство воспринималось как однородная группа [3, с. 7].

Монография обладает рядом ограничений. Основное внимание к классовой борьбе и противоречиям капиталистической системы могло привести к недооценке положительных аспектов торговой динамики. И.Д. Кузнецов не в полной мере учел региональную специфику – различия в торговых практиках между северными и южными регионами, городами и сельской местностью. Также фокус на

макроэкономических показателях отодвинул на второй план анализ реальной ситуации: кто именно участвовал в ярмарочной торговле, какие события происходили на конкретных ярмарках в определенные дни и т. д.

Труд И.Д. Кузнецова является значимым вкладом в изучение экономических изменений в Чувашии. Однако он требует критического пересмотра с применением современных методов, особенно с учетом региональных особенностей и социокультурных аспектов торговли.

Не менее значимы для историографического анализа «Очерки по истории чувашского крестьянства» (ч. 1 – 1957 г., ч. 2 – 1969 г.) – исследование, охватывающее развитие социально-экономических отношений в Чувашии. В основе источниковедческой базы трудов И.Д. Кузнецова лежат этнографические описания чувашских традиций, связанных с торговлей, воспоминания старожилов, зафиксированные в ходе экспедиций, также представлены литературные материалы, статистические данные, ревизии и переписи, которые позволили проследить демографические и социально-экономические изменения [4, с. 3–4; 324–328; 5, с. 4; 407–425].

Методологически работа отличалась комплексным подходом. И.Д. Кузнецов использовал сравнительно-исторический метод, сравнивая ситуацию в Чувашии с другими регионами Поволжья. Он проводил социально-экономический анализ и изучал влияние торговли на структуру крестьянского хозяйства и миграционные процессы. Кроме того, автор оценивал источники, проверяя точность статистических данных и учитывая возможные искажения.

В первой части (1957) автор сосредоточился на дореформенном периоде (до 1861 г.) и показал, что ярмарки того времени были тесно связаны с крепостным правом. Учитывая, что хронологические рамки нашего исследования охватывают период со второй половины XIX в., в данной статье первая часть подробно рассматриваться не будет.

Во второй части (1969) анализировался пореформенный период. Здесь автор продемонстрировал, как ярмарки способствовали вовлечению крестьянства в рыночную экономику. Они привели к росту продаж, расширению ассортимента товаров и укреплению связей с всероссийским рынком. Однако торговля усилила социальное расслоение в деревне. Кулаки активно использовали ярмарки для спекуляций, закупая зерно в годы неурожая, в то время как бедняки часто оказывались в долгах [5, с. 78–81].

Первую и вторую части «Очерков» целесообразно рассматривать совместно, учитывая определенные ограничения работы. Двенадцатилетний перерыв между частями мог усложнить последовательное описание развития торговли. Методологический упор на социально-классовые противоречия, который характерен для советской историографии, частично затмил такие аспекты, как влияние традиционной культуры на ярмарочную деятельность.

«Очерки по истории чувашского крестьянства» (ч. 1 – 1957 г., ч. 2 – 1969 г.) представляют собой значительное достижение в области изучения социально-экономической истории чувашского крестьянства. В них автор исследует, как традиционный уклад взаимодействовал с рыночными процессами. Для более детального анализа и оценки труда И.Д. Кузнецова важно провести его критическую переоценку с применением современных научных методик и подходов.

И.Д. Кузнецов внес значительный вклад в изучение ярмарочно-базарной торговли в Чувашии. В своих работах он показал, как капитализм изменил традиционный уклад жизни населения Чувашии, проанализировал особенности торговли в Чувашии в контексте всей России, принимая во внимание местные условия, такие как география, этнический состав и транспортная доступность. И.Д. Кузнецов провел систематизацию данных о количестве ярмарок, объемах товарооборота и структуре продаж, что заложило основу для последующих научных изысканий.

Но работы И.Д. Кузнецова имели и ряд ограничений, обусловленных временем и методологическими установками. Этнокультурный, антропологический и микроисторический аспекты ярмарочной жизни оказались в стороне от основного поля зрения автора. Переосмысление и развитие его исследовательских идей, а также переоценка уровня развития капиталистических отношений, характерная для работ И.Д. Кузнецова, были скорректированы его последователями.

П.П. Фокин продолжил изучение крестьянских промыслов и торговли, дополнив экономический анализ этнокультурным контекстом.

В.Д. Димитриев сфокусировался на средневековой истории Чебоксар, детализировав торговую жизнь города – тему, которая у Кузнецова оставалась вне поля зрения [1].

Т.С. Сергеев сосредоточился на конкретных ярмарках и базарах, описав торговую инфраструктуру отдельных селений [7].

В постсоветский период подходы И.Д. Кузнецова были расширены: О.Н. Майорова в диссертационном исследовании углубила анализ рыночно-ярмарочной торговли, уделив внимание ее географии и процессу децентрализации [6]. Принципиально новый культурно-антропологический подход предложил В.А. Краснощеков, рассматривая ярмарки как площадки культурной интеграции в многонациональном Среднем Поволжье – ранее данный аспект не освещался в работах Кузнецова [2].

И.Д. Кузнецов заложил основы изучения ярмарочно-базарной торговли в Чувашии. Систематизировал данные о развитии ярмарок и базаров во второй половине XIX – начале XX вв. Его исследования показали, что рост торговли был связан с разложением натурального хозяйства. И.Д. Кузнецов также продемонстрировал, как вовлечение крестьян в рыночные отношения углубляло социальную дифференциацию деревни. Кроме того, он раскрыл роль государства и купечества в создании рыночной инфраструктуры региона.

Таким образом, работы Кузнецова стали не только важным этапом в изучении истории Чувашии, но и методологическим ориентиром, сочетающим статистический анализ с социально-историческим осмыслением. Труды И.Д. Кузнецова продолжают вызывать научный интерес и служат важным источником для изучения взаимодействия рыночных механизмов, крестьянского быта и государственной политики в дореволюционной Чувашии.

Список литературы

1. Димитриев, В. Д. Чебоксары. Очерки истории города конца XIII–XVII веков / В. Д. Димитриев. – Чебоксары : ЧГИГН, 2003. – 178 с.

2. Краснощеков, В. А. Ярмарочная торговля как механизм культурной интеграции в полиэтнических регионах: на примере ярмарок Среднего Поволжья в XIX в / В. А. Краснощеков // Вестник РУДН. История России. – 2016. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yarmarochnaya-torgovlya-kak-mehanizm-kulturnoy-integratsii-v-polietnicheskih-regionah-na-primere-yarmarok-srednego-povolzhya-v-xix-v (дата обращения: 26.09.2026). – Текст : электронный.

3. Кузнецов, И. Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма / И. Д. Кузнецов. – Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1963. – Вып. 24. – 584 с.

4. Кузнецов, И. Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Ч. 1 / И. Д. Кузнецов. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1957. – 344 с.

5. Кузнецов, И. Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Ч. 2 / И. Д. Кузнецов. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1969. – 425 с.

6. Майорова, О. Н. Промышленность и торговля в уездах Среднего и Нижнего Присурья во второй половине XIX – начале XX веков / О. Н. Майорова // disserCat – электронная библиотека диссертаций и авторефератов. – URL: https://www.dissercat.com/content/promyshlennost-i-torgovlya-v-uezdakh-srednego-i-nizhnego-prisurya-vo-vtoroi-polovine-xix-nac (дата обращения: 26.09.2026). – Текст : электронный.

7. Сергеев, Т. С. Можарский сельский базар, ярмарка / Т. С. Сергеев // Энциклопедия Янтиковского района. – URL: https://энциклопедии.наследиечувашии.рф/a/article/4627.html (дата обращения: 26.09.2026). – Текст : электронный.

Головина Наталия Сергеевна
канд. ист. наук, научный сотрудник
БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ РАБОЧИХ КАДРОВ В ОТРАСЛЯХ ИНДУСТРИИ ЧУВАШИИ В КОНЦЕ 1950-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.

Аннотация: *в статье рассмотрено изменение состава индустриальных рабочих кадров Чувашии по стажу непрерывной работы в конце 50-х – первой половине 80-х гг. XX в. в отраслевом и гендерном разрезе. Показан рост кадрового ядра в промышленности и строительстве, особенно заметный среди женщин-работниц. На предприятиях транспорта и связи выявлены более противоречивые тенденции закрепления постоянных кадров среди лиц обоего пола. Проанализированы причины текучести рабочей силы и различия в мотивах увольнений мужчин и женщин.*

Ключевые слова: *Чувашия, отрасли индустрии, женские и мужские рабочие кадры, стаж непрерывной работы, текучесть рабочей силы.*

В конце 1950-х – первой половине 1980-х гг. как в целом по стране, так и в Чувашии наблюдалось динамичное развитие индустриального производства. В это время в республике создавались новые крупные промышленные предприятия, велось масштабное строительство, расширялась транспортная сеть, развивалась связь. Экстенсивное расширение производства требовало не только

капитальных вложений и техники, но и соответствующего кадрового обеспечения. От наличия опытных, длительно работающих на одном предприятии рабочих и служащих во многом зависели стабильность производственных коллективов, рост квалификации и эффективность труда. Формирование и развитие кадрового потенциала имело свои особенности в гендерном разрезе.

Рассмотрим, как менялся состав женских и мужских рабочих кадров в отраслях индустрии Чувашии по стажу непрерывной работы в конце 50-х – первой половине 80-х гг. XX в. Общий стаж работы не характерен для определения удельного веса постоянных работников. Процесс закрепления кадров на производстве более точно отражает стаж непрерывной работы.

В промышленности республики в течение анализируемого периода уменьшался удельный вес рабочих и служащих с непродолжительным стажем непрерывной работы. Так, к 1983 г. по сравнению с 1957 г. доля промышленных работников со стажем до 5 лет снизилась у мужчин с 59,7 до 54,4%, у женщин с 63,6 до 47,4% (преимущественно за счет тех, кто проработал менее 1 года – их относительная численность сократилась соответственно с 21,2 до 18,1% и с 20 до 12,5%), а со стажем от 5 до 10 лет – с 23,3 до 20,2 и с 22,2 до 21,6%. Одновременно возрос удельный вес рабочих кадров с более длительным стажем непрерывной работы – от 10 до 30 лет и выше: среди мужчин с 17 до 25,4%, среди женщин с 14,2 до 31% [1]. Это свидетельствовало о закреплении на производстве постоянных кадров рабочих и служащих, о росте в составе промышленных работников кадрового ядра. Причем особенно интенсивно этот процесс шел среди женщин-работниц.

В соответствии с отмеченными закономерностями формирования кадровой прослойки промышленных работников происходили изменения и в составе рабочих и служащих отдельных отраслей промышленности.

К концу рассматриваемого периода наиболее многочисленной прослойкой работников обоего пола со стажем 5 лет и выше располагала химическая промышленность (у мужчин – 61,8% в 1983 г. против 46,8% в 1957 г., а у женщин – соответственно 60,4% против 43,7%). Вслед за ней по числу кадровых рабочих и служащих шли среди мужчин – легкая (51 и 29,8%) и лесозаготовительная (50 и 34,3%) отрасли, а среди женщин – деревообрабатывающая промышленность (58,2 и 41,6%) и также лесоэксплуатация (56,5 и 24,8%) [2].

Следует отметить, что в 1957 г. наибольший удельный вес работников обоего пола со стажем от 5 лет и выше приходился на такую отрасль промышленности, как машиностроение и металлообработка (у мужчин 53,6%, а у женщин 56,5%). Однако к 1983 г. число кадровых рабочих и служащих в этой отрасли промышленности несколько уменьшилось (среди мужчин доля лиц со стажем свыше 5 лет составила 42,5%, а среди женщин – 51%) [3]. Отчасти это было связано с большим притоком в рассматриваемые годы в интенсивно развивавшуюся машиностроительную отрасль новых контингентов рабочих кадров, большая часть из которых не имела опыта производственной работы. Кроме того, текучесть отрицательно влияла на процесс укрепления на предприятиях машиностроения кадрового состава работников.

В целом надо заметить, что продолжительность работы мужчин и женщин в отдельных отраслях промышленности зависела, прежде всего, от созданных в них условий труда, технологии производства, особенностей рабочего процесса, уровня заработной платы и целого ряда других социально-экономических факторов [9, с. 35–36].

В строительстве Чувашии в течение рассматриваемого периода наблюдались самые высокие по сравнению с остальными отраслями индустрии темпы роста кадровой прослойки, особенно среди женщин-работниц. Если удельный вес строительных работников с незначительным стажем – до 3 лет – неуклонно снижался (у мужчин с 66,4% в 1957 г. до 44,1% в 1983 г., а у женщин – с 69,1 до 31,9%), то со стажем от 3 до 30 лет и выше, наоборот, постепенно возрастал (соответственно с 33,6 до 55,9% и с 30,9 до 68,1%). При этом особенно быстро росло число кадровых рабочих и служащих со стажем работы от 5 до 15 лет (у мужчин – с 14,6 до 30,6%, а у женщин – с 12,2 до 36,1%) [4]. Значительное увеличение удельного веса кадровых рабочих было, несомненно, положительным фактором, способствовавшим росту численности работников с высокой квалификацией.

В отличие от промышленности и строительства, на транспорте Чувашии имела место тенденция к увеличению числа лиц со сравнительно ограниченным стажем непрерывной работы – до 5 лет. Причем она была выражена в большей степени среди мужчин. Так, за 1957 – 1983 гг. удельный вес тех, чей стаж был менее 5 лет, возрос у мужчин с 46,8 до 59,2%, а у женщин с 52,8 до 54% (правда, доля работниц со стажем менее 1 года немного сократилась – с 16,5 до 14,2%). Вместе с тем за это же время на транспорте заметно

уменьшилась относительная численность лиц, имевших более длительный стаж работы. Так, удельный вес кадровых работников со стажем от 5 до 30 лет и выше понизился у мужчин до 40,8% в 1983 г. вместо 53,2% в 1957 г., а у женщин – соответственно до 46% вместо 47,2%.

Данный процесс изменения соотношения групп транспортных рабочих и служащих по стажу непрерывной работы был характерен не для всех видов транспорта. Доля кадровых работников (со стажем свыше 5 лет) уменьшалась среди лиц обоего пола на речном транспорте (у мужчин с 60,2% в 1957 г. до 38,1% в 1983 г., у женщин – соответственно с 59,8 до 45,1%), в том числе среди мужчин – на железнодорожном транспорте (с 67,2 до 47,2%). Тогда как в автомобильном и прочих видах транспорта, в дорожном хозяйстве, погрузочно-разгрузочных и транспортно-экспедиционных организациях удельный вес этой категории работников, наоборот, увеличивался (у мужчин с 20,5 до 40%, у женщин с 22,7 до 44,9%). К тому же рост кадрового ядра наблюдался среди женщин-работниц на железнодорожном транспорте (работницы со стажем от 5 лет и выше составили 57% в 1983 г. против 55% в 1957 г.) [5]. Вообще, наиболее значительная доля кадровой прослойки в составе работников обоего пола отмечалась на протяжении всего рассматриваемого периода на железнодорожном транспорте.

В связи в течение анализируемого периода происходили следующие изменения в составе женских и мужских рабочих кадров по стажу непрерывной работы. С 1957 по 1983 гг. при уменьшении удельного веса работников со стажем менее 1 года (у мужчин с 17,3 до 15,2%, у женщин с 15,1 до 10,7%) увеличилась доля лиц со стажем от 1 до 5 лет (соответственно с 29,2 до 38% и с 35 до 38,9%). Число рабочих и служащих с более длительным стажем работы менялось по-разному у мужчин и женщин. Так, за 1957 – 1983 гг. на предприятиях связи республики относительная численность кадровых работников со стажем от 5 до 30 лет и выше среди мужчин несколько сократилась (с 53,5 до 46,8%), а среди женщин-работниц практически не изменилась (49,9 и 50,4%) [6].

Несмотря на сдвиги, происходившие в индустрии Чувашии в изучаемые годы в группах рабочих и служащих по стажу непрерывной работы, доля работников со сравнительно небольшим стажем (до 5 лет) все еще оставалась довольно значительной. При этом наиболее высокий удельный вес данной категории работников на протяжении всего рассматриваемого времени отмечался в

строительных организациях республики, в том числе в конце исследуемого периода – на транспорте. Характерной особенностью являлось то, что если в начале рассматриваемого периода в каждой из отраслей индустрии доля работников со сравнительно ограниченным стажем работы (до 5 лет) была заметно выше среди женщин-работниц, то в конце – уже среди мужчин. Таким образом, к концу анализируемого периода кадровых работников (со стажем свыше 5 лет) стало больше у женщин, чем у мужчин.

Закреплению постоянных кадров в индустриальном производстве республики в изучаемый период в значительной мере мешала имевшая место текучесть рабочей силы, особенно среди молодых работников. Следует отметить, что высокой была текучесть рабочих кадров в строительстве, что было обусловлено его ролью социального «шлюза» для больших масс мало- и неквалифицированных работников. Довольно значительной была текучесть на промышленных предприятиях республики. Например, текучесть в промышленности Чувашии составляла в 1969 г. 24,6%, а в 1985 г. 20,9% от среднесписочного числа рабочих. При этом наиболее высокая текучесть наблюдалась на предприятиях пищевой промышленности (51,9% в 1969 г.) [8, с. 104].

Отчетности о текучести рабочей силы в разрезе пола не велось, поэтому проводились выборочные социологические обследования. Анализируя их, многие авторы отмечали, что относительно большие размеры текучести наблюдались среди мужчин, чем среди женщин. Примечательно, что переход на другую работу по собственному желанию, увольнение за нарушения трудовой и производственной дисциплины у женщин было значительно меньше, чем у мужчин. Персональный состав женщин-работниц на промышленных предприятиях был более устойчив, чем рабочих-мужчин. К тому же они отличались и более высокой профессиональной стабильностью [7, с. 43–44].

Психофизиологические особенности женского организма и специфическая роль женщины в семье являлись причинами того, что мотивы увольнений с производства у женщин-работниц значительно отличались от причин увольнений у мужчин. Например, женщины реже, чем мужчины, увольнялись с работы из-за отсутствия перспектив роста, низкой заработной платы. Из исследований ряда ученых экономистов и социологов видно, что у женщин преобладали два основных мотива перехода с одного предприятия на другое: неудовлетворительные условия труда и жилищно-

бытовые условия (отдаленность жилья от места работы, перемена места жительства, отсутствие жилья, невозможность устроить детей в ясли, детский сад и т. д.) [10, с. 25].

В заключение необходимо отметить, что в конце 1950-х – первой половине 1980-х гг. сложилась устойчивая тенденция к закреплению постоянных кадров на предприятиях промышленности и строительства Чувашии, особенно среди женщин-работниц. На транспорте и в связи отмечалась менее благоприятная ситуация. В целом в индустрии республики сохранялась существенная прослойка лиц, имевших непродолжительный стаж работы. К концу рассматриваемого периода женщины превосходили мужчин по удельному весу кадровых работников, они реже меняли место работы и профессию.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-872. Оп. 16. Д. 424. Л. 12; Оп. 28. Д. 1229. Л. 13.

2. ГИА ЧР. Ф. Р-872. Оп. 16. Д. 424. Л. 34, 36 об., 37 об., 38, 39 об., 40; Оп. 28. Д. 1229. Л. 30, 36, 38, 44.

3. ГИА ЧР. Ф. Р-872. Оп. 16. Д. 424. Л. 33 об.; Оп. 28. Д. 1229. Л. 32.

4. ГИА ЧР. Ф. Р-872. Оп. 16. Д. 424. Л. 12; Оп. 28. Д. 1229. Л. 14.

5. ГИА ЧР. Ф. Р-872. Оп. 16. Д. 424. Л. 12 об., 13 об.; Оп. 28. Д. 1229. Л. 13 об.

6. ГИА ЧР. Ф. Р-872. Оп. 16. Д. 424. Л. 13 об.; Оп. 28. Д. 1229. Л. 13 об.

7. Карпухин, Д. Н. Экономика и организация промышленного производства / Д. Н. Карпухин, А. Б. Штейнер. – 1978. – № 3. – С. 36–47.

8. Кураков, Л. П. Социально-экономическая активность человеческого фактора / Л. П. Кураков, В. Н. Викторов, В. Т. Максимов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1990. – 136 с.

9. Мурадов, Ш. М. Социально-экономические проблемы использования женских трудовых ресурсов в Азербайджанской СССР : автореф. дис. … док. экон. наук / Ш. М. Мурадов. – Баку, 1970. – 111 с.

10. Оболенская, Г. И. Некоторые особенности текучести женских рабочих кадров в промышленности (на примере машиностроительных предприятий) / Г. И. Оболенская // К вопросу о рациональном использовании труда женщин в промышленности СССР : сб. науч. трудов. – М., 1977. – Вып. 8. – С. 24–30.

Доронина Ксения Андреевна
магистр, учебный мастер
Харитонова Екатерина Михайловна
магистрант
Казаков Николай Александрович
канд. геогр. наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой
Харитонов Михаил Юрьевич
канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СЕТИ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ В ПЕРИОД ДО 1917 ГОДА В ТРУДАХ П.А. СИДОРОВА

Аннотация: *в статье рассматривается вклад доктора экономических наук, кандидата географических наук, профессора, второго ректора Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова П. А. Сидорова в историко-географическое изучение сети поселений Чувашии дооктябрьского периода. На основе анализа его работ 1960-х годов показано, как автор вводил в научный оборот данные ревизий и переписей, критически их осмысливал и уточнял численность постоянного населения городов. Прослежены его выводы о выделении старейших городов, о связи роста городов с промышленностью и транспортно-географическим положением, о формировании гнездового расселения на севере и крупноселенных приречных селений на юге, о влиянии природных и исторических факторов, о появлении первых несельскохозяйственных поселений в Присурье, о незначительной роли столыпинской реформы.*

Ключевые слова: *сеть городских и сельских населённых пунктов, территория Чувашии, научная деятельность П.А. Сидорова.*

Свою научную деятельность доктор экономических наук, кандидат географических наук, профессор, второй ректор Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (1981–1990 гг.) начинал во второй половине 50-х годов XX века с изучения населения Чувашии. В этот период он работал в Чувашском НИИ при Совете Министров ЧАССР (с 1957 года) и писал кандидатскую

диссертацию на тему «Население Чувашии (опыт историко-географического и экономико-географического исследования)» под руководством одного из ведущих специалистов в области географии населения в СССР Сергея Александровича Ковалёва [1–3].

Подготовка к предстоящей защите шла успешно, был собран богатейший материал, что позволило П.А. Сидорову еще до окончания работы над самой диссертацией выпустить свою первую монографию, носящую название: «Население Чувашии за сорок лет социалистической автономии» [5]. Для написания данной брошюры (52 страницы) автор обработал материалы переписей, использовал материалы текущей статистики, данные различных учреждений и организаций. При характеристике сельского населения частично использовались также личные наблюдения Сидорова, сделанные в географических и этнографических экспедициях на территории Чувашии [5, с. 4]. В выпущенной книге, рассматривая рост городов, увеличение городского населения, или сельское население и его размещение в годы Советской власти, автор не мог не затронуть вопросы, связанные с формированием и развитием сети поселений на территории Чувашии в период до Октябрьской Социалистической революции. Конечно же, характеристика сети поселений в дооктябрьский период неразрывно связана, как бы предвосхищает описание современного состояния населенных мест. Дабы на примере прошлого яснее предстал процесс изменения сети поселений в советское время.

Отдельно Петр Александрович рассматривает сельские и городские поселения, а в последнем случае – каждый из городов в отдельности. Особое внимание П.А. Сидоров уделяет изменению людности населенных мест во времени.

Первое, с чего начинает Петр Александрович, говоря о поселениях Чувашии дореволюционного периода, – это выделение группы наиболее старых городов, возникших на территории республики – Алатыря, Чебоксар, Цивильска, Ядрина, которые появились один за другим еще во второй половине XVI века [5, с. 18]. Мариинский Посад выделен отдельно. П.А. Сидоров отмечает: «Что хотя он и существовал как поселение тоже несколько веков, но в ранг города был переведен лишь в середине прошлого века» [5, с. 18].

Далее следует краткая характеристика макроположения городов Чувашии и их экономического состояния, охватывающая период до конца XIX века. Так, справедливо отмечается, что возникли они на основных речных путях, как военно-феодальные укрепленные

пункты на восточной окраине Русского государства. Города эти впоследствии существовали как уездные административно-полицейские и торговые центры. Промышленности в них почти не было, количество населения не росло или увеличивалось весьма слабо. А в период с 1723 по 1763 гг., указывает Петр Александрович, численность податного населения в четырех городах Чувашии не только не росла, но даже уменьшилась на 13% [5, с. 19]. Впоследствии также не было особого роста. Доказывая это, автор приводит таблицу изменения населенности городов с конца XVIII и до конца XIX века, то есть за сто лет. При ее составлении были использованы данные пятой ревизии 1797 г., последней десятой ревизии 1859 года и первой всеобщей переписи населения России 1897 года [5, с. 20] (табл. 1)

Таблица 1

Изменение населенности городов
с конца XVIII и до конца XIX века [5, с. 20]

Города	1797	1859	1897
Алатырь	2597	7573	12209
Чебоксары	4696	4736	4738
Цивильск	862	1730	2336
Ядрин	1431	2513	2454
Мариинский Посад	-	2682	2400
Итого в городах населения	9586	19374	24137
Итого в %	100	202	251

Однако, П.А. Сидоров не остановился на простом заимствовании данных ревизий и переписи, а подошел к ним критически. Людности поселений предполагает учет не наличного, а постоянного населения. А т.к. в ревизиях обычно учитывали сведения по наличному населению, автор далее в тексте вносит поправку в учет населения на 1897 год по городам Чувашии. Петр Александрович показывает, что в действительности постоянного населения в городах было значительно меньше: всего 21851, в Алатыре – 12156, в Чебоксарах – 3550, в Ядрине – 2129, в Цивильске – 1616 человек [5, с. 20]. Но далее автор утверждает, что с развитием капиталистического предпринимательства рост городского населения в Чувашии пошел в три раза быстрее, чем во второй половине прошлого века. Особенно выделяется Алатырь, в котором возникает крупная

капиталистическая промышленность в связи с проведением через него железной дороги Рузаевка – Казань [5, с. 20].

К 1913 году в Алатыре проживала почти половина городского населения Чувашии. Значение же Чебоксар в дореволюционной России как города, считает Сидоров, не только не поднималось, наоборот, даже падало [5, с. 20]. Данный наглядный пример служит для Петра Александровича доказательством непосредственной связи роста городов и городского населения с ростом промышленности, а рост последней и увязывается с транспортно-географическом положении города. И конечно же все это вносит свою лепту в формирование и развитие сети городских поселений, да и совокупности всех населенных мест, в нашем случае, Чувашского края.

Закончив описание состояния сети городских поселений в дореволюционной Чувашии, Сидоров возвращается к теме развития сети поселений на территории нашей республики в дооктябрьский период в главе «Сельское население и его размещение» [5, с. 31–40]. Здесь, как можно понять из названия, внимание уделяется сельским поселениям. Сразу же Петр Александрович отмечает, что на территории Чувашской АССР еще несколько веков назад было уже довольно густое население и были заселены почти все удобные для жизни пространства, сложившаяся же издавна «густая сеть сельских поселений» изменялась за это время сравнительно медленно [5, с. 31–40].

Автор утверждает, основываясь на данных переписи 1897 года и десятой ревизии 1858 года, что в период между 1858–1897 годами преобладали, т.е. были наиболее типичны для сельской Чувашии, населенные пункты – деревни с числом жителей от двухсот до пятисот. В целом же Сидоров говорит о больших различиях в характере расселения от места к месту, сложившихся еще в далеком прошлом, когда уже выделялся северный район, где преобладали мелкие населенные пункты и была наибольшая густота селений, которые располагались «кустами», так что из одного населенного пункта зачастую можно было видеть несколько других. Наиболее крупные населённые пункты формировались в юго-западной и юго-восточной частях республики, которые заселялись повторно (до этого здесь было Дикое Поле), после присоединения Чувашии к Русскому государству. Притом и в заселяемом русским населением Присурье, и в заселяемом выходцами из северной Чувашии юго-востоке республики в прошлом образовывался одинаковый рисунок расселения: села и деревни вытягивались вдоль рек с редким перерывом в один-два километра, а от реки и до реки через

водоразделы, которые почти полностью распахивались, селений в большинстве случаев не было [5, с. 35–36].

Петр Александрович считает, что очевидное родство в рисунке расселения двух районов юга в некоторой мере вытекает из сходства их природных условий, следовательно, из сходства в условиях земледельческого освоения территорий[1]. На этом Сидоров прерывает рассмотрение исторического процесса образования особенностей рисунка расселения, который, как он считает, «чрезвычайно интересен, но требует специального исследования» [5, с. 35–36]. Более в книге «Население Чувашии за сорок лет социалистической автономии» Петр Александрович не возвращается к рассмотрению вопросов, связанных с формированием и развитием сети поселений на территории Чувашии в дореволюционный период, хотя много говорит о развитии сети поселений в советское время.

В том же 1960 году вслед за первой монографией Петра Александровича Чувашское государственное издательство выпускает большую сборную работу под названием «Развитие экономики и культуры Чувашской АССР» [4]. В ней приняли участие известные деятели науки нашего края. Перу П.А. Сидорова в этом труде принадлежит глава «Географическое положение и природно-экономические условия. Население», где молодой автор, характеризуя современное население и сеть поселений, делает интересное для нас, в данном случае, добавление, указывая, что основная сеть современных сельских населенных пунктов сложилась еще к началу XVIII века [4, с. 20 – 34]. К сожалению, этим он и ограничивается.

Спустя два года, в 1962, в «Ученых записках» Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики появляется статья П.А. Сидорова «Численность, состав и динамика населения Чувашии в конце XVIII – первой половине XIX вв.» [6]. В настоящей работе предпринималась попытка исчисления числа, определения социального и национального состава населения Чувашии конца XVIII – первой половины XIX века (в границах территории Чувашской АССР). При характеристике населения автор использовал материалы V и X ревизий, привлекла поземельные итоги IV, V, VI, VII, VIII и IX ревизий.

В вопросе, нас интересующем, Петр Александрович, указывая на рост за 60 исследуемых им лет городского населения, которое выросло в два раза и к 1859 году составило 9516 человек, сообщает нам, что произошло это лишь благодаря изменению в сети населенных мест, произошедшим в 1856 году, когда из ряда сельских

поселений – села Сундырь и близлежащих деревень Коновалово, Денисово, Ворошилово – был образован город Мариинский Посад с числом жителей 2682 человека [6, с. 125].

Кульминацией научной деятельности Петра Александровича Сидорова в 60-е годы явилась защита им диссертации по теме «Население Чувашии (Опыт историко-географического и экономико-географического исследования)» и присуждение ему ученой степени кандидата географических наук. В 1962 году выходит автореферат работы. Еще в самой диссертации вопросы формирования и развития сети поселений на территории Чувашии до Октябрьской революции были рассмотрены в главе, носящей название «Из истории заселения и хозяйственного освоения территории Чувашии. Формирование чувашского народа», и в главе третьей «Население дореволюционной Чувашии», помещен список карт, картодиаграмм и картограмм, приложен список всех крупных селений, сгруппированных по выделенным районам расселения, с указанием динамики их населения за 160 лет [7].

В вопросах формирования и развития сети поселений на территории Чувашии в дореволюционный период Петр Александрович позволяет себе уйти более глубоко в прошлое, нежели в предшествовавших диссертации работах, обосновывая это тем, что «серьезный историко-географический фундамент необходим для экономико-географического изучения современного населения» [7, с. 4]. Он говорит о формировании сети поселений в период татаро-монгольского нашествия и укрепления Казанского ханства, когда под влиянием военно-политических причин (набегов степных народов) росло население в северных районах современной Чувашии, и, соответственно, увеличивалось число селений. Именно тогда, утверждает автор, и «возникла историческая основа современной мозаики расселения в Северной Чувашии» [7, с. 5]. Присоединение Чувашии к Русскому государству во второй половине XVI века привело к появлению нового типа поселения – города [7, с. 5]. Вновь начинается заселение юга Чувашии, появляются поселения, формирование и развитие которых, по утверждению Сидорова, носит «цепной» характер – от материнских поселений и общин, находящихся на севере, шло отпочкование ряда групп, которые переносили свое хозяйство на юг, где формировались новые селения, еще долго связанные с материнскими не только родственно, но и административно. Далее подобное же развитие поселений шло через Среднее Поволжье до Южного Урала [7, с. 5].

Описывая формирование сети населенных мест в Чувашии, Петр Александрович вновь обращает внимание, как и в книге «Население Чувашии за сорок лет социалистической автономии», на различия в рисунках расселения, сложившиеся на Севере и Юге нашего края. Автор справедливо утверждает, что на севере часто наблюдается гнездовое расселение – группа из нескольких селений, разделенных оврагами и их отвершиями. Они имеют параллельно с индивидуальными также, общее для всей группы название. Сидоров считает, что на характер рисунка расселения оказали влияние, кроме исторических причин, причины географического порядка, как то: расчлененность земель овражной сетью, условия водоснабжения (Петр Александрович утверждает, что «в рыхлых пермских породах, при сильной расчлененности их оврагами, вскрытие водоносного горизонта шахтными колодцами затруднено, воду берут преимущественно из ключей, выходящих в оврагах» [7, с. 14]). К вопросу о причинах формирования рисунка расселения на юге, где за XVII–XVIII вв. складываются «крупноселенные приречные селения», ничего нового, что уже не было бы вскрыто в первой монографии автора, не добавляется. И все же Петр Александрович смог реализовать свое желание и дать более подробную оценку исторического процесса образования особенностей в рисунках расселения, сложившихся в разных регионах нашей республики.

Характеризуя далее процесс развития сети поселений в дореволюционные годы на территории Чувашии, Сидоров указывает, что на характер сети поселений, сложившийся к XX веку, не оказала влияние столыпинская реформа; процесс выделения в хутора (т.е. образование новых населенных мест) это было «случайным явлением», и вскоре почти все «переселились обратно в место выхода» [7, с. 7]. Зато в связи с промышленным освоением лесов Присурья на рубеже XIX–XX столетий появились первые несельскохозяйственные (промышленные) поселения сельского типа [7, с. 15]. Последним утверждением Петр Александрович заканчивает рассмотрение в данной работе вопросов, рассматриваемых нами в данной статье. Кандидатская диссертация П.А. Сидорова, явилась одной из первых в изучении формирования и развития сети поселений на территории республики в дооктябрьский период, показавшая правомерность соединения историко-географических и экономико-географических методов.

Заложенное в первых трудах П.А. Сидорова развивалось им в дальнейших работах. В 1963 г. в сборнике, посвященном

«Вопросам экономики и истории Чувашской АССР», Петр Александрович публикует статью «Численность, состав и динамика населения Чувашии в капиталистический период» [8], где вновь затрагивает тему формирования и развития сети поселений. В публикации опять подчеркивается бурное развитие города Алатыря в связи с проведением через него железной дороги в конце XIX века, где уже в 1897 году населения было больше, чем в остальных трех городах Чувашии вместе взятых [8, с. 240]. Как и в диссертации, П.А. Сидоров указывает на появление в конце XIX – начале XX столетий в связи со значительным размахом лесоустроительных работ, а также ростом лесной промышленности в Алатырском Присурье и частично в Заволжье новых поселков при заводах и даже перечисляет некоторые (Алтышево, Киря, Гарт, Голодяиха и др.; кроме них возводится много дач и лесных городков) [8, с. 242], все это усложняет рисунок расселения. Вновь говорит о не получившем достойного развития в годы столыпинской реформы в Чувашии выделения на отруба, существование которых было недолгим и в основном прекратилось еще до революции. И все же не может не отметить существование, хоть краткое, подобных поселений, особенно распространившихся на территории современных Батыревского и Алатырского районов [8, с. 243].

После статьи «Численность, состав и динамика населения Чувашии в капиталистический период» к вопросам формирования и развития сети поселений на территории Чувашии в дооктябрьский период обращения почти не происходит. Лишь в книге «Развитие структуры экономики Чувашской АССР» [9], вышедшей в 1974 г., и в статье «Этапы формирования и развития производственно-территориального комплекса Чувашской АССР» [10], опубликованной в 1975 году в сборнике «Эффективность производственно-территориального комплекса Чувашской АССР», Сидоров затрагивает интересующую нас проблему, но делает это вскользь и не внося новых разработок и решений. Внимание его почти полностью переключается на вопросы развития сети поселений уже в советский период.

В заключение хочется сказать, что Петр Александрович Сидоров – один из первых в республике стал уделять внимание историко-географическому изучению сети поселений, раскрыл вопросы, связанные с повременным изменением людности поселений, рисунка расселения на территории Чувашии в дооктябрьский период. Так как все вышеперечисленное остро необходимо при

изучении современного состояния и решения проблем предполагаемого развития сети поселений в Чувашской Республике.

Список литературы

1. Архипов, Ю. Р. Экономико-географические исследования П.А. Сидорова: материалы научной конференции, посвящённой 70-летию П.А. Сидорова / Ю. Р. Архипов, Н. А. Казаков. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 1998. – С. 8–14.

2. Казаков, Н. А. Научная деятельность Петра Александровича Сидорова в 60–70-е годы XX века / Н. А. Казаков, О. Н. Широков // Геопространственные исследования общественных и природных систем: теория и практика : сборник статей / ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». – Чебоксары : Среда, 2019. – С. 8–12.

3. Кураков, Л. П. О жизни и деятельности П.А. Сидорова: материалы научной конференции, посвящённой 70-летию П.А. Сидорова / Л. П. Кураков. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 1998. – С. 3–4.

4. Развитие экономики и культуры Чувашской АССР. – Чебоксары : Чувашское государственное издательство, 1960. – 326 с.

5. Сидоров, П. А. Население Чувашии за сорок лет социалистической автономии / П. А. Сидоров. – Чебоксары : Чувашское государственное издательство, 1960. – 52 с.

6. Сидоров, П. А. Численность, состав и динамика населения Чувашии в конце XVIII – первой половине XIX в.в / П. А. Сидоров // Ученые записки : сб. ст. / НИИ при Совете Министров ЧАССР. – Чебоксары, 1962. – Вып. 21. – С. 100–127.

7. Сидоров ,П. А. Население Чувашии (Опыт историко-географического и экономико-географического исследования) : автореф. дис. … канд. геогр. наук / П. А. Сидоров. – Москва, 1962. – 17 с.

8. Сидоров, П. А. Численность, состав и динамика населения Чувашии в капиталистический период / П. А. Сидоров // Вопросы экономики и истории Чувашской АССР : сб. ст. / НИИ при Совете Министров ЧАССР. – Чебоксары, 1963. – Вып. 23. – С. 229–277.

9. Сидоров, П. А. Развитие структуры экономики Чувашской АССР: Вопросы анализа и планирования / П. А. Сидоров. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1974. – 352 с.

10. Сидоров, П. А. Этапы формирования и развития производственно-территориального комплекса Чувашской АССР / П. А. Сидоров // Эффективность производственно-территориального комплекса Чувашской АССР: Сб. ст. – Чебоксары, 1975. – С. 3–71.

Камардин Игорь Николаевич
канд. ист. наук, доцент,
директор центра организации приема
и довузовской подготовки
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
г. Пенза, Пензенская область

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: *в статье рассматривается трансформация промышленного потенциала Поволжья в годы Гражданской войны. Показывается, что регион, оставаясь преимущественно аграрным, обладал диверсифицированной промышленной базой, ориентированной на переработку сельскохозяйственного сырья. Война и последующие революционные потрясения привели к эвакуации предприятий, милитаризации выпуска, национализации и глубокому системному кризису, который, однако, создал материальные предпосылки для последующей советской индустриализации.*

Ключевые слова: *Поволжье, промышленность, Первая мировая война, Гражданская война, национализация, военный коммунизм, экономический кризис, индустриализация.*

К переломным событиям в нашей стране 1917 года Поволжье подошло, неся на себе тяжелый груз социально-экономических противоречий. Этот крупный аграрный макрорегион с многонациональным и поликонфессиональным населением, где из почти 16 млн жителей более 14,4 млн составляли сельские жители, был одной из ключевых территорий империи. Милитаризация экономики, обнищание деревни и крайняя социальная усталость превратили Поволжье в взрывоопасную зону. Именно на этом фоне в годы Гражданской войны происходила ломка старых хозяйственных связей и складывались контуры новой модели промышленного производства.

До революции Поволжье оставалось преимущественно аграрно-промышленным краем, где сельское хозяйство задавало тон. Губернские центры были невелики – чаще всего около 100 тыс. человек. В 1914 году самым крупным городом региона был Саратов, насчитывавший 235,3 тыс. жителей; далее шли Астрахань (154,5 тыс.), Самара (143,8 тыс.), Царицын (117,7 тыс.), Нижний Новгород (111,4 тыс.), Пенза (78,9 тыс.) и Симбирск (55,2 тыс.) [1]. В годы Гражданской войны население всех городов сократилось: в

Нижнем Новгороде за 1917–1920 годы оно уменьшилось на 30%. В этническом составе региона в 1920-е годы преобладали русские – 64%; около 20% приходилось на коренные народы Поволжья, в том числе татар – 12,5%, мордву – 5,68%, чувашей – 2,25% [2].

Промышленность дореволюционного Поволжья отличалась выраженной отраслевой специализацией, тесно связанной с аграрным характером региона и его положением вдоль главной водной артерии страны. Ведущее место занимала переработка сельскохозяйственного сырья: мукомольная, маслобойная, крупяная, сахарная и винодельческая промышленность развивались практически во всех губерниях. Саратов к 1913 году стал крупнейшим в Европейской России центром мукомольного производства с годовым перемолом свыше 30 млн пудов зерна. Астраханская губерния представляла собой экономический анклав, где доминировали рыболовство и переработка рыбы Каспийского моря – в этой сфере было занято до 100 тыс. человек [3]. В Пензенской губернии переработка пищевых продуктов составляла 52% от общего числа промышленных заведений, а в Симбирской достигала 65%, что подчеркивало сырьевой характер экономики [4]. Вместе с тем в регионе действовали металлообрабатывающие и машиностроительные предприятия: судостроительный и машиностроительный завод «Красное Сормово» в Нижнем Новгороде, Государственный промышленный комбинат «Каракомбинат» в Бальцере (Голый Карамыш) Саратовской области, Пензенский машиностроительный завод братьев Берда, Сызранский механический завод, патронные заводы в Самаре, Саратове и Пензе, а также многочисленные литейные и слесарные мастерские, обслуживавшие сельское хозяйство и транспорт. Текстильный сектор был представлен кожевенными и суконными мануфактурами в Симбирске и Сызрани, шерстобитными и валяльными производствами в Саратовской губернии. Нефтяная промышленность получила ограниченное развитие в Бузулукском уезде Самарской губернии, где с 1870-х годов велись добыча и переработка нефти. Транспортная инфраструктура опиралась на Волгу: к 1914 году через нее проходило до 60% грузооборота Поволжья, дополняемого железными дорогами – Николаевской, Рязанско-Уральской, Казанской, связывавшими регион с Москвой, Уралом и Средней Азией. Несмотря на достижения, промышленность Поволжья уступала центральным губерниям по концентрации производства, энерговооруженности и технологическому уровню: большинство предприятий оставались мелкими и средними, с преобладанием

ручного и полумеханизированного труда, а зависимость от сельскохозяйственного цикла делала их уязвимыми к неурожаям и кризисам. Тем не менее эта разнообразная промышленная база стала фундаментом последующего экономического развития региона.

В период Первой мировой войны Поволжье стало объектом масштабной эвакуации предприятий с запада, особенно из Рижского района. В Нижний Новгород были перемещены металлический завод «Фельзер», джутовая мануфактура, завод «Этна», завод «Отто Эрбе», телефонный завод «Сименс и Гальске» (будущий НИТЕЛ), а также фабрики по производству военной формы и обуви. Два завода по производству взрывчатых веществ разместились в районе станции Растяпино, три кожевенных завода – в Богородске. Из-за угрозы захвата Петрограда в первой четверти 1918 года ряд предприятий был переведен в Пензу: Брянский арсенал, Сестрорецкий оружейный завод, Петроградский трубочный завод, Экспедиция заготовления государственных бумаг. Позже, 14 мая, патронное производство переместилось в Симбирск, где его объединили с Третьим патронным заводом [5].

В годы Гражданской войны промышленный сектор Поволжья претерпел серьезную трансформацию. Выпуск гражданской продукции резко упал, тогда как военное производство выросло, прежде всего в металлообработке, химической, кожевенной и текстильной отраслях. По материалам промышленной переписи 1918 года, в Астраханской, Самарской и Нижегородской губерниях сократилось количество промышленных заведений; в Симбирской, Пензенской и Саратовской губерниях более половины зарегистрированных предприятий полностью прекратили работу. На 31 августа 1918 года в Самарской губернии действовало 74,2% зарегистрированных предприятий, в Симбирской – 31,6%, в Пензенской – 30,7%. В Нижегородской губернии действовало 402 предприятия (64,5% от общего числа), в Самарской – 452 (74,2%), в Симбирской – 24 (31,6%), в Пензенской – 93 (30,7%), в Астраханской – 197 (80,4%), в Саратовской – 61 (33,9%).

В первые годы советской власти промышленность подверглась волне национализации, разрушившей прежние хозяйственные связи [6]. К осени 1918 года в стране было национализировано более 3000 предприятий, из которых действовало 60%. К концу Гражданской войны государство контролировало 80% крупных и средних промышленных предприятий. Однако из-за дефицита финансов, разрушения межотраслевых и межрегиональных связей, а также нарушений взаимодействия между городом и деревней

значительная часть предприятий работала не на полную мощность или была остановлена. Промышленное производство в России в 1920 году сократилось по сравнению с 1913 годом в 7 раз [7]. В Пензенской губернии национализация развернулась уже весной 1918 года: в марте государству отошли механический завод, кирпичный завод и маслобойня; в 1919 году – стекольный завод, писчебумажная и спичечная фабрики. В Саратовской губернии в мае-июне 1918 года были национализированы предприятия сахарной и нефтяной промышленности [8]. В Симбирской губернии в августе 1918 года национализировали Игнатовскую суконную фабрику [9]. В Нижегородской губернии в июне 1918 года в государственную собственность перешли Молитовская текстильная фабрика и Выксунские заводы, позднее – Сормовский завод и другие предприятия [10]. Военные действия в Самарской, Астраханской и Симбирской губерниях приостановили национализацию, но уже 6 февраля 1919 года ВСНХ объявил суконные фабрики Симбирской губернии национализированной собственностью; ранее здесь были взяты государством Симбирский патронный завод, Сенгелеевский цементный завод и ряд других. В Самарской губернии на начало 1919 года губсовнархоз контролировал восемь металлообрабатывающих, шесть лесопильных заводов, восемь паровых мельниц, четыре винокуренных завода, семь типографий, швейные мастерские и прочие предприятия. Обрабатывающая промышленность переориентировалась на военные нужды; текстильные и кожевенные предприятия шили обмундирование и амуницию. Нехватка сырья заставляла прибегать к перелицовке старого платья и реконструкции амуниции; примером служит салотопное производство при саратовских бойнях, работавшее исключительно на армию [11].

На предприятиях, не связанных с военными заказами, остро не хватало квалифицированных рабочих, сырья и топлива, что вело к простоям. В Пензенской губернии большинство крупных производств фактически не функционировало: выпуск спичечных фабрик в 1920 году составил лишь 10,7% от уровня 1913 года, а в 1921 году – 4,4%. Промышленность региона оказалась почти парализованной [12]. В Саратовской губернии из 614 числившихся мельниц к концу 1919 года действовало только 29, из 46 маслобойных заводов – 11; в 1921 году из 35 крупных маслозаводов работали лишь 4, из 41 сельскохозяйственного винокуренного завода – 11; губернские поташные заводы в количестве 50 единиц представляли собой руины [13]. В Нижегородской губернии число цензовых промышленных предприятий сократилось с 410 в 1913 году до 304 в

1920 году. Если до войны Сормовский завод выпускал в среднем 15 паровозов ежемесячно, то в 1920 году было произведено всего три паровоза [14].

Экономика Советской России оказалась в глубоком кризисе. Массовая мобилизация мужского населения вызвала спад промышленности на местах. Постоянные перемещения фронта перекрыли доступ к углю, нефти, продовольствию и промышленному сырью, разрушили межрегиональные хозяйственные связи. Сельскохозяйственное производство упало почти вдвое, промышленное – в 5,5 раза, объем грузоперевозок – в 5 раз. Душевое потребление хлеба сократилось в городах с 14 до 8 пудов за год, в деревне – с 15 до 12 пудов. Повсеместный голод и нищета привели к эпидемиям. Наиболее разрушительным последствием разрыва экономических связей стало положение крупной промышленности: к 1920 году ее выпуск снизился до 1/7 от довоенного уровня. Неурожаи 1920 и 1921 годов еще более обострили кризис. В январе 1921 года делегаты VIII Самарской губернской конференции РКП(б) констатировали, что производительность труда упала до 45% по сравнению с довоенным периодом. Причинами стали дефицит сырья и топлива, простои оборудования, обновление рабочего состава и ухудшение продовольственного обеспечения [15].

Таким образом, промышленный потенциал Поволжья в 1914–1921 годах прошел через череду тяжелых трансформаций: от аграрно-сырьевой специализации и эвакуационного притока предприятий в годы Первой мировой войны к милитаризации производства, национализации и глубокому системному кризису эпохи Гражданской войны. Несмотря на резкое падение выпуска, разрушение хозяйственных связей и утрату значительной части кадрового потенциала, именно накопленная ранее промышленная база, эвакуированные мощности и национализированные активы стали материальной основой для последующего восстановления и развертывания советской индустриализации. Поволжье, утратив в годы кризиса прежние позиции, сохранило роль одного из ключевых промышленных центров европейской части России, что особенно отчетливо проявилось уже в период первых пятилеток.

Список литературы

1. Статистический ежегодник РСФСР за 1918–1920 гг. – Москва : Типография ЦСУ, 1921. – С. 24–33.

2. Чолахян, В. А. Особенности демографического перехода в Нижнем Поволжье в 1920–1930-е гг / В. А. Чолахян // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2016. – Т. 16, № 2. – С. 225–230.

3. Прокофьева, Е. А. Национально-государственное строительство в Поволжье в 20-е годы XX века (политико-правовой аспект) / Е. А. Прокофьева, Т. А. Левченкова, М. М. Симонова // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42). – С. 59–65.

4. Железнякова, Т. Б. Правовое регулирование развития промышленности Нижнего Поволжья в период НЭПа / Т. Б. Железнякова // Гуманитарные исследования. – 2005. – № 4. – С. 90.

5. Камардин, И. Н. Рабочие Поволжья в эпоху социальных трансформаций (1918–1929): быт, труд и конфликты / И. Н. Камардин. – Пенза, 2026. – С. 9.

6. Камардин, И. Н. Трудовые конфликты в Среднем Поволжье, 1918–1929 гг. (по материалам Пензенской, Самарской и Симбирской (Ульяновской) губерний) : дис. … канд. ист. наук / И. Н. Камардин. – Пенза, 2001. – С. 32.

7. Доклад Самарского губисполкома IX созыва о политическом и экономическом состоянии и о проделанной работе за год к X губернскому съезду Советов. – Самара, 1922. – С. 121.

8. Смирнов, С. В. Динамика промышленного производства и экономический цикл в СССР и России, 1861–2012 / С. В. Смирнов. – Москва, 2012. – С. 20.

9. Саратовская область за 50 лет. – Саратов : Приволжское книжное издательство, 1967. – С. 20.

10. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 103. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.

11. Медведев, А. В. Репрессии и амнистии советского государства в Нижегородской губернии в годы Гражданской войны (1918–1920) / А. В. Медведев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 4. – С. 39.

12. Известия Саратовского губпродкома. – 1918. – №17. – С. 12.

13. Пензенская область за 40 лет Советской власти. – Пенза, 1957. – С. 66.

14. Саратовская область за 50 лет. – Саратов : Приволж. кн. изд., 1967. – С. 22.

15. История Нижегородского Поволжья XII-XX вв. – Нижний Новгород, 2006. – С. 119.

16. СССР в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) : исторические очерки / под ред. А. П. Кучкина [и др.]. – Москва : Госполитиздат, 1955. – С. 29.

Карпова Ольга Владимировна
старший преподаватель
Муравьева Ирина Владимировна
канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВКЛАД КУЗНЕЦОВА И.Д. В ИЗУЧЕНИЕ ЧУВАШСКОЙ ДЕРЕВНИ 1930-х гг.

Аннотация: *проблема социально-культурного развития чувашского крестьянства стояла остро в период проведения политики коллективизации. Изучение процесса ее реализации и первых результатов стало задачей экспедиции правительственной комиссии во главе с Кузнецовым И.Д. Методы социологического исследования позволили оценить достигнутый уровень социально-культурного развития чувашского крестьянства к 1933 г. и сравнить положение колхозников и единоличников.*

Ключевые слова: *чувашское крестьянство, социально-культурное развитие, экспедиция, Чувашский научно-исследовательским институт социально-культурного строительства, исследование, быт, фольклор, санитарные условия, коллективизация.*

Весомый вклад в развитие и становление исторической науки чувашского народа был внесён учёным, общественным деятелем, публицистом Кузнецовым И.Д. Результатом его разноплановой деятельности является целый ряд работ, посвящённых изучению истории чувашского народа, и крестьянства в частности, изданных как на русском, так и на чувашском языке [1–4].

Кузнецову И.Д. удалось достичь значительных результатов благодаря совмещению партийной и научной деятельности. Безусловно новаторским является уникальный опыт первого социологического исследования чувашского крестьянства, предпринятый Кузнецовым И.Д. в 1933 г. По решению Областного комитета ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров Чувашской АССР от 14 ноября 1933 г. Чувашским научно-исследовательским институтом социально-культурного строительства (ЧНИИСКС) (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук) была проведена экспедиция, целью которой стало изучение социально-культурного и бытового состояния деревень Чувашии по итогам первых

лет проведения коллективизации на основе анализа 21 деревни различных районов Чувашии. Для руководства данной работой была создана правительственная комиссия во главе с Кузнецовым И.Д.

Для проведения исследования было разработано три маршрута. Первый из них прошёл через Алатырский (Кладбищи), Порецкий (Сыреси), Вурнарский (Ходары), Аликовский (Васькино), Цивильский (Именево) районы. Руководителем данного маршрута был директор Чувашского научно-исследовательского института Кутяшов С.С. [1, с. 4].

Второй маршрут включал хозяйства Чебоксарского (Ишаки), Татаркасинского (ныне часть Ядринского района) (Мало-Карачкино), Ядринского (Сареево), Красночетайского (Черепаново), Урмарского (Ново-Исаково), Козловского (Дятлино), Мариинско-Посадского (Шоршелы) районов. Данную экспедицию возглавлял народный комиссар просвещения Чувашской АССР Чернов Е.С. [1, с. 4].

Третий маршрут под руководством заведующего отделом культуры и пропаганды Чувашского обкома ВКП(б), секретаря истории ЧНИИСКС Кузнецова И.Д. проходил через Канашский (Табурданово), Яльчикский (Новое Байдеряково), Шихирдановский (ныне Яльчикский) (Ишмурзино-Суринск), Батыревский (Сугуты), Шемуршинский (Трёхбалтаево), Ибресинский (Тойси-Паразуси) районы [1, с. 4].

Экспедиция проводилась в достаточно сжатые сроки, с 15 ноября по 20 декабря 1933 г. Всего было охвачено 18 чувашских и по одной русской, татарской и мордовской деревне, общая численность населения которых составила 23 032 человека. Из исследованных 4885 хозяйств колхозных было 2785 [1, с. 5].

В масштабной работе по исследованию уровня социально-культурного развития чувашских деревень участвовали рабочие группы маршрутов (20–25 человек). Кузнецов И.Д. предпринял инновационный подход к работе по изучению изменений уклада жизни чувашского крестьянства в условиях проведения коллективизации. Наряду с партийными и научными работниками были привлечены представители самых разных сфер деятельности: писатели, композиторы, художники, по одному инструктору по учёту и статистике, агрономы, типографские работники, а на третьем маршруте был даже кинооператор. Кроме того, к проведению подворного анкетирования активно привлекались местные учителя, работники культуры, учащиеся последних курсов Школы крестьянской молодёжи, техникумов.

В ходе данной экспедиции, кроме общенаучных методов исследования, были применены такие методы социологического исследования, как опрос, анкетирование, наблюдение. Некоторые

проблемы возникали в процессе анкетирования, который требовал кропотливости и точности в разъяснении вопросов и фиксации ответов. Даже проведение инструктажа не позволило избежать некоторых искажений и ошибок в заполнении анкет.

В первую очередь экспедиция исследовала устройство быта крестьян, сравнивая показатели колхозного крестьянства и единоличников. Комиссия выявила рост строительства таких общественных объектов, как клубы, детские ясли, конюшни, сараи для техники. Кроме того, был отмечен значительный рост жилого строительства среди колхозников: так, на 2782 двора колхозников за 1932–1933 гг. было построено 404 избы (14,5% дворов), в то время как в 2071 хозяйстве единоличников было построено 218 изб (10% дворов) [1, с. 13].

Серьёзной проблемой чувашского крестьянства рассматриваемого периода стала массовая заболеваемость трахомой. По результатам исследования чувашских деревень заболеваемость начала снижаться: к примеру, в д. Сареево Ядринского района количество больных с 40% в 1930 г. сократилось до 3,5% в 1933 г. благодаря усиленной работе участковых и районных врачей, разъяснительной работе по соблюдению санитарных норм в быту и на работе [1, с. 13]. Количество больных трахомой в чувашских деревнях было выше, чем в русской и мордовской, что объяснялось бытовыми пережитками, замедляющими переход на новый уклад жизни. Так, одним из способов передачи трахомной болезни было общее полотенце на всех членов семьи. В 1933 г. результаты опроса 4489 семей показали, что 55% колхозных семей и 51% единоличных пользовались личными полотенцами [1, с. 40]. Исследование показало, что процент семей, в которых пользовались личными полотенцами, был выше в чувашских деревнях (66%), в которых уже были проведены противотрахомные разъяснительные мероприятия, нежели в русской, где заболеваемость трахомой изначально была ниже (10%) [1, с. 41]. В итоге данные об уровне заболеваемости трахомой в исследуемых деревнях позволили определить, насколько достаточны и эффективны предпринимаемые меры по борьбе с болезнью для её полного искоренения.

Экспедиции удалось провести анализ уровня бытовой культуры в исследуемых деревнях и сравнить его показатели в колхозных и единоличных хозяйствах. В частности, было выявлено, что уже 84% семейств пользовалось мылом ежедневно, что колхозники покупали мыло в 2 раза больше, чем единоличники, а также в 3 раза больше пользовались туалетным мылом. Результаты анкетирования показали, что в 22% семей чистили зубы, из них в 2 раза больше семей

колхозников, что на 100 человек, чистящих зубы, приходилось 75 щёток, что одеколон переставал быть предметом роскоши и около 4% семейств пользовались одеколоном, причём колхозники – в 4 раза больше [1, с. 45]. Всё это свидетельствовало о переходе чувашского крестьянства на более высокий уровень бытовой культуры.

В ходе исследования был изучен и вопрос развития и востребованности парикмахерских услуг в чувашских деревнях. Было выявлено, что из 2000 бреющихся крестьян около 2,6% пользовалось услугами городских парикмахерских, таким образом, основная масса крестьян брилась в домашних условиях, причём только 55,7% имели свою бритву (колхозников – 57,8%). Таким образом, остро стоял вопрос соблюдения личной гигиены. Значимым элементом бытовой культуры являлась баня. По результатам опроса населения всех исследуемых деревень 98% семейств моется в бане, из них 46% – в своей, 2,3% – в артельной, 51% – у соседей или родственников [1, с. 56].

Один из блоков вопросов исследования касался внутреннего обустройства жилья. К примеру, было выявлено, что в крестьянских домах были зеркала, занавески, комнатные цветы, плакаты и фотопортреты, причём у колхозников их было в 3–4 раза больше, чем в единоличных хозяйствах. Стали доступны такие товары народного потребления, как фотоаппарат, швейная машинка, часы, велосипеды, мясорубки и др.

Экспедиция выполняла не только научно-исследовательскую задачу, но и культурно-просветительскую, пропагандистскую, ревизионную. Комиссии проводили собрания с колхозниками и единоличниками по вопросам повышения эффективности проведения сельскохозяйственных работ, вечера самодеятельности, показы кинофильмов, доклады о политике партии, внешней политике, амбулаторные приёмы. Экспедиционная комиссия выпустила 50 номеров газеты-многотиражки под названием «По-сталински сделать колхозников зажиточными и культурными!» [1, с. 8]. Собранные фольклорные произведения легли в основу нового репертуара Чувашского государственного хора, вошли в «Сборник чувашских народных песен». На основе киноматериалов группы третьего маршрута под руководством Кузнецова И.Д. был снят киножурнал «Красная Чувашия».

Экспедиция позволила выявить существенную разницу уклада жизни и быта колхозников и единоличников вследствие «недостаточной борьбы с кулацко-поповским и сектантским влиянием» [1, с. 9]. В результате исследования был собран уникальный

материал по вопросам социально-экономического положения крестьянства в дореволюционный период и на этапе становления советского государства, необходимый для проведения дальнейшей эффективной политики по разрешению культурно-бытовых запросов чувашского крестьянства.

Список литературы

1. Кутяшов, С. Чувашская колхозная деревня на пути культурного подъема: очерки по материалам культурной экспедиции 1933 г / С. Кутяшов, И. Кузнецов ; Чувашский научно-исследовательский институт социально-культурного строительства. – Чебоксары : Чувашское государственное издательство, 1934. – 64 с.

2. Крестьянское движение среди чуваш, мари и удмуртов во время революции 1905–1907 гг. /сост. по архив. документам И. Д. Кузнецов ; Чувашский НИИ соц. культ. стр-ва. Ист. секция. – Алатырь : Чувашгосиздат, 1935. – 46 с.

3. Кузнецов, И. Д. Чăваш халăх историйĕ çинчен / И. Д. Кузнецов. – Шупашкар, 1962. – 443 с.

4. Кузнецов, И. Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма : докл. по монографии на соискание учен. степени д-ра ист. наук / И. Д. Кузнецов. – Пермь, 1965. – 37 с.

Каталов Иван Андреевич
магистр, ассистент кафедры
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В ЧУВАШИИ ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ (1985–1991 гг.)

Аннотация: *в статье представлен общий анализ государственной молодежной политики в отношении неформальных объединений Чувашии периода перестройки (1985–1991 гг.). Исследование опирается на материалы Государственного архива современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР): фонды Чувашского республиканского комитета ЛКСМ РСФСР и Городского добровольного общества «Фонд молодежной инициативы» г. Чебоксары.*

Ключевые слова: *молодежная политика, неформалы, неформальные объединения, перестройка, Чувашия, Чувашская АССР, ГИА ЧР.*

В марте 1985 г. на пост Генерального секретаря ЦК КПСС был избран М. С. Горбачев. Реализуемый под его руководством политический

курс, получивший в отечественной историографии наименование «перестройка» (1985–1991 гг.), сопровождался масштабными трансформациями в общественно-политической, социально-экономической и культурной сферах советского общества. Основополагающими принципами реализуемых реформ выступали гласность и демократизация, задавшие вектор общественных изменений [15, с. 3]. Однако конечные результаты перестройки до сих пор вызывают споры в отечественной академической среде, что подчеркивает противоречивый характер изучаемого этапа отечественной истории.

Примечательно, что молодежь выступила одним из ключевых акторов внутриполитических процессов в Советском Союзе второй половины 1980-х – начала 1990-х гг., демонстрируя устойчивый рост политической активности. Неформальные объединения появлялись как один из способов молодежного самовыражения, отражая трансформацию ценностных установок и поиск новых каналов социальной самоорганизации. При этом государственные структуры предпринимали попытки адаптироваться к меняющимся общественно-социальным условиям, вырабатывая новые подходы к регулированию молодежной активности.

В отечественной историографии сформирован значительный корпус исследовательских работ, освещающих выстраивание диалога между государством и неформальными молодежными группами на общесоюзном уровне во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. Вместе с тем региональный аспект проблематики зачастую остается вне фокуса научного внимания, что препятствует формированию целостной картины взаимодействия власти и молодежных инициатив в условиях трансформации советского общества.

Не является исключением и Чувашия – регион, который в советский период продолжал сохранять свою этнокультурную специфику. Преследуя цель заполнить имеющуюся исследовательскую лакуну, в настоящей работе будет предпринята попытка исследовать основные аспекты реализации государственной молодежной политики на территории республики в отношении неформальных объединений в 1985–1991 гг.

Перед тем как перейти к разбору исследуемых событий и явлений непосредственно на территории Чувашии представляется необходимым вначале дать общее описание процессов, повлиявших на трансформацию ценностей советской молодежи в годы перестройки. Эти изменения носили комплексный характер и были тесно связаны с процессами либерализации и демократизации черт советского общества. Как отмечает в своем труде В. Н. Дмитриевский, в изучаемый

период «открылись шлюзы изъятой в советские годы отечественной, зарубежной, эмигрантской литературы – беллетристической, научно-исследовательской, эпистолярной и проч. В кинематограф и театр возвращались запрещенные «полочные» фильмы и снятые спектакли» [10, с. 567]. Кроме того, реформы затронули средства массовой информации (СМИ), в результате чего, согласно выводам Г. Б. Гавриша «фактически была отменена цензура, а затем принят закон о СМИ, закрепивший свободу печати» [3, с. 167]. В результате советской молодежи стал доступен широкий спектр ранее ограниченной информации, что существенно повлияло на формирование ее ценностных ориентиров.

Происходившие в стране изменения прямо повлияли на доверие молодежи к институциональным структурам государства. Так, ряд исследователей в своих работах отмечают, что в годы перестройки наблюдалось падение престижа Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи (ВЛКСМ) – ключевого института социализации советской молодежи и основного проводника партийной политики в молодежной среде. На это указывают в своих исследованиях О. А. Моисеенко и Н. С. Чепенко [16, с. 1092], И. М. Ильинский [11, с. 330], а также И. А. Медведев [16, с. 9]. Снижение авторитета комсомола свидетельствовало о кризисе традиционных каналов политического и социального воспитания молодежи, что способствовало росту альтернативных, в том числе неформальных, объединений молодежной самоорганизации.

Молодежная ситуация в Чувашской АССР позднесоветского периода развивалась в русле общесоюзных тенденций. Так, В. И. Соколова в своем автореферате отмечает, что в Чувашии «с середины 1980-х гг. началось организационное оформление неформальных молодежных объединений различного направления, в том числе антисоветских организаций молодежи» [18, с. 22]. О. В. Андреев акцентирует внимание на проблеме формализации региональных комсомольских органов, приведшей к «отчуждению от участия в общественно-политической жизни части молодых рабочих» [1, с. 18]. Сочетание нараставшего недовольства молодежи официальными институтами в совокупности с ослаблением контрольных механизмов обусловило активное появление в республике неформальных объединений, различавшихся по своим целям, программам и формам деятельности: от культурно-досуговых и просветительских сообществ до групп с выраженной общественно-политической повесткой.

Примечательно, что республиканские партийные и комсомольские структуры старались выстроить работающий канал коммуникации для взаимодействия с новыми молодежными начинаниями. Так, для поддержания коммерческих устремлений юношей и девушек республики в 1987 г. при Ленинском районном комитете (РК) ВЛКСМ в г. Чебоксары был создан «Фонд молодежных инициатив» (ФМИ) [14, с. 7]. Помимо коммерческой составляющей, Фонд смог объединить под своим началом такие молодежные сообщества, как клуб любителей фантастики «Галакты» [9, Л. 1] и клуб любителей китайской гимнастики «У-шу» [8, Л. 46].

Институционализация неформальных практик прослеживалась и на локальном уровне. Так, в комсомольской организации совхоза «Память Ульянова» Цивильского района и в с. Батырево работали клубы молодой семьи [4, Л. 12], ориентированные на решение бытовых и социально-психологических вопросов, актуальных для молодых супругов.

Отдельного внимания заслуживает деятельность республиканских молодежных клубов, становившихся значимыми площадками общественной самоорганизации молодежи. При Канашском горкоме комсомола активную деятельность вели клубы «Азамат» и «Саваяры» [4, Л. 12]. Новочебоксарский клуб «Руслан» [4, Л. 12] и шумерлинский «Юный десантник» [7, Л. 4] объединяли патриотически ориентированную молодежь, где юноши и девушки укрепляли физическое здоровье и изучали армейские дисциплины. В Аликовском районе благодаря стараниям комсомольцев колхоза «Авангард», совхоза «Выла», а также Ефремкасинской и Карачуринской средних школ была заложена материальная база для работы двух подростковых клубов, ставших важными центрами досуга для местной молодежи [5, Л. 19].

В 1988 г. по инициативе Чувашского областного комитета (ОК) ВЛКСМ на базе Домов молодежи при Чебоксарском, Канашском, Шумерлинском и Новочебоксарском горкомах комсомола, а также в Козловском, Урмарском и Моргаушском районах были созданы центры молодежи. Они охватывали широкий спектр направлений деятельности: работали любительские объединения рыболовов, охотников, фотолюбителей; проводились дискотеки, массовые мероприятия, велась работа по распространению музыкальных записей, развивались спортивные инициативы [4, Л. 12].

Кроме того, Чувашский ОК ВЛКСМ уделял значительное внимание созданию материально-технической и культурной базы в регионе. На их основе формировались молодежные музыкальные

группы, в том числе рок-коллективы [12, с. 241]. Именно рокерская субкультура стала одной из наиболее заметных нонконформистских неформальных течений в регионе. По мере продвижения перестроечных процессов увеличивалось и количество рок-групп в республике. Региональные партийные и комсомольские структуры старались контролировать данное молодежное течение. С этой целью в июле 1987 г. в г. Чебоксары был создан рок-клуб, размещавшийся на территории ДК кирпичного завода [4, Л. 2]. Еще одним центром объединения любителей рок-музыки в Чебоксарах стала «Рок-лаборатория», базировавшаяся на территории ДК «Салют» [13, с. 111].

Концептуализируя изложенный материал, необходимо отметить, что в годы перестройки на территории Чувашии у молодежи был широкий спектр возможностей для самовыражения, при этом партийные и комсомольские органы оказывали содействие в их реализации.

Вместе с тем властные структуры стремились сохранить контроль над неформальными объединениями, особенно над нонконформистскими. Так, лекторы Чувашского обкома комсомола располагали специальными методическими рекомендациями «Рок вчера и сегодня» [6] по истории становления и развития мировой рок-культуры, в содержании которых прослеживается определенная политизированность материала. Однако, как показала практика, сохранить контроль над неформальными молодежными объединениями у властных структур не получилось. По мере углубления кризисных явлений, связанных с политикой перестройки, молодежь становилась более самостоятельной в выборе форм общественной активности, все чаще действуя вне рамок директивных установок официальных структур. При этом региональные органы власти либо не хотели признавать очевидных кризисных явлений, связанных с реализацией молодежной политики, либо не стремились их замечать. Так, в информационной справке, составленной в январе 1988 г., указывается, что «среди молодежи появилась тенденция снижения интереса к рок-музыке» [4, Л. 1], однако результаты исследований, связанных с изучением рок-культуры в Чувашии, показывают, что в это время интерес к данной субкультуре не снижался, а, напротив, увеличивался.

В молодежной среде республики политическая активность периода перестройки проявлялась в либерально-демократическом и национально-культурном направлениях. Так, И. И. Бойко отмечает, что с 1987 г. в трудовых коллективах чебоксарских предприятий возникли политклубы («Парижская коммуна», «Гласность», «Демократия», «Левый поворот»), объединившиеся в 1988 г. в городской клуб

«Перестройка», а во второй половине 1989 г. их инициатива реализовалась в Союзе избирателей «Альтернатива», обеспечившем альтернативное выдвижение кандидатов на выборах 1990 г [2 с. 47–48].

Параллельно в республике оформлялся национально-культурный вектор молодежной самоорганизации: его институциональным выражением стало создание в 1988 г. Координационного центра творческой молодежи при Чувашском обкоме комсомола под руководством А. П. Хузангая, целью которого, по мнению И. И. Бойко, стала «идея государственного суверенитета, который и смог бы обеспечить национальное возрождение» [2, с. 55].

В дальнейшем общественно-политическая ситуация в регионе стремительно осложнялась. На фоне углублявшегося общесоюзного экономического кризиса возрастала численность молодых участников национальных объединений, диалог с которыми партийные и комсомольские структуры уже не могли выстроить на эффективной основе. В результате накопившиеся противоречия лишь усиливались, что вело к нарастанию социально-политической напряженности в регионе.

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что молодежная обстановка периода перестройки, связанная с неформальными объединениями Чувашии, сочетала в себе как общесоюзные тенденции, так и этнокультурную специфику региона. В рассматриваемый временной период перед юношами и девушками Чувашии открылись новые возможности для самореализации, в том числе и в структуре неформальных коллективов – от культурно-досуговых и музыкальных сообществ до политизированных и этнокультурных объединений. Примечательно, что партийные и комсомольские органы оказывали помощь в реализации новых устремлений молодежи, стараясь создать для них институционализированные площадки. Однако нарастание кризисных явлений, приведших к снижению авторитета комсомола, обусловило рост самостоятельности молодежи и процесс поиска ею альтернативных форм самоорганизации, что в итоге способствовало усилению общественной социально-политической напряженности.

Список литературы

1. Андреев, О. В. Общественно-политическая деятельность рабочей молодежи в 1970-е – первой половине 1980-х годов (по материалам Чувашской АССР) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореф. дис. … канд. ист. наук / О. В. Андреев. – Чебоксары, 2005. – 22 с.

2. Бойко, И. И. Чувашская областная (республиканская) организация КПСС (КП РСФСР) в условиях политического противостояния: опыт и уроки 1985–1991 годов / И. И. Бойко // Чувашский гуманитарный вестник. – 2007. – № 1. – С. 45–60.

3. Гавриш, Г. Б. Либерализация сферы культуры как фактор политического процесса в 1985–1989 гг / Г. Б. Гавриш // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2011. – № 1 (62). – С. 158–170.

4. ГАСИ ЧР. Ф, 6. Оп.1 Д. 12.

5. ГАСИ ЧР. Ф, 6. Оп. 1. Д. 20.

6. ГАСИ ЧР. Ф, 6. Оп.1 Д. 48.

7. ГАСИ ЧР. Ф, 6. Оп.1 Д. 78.

8. ГАСИ ЧР. Ф, 2703. Оп. 1. Д. 3.

9. ГАСИ ЧР. Ф, 2703. Оп. 1. Д. 16.

10. Дмитриевский, В. Н. Эпоха перестройки: формирование новых культурных парадигм / В. Н. Дмитриевский // Художественная культура. – 2019. – № 4 (31). – С. 564–579.

11. Ильинский, И. М. Государственная молодежная политика в СССР / И. М. Ильинский. – Москва : Московский гуманитарный университет, 2017. – 432 с.

12. Каталов, И. А. Влияние западной культуры на становление рок-движения в Чувашии во второй половине 1960–1980-х гг / И. А. Каталов, Н. Н. Агеева // Научный БУМ : сборник по итогам Форума СНО образовательных организаций Чувашской Республики (Чебоксары, 13–25 ноября 2023 г.). – Чебоксары : Среда, 2023. – С. 240–244.

13. Каталов, И. А. История появления и развития рок-музыки в Чувашии / И. А. Каталов // Наука. Наставничество. Развитие : сборник материалов Международной 57-й научной студенческой конференции (Чебоксары, 3–8 апреля 2023 г.). – Чебоксары : Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2023. – С. 108–112.

14. Каталов, И. А. Фонд молодежной инициативы при Ленинском районном комитете ВЛКСМ г. Чебоксары как локальный механизм молодежной политики в СССР: история становления, структура и практики деятельности / И. А. Каталов // Исторический поиск. – 2025. – Т. 6, № 4. – С. 5–13.

15. Лимонова, М. А. Студенческая молодежь Российской Федерации в эпоху системных реформ (1985–2003 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореф. дис. … д-ра ист. наук / М. А. Лимонова. – Москва, 2007. – 32 с.

16. Медведев, И. А. Молодежная политика в СССР: достижения и просчеты (социально-философский анализ) / И. А. Медведев / / И. А. Медведев. – URL: https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/617.html (дата обращения: 18.09.2026). – Текст : электронный.

17. Моисеенко, О. А. Особенности формирования идентичности молодежи СССР второй половины 1980-х годов: соотношение «советского» и субкультур / О. А. Моисеенко, Н. С. Чипенко // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2025. – Т. 15, № 6 (123). – С. 1086–1094.

18. Соколова, В. И. Молодежь Чувашии в 1917–1985 годы (исторический опыт реализации советской молодежной политики) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореф. дис. … д-ра ист. наук / В. И. Соколова. – Москва, 2010. – 44 с.

Ласточкин Вячеслав Борисович
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

КРЕСТЬЯНСТВО ЧУВАШИИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Аннотация: *в статье рассматривается социальное положение крестьянства его выбор политической позиции в условиях гражданской войны на примере чувашских уездов Казанской и Симбирской губерний. Применены историко-генетический, сравнительно-исторический методы исследования. Показано обострение социальных бедствий крестьянства, его бесправие, неспособность царского и временного правительств и их представителей в Чувашии привели к массовой поддержке средним, бедным крестьянством, к победе в гражданской войне, в обретении чувашским народом своей национальной государственности.*

Ключевые слова: *крестьянство, Чувашия, гражданская война, партия большевиков, Красная Армия, Чувашская автономная область, Чапаев.*

Россия, вступившая после отмены крепостного права в полосу ускоренного капиталистического развития, до момента Октябрьской революции оставалась преимущественно крестьянской страной с помещичьими и удельными латифундиями и другими пережитками феодализма. По оценке В.И. Ленина, развитие капитализма в аграрном секторе одновременно и ускорило развитие в нем производительных сил, и обострение социальных противоречий: «Капитализм в громадной степени расширяет и обостряет среди земледельческого населения те противоречия, без которых вообще не может существовать этот способ производства» [6, с. 310]. Особенно ярко эти противоречия проявились в национальных регионах России, таких, как Чувашия, в которой в начале XX века крестьянство составляло 96% населения.

Еще более обострились социальные противоречия в России в итоге столыпинской аграрной реформы, проведенной в интересах помещиков-латифундистов. Ленин подчеркивал; «столыпинская реформа не может устранить ни кабалы и отработок массы крестьян, ни их голодовок» [5, с. 19], «перед нами старый кризис

крепостнического в целом ряде пережитков хозяйства, старый кризис обнищавшего мелкого земледелия, закабаленного латифундиями» [5, с. 20]. Крах аграрного мегапроекта Столыпина еще до его гибели, особенно наглядно проявился во время неурожая 1911 г. и последующего массового голода. Ленин убедительно доказал: «Охвативший чуть не половину России голод и неурожай самым наглядным и неотразимым образом свидетельствует, сколько заведомой лжи или ребяческого непонимания скрывалось в надеждах на столыпинскую аграрную политику [3, с. 117].

Как обстояло дело в Чувашии? По данным видного исследователя аграрной истории республики В.Л. Кузьмина, 16,2% крестьянских дворов четырех уездов Казанской губернии (Чебоксарского, Цивильского, Ядринского, Козьмодемьянского) в 1906 г. были безземельными или имели не более двух десятин земли, самую большую группу (74,8%) составляли дворы, владевшие наделами от 2 до 3,5 десятин. Безлошадные и однолошадные крестьянские хозяйства составляли 63,2% их общего количества. Урожайность ржи составляла в разные годы 6–8 ц. с га. Малоземелье с чересполосицей, низкий уровень агротехники, отсутствие кормов негативно сказывалось и на животноводстве [2, с. 27, 29].

Другой исследователь, В.Н. Любимов, охарактеризовал пагубные последствия столыпинской аграрной политики для чувашского крестьянства, количество скота у которого за 1906–1913 гг. сократилось на 14,6%, а количество безлошадных и бескоровных хозяйств за тот же период почти утроилось – возросло с 9,4 до 24%» [9, с. 51].

Усилению революционных настроений способствовали трагические события весны 1912 г. – «Ленский расстрел» крестьян-отходников на принадлежавших иностранным концессионерам и банкирам сибирских золотых приисках. Среди убитых и раненых были представители Чувашии С.Н. Казаков, А.В. и М.А. Сисилины и другие рабочие отходники из крестьян [10, с. 45].

Еще больше усилились бедствия, а с ними и антиправительственные настроения чувашского крестьянства с началом Первой мировой войны. К 1916 г. после принудительных мобилизаций населения в Казанской губернии сократилось на 9% посевная площадь – более чем на 20% поголовья скота (особенно лошадей) – 24%. Были введены особый военный налог и намного увеличены другие налоги и сборы [2, с. 51–52].

Временное правительство, в третьем и четвертом составах которого ведущая роль принадлежала эсерам во главе

с А.Ф. Керенским, на самом деле злостно обмануло крестьян. Так, в августе 1917 г. оно отказалось от декларированной им «хлебной монополии» и удвоило «твердые» закупочные цены на хлеб. Теперь ждать земли, хлеба и мира можно было только от большевиков.

Этим объясняется поддержка крестьянством вместе с рабочими и солдатами Октябрьской революции и Советской власти. С.П. Трапезников утверждал: «Декрет о земле и Закон о социализации земли имели огромное революционизирующее значение. В качестве основы для разрешения аграрного вопроса в России они послужили надежным средством для привлечения многомиллионных масс крестьянства на сторону социалистической революции» [13, с. 353]. В.И. Ленин подчеркивал: «Мы победили в России потому, что на нашей стороне было не только бесспорное большинство рабочего класса, но и потому, что половина армии, непосредственно после захвата нами власти, и 9/10 крестьянской массы в течение нескольких недель перешли на нашу сторону» [7, с. 30].

Октябрьская революция передала крестьянам России более 150 млн. десятин земли указанных категорий [2, с. 171].

С началом гражданской войны трудовое крестьянство, составлявшее большинство населения России, с оружием в руках поддержало Советскую власть, добровольно вступая в Красную гвардию, а с февраля 1918 г. – в Красную Армию, совершая подвиги на всех фронтах.

Летом 1918 г. была успешно проведена первая мобилизация в Красную Армию, многие участники которой уходили на фронт добровольно, в основном в действующие части Восточного фронта. В октябре 1918 г. около трети красноармейцев Пятой Армии Восточного фронта составляли чуваши, в большинстве крестьяне [12, с. 79]. К этому времени части Красной Армии на Восточном фронте добились первых ощутимых побед – освободили от врагов Казань, Симбирск. «Мы одержали победы громадные» [8, с. 51], – откликнулся на эти успехи В.И. Ленин.

Крестьяне Чувашии существенно помогали Советской республике не только мобилизацией людских ресурсов в Красную Армию, но еще и поставкой сражающимся войскам продовольствия. Только в Акулевской волости Чебоксарского уезда было собрано 1819 пудов зерна, в т. ч. 1694 пудов ржи [12, с. 123].

Важнейшей политическое значение имел VIII съезд РКП(б), состоявшийся 18 – 23 марта 1919 г. и не только принявшей вторую Программу партии – Программу строительства социализма в нашей

стране, но и дополнившей, конкретизировавшей его резолюциями о военном строительстве и аграрной политике – «По военному вопросу», «Об отношении к среднему крестьянству», «О политической пропаганде и культурно-просветительской работе в деревне». Все эти резолюции были теснейшим образом взаимосвязаны. Съезд партии провозгласил стратегический курс на союз с середняком: «Тактика советских работников в деревне, равно как и деятелей партии, должна быть рассчитана на дальнейший период сотрудничества с средним крестьянством. Вполне правильная политика Советской власти обеспечивает, таким образом, союз и соглашение победоносного пролетариата со средним крестьянством» [1, с. 109].

Учитывая исключительную политическую важность проблемы, В.И. Ленин счел необходимым выступить по ней с краткой публичной речью, записанной на граммофонную пластинку. Он сказал: «Крестьяне знают, что только в союзе с рабочими одолеют они помещика. Средний крестьянин – не враг, а друг рабочего, друг Советской власти. К среднему крестьянству сознательные рабочие и действительно советские люди должны относиться как к товарищу» [4, с. 25].

Общеизвестен вклад Ленинского комсомола в победу народной власти над объединенной внешней и внутренней контрреволюции. К октябрю 1920 г., времени III съезда РКСМ и I Чувашской областной комсомольской конференции, его численность в России достигла 400 тыс., в Чувашии – полутора тыс. юношей и девушек, в большинстве, естественно, крестьян. Уездные комитеты и волостные ячейки комсомола направили отряды добровольцев на фронт. В первых числах сентября 1920 г. в Чебоксарах прошел Международный праздник юношества «Неделя подготовки» с участием 3 – 4 тыс. человек. Прошел митинг, киносеанс на берегу Волги (кино было тогда большой редкостью), во время которого было собрано для Красной Армии более 4 тыс. р., а также массовый субботник по благоустройству года, для участников которого были устроены спектакль, спортивный вечер, бесплатное угощение [15, с. 536].

Из среды трудового крестьянства Чувашии выдвинулись Герои гражданской войны. Самый яркий и известный пример, конечно, – Василий Иванович Чапаев, 140-летие со дня рождения которого мы будем торжественно отмечать в следующем году.

Таким образом, чувашское крестьянство активно поддержало на полях сражений гражданской войны и в тылу Ленина и его партию, советскую власть. Важнейшим политическим итогом этого

исторического периода стала не только победа народной власти, которая дала возможность перейти к социалистической модернизации, но и национально-государственная консолидация чувашского народа, получившего автономию в виде автономной области, а с 1925 г. – АССР.

Список литературы

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 2: 1917–1922. – 9-е изд., доп. и испр. – Москва : Политиздат, 1983. – 640 с.

2. Кузьмин, В. Л. Крестьянское движение в Чувашии в период подготовки Октябрьской революции (март-октябрь 1917 г.) / В. Л. Кузьмин. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1957. – 184 с.

3. Ленин, В. И. Голод и черная Дума / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 21. – Москва : Политиздат, 1970. – С. 117–120.

4. Ленин, В. И. Последний клапан / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 22. – Москва : Политиздат, 1970. – С. 16–21.

5. Ленин, В. И. Развитие капитализма в России: процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 3. – Москва : Политиздат, 1970. – С. 1–609.

6. Ленин, В. И. III конгресс Коммунистического интернационала. Речь в защиту тактики Коммунистического интернационала 1 июля 1921 г / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 44. – Москва : Политиздат, 1970. – С. 23–34.

7. Ленин, В. И. Успехи и трудности Советской власти / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 38. – Москва : Политиздат, 1970. – С. 39–73.

8. Любимов, В. Н. II съезд РСДРП и деятельность большевиков Чувашии / В. Н. Любимов. – Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1963. – 108 с.

9. Любимов, В. Н. Чувашия в годы столыпинской аграрной политики / В. Н. Любимов. – Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1949. – 60 с.

10. Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1974. – 628 с.

11. Трапезников, С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос / С. П. Трапезников. – 3-е изд., доп. – Москва : Мысль, 1983. – 654 с.

12. Чувашия в годы гражданской войны. Образование Чувашской автономной области : сб. док. / сост. В. П. Климова, В. Л. Кузьмин, А. М. Мурышникова, И. П. Рукавишникова. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1960. – 78 с.

Матюшин Петр Николаевич
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

«О ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ И ЛОЖНЫХ ПРИЧИНАХ ЕДИНОЛИЧНОЙ ЖИЗНИ»: К ИТОГАМ КУЛЬТУРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ЧУВАШИИ В 1933 г.

Аннотация: *в статье представлен анализ данных социально-культурной экспедиции, проведенной в 1933 г. на территории Чувашской АССР, одним из организаторов которой стал Кузнецов И.Д. Рассмотрены основные итоги изучения вопроса о причинах невступления части крестьянства в колхозы на территории региона.*

Ключевые слова: *предвоенное колхозное строительство, единоличники, культурная экспедиция, Чувашская АССР, Кузнецов.*

В структуре регионального изучения создания и развития колхозного строительства, особое значение имеет анализ его предвоенного состояния. Наряду с процессами формирования материально-технической базы колхозов, для Чувашской АССР острым стоял вопрос трансформации индивидуального сознания крестьянства при переходе от индивидуального (единоличного) хозяйствования к коллективному. Этот аспект лег в основу проведения комплексного статистического-этнографического исследования жителей 21 населенного пункта Чувашской АССР, одним из идейных вдохновителей и активным участником которой стал Кузнецов И.Д., занимавший на тот момент должность заведующего агитационно-пропагандистским отделом Чувашского обкома ВКП(б).

По решению Чувашского Обкома ВКП(б) и СНК Чувашской АССР от 14 ноября 1933 г. Чувашским научно-исследовательским институтом социально-культурного строительства была проведена экспедиция по изучению социально-культурного и бытового состояния деревень. Перед экспедицией была поставлена конкретная задача: «в целях всестороннего, научно-практического изучения социально-культурного роста чувашской древни и выявления культурно-бытовых запросов колхозников и трудящихся единоличников, провести детальное обследования деревень» [3, с. 3]. Всего экспедицией было охвачен 21 населенный пункт с численностью населения в 19922 человека [4, с. 172]. Анкета, состоявшая из 150 вопросов, охватывала различные аспекты социально-экономического и культурного развития селян в Чувашской АССР.

Как отмечал сам И.Д. Кузнецов в пояснительной записке к итогам данной экспедиции «одним из серьезных вопросов, который был поставлен культурной экспедицией для изучения, являлся вопрос о причинах невступления части крестьян в колхоз» [2, л. 33]. По итогам опроса было получено 1793 ответа представителей единоличных хозяйств. Группировка основных вариантов ответа представлена в таблице 1.

Таблица 1

Результаты опроса единоличных хозяйств
о причинах невступления в колхоз
(по итогам культурной экспедиции 1933 г.)

Какие причины выдвинули единоличники	Сколько единоличников	В % к общему числу
1. Отсутствие или недостаток рабочих (старость, болезнь, вдовы, беременность и др.)	1093	61
В т.ч. многодетность	1251	1141
2. «Не желаю», «Причиц нет», «жена не хочет», «старики не хотят», «Боюсь в колхозе поссориться», «Бог не велел», «бога боюсь», «колеблюсь, еще не решил», «жалею собственность», «еще не все понял»	686	21,5
	82	4,6
	25	1,4
	10	0,6
	3	0,2
	1	-
	13	0,7
3. Скоро вступлю,	67	3,8
«нет семян и фуража», «без лошади не		
хотят брать»,	15	0,8
Надо сначала обстроиться.	13	0,7
Дома не жил	1	-
4. Кулаки, твердозаданцы, преступники, осужденные и исключенные из колхоза	84	4,7

Таким образом, в ответах единоличников по всем деревням выявилось, что 61% мотивируют своё невступление в колхоз отсутствием или недостатком рабочих рук; во-вторых, примерно одна треть – 29% «не желающих» и 4,7% чуждых элементов прямо высказываются – «отказались», не приводя никаких объективных причин, и, наконец, остальные высказывают своё сочувствие и тяготеют к колхозу.

На основании полученных данных И.Д. Кузнецов формирует весьма важный вывод о том, что «доводы об отсутствии рабочих рук очень часто являются прикрытием мелкособственнических предрассудков единоличников, всё ещё находящихся под влиянием уговоров, сплетен, угроз, ложных слухов от кулацких и куштанских элементов. Скажи, что «некому работать», а если явно видно, что у тебя есть кому работать, скажи, что сам хвораешь, жена больная», тогда никто к тебе не придерётся – такова сейчас несложная механика кулацкой антиколхозной агитации и пропаганды среди единоличников, у которых предрассудки мелкого собственника всё ещё довлеют над рассудком трудящегося крестьянина» [2, л. 33].

В ходе экспедиции во многих деревнях проводились собрания единоличников для обсуждения с глазу на глаз по всем этим «причинам», и при конкретном подходе к каждому единоличнику довод об отсутствии работников за небольшим исключением быстро улетучивался как несостоятельный. И наоборот, не стоило большого труда показать на живых фактах и примерах, что многодетным и слабосильным семьям, несомненно, легче работать и жить в колхозах, чем вне колхоза.

Воздержавшиеся от вступления в колхоз по мотивам многодетности, недостатка рабочих рук, как заметил И.Д. Кузнецов, «большей частью живут на таком мужицком хозяйственном расчёте: имею я, кроме себя и жены, скажем, 4 детей да старика со старухой, всего 8 человек, стало быть, земли надо на 8 едоков. Если вступить в колхоз, земля уйдёт в пользование артели. Мы будем работать и зарабатывать на колхозной земле вдвоём с женой, мой сосед, сдав землю на 3 едока, – тоже вдвоём, я лишаюсь преимущества едоцкого пользования землёй. Куда мне спешить? Пускай колхоз посеет в 3 дня, а я буду сеять 6 дней, но всё-таки со своей земли возьму хлеб, больше возьму, чем на трудодни в колхозе, – таковы расчёты многих едоков, которым не доказали ошибочность их рассуждений» [2, л. 34].

Важным в ходе проведённого анкетирования среди единоличников было указывать на социально-экономические и культурные преимущества вступления в колхозное хозяйство. Обработанные данные показали, что «у колхозников дома покрепче и содержатся чище, а уровень грамотности и культурно-бытовые запросы выше, чем у единоличников, они реже посещают церковь, активнее в общественной жизни» [4, с. 173].

Около трети оставшихся единоличников – «нежелающие», т.е. те крестьяне, которые открыто высказывали свои мелкособственнические предпосылки. Особенно сильны были подобные настроения среди женского населения. Значительная часть из этой прослойки единоличников активно занималась спекуляцией, «ухитрялась до

сих пор так или иначе освобождать себя от выполнения государственных обязательств». В ходе проведения анкетирования было определено, что значительное число среди «нежелающих» составляли «сектанты, куштаны, подкулачники, которые ищут лёгкой наживы, прикрывают своё нежелание честно трудиться и «женой», и «богом», и чем только заблагорассудится» [2, л. 35]. В качестве эффективных мер воздействия в отношении этой группы «неопределившихся» вступать в колхозы Кузнецов И.Д. предлагает «кроме неустанной разъяснительной работы среди честно заблудившихся, особенно среди женщин, для этой группы решающее исправляющее воздействие может оказать неуклонное и точное проведение в жизнь советских законов, осуществление революционной законности без урезаний и поблажек» [2, л. 35].

Особое внимание И.Д. Кузнецов уделяет группе единоличников (в работе они названы «троцкистская группа»), которые самостоятельно стремятся вступить в колхозы, но по независящим иногда от них проблемам остаются пока вне колхоза. Как отметил автор, «все колхозники должны быть внимательны к этим единоличникам. Надо всячески показать им вступить в колхоз, помочь семенами, фуражом, построить избу, если он не в силах построить её один, ибо тем лучше они будут работать затем в колхозе» [2, л. 35].

Вывод проведённого анкетирования сам И.Д. Кузнецов делает следующий: «нет сплошной единоличной массы единоличников, отношения к колхозу с их стороны встречаются разные; нельзя к ним подходить огулом, как к монолитному «индусектору», надо подходить к каждой прослойке, группе, единоличнику отдельно, надо знать, кто чем живёт, надо уметь разоблачать врагов, убеждать честных единоличников, воздействовать на тех, кто тянется в сторону кулака и спекулянта» [2, л. 35].

Список литературы

1. Быт и культура сельского населения Советской Чувашии (материалы экспедиций 1933 и 1960 гг.) / сост. И. Д. Кузнецов, П.А. Сидоров. – Чебоксары : ЧНИИ, 1962. – 227 с.

2. ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 14. Д. 72. Л. 33–35.

3. Кутяшов, С. С. Чувашская колхозная деревня на пути культурного подъема: очерки по материалам культурной экспедиции 1933 г / С. С. Кутяшов, И. Д. Кузнецов. – Чебоксары : Чувашское государственное издательство, 1934. – 64 с.

4. Сергеев, Т. С. Материалы этнографических экспедиций 1933 и 1960 годов как источник для изучения этнокультурных процессов в жизни сельского населения Чувашии / Т. С. Сергеев // Этнокультурные феномены в образовательном процессе : сб. науч. статей по итогам Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. / отв. ред. С. Л. Михеева, О. А. Дмитриева. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2020. – С. 228.

Михайлова Светлана Юрьевна
д-р ист. наук, доцент, профессор
Кадышева Ольга Евгеньевна
аспирант, ассистент кафедры

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧУВАШСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация: *на современном этапе отечественная история периода новой экономической политики (1921–1929 гг.) характеризуется разнообразием тем, включением в исследовательскую практику новых исторических источников. Исходя из этого, актуальность изучения финансового положения Чувашской автономной области в условиях новой экономической политики определяется не только важностью данного исторического периода для российских регионов, но и необходимостью обобщения нового исторического материала. Цель работы – исторический анализ финансового положения Чувашской автономной области в 1921–1925 гг. Реализация поставленной цели и вытекающих из нее задач достигается путем комплексного рассмотрения выявленных знаний и фактов с использованием общенаучных и специально-исторических методов. Результатом исследования является выявление и характеристика основных черт финансового положения Чувашской автономной области в 1921–1925 гг., особенностях новой экономической политики в системе финансовых отношений региона. Формулируется вывод о роли финансовой политики советского государства, деятельности финансовых учреждений.*

Ключевые слова: *новая экономическая политика, Чувашская автономная область, финансовое положение.*

В XXI столетии изучение истории новой экономической политики (1921–1929 гг.) входит в число важнейших направлений российской исторической науки, которая в этом плане последовательно продолжает традиции советской исторической науки. Принято считать, что «нэповская» модель имеет целый ряд специфических черт. В их круг входят и региональные особенности реализации модели.

Повышенный интерес к изучению всего многообразия проявлений региональных особенностей на современном этапе обуславливается недостатком исследований, посвященных данной теме. Не является исключением и финансовое положение Чувашской автономной области в условиях новой экономической политики.

Провозглашение новой экономической политики означало частичный возврат к денежному хозяйству. Как было отмечено в «Отчете о деятельности Чувашского Областного Отдела финансов III съезду Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов Чувашской Автономной Области за период с 1-го июля 1921 г. по 1-е сентября 1922 г.».

«Новый курс экономической политики с вытекающими из него последствиями товарного оборота, вольного рынка, перевода предприятий на хозрасчет и сдачу в аренду и вообще свободной частной инициативы, а также введение платности всех услуг, оказываемых государством, решительным образом изменил финансовую политику Советской власти.

Выявилась неотложная задача, в первую очередь пересмотреть взгляд на ближайшую судьбу денег и принятие мер к стабилизации нашей валюты, так как стало ясно и очевидно, что без устойчивой денежной единицы, невозможен ни правильный товарооборот, ни рационально коммерчески поставленная промышленная деятельность. Таким образом, новый курс экономической политики вызвал к жизни финансы <…>» [6, л. 63].

В актуальную повестку дня встал вопрос о формах практической реализации финансовых отношений. Следует иметь в виду, что решение данного вопроса на территории Чувашской автономной области было значительно осложненно следующими обстоятельствами.

Во-первых, основу региональной экономики составляло сельское хозяйство: Исторические документы, хранящиеся в фондах Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР), свидетельствуют, что: «Чувашская автономная область, раскинутая на территории в 1 076 592 дес. или 10 335 кв. верст с числом населения около миллиона человек преимущественно чувашским (89%), является областью исключительно земледельческой. Индустриальной промышленности не имеется, если имеется сильно развитая кустарная промышленность, то таковая является исключительно подсобной земледельческому хозяйству. Имеющиеся природные богатства области, за исключением лесных, не разрабатываются» [1. л. 49–53].

Во-вторых, переход к новому курсу был заторможен голодом, который охватил территорию Чувашии в 1921–1922 гг. По оценкам авторов коллективной монографии «История Чувашии новейшего времени», «к февралю 1922 г. число голодающих составило около 595 тыс. чел. из 850 тыс. населения автономии, а умерших от голода – более 12 тыс. чел.». Здесь нельзя не отметить, что благодаря государственной и общественной поддержке, которая была оказана Чувашской автономной области в 1921–1922 гг., десятки тысяч людей были спасены от голодной смерти, было ослаблено разрушительное воздействие голода на сельскохозяйственное производство: «В результате принятых мер, несмотря на ужасающие последствия голода, области удалось выполнить план осеннего сева на 84,7%».

В первый год реализации новой экономической политики финансовое положение Чувашской автономной области в значительной степени было обусловлено острейшей необходимостью борьбы с голодом.

С 8 по 10 октября 1921 г. в г. Чебоксарах проходила работа 2-го съезда финансовых работников Чувашской автономной области, который, «заслушав доклад о новой экономической политике и финансах, и, констатируя правильность взятого областной крестьянской властью нового курса, мирного строительства, способствующему полному закреплению всех завоеваний революции и могущего служить стимулом поднятия промышленности и сельского хозяйства, а отсюда и вытекающее увеличение хода ресурсов Республики, постановляет: отдать все свои силы, опыт и знания к полному и усиленному проведению в жизнь мероприятий новой экономической политики» [1, л. 90]. На съезде было определено, что на финансовые органы ложится первоочередная обязанность снабжения всех мероприятий, направленных на борьбу с голодом, денежными знаками.

Изменения в финансовом положении Чувашской автономной области, обусловленные реализацией новой экономической политики, со всей очевидностью проявили себя в сфере денежного обращения и кредита.

Фактически до осени 1921 г. денежная политика по-прежнему ограничивалась вопросами выпуска и распределения купюр. В октябре 1921 г. был учрежден Государственный банк РСФСР «с целью способствовать кредитом и прочими банковскими операциями развитию промышленности, сельского хозяйства и товарооборота, а также с целью концентрации денежных оборотом и проведения других мер, направленных на установление правильного

денежного обращения» [4, л. 2]. Открытие Государственного банка РСФСР с его отделениями на местах «выдвинуло задачу организации Отделения Госбанка и в Чувашобласти, так как Облфинотделу было ясно и очевидно, что без такого кредитного учреждения, как Отделение Госбанка, восстановление и развитие экономики Чувашобласти, немыслимо. Поэтому 5 декабря 1921 г. Облфинотделом было возбуждено перед Наркомфином и Госбанком ходатайство об открытии Отделения в Чебоксарах и как видно из отчета Госбанка Всероссийскому Съезду Советов этот вопрос был разрешен утвердительно.

Но впоследствии когда организовалась Казанская Областная Контора Госбанка, вопрос об открытии Отделения в Чебоксарах затянулся и лишь после настойчивых просьб Облфинотдела и Облисполкома Казанская Областная Контора признала возможным открыть в Чебоксарах лишь Агентство, правда, с несколько расширенными правами, – самостоятельно открывать кредиты, но под товары до 100000 руб.» [6, л. 63 об.].

Итак, в 1922 г. было открыто Чебоксарское агентство Казанской областной конторы Государственного банка РСФСР. В 1923 г. оно было преобразовано в Чебоксарское отделение Государственного банка РСФСР, которое производило «присвоенные Банку операции на основании инструкций и распоряжений Правления, под ближайшим наблюдением Областных Контор». В 1924 г. стало действовать отделение Государственного банка СССР в г. Канаше.

10 августа 1923 г. была открыта первая сберегательная касса №60 при областном финансовом отделе. Наркоматом финансов РСФСР было определено, что: «В своей деятельности Сберегательные кассы должны носить как бы характер воспитания населения в целях объединения народного капитала и направления его на служение общегосударственным интересам; собирание народного капитала является их основной задачей <…> Привлекаемые в кассы капиталы должны иметь своим назначением финансирование народного труда в разнообразных его формах и тем самым способствовать поднятию его производительности» [2, л. 303]. 20 февраля 1924 г. была учреждена Цивильская почтово-телеграфная приписная сберегательная касса, находившаяся в подчинении Чебоксарской центральной сберегательной кассы №60. После организации в этом городе в июне 1924 г. Центральной сберегательной кассы при уездном финансовом отделе №347 она была приписана к ней. В июле 1924 г. центральные сберегательные кассы были организованы при уездных финансовых отделах в городах Ядрине (№392), Мариинском Посаде (в то время –

административный центр Чебоксарского уезда, №458) и в селе Большое Батырево (№646). Все они находились в подчинении центральной сберегательной кассы №60. К концу 1924 г. на территории области имелось 5 центральных и 11 приписных к ним почтово-телеграфных сберегательных касс [5, л. 31].

В первые месяцы существования, в условиях непрерывного обесценения находящихся в обращении советских знаков, работа сберегательных касс не могла получить широкого развития, поскольку падение денег обесценивало реальную стоимость вкладов, в частности: «Деятельность государственных Трудовых Сберегательных Касс за период с 1-го октября 1923 г. по 1-е февраля 1924 года ощутительных результатов в развитии вкладной операции не дала и не может считаться удовлетворительной. Причиной тому служит, во-первых, отсутствие у трудового населения свободных денежных средств и, во-вторых, проводимая в данный период кампания по сбору с крестьянского населения сельхозналога и семссуды» [5, л. 31].

В 1923–1924 гг. деятельность государственных трудовых сберегательных касс была направлена на оказание активного содействия проведению денежной реформы. Основной задачей сберегательных касс в этот период было страхование заработной платы рабочих и служащих от обесценения. Они организовывали прием вкладов в золотом исчислении и беспрепятственно выдавали такие вклады по требованию вкладчиков советскими знаками по курсу золотого рубля, который существовал в день выплаты.

Новая экономическая политика была нацелена на укрепление денежной системы. В связи с этим встал вопрос о возрождении денежных налогов, взимание которых было приостановлено в начале 1921 г. вследствие резкого обесценивания бумажных денег.

Во второй половине 1921 г. на территории Чувашской автономной области был введен промысловый налог на торговые и промышленные предприятия, причем главное внимание было обращено на базарную и рыночную торговлю. Следующим шагом стало установление гербового сбора, который затрагивал обращение ценностей. Особое место было отведено налогу общегражданскому как целевому в пользу голодающих. 1 ноября 1921 н. было введено в действие обложение акцизом виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин. В 1922 г. были привлечены к акцизам табак, гильзы, спички, пиво, квас, фруктовые воды, чай, кофе и их суррогаты, сахар, соль и нефтяные продукты. В 1923 г. был установлен единый налог исключительно в денежной форме вместо продовольственного налога, трудового и гужевого налога, денежно-подворного налога.

Как видно, на территории Чувашской автономной области было организовано прямое обложение, пошлинное обложение, косвенное обложение, в том числе акцизное обложение. Все это было призвано способствовать пополнению бюджета.

В годы новой экономической политики в Чувашской автономной области был организован процесс финансирования в сметном порядке механизма государственного управления на основе бюджета. Характеризуя восстановление народного хозяйства в период новой экономической политики, авторы коллективной монографии «История Чувашии новейшего времени» констатируют, что впервые государственный бюджет области был утвержден на 1922/1923 хозяйственный год: «По источникам доходов и расходов он состоял из двух разделов: местного и центрального. На местном бюджете содержались местные органы власти (уездные, волостные и сельские), а также часть культурно-просветительских учреждений, на центральном – учреждения союзно-республиканских ведомств и центральные органы автономии. Из-за низкой доходной базы расходы превышали доходы, поэтому правительство РСФСР выделяло дотации». Как свидетельствуют архивные документы, фактически в «1922–23 бюджетный год Чувашобласть вступила, исчерпав полностью на борьбу с голодом все и без того незначительные наличные ресурсы. В течение же бюджетного года в последгольском экономическом положении Чувашобласти произошли лишь частичные улучшения и то не во всех отраслях ее хозяйства. Так, если в основной отрасли как сельское хозяйство резкого сокращения посевной области не произошло, то это достигнуто исключительно только благодаря своевременно подоспевшей со стороны центральных органов семенной ссуде <…>» [3, л. 313].

Исследователь В.В. Орлов рассматривает проблему бюджета Чувашской автономной области в более широком историческом контексте. Он полагает, что уже в ходе составления первых смет области проявились противоречия между областными и центральными органами власти по срокам и размерам оказания государственной помощи: «Это объяснялось несовершенством механизма формирования бюджета, который являлся ориентировочным документом, составленным исходя из потребностей уездных и областных учреждений без учета реальных финансовых ресурсов региона. Это вызывало необходимость внесения серьезных корректив в сторону уменьшения расходной части бюджета на каждой инстанции, что не могло не вызывать болезненной реакции мест. Причем особую трудность представляла защита интересов автономии в Наркомате

финансов РСФСР, где практически принималось окончательное решение по местному бюджету, который затем с незначительными редакционными поправками утверждался на заседании федерального Правительства» [7, с. 40]. Результаты анализа исторической литературы подтверждают правоту слов В.В. Орлова о том, что: «Проблема изучения формирования бюджета национальных республик в 1920-е гг. далеко не исчерпана. Среди исследователей нет единого мнения о механизмах согласования финансовых планов Центра и регионов, путях и способах преодоления дефицита бюджета. Как на практике реализовывались такие принципы бюджетного строительства, как демократический централизм и национальная политика? Чем обусловливалась высокая финансовая и экономическая зависимость автономных республик и областей от Центра? Почему бюджет Чувашской автономии не мог обеспечить ее выхода из кризисного состояния даже к концу 1920-х гг.?» [7, с. 38].

В целом, система финансовых отношений на территории Чувашской автономной области претерпела значительные изменения в условиях новой экономической политики. Период с момента образования области до перехода к новому курсу был отмечен отмиранием денег и денежных налогов в связи с продовольственной разверсткой, трудовой повинностью, натурализацией заработной платы, натуральным снабжением, проведением принципов бесплатности, а также уничтожением банковского аппарата. С весны 1921 г. финансовое положение области было определено такими задачами финансовой политики советской власти, как борьба с падением курса советского рубля, введение налогов с целью формирования доходной части бюджета и др., что соответствовало содержанию первого – «восстановительного» – этапа новой экономической политики, нацеленного на снятие острых народнохозяйственных, в том числе продовольственного, вопросов и стабилизацию ситуации в стране.

Список литературы

1. ГИА ЧР. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 1.
2. ГИА ЧР. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 12.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 39.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 5.
5. ГИА ЧР. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 590.
6. ГИА ЧР. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 7.
7. Орлов, В. В. Формирование местного бюджета Чувашии и финансирование программ ее социально-экономического развития в годы НЭПа / В. В. Орлов // Чувашский гуманитарный вестник. – 2006. – № 1. – С. 38–61.

Никитина Валерия Николаевна
ведущий архивист
БУ «Государственный архив современной истории
Чувашской Республики»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ЧЕБОКСАРСКОГО ЗАВОДА ПРОМЫШЛЕННЫХ ТРАКТОРОВ В ЭЛЕКТРОННОМ ФОТОАЛЬБОМЕ «ТРАКТОРНЫЙ ГИГАНТ НА ВОЛГЕ. ПО ТУ СТОРОНУ ОБЪЕКТИВА»

Аннотация: *в работе рассматривается проблема источниковой ценности визуальных материалов для изучения истории крупных промышленных предприятий, решение которой демонстрируется на примере электронного фотоальбома, подготовленного Государственным архивом современной истории Чувашской Республики к 50-летию начала строительства Чебоксарского завода промышленных тракторов. Методологической основой выступают источниковедческий анализ, систематизация и интерпретация 65 фотодокументов 1969–2017 гг., отобранных из шести архивных фондов. Установлено, что представленные материалы – макеты, генеральный план, снимки событий, продукции и коллектива – позволяют реконструировать ключевые этапы развития предприятия. Отдельно выявлен пласт сведений о заводской социологии: организации труда, досуга, деятельности комсомольских штабов, что свидетельствует о формировании устойчивой корпоративной культуры. Сделан вывод о том, что фотоальбом является полноценным историческим источником, дополняющим письменные документы и открывающим новые возможности для изучения промышленной истории региона.*

Ключевые слова: *Чебоксарский завод промышленных тракторов, ЧЗПТ, Промтрактор, фотоальбом, фотодокументы, исторический источник, заводская социология, Чувашская Республика.*

ОАО «Чебоксарский завод промышленных тракторов» (краткие наименования – АО «Промтрактор», ЧЗПТ) относится к числу крупнейших производственных предприятий современной России, специализирующихся на выпуске промышленных тракторов.

Становление ЧЗПТ как индустриального гиганта заняло длительный период и пришлось преимущественно на 1970–1980-е гг. Предприятие было создано в результате объединения усилий

отрасли тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, а также при поддержке партийно-государственных органов союзного и республиканского уровней. Последующее развитие Промтрактора обеспечило выпуск оборудования, ставшего основой производственных мощностей ряда предприятий нашей страны.

Строительство тракторного гиганта на Волге началось 12 января 1972 г. Согласно архивным источникам, решение о его строительстве было принято Правительством СССР значительно раньше. В 1966 г. Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР поручило Харьковскому проектному институту «Гипротракторосельхозмаш» разработку проекта Чебоксарского тракторного завода. Однако в связи с высокой загруженностью института необходимые документы были готовы только к 1969 г [4, л. 4].

Приказом Минсельхозмаша СССР от 21 октября 1971 г. была организована дирекция строящегося Чебоксарского завода промышленных тракторов. Директором назначен Виктор Тимофеевич Десятов, ранее работавший директором Волгоградского завода тракторных деталей и нормалей (в 2014 г. был ликвидирован). В течение 1971–1972 гг. дирекция была укомплектована высококвалифицированными кадрами, в том числе специалистами, приглашенными из других регионов страны [1].

Постановлением ЦК ВЛКСМ от 10 июля 1973 г. строительство Чебоксарского завода было включено в число Всесоюзных Ударных комсомольских строек [2]. Это придало стройке особый статус и способствовало притоку молодежи, комсомольских активистов и специалистов из разных регионов страны.

Исследование истории крупных промышленных предприятий предполагает привлечение широкого круга исторических источников. Наряду с письменными документами и статистическими отчетами особую ценность приобретают фотодокументы. Они позволяют не только зафиксировать хронологию событий, но и передать атмосферу эпохи, продемонстрировать производственные процессы и повседневность предприятия.

В 2022 г. к 50-летию с начала строительства Чебоксарского завода промышленных тракторов БУ «Госархив современной истории Чувашской Республики» Минкультуры Чувашии подготовил электронный фотоальбом «Тракторный гигант на Волге. По ту сторону фотообъектива».

В фотоальбоме представлены 65 фотодокументов за период с 1969 по 2017 гг. из архивных фондов госархива. Материалы

расположены в хронологическом порядке и сопровождаются текстовым описанием. Среди них планы и макеты, а также снимки, запечатлевшие коллектив, проводимые мероприятия, производственные помещения, технику и оборудование. В электронном фотоальбоме представлены фотодокументы из фондов Госархива современной истории Чувашской Республики, в число которых входят «Чувашский республиканский комитет КП РСФСР», «Коллекция фотодокументов РГУ «Госархив современной истории Чувашской Республики», «Президент Чувашской Республики – Кабинет Министров Чувашской Республики», «Государственный Совет Чувашской Республики», «Семейный фонд Прокопьевых: Ильи Павловича и Ивана Павловича», «Общество с ограниченной ответственностью «Компания корпоративного управления «Концерн «Тракторные заводы» [3].

Обратимся к более детальному рассмотрению материалов, включенных в фотоальбом. Первым из них является макет общего вида Чебоксарского завода промышленных тракторов, который позволяет визуально оценить масштаб предстоящего строительства. Далее следует генеральный план предприятия. В первую очередь он фиксирует расположение производственных цехов, складских помещений, стоянок и иных объектов с указанием их площади. Кроме того, план содержит ключевые показатели предприятия: площадь промышленной зоны, составляющая 260 га, протяженность железнодорожных путей (12 км) и автомобильных дорог (17 км), а также коэффициент застройки (0,40) и коэффициент использования территории (0,65).

Среди материалов фотоальбома присутствуют снимки, зафиксировавшие ключевые события из жизни тракторного гиганта. К числу наиболее ранних и значимых событий относится совещание представителей Чувашского обкома КПСС, посвящённое проектированию ЧЗПТ. На фотографиях запечатлены принимавшие участие в нём политические деятели. Отдельного внимания заслуживают снимки посещений завода государственных деятелей той эпохи. В их числе – первый секретарь Чувашского обкома КПСС И.П. Прокопьев, министр тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР И.Ф. Синицын (фото датировано февралем 1976 г.), заместители председателя Совета Министров РСФСР В.Н. Новиков (январь 1978 г.) и В.П. Орлов (16 декабря 1982 г.), а также другие официальные лица.

В августе 1984 г. промышленный объект посетили члены Хевешского обкома Венгерской социалистической рабочей партии, что свидетельствует о наличии международных контактов и интересе зарубежных партнеров к советскому промышленному опыту.

Хронология отраженных событий не ограничивается советским периодом. 20 ноября 1998 г. состоялось посещение ОАО «Промтрактор» делегацией Самарской области. Вслед за этим, 24–25 июня 2001 г., предприятие посетили члены Правительства Российской Федерации и Чувашской Республики [3].

Значительное место в фотоальбоме отведено продукции предприятия, что вполне закономерно, поскольку именно выпускаемая техника являлась главным итогом многолетних усилий строителей, инженеров и рабочих. В подборке фотодокументов продемонстрирована целая серия снимков, запечатлевших промышленные тракторы разных серий – Т-330, Т-500, Т-1101К и ряда других. Каждая из этих моделей отражала очередной этап технического развития не только предприятия, но и отечественного машиностроения в целом, а также была ориентирована на решение конкретных задач в горнодобывающей, нефтегазовой и строительной отраслях. Наряду с готовой техникой в фотоальбоме широко представлено и оборудование, с помощью которого создавались сами тракторы, например, станки, сборочные участки. Подобное сочетание снимков позволяет рассмотреть производственный процесс комплексно – от станочного парка и заготовительных операций до выхода готовой машины.

Обратимся к еще одной группе материалов фотоальбома – снимкам, запечатлевшим коллектив тракторного завода. На них зафиксированы представители различных категорий работников, среди которых высший инженерный состав, управленцы, сборщики и рабочие. Однако заводская жизнь не ограничивалась лишь производственным процессом. Помимо организации труда, на фотографиях и в архивных документах отчетливо прослеживается и организация досуга. Вопросы труда, быта и отдыха молодёжи находились под постоянным контролем штаба ЦК ВЛКСМ и Минсельхозмаша: при Чувашском обкоме ВЛКСМ и непосредственно на пусковом комплексе были созданы комсомольские штабы, а в г. Чебоксары открыт корреспондентский пункт газеты «Комсомольская правда» [1]. В протоколах заседаний комитета ВЛКСМ неоднократно встречаются сведения про культурно-массовую работу на заводе: сдача норм ГТО, экскурсия в музей В.И. Ленина, поход в театр и др. [5, л. 9]. Не менее интересным являются сведения о шефской работе. Работники

предприятия принимали участие в воспитании трудных подростков. Все это свидетельствует о том, что культурный отдых работников был не просто дополнением к производству, а важной частью корпоративной культуры, способствовавшей сплочению коллектива и раскрытию творческого потенциала трудящихся.

Существенно, что организация досуга на предприятии не носила стихийного характера. Вопросы труда, быта и отдыха работников, и в особенности молодежи, находились в поле внимания как заводских структур, так и внешних организаций. Определенную роль здесь играла и заводская социология – изучение условий жизни, интересов и запросов различных категорий трудящихся позволяло корректировать формы досуговой работы и развивать наиболее востребованные направления взаимодействия коллектива.

Электронный фотоальбом «Тракторный гигант на Волге. По ту сторону фотообъектива» представляет собой ценный исторический источник, отражающий более чем полувековую историю Чебоксарского завода промышленных тракторов. Сочетание планов, макетов, снимков с мест событий, продукции и работников позволяет рассмотреть историю завода многогранно. Представленные фотодокументы охватывают ключевые этапы развития предприятия – от проектирования и строительства до выпуска техники и утверждения завода в статусе крупнейшего в Чувашской Республике. Фотоальбом не только сохраняет визуальную память о производственном комплексе, но и открывает новые возможности для изучения истории отечественной промышленности.

Список литературы

1. Из истории Чебоксарского завода промышленных тракторов // Государственный исторический архив Чувашской Республики. – Чебоксары, 2012. – URL: https://giachr.archives21.ru/srv/news/new/636734 (дата обращения: 23.09.2026). – Текст : электронный.

2. К 50-летию Чебоксарского завода промышленных тракторов // Государственный архив современной истории Чувашской Республики. – Чебоксары, 2022. – URL: https://archives21.rchuv.ru/news/2021/01/02/k-50-letiyu-cheboksarskogo-zavoda-promishlennih-tr (дата обращения: 23.09.2026). – Текст : электронный.

3. Тракторный гигант на Волге. По ту сторону фотообъектива : электронный фотоальбом // Государственный исторический архив Чувашской Республики. – Чебоксары, 2022. – URL: https://archives21.rchuv.ru/work/elektronnie-izdaniya/traktornij-gigant-na-volge-po-tu-storonu-fotoobjek (дата обращения: 22.09.2026). – Текст : электронный.

4. БУ «Госархив современной истории Чувашской Республики» Минкультуры Чувашии. Ф. П-1. Оп. 33. Д. 9.

5. БУ «Госархив современной истории Чувашской Республики» Минкультуры Чувашии. Ф. Р-2538. Оп. 1. Д. 1.

Таймасов Леонид Александрович
д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВОПРОСЫ ХРИСТИАНИЗАЦИИ ЧУВАШЕЙ В ТРУДАХ И.Д. КУЗНЕЦОВА

Аннотация: *в статье проанализированы оценочные суждения и выводы признанного исследователя истории чувашского крестьянства И.Д. Кузнецова на политику и практику христианизации чувашей. Изучены использованные автором источники, показана авторская позиция к массовому крещению, развитию церковного землевладения. Основное внимание автор уделил податным льготам, перераспределению платежей. Показаны недостатки ранней миссионерской практики, сохранение традиционной обрядности, конфликты вокруг руги и переходы части чувашского населения в ислам. Отмечено, что собранный исследователем фактический материал сохраняет научную ценность, однако его выводы нуждаются в критическом прочтении с учетом советской марксистской и антирелигиозной парадигмы.*

Ключевые слова: *чуваши, христианизация, православие, Кузнецов, новокрещеные, руга, моление, ислам, историография.*

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ). Проект № 26-28-20326.

В советской историографии труды Ивана Даниловича Кузнецова по истории чувашского крестьянства занимают особое место. Тема христианизация чувашей рассматривалась исследователем в контексте социально-экономической политикой царизма, деятельностью духовенства и протестными выступлениями крестьян. Содержащийся в его научном творчестве материал отражает конфессиональные преобразования XVI–XIX вв. Отдельные фактические данные и теоретические положения автора использовались П.В. Денисовым, Л.А. Таймасовым при исследовании истории религии чувашского народа [1; 5; 6].

Целью настоящего исследования является систематизация сведений о христианизации чувашей в творческом наследии И.Д. Кузнецова и определить особенности авторской оценки ее воздействия

на жизнь и быт сельского населения. Задача заключается не в реконструкции всего процесса христианизации, а в выявлении тех аспектов, которые автор считал существенными. Источниками исследования стали фундаментальные монографии И.Д. Кузнецова по истории чувашского крестьянства [2–4]. В данной статье анализируются два уровня в работах историка. Первый составляет используемые ученым документы, статистические сведения, конкретные факты, второй – авторская интерпретация источников в рамках марксистской историографии. Кузнецов прежде всего уделял внимание насильственным мерам крещения, церковным повинностям, социальному расслоению, формам протеста.

Начало христианизации чувашей И.Д. Кузнецов связывает с «присоединением Казанского царства к Руси». Автор уделил внимание росту церковного землевладения за счет захвата крестьянских земель и приводит факты завладения Казанским архиепископом Германом 4 сел, 1 сельца, 4 деревень, 4 починка, 3 пустошей и займищ [3, с. 37]. Приводит сведения из актового документа царя Федора Алексеевича, свидетельствующего о стремлении царизма распространить христианство среди иноверцев предоставляя «новокрещенам в Арзамасе из приказные избы великого государя жалованья … на платья мужска и женска полу всякому человеку по 2 рубли да сверх тое государева денежного жалованья им же новокрещенам мурзам и служилым татарам в службе и во всяких великого государя податях, також мордве, чюваше и черемисе и вотякам и буртасам во всяких податях давать льготы на три года...» [3, с. 86–87].

Статистические сведения Конторы новокрещенских дел позволили Кузнецову утверждать о массовом характере кампании 1740-х гг. По его данным, во второй половине 1747 г. в Казанской, Оренбургской, Нижегородской и Воронежской губерниях из 37 322 крещеных мужчин и женщин 24 879 составляли чуваши. За 1740 г. – первую половину 1749 г. общее число крещеных нерусского населения достигало около 300 тыс. человек; особенно высокие показатели приходились на 1746–1747 гг. [4, с. 179]. Ссылаясь на сочинение XVIII в. «Рассуждение о России», Кузнецов христианизацию народов Среднего Поволжья характеризовал как преимущественно принудительный процесс, отмечал разрыв между внешними мерами крещения и сохранением у новокрещеных прежних религиозных представлений: оставшихся «внутренне по-прежнему идолопоклонники» [4, с. 176–177]. Причины поверхностного усвоения новой

веры он объяснял не только с принуждением, но и с несовершенством миссионерской практики. Духовенство не знало языка и культуры новокрещеной паствы, не располагало переводами Священного Писания, не могло донести до нее основы вероучения. Крещение в подобных условиях превращалось в административный акт. Кузнецов упоминает новокрещенские школы, задуманные как средство подготовки проповедников и священнослужителей из среды нерусских народов. Одной из причин закрытия этих учебных заведений Кузнецов называет злоупотребления при наборе учеников, недоверие населения к администрации, плохие условия содержания, высокая смертность в среде воспитанников [4, с. 177].

В работах И.Д. Кузнецова обозначены две взаимосвязанные проблемы: насильственный характер обращения в христианство и отсутствие условий для осмысленного вхождения новокрещеных в церковную традицию. Сохранение дохристианских обрядов автор рассматривает не просто как «пережиток», а как закономерный результат формальной конфессиональной политики. Хотя автор не конкретизирует проблему религиозной идентичности, но замечает, что таинство крещения не изменил веру новокрещеных крестьян.

Свои умозаключения И.Д. Кузнецов строит преимущественно на свидетельствах современников, а не на описании богослужебных практик, что усиливает публицистическую выразительность текста, но ставит вопрос о репрезентативности источника. Характеризуемые автором события нельзя механически распространять на все приходы и на все духовенство. Однако Кузнецов фиксирует реальные трудности утверждения христианства среди чувашей: языковой барьер, недостаток подготовленных миссионеров, разрыв между официальным числом крещений и глубиной их религиозного просвещения.

Центральное место в работах Кузнецова занимает экономический аспект массового крещения. Новокрещеные получали временные льготы: освобождение от ряда платежей и повинностей, которые перекладывались на некрещеную часть населения. Исследователь подчеркивает, что по мере увеличения числа крещеных росла нагрузка на ревнителей традиционных верований, а конфессиональный выбор оказался включенным в систему фискального давления. И.Д. Кузнецов приводит доношение Казанской губернской канцелярии от 31 мая 1749 г., в котором сообщалось, что некрещеные жители несли фактически двойной платеж: за себя и за

новокрещеных. В Казанской губернии в подушном окладе числилось 319 085 муж., к 1 января 1749 г. были крещены 170 759 чел., причем у 140 606 льготный срок еще не закончился. Некрещеными оставались 148 326 чел., на которых предполагалось распределить 609 431 руб. платежей [4, с. 178]. Эти крестьяне вынуждены были продавать почти весь хлеб, скот, постройки, попадали в долговую зависимость и даже закладывали детей. Ссылаясь на привлеченный документ, Кузнецов отмечает, что перераспределение податей воспринималось современниками как причина разорения и бегства чувашей [4, с. 177–178].

По мнению И.Д. Кузнецова, трехлетняя льгота и самих новокрещеных не избавляла от последующих расходов. Исследователь упоминает церковные поборы, участие населения в строительстве храмов, неполное получение обещанных вознаграждений за крещение. В итоге первоначальные выгоды сменялись новыми расходами. Он приходит к выводу о социально-экономической направленности христианизации. Особенность этого механизма заключалась в воздействии на обе группы населения. Некрещеных побуждали к принятию крещения ростом платежей, а новокрещеные после окончания льготного срока вновь включались в систему государственных и церковных повинностей, что ухудшало финансовое и материальное положение крестьян и придавало конфессиональным конфликтам выраженный социальный характер.

И.Д. Кузнецов обращает внимание и на неодинаковое положение разных групп чувашского общества. Одними из первых крестились представители местной социальной верхушки – «коштаны». По мнению учёного, наиболее знатные из них получали повышенные льготы и серебряные кресты [3, с. 179]. Это наблюдение соответствует общей логике его труда, где религиозные процессы рассматриваются сквозь призму социальной дифференциации. Христианизация предстает не как одинаково переживаемое всем народом событие: отношение к ней зависело от имущественного положения, административного статуса и возможностей получить выгоды или, напротив, избежать дополнительных тягот.

Сельские храмы с причтом, по мнению Кузнецова, становились опорными пунктами государственного влияния. Церковь являлась местом богослужения, регистрации и учета населения, сбора церковных налогов, поэтому отношение крестьян к ней определялось не столько религиозным опытом, а сколько практикой

взаимодействия с властью. В этой связи статистика массового крещения характеризует прежде всего внешнюю сторону процесса. Число совершенных крещений не позволяет само по себе судить о степени усвоения христианского вероучения.

Хроника крестьянского движения, составленная Кузнецовым для пореформенного периода, отражает напряженность в отношениях между причтом и паствой. В сводной таблице за 1860–1904 гг. он выделил 96 выступлений «против попов, руги, религиозных притеснений» [2, с. 272]. Даже если приведенные данные не позволяют получить реальную картину антицерковных выступлений крестьян, само выделение такой категории свидетельствует о заметном месте церковных конфликтов в социальной истории деревни.

В монографии «Крестьянство Чувашии в период капитализма» И.Д. Кузнецов подробнее раскрывает материальную основу этих столкновений. Он показывает, что руга могла взиматься одновременно с казенным жалованьем причта и платой за требы, а сельские общества пытались определить приемлемые размеры церковных сборов. Так, в приговорах крестьян Ишаковского и Янгильдинского приходов 1866 г. перечислены платежи за исповедь, крещение, венчание, отпевание и хождение с крестом, поэтому отказ от сбора руги мотивировался неурожаями и бедностью населения [2, с. 345–347]. Материал судебных и административных дел показывает также принудительное взыскание руги, аресты неплательщиков и продажу имущества должников [2, с. 347–350]. Эти данные уточняют краткую хронику выступлений: речь шла не об отвлеченном отрицании религии, а о конкретных спорах по поводу объема и способов исполнения приходских повинностей.

С недостатком денежных и материальных ресурсов Кузнецов связывает переход чувашей ряда селений в ислам [2, с. 273]. В авторской схеме данный эпизод объясняется прежде всего протестом против поборов. Вероятно, реальная мотивация была сложнее и могла включать влияние соседнего мусульманского населения, поиск иной конфессиональной принадлежности и неудовлетворенность качеством пастырской работы. Однако сообщение Кузнецова ценно как указание на связь между хозяйственными отношениями внутри прихода и изменением религиозной идентичности.

В работах Кузнецова нашли отражение столкновения по случаю исполнения крестьянами традиционных обрядов. Так, в 1881 г. жители Старых Шигалей Цивильского уезда выступили в связи с

запрещением моления чӳк [2, с. 273–274]. Такие эпизоды показывают, что спустя более столетия после массового крещения часть населения продолжала воспроизводить традиционные коллективные моления. Запрет обряда превращал религиозное различие в открытый конфликт. Здесь фактический материал Кузнецова особенно важен: он позволяет увидеть христианизацию как длительный и незавершенный процесс, в котором официальная принадлежность к православию могла сочетаться с устойчивостью прежних ритуальных практик.

В 1892 г. Кузнецов зафиксировал столкновение жителей села Чемеева и других сел с церковниками из-за отрезки общинных земель, в 1898 г. – отказ крестьян села Ишаки платить ругу, а в 1903 г. – аналогичный отказ в деревне Адылъял Козьмодемьянского уезда [2, с. 274–275]. Эти случаи не следует автоматически считать выступлениями против христианства как вероучения. Скорее, они отражали конфликты из-за материального обеспечения причта, землепользования и властных полномочий церковных институтов. Разделение религиозного неприятия и социального протеста помогает точнее интерпретировать сведения Кузнецова.

Эпизоды о религиозной политике и практике разнесены хронологически и не позволяют представить антицерковные выступления как единое непрерывное движение. Протестные выступления объединяет не столько общая программа, сколько повторяющаяся ситуация столкновения сельской общины с внешними предписаниями или материальными требованиями. Поэтому, их перечень можно использовать скорее как карту локальных сюжетов для дальнейшего изучения, а не как доказательство всеобщего неприятия православия чувашским крестьянством.

Концепция Кузнецова формировался в условиях господства марксистской идеологии, классовой методологии. Отсюда использование слов «царизм», «ограбление», «религиозные притеснения» и т. д. В изложении исследователя позитивные стороны православной миссии, развитие национальной письменности, переводы богослужебных текстов и изменения в деятельности духовных школ практически не рассматриваются. Христианизация предстает главным образом как средство фискального и административного давления.

Вместе с тем монография 1963 г. содержит наблюдение, которое усложняет эту схему. На примере Байглычевского прихода Кузнецов отмечал, что переход к богослужению и проповеди на

чувашском языке, а также приспособление церковного календаря к привычным формам народной культуры способствовали укреплению православной практики. Этот результат он связывал с системой Н.И. Ильминского [2, с. 354–355]. Тем самым даже в рамках антирелигиозной концепции автор фактически признавал значение родного языка и культурной адаптации для более глубокого усвоения христианства.

Материалы о второй половине XIX – начале XX в. показывают, что конфессиональная политика продолжала влиять на социальное поведение чувашского крестьянства. Отказы от уплаты руги, конфликты из-за церковной земли, переходы в ислам и защита обряда чӳк свидетельствуют о сложном сочетании хозяйственных интересов, религиозной самоидентификации и сопротивления административному контролю.

Односторонность интерпретации привлеченных источников не умоляет труд Кузнецова. Он ввел в научный оборот значительный массив документов, статистики и локальных сведений. Особенно ценны названия приходов и селений, даты выступлений, данные Конторы новокрещенских дел, выдержки из губернской переписки, формы протестов. Его книги остается своего рода путеводителем по проблемам, которые могут быть заново исследованы на основе архивных материалов.

Современная историография рассматривает утверждение православия среди новокрещеных народов как переплетение миссионерских, административных, фискальных и просветительских мер и процесс синкретизации христианства с народными верованиями. Новое прочтение предполагает тройную проверку. Во-первых, следует отделять цитируемый документ от комментария историка. Во-вторых, общие цифры по «иноверцам» нельзя без оговорок переносить только на чувашей. В-третьих, экономический протест против руги или земельных притязаний причта не тождествен отказу от православной веры. При таком подходе сведения Кузнецова позволяют реконструировать важные стороны христианизации: роль принуждения и льгот, проблему языка миссии, сохранение традиционных обрядов и связь конфессиональных конфликтов с повседневной жизнью деревни.

Перспективным направлением дальнейшей работы представляется сопоставление названных Кузнецовым эпизодов с делами духовных консисторий, приходскими летописями, материалами губернских

учреждений и этнографическими описаниями. Такое сопоставление помогло бы уточнить обстоятельства отказов от руги, масштабы переходов в ислам и конкретное содержание конфликтов вокруг молений чӳк. Труды Кузнецова в этом случае выступают отправной точкой и указателем источников, но не последней инстанцией.

Главная ценность трудов Кузнецова состоит в концентрации конкретного фактического материала. Главным ограничением остается заданная советской историографией схема, в которой христианизация почти исключительно связывалась с угнетением. Поэтому его выводы нуждаются в сопоставлении с церковными, административными и этнографическими источниками. Такое критическое использование позволяет рассматривать труды ученого как исследование прошлого и как памятник советской историографии середины XX в.

Список литературы

1. Денисов, П. В. Религия и атеизм чувашского народа / П. В. Денисов. – Чебоксары, 1972. – 478 с.

2. Кузнецов, И. Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма / И. Д. Кузнецов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1963. – 584 с.

3. Кузнецов, И. Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Ч. 1: Чувашские коштаны до двадцатого века / И. Д. Кузнецов. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1957. – 344 с.

4. Кузнецов, И. Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Ч. 2 / И. Д. Кузнецов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1969. – 426 с.

5. Таймасов, Л. А. Вопросы церковно-монастырского землевладения в трудах И.Д. Кузнецова / Л. А. Таймасов // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века. – Москва : ИНИОН РАН РФ, 2006. – С. 624.

6. Таймасов, Л. А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века / Л. А. Таймасов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 524 с.

Трофимов Александр Владимирович
аспирант
Широков Олег Николаевич
д-р ист. наук, декан, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

РАЗВИТИЕ СУНДЫРСКОЙ ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ ФАБРИКИ В 1945–1957 ГОДАХ: ПРОИЗВОДСТВЕННО-КАДРОВАЯ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА

Аннотация: *исследование динамики функционирования текстильной индустрии Чувашии представляет научный интерес для реконструкции и понимания принципов действия советской экономической системы. Цель статьи – комплексный анализ динамики развития Сундырской хлопчатобумажной фабрики в 1946–1957 гг. Источниковой базой исследования послужили материалы Государственного исторического архива Чувашской Республики, методология базируется на традиционных исторических подходах, включающих критическое изучение архивных документов и материалов посредством источниковедческого анализа. В 1946–1948 гг. Сундырская хлопчатобумажная фабрика находилась в кризисе: производство страдало от перебоев из-за отсутствия сырья, износа оборудования и нехватки запчастей, транспортных трудностей, что приносило финансовые убытки. Начиная с 1948–1949 гг. интенсификация кадровой политики и агитационно-массовая работа несколько повысили производительность труда при сокращении удельного расхода рабочей силы, а в 1951–1957 гг. фабрика достигла высоких технико-экономических показателей благодаря бесперебойной работе предприятия. В этот период были обеспечены ритмичные поставки сырья, стабильный режим энергоустановки, повышение квалификации сотрудников и оптимизация социально-бытовой инфраструктуры. Результаты коррелировали с вовлеченностью коллектива в социалистическое соревнование и эффективного управления. В результате, позитивная динамика производственных показателей обусловила целесообразность интеграции производственных мощностей Сундырской фабрики, функционирующей в качестве структурного подразделения*

Чебоксарской хлопчатобумажной фабрики, в состав возведенного в 1964 г. крупнейшего субъекта текстильной индустрии Чувашии – Чебоксарского хлопчатобумажного комбината.

Ключевые слова: *эвакуация оборудования, текстильная отрасль Чувашии, становление и развитие Сундырской хлопчатобумажной фабрики, демонтаж прядильного и текстильного оборудования.*

Исследование динамики функционирования текстильной индустрии Чувашии представляет научный интерес для реконструкции и понимания принципов действия советской экономической системы. Ключевым фактором при проведении исследования выступает введение в научный оборот рассекреченных архивных материалов, формирующий объективную оценку истории текстильных предприятий Чувашии, которая не получила должного отражения в советской историографии ввиду идеологических ограничений. Цель статьи – комплексный анализ динамики развития Сундырской хлопчатобумажной фабрики в 1946–1957 гг.

В историографии Сундырская хлопчатобумажная фабрика упоминается в научном труде Е.В. Суховой «Текстильная промышленность Чувашии в годы Великой Отечественной войны» [4], в обзорной публикации Трифоновой З.А. «Текстильная промышленность» [5], в книге Каховского В.Ф, Ахмеева С.Н., Иванова Л.А. «Чебоксарский хлопчатобумажный комбинат» [3], научной статье Трофимова А.В., Широкова О.Н. «Проблемы размещения и ввода в эксплуатацию оборудования предприятий текстильной и легкой промышленности, эвакуированных в Чувашию в 1941–1942 гг.» [6]. Анализ публикаций и архивных документов позволяет заключить, что комплексного научного исследования истории основания и последующего развития Сундырской хлопчатобумажной фабрики до настоящего времени в публикациях специалистов отсутствует. Основным источником информации авторов выступают архивные материалы Государственного исторического архива Чувашской Республики. Методология исследования базируется на традиционных исторических подходах, включающих критическое изучение архивных документов и материалов посредством источниковедческого анализа.

В результате эвакуации в 1941–1942 гг. технологических мощностей на территории Чувашской АССР созданы крупные предприятия текстильной промышленности, включая Чебоксарские чулочно-прядильную и хлопчатобумажную прядильно-ткацкую фабрики, а также аналогичные производства в городах Цивильске,

Канаше, селе Большой Сундырь и специализированное текстильно-галантерейное производство – фабрику «Басон» [4, с. 188–189], объединенную в 1944 г. путем слияния Альгешевской плетельной и Чебоксарской технoткацкой фабрик [5, с. 203].

Сундырская хлопчатобумажная фабрика создана в 1941 г. путем размещения эвакуированного оборудования Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината Калининской области в селе Большой Сундырь в одноэтажном здании бывшей рабоче-крестьянской школы. Предприятие, расположенное в 38 км от г. Чебоксары, работало в трудных условиях: в селе отсутствовали водопровод и канализация, не хватало электроэнергии. Дополнительным фактором риска являлся низкий уровень квалификации вспомогательного персонала [6, с. 37].

Фабрика была оснащена 58 станками системы «Платт» выпуска 1889–1901 гг. на ременной передаче (английская компания «Platt» занималась производством текстильного оборудования для хлопчатобумажной и шерстяной промышленности [8, с. 121]). Вначале работало всего 14 ткачих, а к концу войны их достигло 52 человек. От Чебоксарской хлопчатобумажной фабрики Сундырская фабрика получала ошлихтованные основы и уток. В годы войны фабрика выпустила бязь 3 млн метров, а после войны она стала выпускать новый ассортимент тканей – занавесочную ткань «Бареж», а много позднее – ткани «Нарспи» и «Сетнер» [3, с. 9].

В период 1941 по 1 июля 1946 г. функционирование предприятия характеризовалось наличием комплекса организационно-технических дисфункций, обусловленных критическим уровнем износа основных производственных фондов в условиях дефицита запасных частей и недостаточной квалификации кадров, а также деградацией транспортной логистики вследствие неудовлетворительного состояния подъездных путей. Совокупный финансовый убыток предприятия за этот период достиг 1 133,3 тыс. руб., из которых 294,7 тыс. руб. пришлось на потери от производственного простоя.

В 1946–1948 гг. перебои в работе Сундырского хлопчатобумажного предприятия продолжились и были обусловлены отсутствием сырьевых ресурсов вследствие регулярных простоев поставщика сырья – Чебоксарской хлопчатобумажной прядильно-ткацкой фабрики, а также дефицитом электроснабжения и высокой степенью износа технологического оборудования [1. Д. 6. Л. 2].

В первом полугодии 1946 г. в ткацком цехе эксплуатировалось 41 из 58 установленных ткацких станков. Оставшиеся 17 единиц

оборудования были выведены из эксплуатации по причине отсутствия деталей. Капитальный ремонт ткацкого оборудования в указанный период не производился. Вывод из строя 17 станков явился следствием систематического демонтажа деталей для работы остального парка оборудования. Во втором полугодии был проведен капитальный ремонт и все неисправленные станки были восстановлены, за исключением двух станков, которые не работали в связи с отсутствием грузовых цепей. В целом оборудование ткацкого цеха находилось в удовлетворительном состоянии, однако имелась потребность в пополнении недостающих деталей. По данному факту в Главк была направлена специальная заявка. Кроме того, ткацкий цех в 1946 г. был переведен на выпуск нового ассортимента (артикул 596). Выполнение производственного плана Сундырской фабрики на 1947 г. зависело от своевременности снабжения утком и пряжей со стороны Чебоксарского хлопчатобумажного предприятия.

В первом полугодии 1946 г. в эксплуатации находился один силовой агрегат цеха фабрики мощностью 45 л.с. из трех имеющихся (45 л.с., 35 л.с. и 18 л.с.). Во втором полугодии все двигатели были восстановлены, однако для их дальнейшей эксплуатации требовалась замена значительного количества запасных деталей. Все силовые установки были произведены Балаковским машиностроительным заводом и для приобретения необходимых запчастей требовалось выделение денежных средств в размере 20 тыс. руб. По состоянию на декабрь 1946 г. из трех эксплуатируемых динамо-машин в рабочем состоянии находилась только одна, мощностью 60 кВт. Оборудование также требовало проведения капитального ремонта, включающего перемотку якоря, заливку подшипников, расточку коллектора и замену угольных щеток.

В соответствии с актом правительственной комиссии (председатель – тов. Борисов), зафиксировавшим отсутствие на фабрики системы водоснабжения, данное обстоятельство являлось узким местом в работе силового цеха. Для устранения дефицита водоснабжения и обеспечения технологического процесса требовалось соорудить колодец стоимостью 30 тыс. руб., провести работы по укреплению бассейна и обеспечить нормальное охлаждение двигателей [1. Д. 7. Л. 6].

Электроснабжение фабрики и районных организаций осуществлялось за счет собственного электрооборудования предприятия. В 1946 г. был получен генератор переменного тока, ввод в

эксплуатацию которого требовал работ по переоборудованию существующей электросети.

Состояние транспорта не претерпело изменений в 1946 г. по сравнению с предыдущими годами. В целях обеспечения бесперебойного снабжения предприятия сырьем, материалами и топливом, Сундырской фабрике были необходимы денежные средства в размере 12 тыс. руб. для приобретения двух лошадей, проведения капитального ремонта имеющихся телег и саней, а также закупки новых. Кроме того, предприятие испытывало потребность в плановом получения запасных частей из Главка; соответствующий перечень неоднократно направлялся в адрес вышестоящей организации [1. Д. 7. Л. 7].

В 1946 г. производственная деятельность фабрики также осуществлялась с существенными перебоями. Основной причиной невыполнения производственной программы и неполной загрузки технологического оборудования явилось отсутствие механической энергии вследствие аварии двигателя. Указанные аварии были обусловлены неприспособленностью имеющихся двигателей к систематической продолжительной эксплуатации в промышленных условиях. Снабжение фабрики вспомогательными материалами осуществлялось крайне неудовлетворительно. Кроме того, из-за недостатка необходимых деталей технологического оборудования по ткацкому и механическому цехам наблюдались значительные простои, что препятствовало выполнению планового задания. Вследствие указанных факторов фактическое время работы предприятия было существенно ниже планового: по плану фонд рабочего времени составлял 307 дней, фактически было отработано 199 дней (64,8% от плана). За исключением марта месяца, фабрика не отработала ни одного полного месяца. Значительный удел простоев также был вызван отсутствием пряжи. Поставщик – Чебоксарская хлопчатобумажная фабрика – систематически простаивала из-за отсутствия собственной электроэнергии, что делало невозможным своевременное обеспечение производства сырьем [1. Д. 7. Л. 8].

Фактическая производительность труда составила 51,3% от планового значения. Перерасход удельного расхода рабочей силы (177%) обусловлен невыполнением плана по производительности труда вследствие простоя фабрики, отсутствия сырья (основ и утка), а также частых аварийных остановок двигателей.

В 1946 г. также имело место существенное невыполнение производственной программы. Согласно плану, объем поставки Чебоксарской фабрикой должен был составить 77,5 т, однако

Сундырским предприятием фактически получено 33,1 т (42% от плана). Выпуск готовой продукции по итогам года также не достиг плановых показателей. План производства установлен в объеме 580 тыс. м, фактический выпуск составил 252,5 тыс. м (48,5% от плана). Структура произведенной продукции распределилась следующим образом: бязь (артикул 597) – 226,8 тыс. м, бязь (артикул 596) – 14,7 тыс. м, сорочки – 11 тыс. м [1. Д. 7. Л. 10].

По результатам финансово-хозяйственной деятельности за 1946 г. фабрика завершила год с убытком в размере 484 тыс. руб.

В течение 1947 г. капитальный ремонт оборудования также не производился, что привело к снижению коэффициента производительности. Фактическая производительность ткацких станков системы «Платт» составляла 120–130 оборотов в минуту при технической норме 205 оборотов в минуту. Снижение фактической скорости работы оборудования было обусловлено, в том числе, недостаточной мощностью двигателей, неудовлетворительным состоянием ремней и превышением нормативного коэффициента скольжения. Во втором полугодии 1947 г. с прибытием квалифицированного мастера по ткацкому оборудованию был произведен капитальный ремонт 40 станков, что позволило увеличить их производительность до 170–180 оборотов в минуту. В первом полугодии производственный процесс характеризовался перебоями в работе двигателей мощностью 45 л.с. и 35 л.с. Двигатель мощностью 35 л.с. в июле был выведен на капитальный ремонт и смонтирован в августе. 5 сентября 1947 г. произошел выход из строя дизельного двигателя 45 л.с., ремонт которого был поручен бригаде Чебоксарского Водосвета и затянулся до декабря. В указанный период предприятие функционировало на двигателе мощностью 35 л.с., однако из-за отсутствия запасных частей наблюдались постоянные простои. Производительности данного двигателя было недостаточно для обеспечения работы всех 58 станков, в связи с чем от 14 до 17 ткацких станков были отключены от производственной линии [1. Д. 9. Л. 5].

Таким образом, в 1947 г. на Сундырской фабрике сохраняется нестабильность в обеспечении электроэнергией. Поставка запасных частей на Чебоксарскую фабрику осуществлялась без указания их целевого назначения для Сундырского предприятия, вследствие чего последнее получало данные комплектующие нерегулярно.

В части транспортного обеспечения сохранялись ранее выявленные проблемы. Дополнительно отмечаются осложнения,

вызванные распутицей и бездорожьем на участке Сундырь-Чебоксары в осенне-зимний период.

Работа фабрики продолжала прерывистый характер. При плановом фонде рабочего времени в 306 дней фактически отработано 277 дней, что составляет 80,5% от установленного показателя. В 1947 г. простой ткацких станков по различным причинам продолжался: при плановом задании в 227, 7 тыс. станкочасов фактическая выработка составила 183,4 тыс. станкочасов (80,5%). Значительная доля простоев (17,1%) обусловлена отсутствием пряжи. План поставки Чебоксарской фабрикой выполнен не был: при нормативе 97,5 т фактически получено 73,6 т (78,7%). План по выпуску продукции не выполнен: плановый показатель составлял 706 тыс. м, фактический выпуск – 494,9 тыс. м (70,5%). Производительность труда составила 74,9% от планового уровня [1. Д. 9. Л. 6].

В 1948 г. Сундырская фабрика продолжала работать с перебоями. Объем поставок от Чебоксарской фабрики составил 63,5% от планового. Тем не менее, план был выполнен на 90%. По сравнению с предыдущим годом объем выработки увеличился на 139,5% и составил 194,5 тыс. м. Производительность труда достигла 94,9% от планового показателя и 130,6% к уровню 1947 г.

В целях снижения текучести кадров администрацией фабрики был реализован комплекс мероприятий, включающий проведение капитального и текущего ремонта общежитий и жилых помещений для рабочих и служащих, оснащение общежитий необходимым инвентарем, выделение 24 работникам (не связанных с сельским хозяйством) земельных участков общей площадью 2 га для ведения индивидуального огородничества в целях улучшения их материального положения. В производственном секторе осуществлялись капитальный и текущий ремонт оборудования, а также финансирование мероприятий по улучшению условий труда. Производился перевод рабочих на участки, соответствующие их квалификации, что способствовало значительному росту заработной платы по сравнению с предыдущими годами.

Администрацией и общественными организациями велась систематическая разъяснительная работа по вопросам ответственности за самовольный уход с рабочего места и охраны социалистической собственности. В целом состояние трудовой дисциплины на предприятии оценивалось как удовлетворительное. За 1948 г. зафиксирован один случай хищения имущества на сумму 5 руб. 25 коп., по которому к уголовной ответственности привлечены два

лица, приговоренные к 1 году исправительно-трудовых работ каждый. Весь личный состав пожарно-сторожевой охраны (ПСО) прошел подготовку согласно установленному положению о ПСО. Агитационно-массовая работа проводилась посредством бесед и докладов в производственных цехах и жилом секторе [1. Д. 13. Л. 110].

С 1948 г. значительно усилилась на фабрике кадровая работа. Штатная численность промышленно-производственного персонала составила 101 единицу. Анализ выполнения плана по подготовке новых кадров выявил незначительное отклонение: при плановом задании в 10 человек фактически было подготовлено 9 посредством индивидуально-бригадного обучения. В качестве положительного примера следует отметить высокую производительность труда выпускников, в частности Блиновой А.С., Буроновой С.А. и Алексеевой Ф.А., которые, освоив обслуживание трех станков, достигли выработки на уровне не ниже 120% от установленной нормы. В рамках социалистического соревнования из числа охваченных данной формой мотивации 39 рабочих выполнили годовой производственный план. Из них 11 работников достигли сверхпланового показателя, выполнив норму на 120%. Была проведена комплексная работа по оптимизации организации труда и устранению причин невыполнения норм выработки. В отношении рабочих с низкой производительностью проводились индивидуальные беседы по устранению недостатков, а также реализовывались мероприятия по повышению технической грамотности (техминимум) и внедрению передовых методов производства в стахановской школе. Показатели деятельности передовиков производства систематически выносились на обсуждение производственных совещаний и «стахановских вторников». За 1948 г. было осуществлено повышение квалификации 30 рабочих различных профессий. По результатам обучения в стахановской школе отмечался устойчивый рост производственных показателей: ткачихи демонстрировали ежемесячное выполнение плана свыше 100%, работали без брака и проявляли бережное отношение к экономии сырья. Аналогичная тенденция наблюдалась и среди выпускников курсов помощников мастеров, где процент выполнения норм выработки стабильно поддерживался на уровне не менее 100%. Руководителями данных образовательных программ являлись старший мастер фабрики Смирнова А.П., ткачиха-стахановка Яшмолкина М.А. [1. Д. 13. Л. 112].

В 1948 г. была также проведена комплексная агитационно-массовая работа, направленная на интенсификацию

производственного процесса. В рамках данной деятельности осуществлено обсуждение методик изучения и внедрения передовых стахановских приемов труда по инженерно-технической системе Ковалева (заимствованной с фабрики «Пролетарская Победа»), а также резолюций ИТР и служащих Ивановской текстильной промышленности.

По итогам рассмотрения обращений руководителей 35 московских промышленных предприятий к тов. Сталину, трудовой коллектив Сундырской фабрики инициировал ряд организационных мероприятий. Данные меры были нацелены на оптимизацию издержек и позволили достичь сверхплановой экономии в размере 30 тыс. руб. за счет снижения себестоимости выпускаемой продукции.

С целью повышения политико-экономического кругозора персонала проведено 12 лекционных занятий по следующим темам: «Столетний юбилей Коммунистической партии», «Анализ текущей внутренней политики государства», «Оценка международного положения», «Стратегические задачи пятилетнего плана развития народного хозяйства», «Роль советской молодежи в индустриализации», «Идеологические основы социалистического соревнования в трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина», «Передовой производственный опыт стахановцев», «Земля и планета: прошлое, будущее и настоящее» [1. Д. 13. Л. 121].

В результате проведенной работы по подготовке кадров были выделены сотрудники из числа передовиков производства (стахановцев). К числу наиболее отличившихся работников, демонстрирующих высокую выработку и качество труда, относились следующие специалисты: Васильева Е.В., Максимова Е.М., Лукьянова С.А., Морозова О.Г., Краснова Н.Д., Яшмолкина М.А., Романова М.Р., Сильвестрова Е.Я., Буронова С.А., Федорова А.Ф., Богданова Л.С., Ефремова Н.Е., Волкова А.А., Андреева Н.А., Малькова М.К., Галкина В.К., Орлова З.А., Филиппова М.Ф., Кондратьева К.Н., Шишокина З.Н., Игнатьева М. И., Блинова А.С., Ермакова Л.А., Ванюшкина О.Т., Жидкова Н.Ф. [1. Д. 13. Л. 122].

В 1949 г. предприятием был утвержден и реализован план по подготовке и повышению квалификации кадров, включающий, обучение 16 ткачей, 2 поммастеров, 1 электрика и 1 уточницы, продолжение обучения рабочих в рамках программы техминимума и краткосрочной стахановской школы, охват всех работников предприятия мероприятиями по повышению квалификации, а также массовое внедрение «метода Ковалева» для организации работы в третью

смену с целью выполнения показателей пятилетнего плана. Проведенная работа наряду с прочими факторами производственно-хозяйственной деятельности обусловила статистически значимое улучшение производственных результатов Сундырской хлопчатобумажной фабрики. Годовой план по валовой продукции в 1949 г. выполнен на 101, 7%, план по ткачеству выполнен на 102,6%. Фактическая выработка увеличилась на 12,9% по сравнению с 1948 г. Доля продукции первого сорта достигла 95,1% при плановом показателе 92%. Снижение себестоимости продукции в сопоставимых ценах 1948 г. составило 6,2% при плане 4,5%. сверхплановая экономия составила 67 тыс. руб. [1. Д. 14. Л. 9].

В том же году осуществлен капремонт дизельных двигателей мощностью 45 л.с. и 35 л.с., проведены гидротехнические работы: наращивание водного бассейна на 0,75 м., что позволило устранить ненормальное поступление воды в механический цех. Установлено дополнительное оборудование для перекачивания топлива, а также защитные ограждения вокруг двигателя А-22 и генератора постоянного тока мощностью 10 кВт. Произведен текущий ремонт ткацкого цеха, включая внутреннюю побелку всего здания, а также жилищно-коммунальных зданий и фабричной конторы. Приобретены, смонтированы и введены в эксплуатацию новый токарно-винторезный станок модели М-1615 и двигатель внутреннего сгорания А-22. Выполнен планово-предупредительный ремонт всех 58 ткацких станков в соответствии с утвержденным графиком. Тем не менее, продолжались эксплуатационные проблемы с силовыми установками, выражавшиеся в остановках двигателей 45 л.с. и 35 л.с. В результате комплекса ремонтных работ и ввода в эксплуатацию нового оборудования простои оборудования по сравнению с 1948 г. снизились на 0,3%. Снабжение двигателей топливом осуществлялось бесперебойно, в достаточном количестве и надлежащего качества, что позволило в 1949 г. снизить норму удельного расхода топлива. Сохранялись проблемы с организацией грузовых перевозок и техническим состоянием автопарка. Грузовой автомобиль ЗИС-5 грузоподъемностью 3 т был передан Ташкентскому текстильному комбинату на основании распоряжения Главного управления. Два имеющихся автомобиля ГАЗ-АА (грузоподъемность 1,5 т) прошли два капремонта, однако не удовлетворяли потребности предприятия в перевозке грузов. Один из указанных автомобилей был списан ввиду невозможности восстановления и длительного простоя без движения. По причине

неудовлетворительного состояния дорожного покрытия, отсутствия запасных частей и ожидания проведения ремонтных работ суммарный простой двух единиц техники ГАЗ-АА составил 201 день [4. Д. 14. Л. 10].

Выполнение производственного плана по объему выпускаемой продукции в 1949 г. составил 104,4% от планового задания. Сверх установленного плана произведено 18,9 тыс. м готовой продукции.

Причинами простоя оборудования в 1949 г. были: ремонт силовых установок – 3,4%, ремонт производственного оборудования – 2,4%, недостаток пряжи – 12,6%, прочие причины (обрывы нитей и т. д.) – 0,8%.

За счет увеличения коэффициента сменности объем производства сверх плана составил 182,2 тыс. метров. Динамика среднесуточной выработки готовой продукции характеризуется следующими показателями:

Таблица 1

Год	Среднесуточная выработка
1947	1787 метров
1948	2238 метров
1949	2767 метров

В течение 1949 г. перерасхода сырья и сверхпланового выхода угаров не зафиксировано. Качество выпускаемой продукции по сортам составило: выработка продукции первого сорта – 106,2% к плану, второго сорта – 38,1% к плану, третьего сорта – 148%. Перерасхода по затратам фабрика за 1949 г. не имела. Запланированный фабрике убыток на плановый выпуск составил 274,7 тыс. руб. Фактический убыток на выполненный объем превысил плановые показатели на 84,2 тыс. руб. Отмечаем также рост производительности труда при одновременном сокращении удельного расхода рабочей силы. В текущем году на предприятии отсутствовали потери от брака и продукции пониженной сортности. Экономия по административно-управленческим расходам составила 20,3 тыс. руб. В феврале 1949 г. за отклонение сортности продукции от требований сертификации на сумму 11,5 тыс. руб. был уплачен штраф. Дебиторская задолженность предприятия снизилась на 7,4 тыс. руб. Просроченная задолженность по зарплате отсутствовала [1. Д. 14. Л. 19].

Изучение архивной документации за 1950–1957 гг. позволяет сделать вывод о существенной положительной динамике ключевых

технико-экономических показателей производственной деятельности Сундырской фабрики.

В 1950 г. план по валовой продукции выполнен на 102,4%, что обеспечило сверхплановый выпуск продукции в объеме 48 тыс. руб. В производстве тканей план выполнен на 101,8%, что позволило выпустить сверх плана 14 тыс. м суровья. По сравнению с 1949 г. выработка в ткачестве увеличилась на 0,4%. В качестве ключевых факторов, обусловивших перевыполнение плановых показателей следует выделить улучшение организации труда на основе развернутого социалистического соревнования, повышения качества ремонтных работ и выполнения плана организационно-технических мероприятий. Не было допущено перерасхода сырья и сверхпланового выхода угаров. Коэффициент использования оборудования составил 97,9%. Выпуск суровья первого сорта превысил план на 1,1%, что обеспечило увеличение общего объема выпуска ткани первого сорта на 8,5 тыс. м [1. Д. 16. Л. 6].

Причины простоя оборудования остались аналогичными предыдущим периодам. По итогам 1950 г. простой был сокращен с 14,2% до 7,3% от общего фонда станкочасов. Удельный расход рабочей силы снизился при значительном росте производительности труда. Отсутствовал перерасход фонда заработной платы [1. Д. 16. Л. 9].

В 1950 г. выполнен комплекс работ по капитальному ремонту и модернизации производственных мощностей. Проведен капремонт 32 единиц ткацкого оборудования. В силовом цехе реализован комплекс мероприятий по реконструкции кровли, включающий демонтаж существующего покрытия, возведение утепленного чердачного перекрытия и наращивания несущих каменных стен. Выполнены работы по оштукатуриванию ограждающих конструкций, частичному ремонту цементной стяжки пола и комплексному утеплению производственных помещений силового и ткацкого цехов. В целях оптимизации логистических операций внутри цехового транспорта смонтирован подъемный механизм (таль) с грузоподъемностью 3 т. Введен в эксплуатацию подземный нефтепровод протяженностью 120 м для транспортировки топлива от нефтехранилища к силовому цеху, что позволило исключить использование автомобильного транспорта для данных целей. Кроме того, были осуществлены малярные работы по антикоррозийной защите металлоконструкций кровель производственных, складских и жилых зданий предприятия, проведен капремонт силового агрегата грузового автомобиля, внедрено технологическое оборудование – пресс для

брикетирования и упаковки готовой продукции. В 1951 г. осуществлен капитальный ремонт парка ткацкого оборудования в объеме 26 станков. Проведены работы по восстановлению энергетической установки – дизельного двигателя мощностью 45 л.с. На балансе предприятия поставлены объекты социальной инфраструктуры: столовая, баня, а также хозяйственные сооружения, включая бензохранилище и уборную. Выполнена теплоизоляция ограждающих конструкций тамбура ткацкого цеха. В 1953 г. реализован комплекс мероприятий по капремонту 49 ткацких станков, капремонт дизель-генераторной установки мощностью 45 л.с., обеспечено расширение жилого фонда для персонала путем ввода в эксплуатацию двух квартир и общежития рабочих, приобретена одна автомашина. В 1954 г. выполнен капитальный ремонт 18 ткацких станков, проведены регламентные работы энергетических агрегатах: дизеле 45 л.с. и двигателе внутреннего сгорания 35 л.с., введены в строй пять квартир и два общежития, а также одна единица автотранспорта. В 1955 г. план капремонта был выполнен в полном объеме; фактический объем финансирования составил 34 тыс. руб. В рамках производственной программы произведен ремонт дизельных двигателей, 18 ткацких станков и сновальной машины. Завершены работы по реконструкции центрального склада готовой продукции фабрики. В 1956 г. план капитального ремонта также был исполнен полностью при фактическом финансировании в размере 55 тыс. руб. Произведен капремонт силовых двигателей, 18 ткацких станков, выполнены работы по реконструкции силового перекрытия производственного корпуса и проходной будки, а также был сдан в эксплуатацию двухквартирный дом [1. Д. 17. Л. 3].

Таким образом, в течение 1950–1957 гг. на предприятии наблюдалось значительное повышение стабильности производственного процесса. Благодаря проведенным мероприятиям частота перебоев в энергоснабжении была сведена к минимуму. В результате модернизации коэффициент использования оборудования существенно возрос, а суммарное время простоя техники сократилось на 71%. Система материально-технического обеспечения функционировала в штатном режиме, что обеспечило бесперебойное снабжение фабрик топливом и дровами.

В 1950–1957 гг. наблюдались следующие тенденции в сфере организации труда: зафиксировано снижение коэффициента текучести кадров и повышение уровня трудовой дисциплины. Передовой сегмент ткачих (лидеры производства) демонстрировал устойчивое

перевыполнение нормированных заданий, поддерживая выработку на уровне, превышающем 120%. В отношении персонала, не обеспечивающего выполнения установленных норм, реализовывался комплекс корректирующих мероприятий, который включал проведение целевых производственных инструктажей и детальный анализ причин невыполнения плановых показателей. Отделом труда и заработной платы осуществлялся систематический мониторинг и учет выполнения норм выработки с ежедневной и декадной периодичностью. Полученные данные визуализировались посредством размещения сводных таблиц на информационных стендах в общедоступных местах. Кроме того, продолжалась работа по интенсификации производственного процесса через освоение и внедрение передовых стахановских методов организации труда, разработанных по методике инженера Ковалева [1. Д. 17. Л. 18].

По аналогии с передовыми производственными предприятиями, на базе фабрики было реализовано и поддерживалось в активном состоянии соцсоревнование по достижению высоких показателей качества выпускаемой продукции. В рамках данного мероприятия в 1950 г. были сформированы четыре бригады отличного качества общей численностью 32 человека, в 1951 г. организовано пять подобных бригад численностью 36 человек, в 1952 г. – шесть бригад, в 1953 г. – семь бригад численностью 106 ткачей, в 1954 г. – восемь бригад отличного качества численностью 96 специалистов. Начиная с 1955 г., социалистическим соревнованием были охвачены уже все работники фабрики. Процедура принятия социалистических обязательств проводилась ежемесячно по сменам, бригадам (комплектам) и в индивидуальном порядке каждым работником. Итоги выполнения обязательств подводились на собраниях смен, после чего материалы о результатах размещались в стенной печати, оперативных сводках («молниях») и боевых листках. Показатели лучших бригад и комплектов, а также передовых рабочих рассматривались на расширенном заседании фабричного комитета. По результатам соревнования лучшему коллективу и лучшей бригаде присуждались переходящие вымпелы и звания «Лучший по профессии» (в том числе для ткачей, помощников мастеров, машинистов и других специальностей). Передовики производства заносились на Доску почета, награждались почетными грамотами и денежными премиями [1. Д. 18. Л. 4].

Кадровый состав руководящих работников фабрики был укомплектован в полном объеме. На постоянной основе осуществлялась

работа по подготовке и повышению квалификации производственного персонала и уровня их политической грамотности. В соответствии с утвержденными планами организовывались кружки, технические совещания, а также проводились индивидуальные занятия, техминимум, стахановские школы, курсы целевого назначения и производственные инструктажи. Обучение велось на основании программы, разработанной Институтом усовершенствования Министерства легкой промышленности СССР. В 1950 г. план проведения учебных занятий был выполнен на 115%. В 1951 г. повышение квалификации прошли 15 работников, из них 10 ткачей, 3 машиниста, 1 батанщик, 1 подавальщица. Кроме того, обучение в стахановской школе завершили 26 ткачей, а на производственных курсах – 11 ткачей. В 1954 г. повышение квалификации на производственно-технических курсах прошли 12 ткачей, обучение в стахановских школах – 22 работника. Всего было подготовлено по программам индивидуального обучения, на курсах целевого назначения, в стахановских школах и на производственно-технических курсах 70 человек. В 1956 г. повышение квалификации прошли 11 ткачей, обучение в стахановских школах – 20 человек. Учебные занятия проводились в красном уголке и в кабинете директора. По завершении обучения квалификационная комиссия проводила выпускные экзамены для обучающихся. В состав комиссии входили директор фабрики (председатель), старший мастер, работник отдела труда и инспектор отдела кадров. К рассмотрению на квалификационную комиссию представлялись результаты практической деятельности учащихся, включая выполнение норм выработки и показатели сортности продукции. Комиссия также осуществляла проверку теоретических знаний по правилам техники безопасности, организации рабочего места, планированию работы, видов брака и иным производственным вопросам. По окончании курса проводилась проверка освоения обучающимися «метода Ковалева» (знание и применение рабочих приемов). Например, внедрялся единый метод наладки станков для поммастеров, разработанный по «методу Ковалева». В рамках данного метода на фабрике осуществлялось внедрение трех технологических приемов: смена челнока, зарядка челнока и ликвидация обрыва. Обучение ткачей указанным приемам проводил штатный инструктор ткацкого цеха. Результаты проверки выполнения приемов, включая оценку правильности и скорости, фиксировались в журнале. Для наглядности в ткацком цехе были размещены схемы трех приемов. Все действующие ткачи успешно

освоили внедряемые приемы. Кроме того, ключевым направлением работы с работниками фабрики стало внедрение надлежащей организации рабочих мест и планирования деятельности ткачей. Описание стандартов организации рабочего места было доведено до сведения всего персонала. Контроль за соблюдением установленных требований осуществлялась инструктором и мастерами цеха. Инструкция по правильной организации рабочего места также была размещена на информационном стенде в производственном помещении [1. Д. 18. Л. 11].

На предприятии функционировал методический отдел в составе пяти человек, в компетенцию которого входило рассмотрение и утверждение программ для курсов целевого назначения и стахановских школ, а также анализ отчетов руководителей данных учебных мероприятий и инструктора о ходе внедрения передовых методов работы. Кроме того, отделом проводилась оценка деятельности бригад отличного качества. Указанные функции были направлены на реализацию задач по подготовке кадров и повышению их квалификации.

В рамках реализации программы повышения квалификации и идеологической подготовки инженерно-технических работников (ИТР) в 1950–1957 гг. также проводился комплекс мероприятий. Осуществлена индивидуальная разъяснительная работа со всем контингентом ИТР по вопросам условий и порядка зачисления на заочную форму обучения. Вне рамок основной профессиональной деятельности весь состав ИТР был задействован в работе научно-просветительских кружков, специализирующихся на изучении «Краткого курса истории ВКП(б) (КПСС). В структуре вовлеченности в агитационно-пропагандистскую деятельность в 1954 г. из восьми сотрудников ИТР четыре человека выполняли функции агитаторов. В рамках политико-просветительской работы проводились тематические лекции, посвященные международной обстановке и вопросам внешней политики, историческому значению 300-летия воссоединения Украины с Россией, основным правам и обязанностям граждан СССР, актуальным вопросам советского трудового законодательства, эволюции и современному состоянию чувашской литературы, естественнонаучной проблематике: дискуссионному вопросу космогонии – проблеме начала и конца мира. В 1955 г. программа повышения квалификации ИТР включала проведение 19 научно-технических докладов и лекций и организацию 3 методических мероприятий в формате «День мастеров». Отдельно следует отметить прохождение курсов повышения квалификации:

старший мастер Сотникова О. А. в течение трех месяцев проходила обучение на Центральных технических курсах усовершенствования в г. Иванове [1. Д. 20. Л. 6].

В составе ИТР из восьми сотрудников семь (87,5%) составляли женщины. По уровню квалификации данные специалисты дифференцированы следующим образом: четыре сотрудника имели профильное специально-техническое образование, в то время как три являлись практиками, не имеющими формально технического образования. Кадровый состав руководящего звена: директор фабрики Хорошина А.В., старший экономист Желнина Н.М., начальник цеха Смирнова А.П., мастера Сотникова О.А., Сюнева А.А., Маркова Н.Т., инспектор отдела кадров Сидихмеева Г.П. [1. Д. 20. Л. 8].

В те же годы весь личный состав подразделения ПСО также проходил ежегодное обучение по утвержденной программе. Случаев возгорания на фабрике не было, а в отношении хищений материальных ценностей проводились соответствующие мероприятия. Всего было зарегистрировано три случая хищения, из которых по одному факту лицо было привлечено к уголовной ответственности, а в двух других случаях, ввиду малозначительности проступков, применены меры административного взыскания.

В 1950–1957 гг. предприятие продолжили приводить в порядок: проводилась практика ежемесячной выборочной проверки правильности зачисления заработной платы, осуществляемой расчетным отделом бухгалтерии, что позволило сократить количество случаев некорректных расчетов; усилен контроль за деятельностью табельного отдела, что в результате минимизировало количество ошибок при регистрации явок сотрудников на работу и в итоговых данных месячных табелей учета рабочего времени; в медпункте упразднена выдача справок, освобождающих от работы на один день по болезни; усовершенствован порядок исчисления непрерывного трудового стажа для назначений пособий по временной трудоспособности; организован учет для выявления скрытых форм сверхурочной работы и установлен строгий контроль за предоставлением отгулов; проводилась системная работа по укреплению трудовой дисциплины и обеспечению строгого соблюдения установленной продолжительности рабочего дня [1. Д. 20. Л. 9].

В период 1950–1957 гг. на Сундырской фабрике наблюдалось некоторое улучшение жилищно-бытовых условий работников. По состоянию на 1950 г. жилой фонд предприятия включал четыре здания, в которых были размещены 21 работник (24,9% от общего числа).

Одно из зданий использовалось для размещения красного уголка. В указанном году был выполнен текущий ремонт данных объектов. Для бытового обслуживание работников фабрика располагала столовой, баней и рядом иных подсобных помещений. В 1951 г. в распоряжении предприятия находились три жилых здания, в которых проживало 11 семей рабочих. Молодым специалистам предоставлена более благоустроенная квартира. В том же году было организовано общежитие на 6 человек и приобретены мебель и мелкий инвентарь (столы, стулья, табуреты и др.). Кроме того, рабочим было предоставлено 165 куб. м дров с доставкой фабричным транспортом. Все работники, проживающие на территории предприятия были обеспечены индивидуальными огородами и земельными участками для посадки картофеля. В культурно-бытовом отношении в красном уголке обеспечивался доступ к периодической печати. В 1955 г. для нужд досуга был приобретен аккордеон, а в 1956 г. – радиоприемник с проигрывателем и биллиард [1. Д. 20. Л. 9].

В период с 1950 по 1957 гг. в результате интенсификации производственно-хозяйственной деятельности и оптимизации управленческих процессов была зафиксирована положительная динамика основных технико-экономических показателей функционирования Сундырской хлопчатобумажной фабрики. В частности, за отчетный 1951 г. выполнение плана по валовой продукции составило 109%, что эквивалентно производству сверхплановой продукции на сумму 207 тыс. руб. В натуральном выражении плановые задания реализованы на 110,8% (сверхнормативный доход суровья составил 90 тыс. м). Относительно базисного периода (1950 г.) зафиксировано увеличение выработки в ткацком производстве на 17,8%. Ключевыми факторами перевыполнения производственной программы выступили: оптимизация организации труда посредством развертывания социалистического соревнования; модернизация ремонтно-эксплуатационной базы; реализации комплекса организационно-технических мероприятий; внедрение передовых методов высокопроизводительного труда инженера Ковалева (стандартизация операций смены челнока, его зарядки и ликвидации обрыва нити); рационализация рабочих мест и совершенствования оперативного планирования для основного производственного персонала; улучшение параметров социально-бытовой инфраструктуры [1. Д. 20. Л. 9].

Зафиксирован высокий уровень ресурсосбережения: экономия сырья составила 3,8 т пряжи, при этом фактический процент технологических угаров снизился до 2,7 против планового показателя в

3%. Коэффициент использования производственного оборудования в ткацком цехе достиг 100,5%. Обеспечение качества конечной продукции характеризовалось выходом товарного суровья I сорта на уровне 97%, что свидетельствует о выполнении годового ассортиментного плана в январе (до 93,6%), феврале (до 87,3%) 1951 г. Превышение норматива простоя оборудования на 0,2% было обусловлено техническим отказом дизельной установки, функционировавшей со значительными перебоями в предремонтный период.

Отмечен рост производительности труда и сокращение удельного расхода рабочей силы. Штатная численность кадрового состава предприятия была приведена в соответствие с нормативной потребностью. Показатель текучести кадров сократился троекратно относительно предыдущего отчетного периода. Указанные результаты достигнуты вследствие улучшения условий труда и быта, а также повышения квалификационного уровня 50% рабочих через систему стахановских школ и специализированных курсов. В рамках укрепления трудовой дисциплины осуществлен следующий комплекс мер: систематическое проведение лекций и докладов, изучение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1951 г., создание товарищеского суда. Логистическая инфраструктура обеспечивала бесперебойное функционирование предприятия: дефицит автотранспортных средств и нарушение электроснабжения в течение 1951 г. не фиксировалось. Кредиторская задолженность перед Госбанком СССР отсутствовала [1. Д. 20. Л. 10].

В 1952 г. зафиксировано перевыполнение плана по валовому выпуску продукции, составившее 102,6%, что в абсолютном выражении эквивалентно дополнительному объему товарной массы на сумму 75 тыс. руб. Натуральные показатели выполнения плана достигли отметки в 102,1%, обеспечив сверхплановый выход суровья в объеме 22,8 тыс. пог. м. В рамках межпериодного сравнительного анализа (к базе 1951 г.) зафиксирован прирост производительности труда в ткацком производстве на 18,1%. Показатель производительности оборудования составил 99,5% от нормативного значения. Причиной недовыполнения производственной программы явилось субоптимальное функционирование предприятия в зимний период, обусловленное нарушением температурно-влажностного режима микроклимата производственного помещения (низкая температура в цехе). Сверхнормативный простой технологического оборудования превысил плановое значение на 4,9%, что было вызвано отсутствием утка, основы и вспомогательных материалов. Анализ

дифференциации среднечасовой тарифной ставки оплаты труда выявил следующий диапазон значений за восьмичасовую смену: базовый интервал варьировался от 14 до 20 руб., при этом данные по конкретным профессиям составили: для ткачей – 20,73 руб., поммастеров – 34,33 руб., проборщиц – 19,68 руб., слесарей – 24,31 руб., токарей – 20,19 руб., водителей автотранспорта – 22,34 руб., подсобных рабочих (грузчиков) – 14,18 руб. [1. Д. 20. Л. 11].

В отчетном периоде 1953 г. зафиксирована реализация плана по валовой продукции (в сопоставимых ценах 1951 г.) в 119,8%, что эквивалентно генерированию сверхпланового объема на сумму 702,5 тыс. руб. В натуральном выражении плановые показатели перевыполнены по бязи артикула 598 до 182% от норматива с обеспечением дополнительной выработки суровья в объеме 165,7 тыс. м. По фасонной ткани зафиксировано недовыполнение производственной программы (выполнено 88,6%), что было вызвано несвоевременной перезаправкой ткацких станков: плановая модернизация оборудования была намечена на февраль-март 1953 г., фактическая реализация произошла в мае вследствие дефицита комплектующих для переоснащения агрегатов. В течение 1953 г. достигнут абсолютный показатель экономии сырья (пряжи) в размере 1 500 кг, из которых 1 100 кг пришлось на выпуск фасонной ткани. Коэффициент использования производственного оборудования составил 115,3%, в том числе по бязи – 101,1%, по фасонной ткани 103,3%. Простой оборудования превышал плановый вследствие перезаправки фабрики на фасонную ткань и наличия больших простоев станков во время перезаправки и обработки станков [1. Д. 20. Л. 12].

В 1954 г. выполнение плана по валовой продукции достигло значения 129,4%, обеспечив дополнительный объем товарного выпуска на 1 676,9 тыс. руб. План производства занавесочной ткани выполнен на 126,9% (+ 349,5 тыс. м. суровья). Годовая производственная программа по данной номенклатуре реализована досрочно (к 27 октября).

Для обеспечения интенсификации производственных процессов и достижения установленных целевых ориентиров в текущем году осуществлен комплекс организационно-технических мероприятий: осуществлена оптимизация скоростных режимов работы ткацких станков, повлекшая рост производительности на 12%, относительно 1953 г.; реализованы мероприятия по повышению кадрового потенциала: аттестовано на производственно-технических курсах 12 специалистов-ткачей, в стахановских школах 22 человека;

достигнуто двукратное сокращение внеплановых простоев основного оборудования в сравнении с показателями предыдущего года; ежемесячные социалистические соревнования, ориентированные на перевыполнение норм выработки, повышение качества продукции и снижение ее себестоимости и экономию сырьевых ресурсов; улучшено качество ремонта станков.

Среднесуточная выработка суровья продемонстрировала положительную динамику роста на 54,6% к уровню 1953 г. Совокупная экономия пряжи при производстве занавесочной ткани составила 5 900 кг., производительность оборудования составила 107,6%, производительность труда достигла показателя 112,4% при удельном расходе рабочей силы 94,6%. Нарушений энергообеспечения не зафиксировано, снабжение топливом и дровами носило бесперебойный характер. Экономический эффект от снижения себестоимости всей товарной продукции превысил плановый уровень на 191 тыс. руб. (6,7%). План реализации готовой продукции за 1953 г. реализован на 78,8% [1. Д. 23. Л. 12].

В 1955 г. плановые задания по выпуску валовой продукции реализованы на 110,7%, что эквивалентно производству сверхпланового объема на сумму 767 тыс. руб. В натуральном выражении целевые показатели по ассортиментной продукции позиции «ткань ажурная» достигнуты с коэффициентом 110,5% (дополнительный объем выпуска составил 169,4 пог. м). Годовой производственный график по данной номенклатурной единице был закрыт досрочно – 28 ноября.

Для обеспечения установленных и перевыполненных производственных показателей в технологический процесс внедрен комплекс организационно-технических мероприятий: скорость ткацких станков повышена на 6% относительно 1954 г.; повышена квалификация ткачей на производственно-технических курсах (13 человек), в стахановских школах (20 человек); достигнуто снижение показателя обрывности нитей основы на ткацком оборудовании на 20%; минимизированы внеплановые простои технологического оборудования на 1,9%; продолжались ежемесячные социалистические соревнования.

Среднесуточная производительность труда в выработке суровья увеличилась на 7,4% в сопоставлении с данными за 1954 г. Совокупный экономический эффект от ресурсосбережения при производстве занавесочной ткани составил 9 950 кг пряжи, включая сокращение угаров на 1 340 кг и оптимизацию плотности полотна, обеспечившую экономию 3 200 кг сырья.

Фактическая производительность ткацкого оборудования по выработке ажурной ткани составила 6 291 уточину на один станок в час, превысив нормативный показатель (6 036 уточин). Коэффициент использования производственной мощности достиг значения 104,2%.

Выполнение плана по качеству товарной продукции.

Таблица 2

Ассортимент	план	Факт.	% к плану	% по факту
Ажурная ткань арт. 1225 1 сорт 2 сорт 3 сорт	1537 - -	1737 39,5 5,7	95 - -	97,2 2,2 0,3
Условный мерный лоскут	-	2,9	-	0,2
Весовой лоскут	-	1,6	-	0,1
Итого	1618	1787,4	100	100
Сорочка 1 сорт	-	8,7	-	-

Плановая производительность труда на 1955 г. составила 7 134 уточины в час на одного рабочего с учениками. Фактический показатель достиг 8 077 уточин в час, что составляет 113% от планового значения.

Средняя зарплата по профессиям в 1955 г. составила.

Таблица 3

Профессия	Количество рабочих	Средняя зарплата за 8 ч.
Ткачи	76	29,15
Поммастера	7	49,21
Присучальщицы	3	20,50
Сновальщицы	3	22,04
Слесарь	3	25,19
Шофера	1	19,14
Токари	1	20,19
Грузчики	4	14,78

В ответ на почин предприятий г. Москвы коллективом фабрики было взято обязательство по досрочному выполнению пятилетнего плана к октябрю 1955 г. Фактически план был реализован 9 августа, а годовой производственный план был завершен досрочно – 28 ноября [1. Д. 26. Л. 13].

По результатам производственной деятельности за I и II кварталы 1955 г. фабрике присуждено переходящее Красное знамя совета Министров Чувашской АССР и Областного совета профсоюзов. В приказе Министра промышленных товаров широкого потребления №28 по итогам работы за III квартал 1955 г. отмечена эффективная деятельность коллектива Сундырской фабрики.

По состоянию на 1955 г. автопарк предприятия был представлен двумя единицами техники: автомобилями ГАЗ-51 и ЗИС-150 (поступил в 1955 г). Пробег автомобиля ГАЗ-51 без проведения капитального ремонта превысил 120 тыс. км. За достижение указанных показателей водитель транспортного средства награжден ведомственным знаком отличия «Отличник социалистического соревнования Минпромтоваров СССР» с выплатой денежной премии.

По состоянию на 1955 г. энергетическое оборудование фабрики представлено собственной энергетической установкой, включающей три дизельных двигателя марки 1 Д26/30 мощностью 45 л.с. каждый и один двигатель марки ДВ-35 мощностью 35 л.с. Привод ткацких станков осуществлялся непосредственно от дизельного двигателя посредством трансмиссионной передачи. Для обеспечения освещения производственных помещений в вечернее и ночное время дизель функционировал в режиме привода генератора. Энергоснабжение обеспечивали два штатных генератора переменного тока типа СТ-36/6 мощностью 35 кВт, эксплуатируемых посменно. Кроме того, на фабрике был резервный генератор постоянного тока мощностью 75 кВт, напряжение в сети освещения составляло 220 В. Техническое состояние энергетического оборудование оценивалось как удовлетворительное. На фабрике были установлены пять вентиляторов с индивидуальными электродвигателями, эксплуатация которых производилась при наличии напряжения в электросети (в вечерние и ночные часы) [1. Д. 26. Л. 14].

Необходимо подчеркнуть наличие значительного разрыва между темпами формирования энергетического потенциала и уровнем индустриального спроса в Чувашской АССР. Наблюдаемое явление характеризуется устойчивым дисбалансом, выраженным недостаточной обеспеченностью промышленного сектора необходимыми ресурсами электроэнергии, обусловленным объективной задержкой процессов модернизации и расширения энергоинфраструктуры относительно динамики роста производственных мощностей и энергопотребления промышленных предприятий республики [7, с. 178].

Энергетический комплекс Сундырской фабрики, базирующийся на автономной генерирующей установке, выступил детерминантом обеспечения стабильности операционного цикла предприятия. Данный фактор приобрел особую актуальность в контексте системного энергодефицита объектов текстильной промышленности Чувашской АССР на этапе их становления и последующей эксплуатации. В качестве эмпирической иллюстрации выступает опыт Канашской хлопчатобумажной фабрики, функционирование которой характеризовалось выраженной технологической зависимостью от внешнего поставщика электроэнергии – Канашского вагоноремонтного завода. Отсутствие у Канашской фабрики собственной генерации установленной мощности, а также резервных источников питания формировало критическую уязвимость производственной инфраструктуры к рискам аварийных остановок смежного предприятия. В результате систематического нарушения непрерывности технологических процессов вследствие экзогенных факторов Канашская фабрика подверглась процедуре полной ликвидации производственных мощностей (демонтирована в 1947 г.) [2. Д. 1. Л. 10].

В 1956 г. план по валовой продукции выполнен на 102%, сверхплановая продукция составила 134,5 тыс. руб. В натуральном выражении план выпуска выполнен на 104%, сверх плана выработано 73,4 тыс. м ткани, а годовой план по выпуску ткани реализован досрочно – 19 декабря. Среднесуточная выработка по сравнению с показателем 1955 г. увеличилась на 5,3%. За отчетный период при производстве занавесочной ткани достигнут общий расход сырья ниже нормативного на 7 400 кг пряжи, в том числе экономия на угарах – 1 900 кг, экономия на плотности – 700 кг. Фактическая производительность оборудования достигла уровня 109,2% от планового показателя. Экономический эффект о снижения себестоимости сравнимой товарной продукции относительно плановых значений составил 145 тыс. руб., сверхплановая экономия от снижения себестоимости всей товарной продукции составила 12 тыс. руб., выполнение плана реализации продукции составила 110% [1. Д. 29. Л. 9].

Изучив динамику производственно-кадрового и социально-культурного развития Сундырской хлопчатобумажной фабрики в 1951–1957 гг. можно сделать вывод, что предприятие достигло высоких технико-экономических показателей благодаря бесперебойной работе: обеспечены ритмичные поставки сырья, стабильный режим энергоустановки, повышение квалификации сотрудников и оптимизация социально-бытовой инфраструктуры. Результаты

коррелировали с вовлеченностью коллектива в социалистическое соревнование и эффективной деятельностью управленческого звена. Социалистическое соревнование в качестве инструмента нематериальной мотивации трудовой деятельности выступало значимым детерминантом, который во взаимодействии с комплексом сопряженных организационно-управленческих факторов обеспечивал достижение плановых заданий предприятия. Позитивная динамика производственных показателей обусловила целесообразность интеграции производственных мощностей Сундырской фабрики, функционирующей в качестве структурного подразделения Чебоксарской хлопчатобумажной фабрики, в состав возведенного в 1964 г. крупнейшего субъекта текстильной индустрии Чувашской АССР – Чебоксарского хлопчатобумажного комбината.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 1885. Оп. 1. Д.

2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 1-г. Оп. 1.

3. Каховский, В. Ф. Чебоксарский хлопчатобумажный комбинат / В. Ф. Каховский, С. Н. Ахмеев, Л. А. Иванов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1979. – 200 с.

4. Сухова, Е. В. Текстильная промышленность Чувашии в период Великой Отечественной войны / Е. В. Сухова // Российская цивилизация в условиях трансформации: региональный аспект. – Чебоксары, 2003. – С. 188–194.

5. Трифонова, З. А. Текстильная промышленность / З. А. Трифонова // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. – Чебоксары, 2011. – С. 202–203.

6. Трофимов, А. В. Проблемы размещения и ввода в эксплуатацию оборудования предприятий текстильной и легкой промышленности, эвакуированных в Чувашию в 1941–1942 гг / А. В. Трофимов, О. Н. Широков // Центр и периферия. – 2026. – Т. 21, № 2. – С. 35–42.

7. Харитонов, Л. А. Развитие энергетической системы Чувашской АССР в 1945–1960-е годы / Л. А. Харитонов, Л. А. Ефимов // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 202–203.

8. Galster, K. Textile History and the Military: An Introduction / K. Galster, M. L. Nosch // Textile History. – 2010. – Vol. 41 (sup1). – P. 1–5.

Ялтаев Дмитрий Анатольевич
канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой
Шевченко Иван Михайлович
студент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИЗУЧЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ЧУВАШИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. ПО МАТЕРИАЛАМ ГИА ЧР

Аннотация: *в статье представлен общий анализ возможностей изучения имущественной преступности на территории Чувашии во второй половине XIX века. Исследование опирается на материалы Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР): фонды уездных исправников, становых приставов, уездных надзирателей, полицейских управлений, мировых судей и земских начальников Чебоксарского, Цивильского и Ядринского уездов Казанской губернии. Рассматриваются основные виды имущественных преступлений и источники данных об этих преступлениях.*

Ключевые слова: *имущественная преступность, периодические ведомости о роде преступлений, ГИА ЧР, конокрадство.*

И. Д. Кузнецов в работах, посвященных истории Чувашии в конце XIX – начале XX в. рассматривал некоторые противоправные действия крестьян, как форму революционной борьбы, в состав которой включались потравы, запашки, захват хлебных магазинов [9]. К концу XX в. вместе со смещением акцентов научных исследований с революционного прошлого на анализ социально-экономических факторов, историки больше внимания стали уделять не политической стороне преступности, а бытовым, хозяйственным причинам. Например, Д.В. Егоров на основе изучения чувашского мирского суда одним из первых провел анализ национальных особенностей преступности чувашского населения. Еще В.К. Магницкий в конце XIX в. будучи судебным следователем 2-го следственного участка Чебоксарского уезда провел исследование этнографических особенностей преступности чувашей. Это стало примером того, что сведения судебных и правоохранительных органов могут

быть отличным источником по истории национальных особенностей населения.

В настоящей статье выделен аспект имущественной преступности, позволяющей определить социобытовые маркеры. В российском уголовном законодательстве термин «имущественные преступления» официально впервые закреплен в главе 6 первого уголовного кодекса РСФСР 1922 г. [4, с 20–22]. Конечно же, русские нормы права изначально содержали указание на преступления против собственности [10]. Однако сам термин в России впервые стал применяться в конце XIX – начале XX в., например, в курсах лекций И. Я. Фойницкого, называвшего их «имущественными посягательствам» [12, с. 156]. Одну из первых монографических научных классификаций имущественной преступности в 1913 г. опубликовал А. Н. Круглевский [8].

Начатые в период правления Александра II реформы, затронули все сферы жизни общества, в том числе и судебно-правовую. Реформы, организованные на всем пространстве России, затронули и Казанскую губернию, частью которой были и Чебоксарский, Цивильский и Ядринский уезды, которые более всех остальных включали в себя территорию нынешней Чувашии. В Государственном историческом архиве Чувашской Республики (ГИА ЧР) сохранилось большое количество источников по криминогенной ситуации в регионе. Фонды уездных исправников (Ф. 122, 355, 359), уездных полицейских управлений (Ф. 120, 121, 373), становых приставов (Ф. 356–360, 374), полицейских надзирателей (Ф. 358, 354), судебных следователей (Ф. 128), мировых судей (Ф. 104–106, 107, 108, 109, 111, 113), земских начальников (Ф. 19–35), уездных тюрем (Ф. 140–141), содержат большой массив статистических данных по имущественной преступности в регионе. Причем, если фонды мировых судей дают информацию преимущественно по 70–80 годам, то фонды земских начальников показывают положение преступности в 90-е гг. XIX и начало XX века.

Важно учитывать различные географические, социальные, демографические факторы при анализе этого вида преступности. Например, Чувашия исторически находилась на важном пути – Московском тракте, через которые проходило огромное количество товаров и грузов. Данная артерия располагалась между земледельческими русскими районами и скотоводческими татарскими [12]. Учет этой особенности важен для понимания истоков некоторых имущественных преступлений, а именно краж, которые имели свою специфику в связи со значительностью доли татарского

населения и его социальных особенностей в экономике «чувашских» уездов Казанской губернии.

В качестве примера наиболее показательно конокрадство. Данные ГИА ЧР дают возможность ознакомиться с некоторыми видами отчетной документации, которая показывает нам, что борьба с конокрадством в указанных выше уездах была серьезной проблемой. Полицейским органам приходилось составлять списки конокрадов [1] по отдельным местам их поселения. Некоторые деревни признавались «сплошь конокрадскими». По этим документам можно судить об этническом, социальном, конфессиональном происхождении конокрадов. Нам эти списки чаще всего доступны в формате докладных записок становых приставов уездному исправнику. Далее от уездного исправника они поступали в столицу губернии – Казань. Также фонды мировых судей и уездных исправников изобилуют непосредственно делами по этому вопросу уголовного права [2]. Однако важно понимать, что такого рода преступления были связаны не с какой-то мнимой особой криминогенностью чувашских, русских или татарских крестьян, а в первую очередь с фактами экономической сферы. Например, в 1870–1880-е гг. в «чувашских» уездах был зафиксирован падеж скота [3], который обусловил увеличение краж. Преступности способствовала близость границ разных губерний. В Кошелеевской волости Цивильского уезда действовал еженедельный базар в д. Корезиной, где на границе Буинского и Тетюшского уездов активно сбывали краденых лошадей [12, с. 55].

Однако, конокрадство в Чувашии в этот период хоть и заслуживает отдельного рассмотрения, не является основным аспектом этого исследования. Огромный массив данных нам дают периодические ведомости о роде преступлений в мировом судебном округе, которые являются основным источником по изучению имущественных преступлений. В них приведены данные по преступлениям в следующих областях общественной жизни: «по нарушению Уставов строительного и путей сообщения» (ст. 65–87), «по нарушению Устава пожарного» (ст. 88–98), «по самовольном пользовании чужим имуществом и повреждении оного» (ст. 145–153), «по проступкам о похищении и повреждении чужого леса» (ст. 154–168), «по проступкам о краже, мошенничестве и обманам (ст. 161–189)» (приведены номера статей из «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» 1867 года) [5]. Ведомости показывают половозрастную характеристику нарушителей, их сословную принадлежность, количество оправданных и осуждённых подсудимых за год или часть года на определенном участке мировых судей. Ведомости о роде преступлений являются важным

историческим источником по изучению преступности в Чувашии, требующим отдельного изучения с точки зрения источниковедения, так как дают сухие статистические сведения, которые позволяют изучить большой массив данных по криминогенной ситуации в регионе в указанный период.

Материалы Государственного исторического архива Чувашской Республики хранят большой массив информации о преступности в Чувашии во второй половине XIX века. Эти данные, а также информация в перечисленных выше фондах, содержащая сведения об этническом, конфессиональном, сословном составе уездов, дают возможность исследовать причины и тенденции развития имущественной преступности в регионе в указанный период. Удалось выяснить, что большой интерес в изучении темы дают периодические ведомости о роде преступлений, которые составлялись в канцелярии мировых судей.

Список литературы

1. ГИА ЧР. Ф, 122. Оп. 1. Д. 304.
2. ГИА ЧР. Ф, 122. Оп. 1. Д. 339.
3. ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 1.
4. Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : приказ Революционного Военного Совета Республики 1922 г. №1551. – Москва : Издание Военной коллегии Верховного трибунала ВЦИК, 1922. – 42 с. – 42 с.
5. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. – Санкт-Петербург: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1867. – 45 с.
6. Егоров, Д. В. Воровство в правосознании чувашского крестьянства / Д. В. Егоров // Вестник Чувашского университета. – 2009. – № 4. – С. 31–39.
7. Егоров, Д. В. К вопросу о состоянии преступности в Казанской губернии (вторая половина XIX века) / Д. В. Егоров // Вестник Чебоксарского кооперативного института. – 2008. – № 2.
8. Круглевский, А. Н. Имущественные преступления : Исслед. основных типов имуществ. преступлений / А. Н. Круглевский. – Санкт-Петербург : Типо-лит. С.-Петерб. одиноч. тюрьмы, 1913. – 549 с.
9. Кузнецов, И. Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Ч. 2. Развитие капитализма в России / И. Д. Кузнецов. – Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1969. – 426 с.
10. Скобликов, П. А. Понятие «имущественные преступления» в российском уголовном законодательстве и правовой доктрине: история вопроса / П. А. Скобликов // Право: история и современность. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 520–527.
11. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного права : Часть особ. : Посягательства личные и имущественные / И. Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. – 434 с.
12. Ялтаев, Д. А. Правоохранительная деятельность полиции в чувашских уездах Казанской губернии в 1862–1917 годах : монография / Д. А. Ялтаев. – Чебоксары : Изд-во Чувашского университета, 2012. – 156 с.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКОВЕДЕНИЯ И ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Агеева Наталья Николаевна
канд. ист. наук, доцент
Сорокина Александра Александровна
магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

РАЗВИТИЕ ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА В ЧУВАШИИ

Аннотация: *в статье рассматривается современное состояние православного паломничества в Чувашской Республике. Подчеркнута специфика паломничества как особого вида туризма. Основной акцент сделан на деятельности Чувашской митрополии по развитию паломничества, выделены ее основные цели, направления и реализуемые программы.*

Ключевые слова: *православное паломничество, религиозный туризм, Чувашская митрополия, паломнический отдел.*

Религиозное паломничество сегодня становится неотъемлемой частью духовной жизни верующих людей. Оно является одним из популярных направлений туризма [5]. Паломничество уникально тем, что объединяет познавательные и религиозно-образовательные цели. По данным Всемирной туристской организации, религиозно-паломнические путешествия составляют около 15% мирового туристического потока [8].

Для Чувашии особый интерес представляет православное паломничество, т.к. на территории региона действуют более 250 храмов, 7 монастырей, 4 подворья. Значительная их часть – это объекты культурного наследия: 28 памятников федерального значения, 112 – регионального [2].

Традиция православного паломничества в России имеет очень длительную историю, наибольшее развитие оно получило в последние десятилетия существования Российской империи. На сегодняшней день паломничество постепенно набирает популярность, в том числе и среди молодежи [10, с. 147].

Паломнические поездки всё чаще воспринимаются как путь личного духовного роста и нравственного воспитания, как способ «вытащить» человека из повседневной суеты и дать ему опыт живой встречи с верой и историей. При этом интерес к таким путешествиям проявляют не только глубоко верующие люди, но и те, кто ищет себя, стремится «потрогать святость» и в то же время увидеть страну с иного, более осмысленного ракурса. Исследования и социологические опросы показывают, что социальный профиль паломника в 2020-е гг. меняется. Если раньше преобладали люди среднего и старшего возраста, то в последнее время фиксируется заметный рост доли молодёжи. Среди причин роста интереса молодёжи выделяют усталость от цифровой среды, поиск «тишины» и «смысла», стремление сочетать путешествие с духовным опытом и участием в богослужении [7].

Основную роль в развитии православного паломничества в стране играют специализированные службы в структуре РПЦ. Паломнические службы, отделы и центры действуют при храмах, монастырях или административных подразделениях РПЦ. Их работа регулируется Гражданским кодексом РФ, законом «О некоммерческих организациях» и законом «О свободе совести и о религиозных объединениях», где закреплено право религиозных организаций заниматься в том числе паломнической деятельностью. Количество паломнических служб в Русской Православной Церкви сегодня превышает 200. По своему типу они делятся на приходские, монастырские, епархиальные и общецерковные.

Деятельность Епархиальных паломнических центров (отделов) связана с организацией поездок к святыням как в пределах своей епархии, так и к общецерковным святыням, а также с приёмом, размещением и питанием паломнических групп и делегаций. Кроме того, такие центры занимаются отправкой своих представителей на церковно-общественные мероприятия, проходящие вне места их постоянной деятельности. При некоторых приходах могут действовать и паломнические отделы, работающие на местном уровне.

Приходские паломнические службы создаются для того, чтобы помочь членам общины посещать святые места и поклоняться

православным святыням. Обычно их программы рассчитаны на взрослых, воцерковленных паломников, однако в последнее время всё чаще разрабатываются поездки и для молодежи, чтобы приобщить её к христианской традиции. Такие маршруты отличаются более выраженной экскурсионной частью и размещением участников в гостиницах, а не в монастырях. Важное место в работе приходских служб занимает также организация участия паломников в крестных ходах. Службы при монастырях, как правило, принимают и сопровождают гостей монастыря [14].

В Русской Православной Церкви епархиальные паломнические центры организованы практически повсеместно и одним из таких центров является паломнический отдел Чебоксарской епархии, созданный в 2012 г. Он является единственной церковной некоммерческой паломнической службой в Чувашской Митрополии [12; 15]. Руководителем отдела является иеромонах Феодосий (Аксенов) [1]. Он создан, чтобы помочь совершить паломничества к главным святыням России и зарубежья и через это глубже открыть для себя красоту и смысл Православия. Отдел помогает объединить в себе духовную и организационную сторону таких путешествий. Важно подчеркнуть, что для Паломнического отдела организация поездок важна не сама по себе, а для достижения определенных целей:

Просвещение через опыт. Количество людей в автобусе – не самоцель. Гораздо важнее, сколько человек смогли на живом примере святых и новомучеников соприкоснуться с традицией.

Миссионерская беседа как ядро поездки. Каждая поездка сопровождается заранее подготовленными беседами, составленными в миссионерском ключе: о Христе, о спасении, о подвиге тех святых, к чьим мощам направляются. Главная задача – сделать так, чтобы человек, выходя из автобуса в Чебоксарах, знал не только архитектурные особенности Троице-Сергиевой Лавры, но и понимал житие преподобного Сергия не как биографию, а как живое слово, обращенное к нему лично.

Воцерковление. Высшая точка паломничества – не сувенирная лавка и даже не купание в источнике, а реальное участие в Литургии. Поездки сознательно выстраиваются по графику так, чтобы человек попал на исповедь и Причастие в святом месте. Цель – привести человека к Богу, а не просто показать красивую архитектуру [5].

Как подчеркивает о.Феодосий, Паломнического отдел Чувашской митрополии – это не турфирма при епархии и не бизнес-структура. Это инструмент катехизации и воцерковления на колесах.

Главная перспектива – это углубление, усиление миссионерской и образовательной составляющей на тех маршрутах, которые уже есть. Это работа над тем, чтобы каждый паломник, независимо от возраста и уровня дохода, становился не просто потребителем религиозных услуг, а живым членом Церкви [4].

Кроме паломнического отдела в регионе организацией поездок к православным святыням занимаются и туристические агентства – как специализированные («Паломник-центр.рф»), так и широкого профиля (например, «Семейный чемодан»). Их туры преимущественно носят историко-культурный и просветительский характер. Они подходят для людей, которым интересна религиозная жизнь, но пока они не готовы к глубокому церковному участию или восприятию поездки исключительно как акта веры.

Чувашская митрополия по развитию паломничества активно сотрудничает с представителями государственной власти. В 2021 году было подписано четырехстороннее соглашение о сотрудничестве между Минэкономразвития Чувашии и епархиями Чебоксар, Канаша и Алатыря [13]. В 2023 году правительство республики совместно с епархиями утвердило программу взаимодействия [3]. План включал 40 совместных мероприятий в сфере культуры и образования, в том числе программы по развитию религиозного туризма и паломничества, предусматривающие и меры по продвижению маршрутов и улучшению инфраструктуры [11].

Министерство образования Чувашской Республики совместно с Чувашской митрополией в 2025 и 2026 гг. успешно реализовали в летние школьные каникулы программу однодневных поездок школьников по монастырям республики в рамках просветительского проекта «Один день жизни в монастыре». Куратором проекта выступал председатель отдела религиозного образования и катехизации Чебоксарско-Чувашской епархии протоиерей Димитрий Нестеренко. Так, за июнь 2026 года на базе трёх монастырей состоялось 16 встреч, в которых приняли участие около 500 школьников со всей Чувашии [10].

В рамках проекта школьники в течение одного дня знакомились с укладом жизни в нескольких монастырях: Тихвинский Богородицкий женский монастырь (г. Цивильск), Александро-Невский православный мужской монастырь (Моргаушский район), Свято-Троицкий Алатырский мужской монастырь (г. Адатырь). В каждом монастыре для учащихся была разработана познавательная программа. Дети узнавали об истории обителей и традициях

паломничества, встречались с насельниками, участвовали в молебнах. Для них также были организованы подробные экскурсии по обителям и мастер-классы по колокольному звону, Юные паломники получили незабываемые эмоции и впечатления. Многочисленные положительные отзывы учащихся, родителей и педагогов подтвердили значимость этой инициативы для духовно-нравственного воспитания детей [10].

Чувашская Республика обладает значительным потенциалом для развития паломничества на ее территории. Одним из перспективных направлений развития паломничества может стать формирование собственных локальных маршрутов по территории Чувашии. В республике расположено немало храмов, монастырей и святых мест, что создаёт прочную основу для создания новых просветительских и паломнических программ.

Таким образом, православное паломничество, которое насчитывает почти 2000 лет, сегодня переживает новый этап возрождения, в том числе и в Чувашии. Чувашская митрополия успешно сотрудничает вместе с региональными органами власти, появляются новые формы и направления паломнической деятельности.

Список литературы

1. Агеева, Н. Н. Деятельность Паломнического отдела Чувашской Митрополии по развитию паломничества в Чувашии / Н. Н. Агеева, А. А. Сорокина // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории : сб. материалов IV Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 21 ноября 2025 г.). – Чебоксары : Среда, 2025. – С. 31–35.

2. В Чувашии будут развивать паломнические маршруты // GoOrthodox. – URL: https://gorthodox.com/news-item/v-chuvashii-budut-razvivat-religioznyj-turizm (дата обращения: 02.10.2026). – Текст : электронный.

3. Власти Чувашии и епархия будут совместно развивать паломнический туризм // Чувашская правда. – URL: https://chgtrk.ru/novosti/turizm/vlasti-chuvashii-i-eparhiya-budut-sovmestno-razvivat-palomnicheskiy-turizm/ (дата обращения: 02.10.2026). – Текст : электронный.

4. Иеромонах Феодосий (Аксенов). Комментарии к статье Агеевой Н.Н. и Сорокиной А.А. «Деятельность Паломнического отдела Чувашской Митрополии по развитию паломничества в Чувашии» // Личный архив Н.Н. Агеевой.

5. Интервью с руководителем паломнического отдела иеромонахом Феодосием (Аксеновым). – URL: https://vk.com/wall-10490292_62538?ysclid=mh6mlcp4qv644163861 (дата обращения: 02.10.2026). – Текст : электронный.

6. Житенёв, С. Ю. Религиозное паломничество в христианстве, буддизме и мусульманстве: социокультурные, коммуникационные и цивилизационные аспекты / С. Ю. Житенёв. – Москва : Индрик, 2012. – 264 с.

7. Каждое второе паломничество в России совершает молодежь // Вести Подмосковья. – 2025. – 31 июля. – 2025. – URL: https://vmo24.ru/news/opros_kazhdoe_vtoroe_palomnichestvo_v_rossii_sovershaet_molodezh (дата обращения: 02.10.2026). – Текст : электронный.

8. Как туризм влияет на мировую экономику. – URL: https://cspo.ru/articles/turizm-i-gostepriimstvo/kak-turizm-vliyaet-na-mirovuyu-ekonomiku/ (дата обращения: 02.10.2026). – Текст : электронный.

9. Оборин, М. С. Религиозный туризм как особый вид социально-культурной деятельности / М. С. Оборин // Сервис в России и за рубежом. – 2020. – Т. 14, № 2. – С. 147–156.

10. Один день жизни в монастыре. – URL: https://pravobraz.ru/odin-den-zhizni-v-monastyre-prosvetitelskij-proekt-chuvashskoj-mitropolii-i-ministerstva-obrazovaniya-chuvashskoj-respubliki/?ysclid=mussbo0f3424954645 (дата обращения: 02.10.2026). – Текст : электронный.

11. Олег Николаев подписал соглашение о сотрудничестве с епархиями Чувашской митрополии // Вести Чувашия. – URL: https://chgtrk.ru/novosti/obshchestvo/oleg-nikolaev-podpisal-soglashenie-o-sotrudnichestve-s-eparhiyami-chuvashskoy-mitropolii/ (дата обращения: 02.10.2026). – Текст : электронный.

12. Паломнический отдел Чувашской Митрополии: официальный сайт. – URL: https://vk.com/club52685639?from=groups (дата обращения: 02.10.2026). – Текст : электронный.

13. Паломничество в Чувашии будет активно развиваться // Минэкоком Чувашии. – URL: https://minec.cap.ru/news/2021/01/11/palomnichestvo-v-chuvashii-budet-aktivno-razvivatj (дата обращения: 02.10.2026). – Текст : электронный.

14. Борисенко, И. В. Специфика организации религиозных и паломнических поездок / И. В. Борисенко // Сервис +. – 2019. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-organizatsii-religioznyh-i-palomnicheskih-poezdok (дата обращения: 05.10.2026). – Текст : электронный.

15. Чувашская митрополия. Паломнический отдел. – URL: https://putnik.cerkov.ru/ (дата обращения: 02.10.2026). – Текст : электронный.

Александрова Надежда Владимировна
канд. юрид. наук, доцент
Иванов Николай Васильевич
д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация: *в статье анализируются основные подходы к системе высшего юридического образования в России на рубеже XX–XXI вв. Особое внимание уделено вопросам интеграции классического и современного подходов в системе подготовки специалистов юридического профиля, на базе широкого использования возможностей высоких цифровых технологий и искусственного интеллекта.*

Ключевые слова: *высшее юридическое образование, история, юрист, цифровые технологии, искусственный интеллект, специалист, вуз.*

В качестве одного из приоритетных направлений развития российской системы высшего образования рассматривается стратегическая задача по совершенствованию юридического образования. Данный процесс рассматривается не просто как оказание образовательных услуг, а как формирование целостной системы воспроизводства профессиональных кадров, способных отвечать на вызовы времени. Современный юрист, сформированный в рамках классического подхода, безусловно, должен обладать прочными теоретическими знаниями, профессиональными навыками и умениями. Однако сегодня этого недостаточно, поскольку выпускник должен стремиться к интеллектуальной мобильности и готовности интегрироваться в глобальную инновационную среду.

В современных условиях будущее юридической профессии неразрывно связано с развитием высоких цифровых технологий и искусственным интеллектом. Как справедливо отмечает Р.Р. Мазина, «происходящая цифровизация образования в Российской

Федерации, в том числе в сфере юриспруденции, выявила отдельные проблемы, связанные с этим процессом, которые требуют своего незамедлительного разрешения» [3, с. 266].

Вместе с тем отечественное высшее юридическое образование характеризуется рядом устойчивых тенденций, которые вызывают обоснованную дискуссию в научном сообществе. Так, А.М. Лисютин указывает: «проблематика развития высшего юридического образования достаточно сложна и требует комплексных конструктивных решений. В то же время следует отказаться от радикальных мер, направленных на реформирование и преобразование высшего юридического образования, поскольку двухуровневая система подготовки, реализующаяся в России на протяжении более двух десятилетий, позволила сформировать положительные традиции подготовки юристов, которые необходимо не только сохранить, но и приумножить» [2, с. 247]. Данная позиция представляется методологически верной, поскольку отказ от проверенных временем образовательных методик ради современной конъюнктуры может привести к утрате фундаментальности и ценности отечественной высшей школы. Система образования строится на основе принципа метапредметной интеграции, но проблема поиска баланса между теорией и практикой имеет глубокие исторические корни.

В историко-правовом контексте анализируя профессиональную подготовку работников милиции Чувашии второй половины XX в., ряд исследователей приходят к выводу, что «отсутствие у сотрудников опыта и знаний в борьбе с преступностью было характерно для первых послевоенных годов, так как в то время на службу в органы милиции принимались демобилизованные офицеры без специального юридического образования, что сохранялось до середины 1950-х гг. Несомненно, в этот период больше всего пришлось столкнутся с большими трудностями, связанными с профессиональной подготовкой состава органов милиции, поскольку для работы необходимы были профессионалы, не только знающие свое дело на практике, но и имеющие базовую теоретическую подготовку» [1, с. 97].

В стремительно меняющихся условиях повышенные требования предъявляются к качеству подготовки выпускников вузов. Решающим фактором здесь выступает взаимодействие теории и практики. В данном аспекте невозможно не согласиться с мнением Н.Е. Садохиной, утверждающей, что «получение качественного образования в любой сфере невозможно без сочетания науки и практики в

образовательном процессе. А нахождение необходимого баланса между этими явлениями – насущная потребность всех участников образовательного процесса, заинтересованных в конечном результате – подготовке юриста-профессионала, обладающего всеми необходимыми компетенциями и способного решать как текущие, так и стратегические задачи, т.е. обладающего не только навыками прикладного характера, но и высокой степенью самостоятельности мышления и научных обобщений» [5, с. 467].

Интеграция интеллектуальных систем в последние годы становится одним из ключевых аспектов качественных изменений в сфере цифрового образования и, в связи с этим, сохранение высокого статуса юридического образования невозможно без ее соответствующей цифровой модернизации. Сегодня, использование нейросетей позволяет создавать виртуальные юридические клиники, где обучающиеся ведут диалог с цифровым «клиентом», составляют исковые заявления и участвуют в смоделированных судебных заседаниях. Искусственный интеллект выступает в роли оппонента или судьи, оценивая аргументацию по множеству параметров, включая логическую связность, корректность ссылок на нормы закона. Именно такой подход в подготовке обеспечивает высокую практическую адаптивность специалиста в будущем.

Вместе с тем нельзя игнорировать и тот факт, что юриспруденция должна восприниматься не как узкая деятельность по оказанию правовых услуг, а как системная гуманитарно-социальная наука. Ведь именно фундаментально мыслящие юристы способны участвовать в кодификации отраслевого законодательства и проводить масштабные правовые реформы, тогда как узкопрофильные специалисты лишь анализируют правоприменение. Практика показывает юристу границы его профессии, где он способен сменить отрасль деятельности, например, из следователя стать адвокатом, из юрисконсульта – судьей, так как владеет универсальными компетенциями и практическими навыками.

Однако простое внедрение цифровых технологий в систему высшего образования само по себе не способно решить проблему воспитания личности юриста. В свете сказанного, значимой представляется мысль К.А. Синкина о том, что «на степень пригодности к отдельным видам юридической деятельности, весомую роль оказывает целенаправленное формирование юриста (судьи, прокурора, следователя и т. д.), что вполне можно реализовать в процессе обучения,

сопровождающегося непосредственным общением студента с преподавателем. Однако такая возможность утрачивается в результате дистанционного обучения. Современная система подготовки юриста укладываются в рамки позитивистской методологии юридического образования. Однако важнейшими социальными качествами юриста являются чувство законности и справедливости, а их можно воспитать лишь в адекватной образовательной среде, основанной не только на аналитическом правоведении, но и на духовно-нравственной методологии юридического образования» [6, с. 69].

Таким образом, формирование профессионального юридического образования имеет и воспитательную функцию, проявляемую через мышление и правосознание, сквозь призму практико-ориентированного подхода и направленную на высокую личность будущего юриста. Представляется, что воспитание духа «законности и справедливости» юриста возможны лишь в профессиональной образовательной среде, так как важнейшие социальные качества юриста формируются именно в процессе личного педагогического воздействия и обучения. Нередко на практике имеют место ситуации, когда доверие общества к правосудию базируется не на техническом совершенстве сотрудников судов, а на их внутренней честности и верности духу закона, привитым именно в годы студенчества.

Высказывается мнение, что «трансформация идеи образования в качестве духовного блага в идею образования как услуги привело к серьезному, масштабному реформированию юридического образования. Сформировавшаяся в период рыночной экономики система образования стала ориентироваться в понимании юриспруденции на некий определенный продукт, который должен был быть предложен потребителю. В свою очередь сложившаяся ситуация увеличила долю негосударственных образовательных учреждений высшего образования, что повлекло сопутствующее соперничество между университетами. Впоследствии претерпевает изменения и социально-психологический аспект восприятия юридического образования» [4, с. 81]. Такой подход, ориентированный прежде всего на достижение коммерческого результата, вытесняет воспитание личности, превращая студента в потребителя образовательных услуг.

В связи с этим, важнейшая задача вуза подготовить не просто квалифицированного юриста, а специалиста, обладающего развитым критическим мышлением, устойчивым профессиональным правосознанием и внутренней мотивацией. Тем не менее, полагаем

в современных условиях, нельзя игнорировать и вопросы, связанные с интеграцией интеллектуальных систем в цифровую образовательную среду. При правильном методолого-педагогическом применении, цифровые образовательные технологии способны повысить уровень общественной оценки российского профессионального юридического образования как института, способного найти разрешение целого ряда внутренних и глобальных правовых противоречий и вызовов первой четверти XXI века.

Список литературы

1. Иванов, Н. В. Профессиональная подготовка работников милиции Чувашии в XX – начале XXI веков / Н. В. Иванов, Н. В. Александрова // Вестник Российского университета кооперации. – 2024. – № 1 (55). – С. 96–99.

2. Лисютин, А. М. Проблемы и перспективы развития высшего юридического образования в России / А. М. Лисютин // Актуальные проблемы профессионального образования: цели, задачи и перспективы развития : сб-к науч. ст. по мат-м 23-ей Всерос. науч.-практ. конф. с межд. участием. – Воронеж, 2025. – С. 242–247.

3. Мазина, Р. Р. Цифровизация юридического образования: проблемы и решения / Р. Р. Мазина // Современное образование: содержание, технологии, качество. – 2023. – Т. 1. – С. 266–267.

4. Рябова, Е. В. Актуальные проблемы и перспективы высшего юридического образования в Российской Федерации / Е. В. Рябова, Е. А. Мартынова, А. В. Башаева // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6 (222). – С. 80–82.

5. Садохина, Н. Е. Юридическая наука – юридическое образование – юридическая практика: особенности взаимообусловленности и проблемы взаимодействия в образовательном процессе / Н. Е. Садохина // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако : мат-лы III Межд. науч-практ. конф: в 2 т. Т. 2. – Тамбов : Державинский, 2019. – С. 467–470.

6. Синкин, К. А. Отдельные проблемы юридического образования в России / К. А. Синкин // Правовая мысль в образовании, науке и практике. – 2017. – № 2 (6). – С. 67–69.

Алексеев Сергей Ильич
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.Д. КУЗНЕЦОВА

Аннотация: *статья посвящена обзору информационных ресурсов, необходимых для всестороннего изучения жизни и деятельности видного чувашского историка, публициста и литературоведа И.Д. Кузнецова. Рассматриваются энциклопедические и библиографические издания, научные труды самого учёного, архивные фонды, музейные коллекции и электронные ресурсы. Особое внимание уделено анализу личного фонда И.Д. Кузнецова в Государственном историческом архиве Чувашской Республики и материалам диссертационного исследования Ю.А. Богомазовой. Отмечены проблемы доступности ряда материалов. Сделан вывод о многоуровневой системе информационных ресурсов и перспективности их дальнейшей оцифровки для исследователей.*

Ключевые слова: *чувашская историография, информационные ресурсы, архивные фонды, библиографические указатели, электронные библиотеки, историческая наука Чувашии.*

Иван Данилович Кузнецов – видный чувашский историк, публицист, литературовед, доктор исторических наук и профессор, чья научная и общественная деятельность оставила заметный след в истории Чувашии и Поволжья. Изучение его жизни и наследия опирается на широкий круг информационных ресурсов, которые можно условно разделить на несколько групп: энциклопедические и справочные издания, научные труды самого учёного, архивные фонды, музейные коллекции, электронные ресурсы и биографические исследования. Всесторонний анализ этих источников позволяет не только восстановить биографию И.Д. Кузнецова, но и оценить его вклад в историческую науку. Иван Данилович родился 11 июня 1906 года в деревне Полевые Буртасы Тетюшского уезда Казанской губернии, ныне Яльчикского района Чувашской Республики. Он окончил Чувашский рабфак, а затем Институт красной профессуры, после чего вёл преподавательскую работу в вузах

Москвы и Нижнего Новгорода. Заведовал отделом культуры и пропаганды, отделом школ и культурно-просветительной работы Чувашского обкома ВКП(б), одновременно руководил сектором истории Чувашского научно-исследовательского института социально-культурного строительства и преподавал в вузах Чебоксар. В 1937 году И.Д. Кузнецов был репрессирован по ложным обвинениям, осуждён на длительный срок тюремного заключения и оторван от общественно-политической и научной деятельности вплоть до 1955 года. После реабилитации Иван Данилович работал директором Чувашского государственного издательства, затем заведующим сектором истории и директором НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. С 1967 по 1973 год он заведовал кафедрой истории СССР Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, затем до 1980 года был профессором этой же кафедры, а с 1980 по 1991 год – старшим научным сотрудником НИИ ЯЛИЭ.

Важнейшим справочным ресурсом является Чувашская энциклопедия, содержащая развёрнутую статью об учёном с указанием основных дат биографии, этапов научной и педагогической деятельности и перечнем ключевых трудов. Аналогичная информация представлена в Чувашской электронной энциклопедии. Библиографические указатели включают перечень публикаций о нём, в том числе материалы научных конференций и диссертацию Ю.А. Богомазовой «Кузнецов – ученый, педагог и общественный деятель» [1]. Национальная библиотека Чувашской Республики формирует библиографические указатели трудов И.Д. Кузнецова и литературы о нём, а сведения о нём включены в биобиблиографические словари деятелей науки и культуры Чувашии. В фондах Национальной библиотеки Чувашской Республики хранятся как прижизненные издания учёного, так и современные исследования.

Научное наследие И.Д. Кузнецова насчитывает более 200 опубликованных работ, в том числе 20 книг и брошюр, посвящённых истории крестьянства Чувашии, политической истории, историографии и этнографии. Ранняя работа «Из истории Чувашии» стала одной из первых попыток обобщения исторического материала о чувашском народе. В 1933 году по инициативе И.Д. Кузнецова было проведено первое в национальных республиках СССР подворное анкетное обследование культуры и быта жителей 21 сельского населённого пункта Чувашской АССР, охватившее

18 районов республики. Итоги обследования были обобщены в работе С.С. Кутяшова и И.Д. Кузнецова «Чувашская колхозная деревня на пути культурного подъёма». Центральное место в научном наследии учёного занимают «Очерки по истории чувашского крестьянства» в двух частях, которые стали результатом его многолетних исследований. Первая часть монографии, вышедшая в 1957 году в Чебоксарском книжном издательстве объёмом 343 страницы, принесла автору учёную степень кандидата исторических наук в мае 1958 года. Во второй части И.Д. Кузнецов представил анализ социально-экономического развития пореформенной Чувашии, а также внёс существенный вклад в разработку сложных вопросов хозяйственно-бытового уклада и развития общественно-семейного быта чувашского крестьянства. Вершиной его научной деятельности стала монография «Крестьянство Чувашии в период капитализма», на основе которой в 1967 году он защитил докторскую диссертацию. В 1960 году был опубликован сборник «Очерки по истории и историографии Чувашии» [3], в котором И.Д. Кузнецов обобщил свои исследования по историографии и методологическим вопросам истории чувашского народа. Учёный принимал самое активное участие в подготовке и издании фундаментального двухтомного труда «История Чувашской АССР» в качестве автора и члена редакционной коллегии.

Наряду с научной и педагогической деятельностью Иван Данилович проявил себя как переводчик и литературный критик. Ему принадлежат переводы на чувашский язык двух глав первого тома «Капитала» К. Маркса, выполненные в 1947 году, а также работы И.В. Сталина «Анархизм и социализм». Как литературный критик, в 1934 году И.Д. Кузнецов был принят в члены Союза писателей СССР. Ему принадлежат критические работы о творческом пути чувашских писателей и поэтов К.В. Иванова, Т.С. Тайра, М.К. Сеспеля, В.Е. Митты, Н.К. Патмана, В.И. Краснова-Асли, П.П. Хузангая, А.С. Артемьева, Ф.Е. Уяра и других. В 1961 году вышел сборник его критических и публицистических статей «Чăваш культурипе литературин хăшпĕр ыйтăвĕсем тавра» (Вопросы чувашской культуры и литературы).

Отдельного внимания заслуживает личный фонд И.Д. Кузнецова в Государственном историческом архиве Чувашской Республики. Согласно диссертационному исследованию Ю.А. Богомазовой, личный фонд учёного содержит более 70 тыс. единиц

хранения. Среди них имеются черновики, тезисы и конспекты его выступлений на пленумах, собраниях, совещаниях партийных и советских работников, а также докладные записки и переписка. Однако, как отмечает исследовательница, фонд до сих пор не описан полностью и находится в разрозненном состоянии, в связи с чем не предоставляется в пользование посетителям архива. Отдельные документы хранятся в Государственном архиве современной истории Чувашской Республики. В письмах, сохранённых в личном фонде, отражена трагическая судьба учёного, а именно переписка с матерью Федосьей Никитичной, братьями Фёдором и Никандром, другими родственниками и друзьями в тяжёлые годы заключения.

Материалы о жизни и деятельности И.Д. Кузнецова представлены в экспозициях Полевобуртасской сельской библиотеки Яльчикского района Чувашской Республики, на родине учёного. Кроме того, по его инициативе 19 октября 1971 года был создан музей И.Н. Ульянова при Чувашском государственном университете.

Электронные ресурсы предоставляют широкий доступ к наследию И.Д. Кузнецова. Портал «Наследие Чувашии.рф» [4], созданный на грант Президента Российской Федерации, содержит развёрнутую биографическую справку об учёном, а также библиографию его трудов. Чувашская национальная электронная библиотека предоставляет доступ к оцифрованным версиям трудов И.Д. Кузнецова. Научные базы данных CyberLeninka и Dissercat содержат ряд научных статей, посвящённых И.Д. Кузнецову, в том числе работу В.А. Васильева «Становление и развитие исторической науки в Чувашской Республике: профессор И.Д. Кузнецов» [2], а также автореферат диссертации Ю.А. Богомазовой «И.Д. Кузнецов – ученый, педагог и общественный деятель».

Таким образом, информационные ресурсы для изучения жизни и деятельности И.Д. Кузнецова представляют собой многоуровневую систему, включающую энциклопедические и библиографические издания, научные труды самого учёного, архивные фонды, музейные коллекции, электронные библиотеки и базы данных. Наиболее ценными для исследователей являются личный фонд И.Д. Кузнецова в Государственном историческом архиве Чувашской Республики, материалы диссертационного исследования Ю.А. Богомазовой, а также монографические исследования о нём. Перспективным направлением представляется дальнейшее описание и

оцифровка архивных материалов, что сделает их более доступными для научного сообщества.

Список литературы

1. Богомазова, Ю. А. И.Д. Кузнецов – ученый, педагог и общественный деятель : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореф. дис. … канд. ист. наук / Ю. А. Богомазова. – Казань, 2008. – 22 с.

2. Васильев, В. А. Становление и развитие исторической науки в Чувашской Республике: профессор И.Д. Кузнецов / В. А. Васильев // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 12–19.

3. Кузнецов, И. Д. Очерки по истории и историографии Чувашии / И. Д. Кузнецов. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1960.

4. Наследие Чувашии: цифровая библиотека чувашского наследия. – URL: https://xn--80aafhebudawu3c5a9cs.xn--p1ai/russian/ (дата обращения: 12.10.2026). – Текст : электронный.

Гаврилов Александр Олегович
аспирант, ассистент
Сатин Матвей Димитриевич
студент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

САТИНЫ – ДРЕВНИЙ ДВОРЯНСКИЙ РОД

Аннотация: *статье на основе семейных архивов и воспоминаний восстанавливается история рода Сатиных. Прослежены судьбы представителей нескольких поколений: Николая Дмитриевича Сатина, его сына Александра Николаевича (1880–1938) и их потомков. Показаны связи Сатиных с родом Рахманиновых, с семьями Космовских и Карч-Карчевских. Описан жизненный путь Александра Николаевичау. Приведены сведения о Кезьминском замке и его владельцах. Сделан вывод о патриотизме рода Сатиных и ценности семейной памяти.*

Ключевые слова: *Сатины, Космовские, Рахманиновы, Елагины, Афанасьевка, Ивановка, Кезьмино, Рюриковичи, дворяне.*

Сатины – русский княжеский род, из числа Рюриковичей, утративших княжеский титул. К числу потомков данного рода относится один из авторов Ефимов М.Д., который является одним из

носителей информации, связанной с родом Сатиных. В дальнейшем в статье будет идти речь о предках одного из авторов Ефимова М.Д. Древний рязанский дворянский род, ведущий свое происхождение от кн. Ивана Федоровича Шонура Козельского (потомка Рюрика в 15-м колене), выехавшего, из Козельска в Москву служить вел. кн. Ивану Даниловичу Калите [6].

По семейной легенде Сатины вплоть до правления Ивана Грозного носили княжеский титул и писались Шонуровыми, но из-за огромных богатств и влияния попали в опалу, по преданию Иван Грозный воскликнул: «Сать! Хватит же, не может быть никого богаче царя русского. От его слова «Сать» и произошла фамилия Сатин.

Сатины, как и другие дворянские семьи, в большинстве своем были военными людьми. Николай Дмитриевич Сатин (1828–1889 гг.) с 1849 по 1852 гг. унтер-офицер гусарского наследного принца веймарского полка. С 1852 по 1856 гг. прапорщик финляндского драгунского полка. 9 апреля 1857 уволен поручиком. Являлся владельцем деревни Афанасьевка, Каменесвкой волости, Тамбовской губернии. В общей сумме имел в распоряжении около 550 десятин земли (≈ 9 км^2). Его жена Сатина Зинаида Алексеевна (1843–1906 гг.) происходила из дворянского рода Елагиных. Её отец Елагин Алексей Михайлович (1820–1871 гг.) был женат на княжне Енгалычевой Варваре Ивановне. Прапрапрадед Ефимова М.Д. (одного из авторов) Сатин Александр Николаевич (1880–1938 гг.) родился в деревне Афанасьевка, принадлежащей его отцу, помимо него в браке у Николая Дмитриевича и Зинаиды Алексеевны родилось 10 детей. Его крестными (восприемниками) стали помещик деревни Ивановки Александр Александрович Сатин и жена гвардии капитана Софья Владимировна Восийкова [12].

Александр Александрович приходился Николаю Дмитриевичу троюродным братом, они являлись близкими друзьями и соседями. Ныне на месте деревни Ивановке находится музей заповедник Сергея Васильевича Рахманинова, так как Александр Александрович приходился тестю Рахманинову. Сергей Васильевич очень часто бывал в Ивановке, он гостил там у своей тёти – Сатиной (Рахманиновой) Варвары Аркадьевны – жены Александра Александровича. Сергей Васильевич был желанным и любимым гостем, он близко общался с детьми Алекандра Александровича и Варвары Аркадьевны – Софьей, Наталией, Александром, Владимиром. В последствие Сергей Васильевич выкупит деревню Ивановку, ведь именно здесь он познакомился со своей будущей женой и провел

счастливое детство в окружении близких ему людей. Сергей Васильевич женился на Наталье Александровне Сатиной – своей двоюродной сестре. Именно так связаны Сатины и Рахманиновы [6].

Невероятно интересно и при этом тяжело сложилась судьба Александра Николаевича. Он родился младшим ребенком в семье и в 1900 году в 20 лет ушел в царскую армию рядовым в 39 Томский полк, где прослужил 1 год и в 1901 году поступил учиться в Тифлисское юнкерское училище, которое окончил в 1904 году. В 1904 году был назначен в 233 Сурский резервный батальон в город Симбирск, где пробыл около двух недель, а затем добровольно изъявил желание поехать на Дальний Восток, где шла русско – японская война. В 1906 году он вернулся в город Симбирск, где пробыл до 1910 года. В 233 Сурском батальоне Александр Николаевич познакомился с подпоручиком Космовским Александром Григорьевичем, а благодаря нему со своей будущей женой – Космовской Верой Григорьевной [5].

Космовские – бедные дворяне, выходцы из польской мелкопоместной шляхты. У Веры Григорьевны было два брата и сестра – Александр, Михаил и Мария, их мать Космовская (Фирсова) Лидия Константиновна очень рано стала вдовой – их отец Григорий, служивший поручиком и обеспечивавший семью, умер от болезни, из-за чего семья Веры Григорьевны находилась в бедственном положении. Поэтому сыновья Лидии Константиновы с раннего возраста были записаны на военную службу – так Михаил Григорьевич уже в возрасте 13 лет был определен на учебу в Симбирский кадетский корпус [2; 13].

Судьба Михаила Григорьевича могла сложиться совершенно иначе, если бы не воля случая: у Лидии Константиновна была родная сестра, первая красавица Симбирска – Крылова (Фирсова) Мария Константиновна. Мария Константиновна невероятно удачно вышла замуж за одного из богатейших купцов Симбирска – купца первой гильдии Крылова Василия Петровича. Мария Константиновна, желая помочь сестре, пыталась усыновить Михаила Григорьевича и оформить наследство мужа на племянника. Василий Петрович, занявшийся под конец жизни благотворительностью, отнесся к желанию супруге благосклонно: Василий Петрович подписал все документы на усыновление и наследство и поделил наследство пополам между женой и сыном, но в документе не перечислил, что оставляет в наследство, а через 4 месяца Василий Петрович умер, так и не написав полноценное завещание. Несмотря на то, что

Михаил Григорьевич фактически был усыновлен и должен был получить часть наследства, Марии Константиновне пришлось обращаться в опекунский совет и доказывать факт усыновления. Мария Константиновна очень любила сестру и племянника и продолжила помогать им после усыновления – она передала сестре хутор возле деревни Плотцовка. «В одной версте от деревни Плотцовки стоит хутор жены поручика Лидии Константиновны Космовской, доставшейся ей от сестры, Марии Константиновны Селецкой» [3].

Интересно, что в наследство Марии Константиновне Василий Петрович оставил свою загородную усадьбу – настоящий замок в стиле барокко в селе Кезьмино. Летом 2024 года я вместе с семьёй посетил Кезьминской замок, ныне там располагается средняя школа Сурского района, а само здание требует полноценной реставрации. По легенде, которую нам рассказал учитель истории этой школы и по совместительству экскурсовод, ночью в замке можно встретить призрак бывшего владельца Василия Петровича, а также услышать старческое покашливание и детский голос, принадлежавшей Михаилу Григорьевичу. Это легенда связана с тем, что во время гражданской войны могила Крылова была разграблена и осквернена, сами останки купца были сброшены вниз по реке и так и не обрели покоя. Также во время экскурсии по Кезьминскому замку, мы узнали, что помимо невероятной красоты Мария Константиновна обладала вспыльчивым нравом, поэтому Василий Петрович, невероятно любивший свою жену, заказал фрески в комнате Марии Константиновны по мотивам библейских сюжетов, чтобы те успокаивали её. К сожалению, в 1930-ые годы фрески были закрашены и фактически уничтожены – восстановить их не удалось до сих пор. Кезьминский замок в конце XIX в. славился ещё и гостеприимностью своего хозяина. Василий Петрович обожал принимать гостей, устраивать балы, а также любил азартные игры – в замке выигрывались и проигрывались целые состояние, а однажды Василий Петрович проиграл свою суконную фабрику, но в тот же день отыграл её. После смерти мужа Мария Константиновна вышла замуж за богатого Симбирского дворянина Селецкого Александра Ивановича. Александр Иванович взялся за модернизацию усадьбы – при нём в замке появилось электричество и телефон. В отдельном здании был устроен первый в Симбирской губернии народный театр, а при церкви основан постоянный хор, славящийся своим пением в Симбирске. В качестве актёров в народном театре успешно выступали служащие фабрики и конторы [4].

Не менее интересно и трагически сложилась судьба братьев Космовских, Михаила и Александра – они оба воевали во время Первой Мировой, а Михаил участвовал в белом движении. Судьба Александра Григорьевича остается загадкой, последняя найденная информация датируется 1917 годом. О Михаиле же известно намного больше: по состоянию на 01.07.1914 года, 150-й пехотный Таманский полк, дислоцировался, со своей штаб-квартирой, в уездном городе Кобрине Гродненской губернии, и входил 1-ю бригаду 38-ой пехотной дивизии 19-го армейского корпуса Варшавского военного округа. 15-го июля 1914 года, подпоручик армейской пехоты Космовский Михаил Григорьевич, прибыл в уездный город Кобрин Гродненской губернии, представился и доложил о своём прибытии командиру 150-го пехотного Таманского полка, и был зачислен в полковые списки, на вакантную должность – младшего офицера 15-ой роты полка. В первые дни Великой войны, при проведении мобилизации, 150-й пехотный Таманский полк 1-ой бригады 38-ой пехотной дивизии 19-го армейского корпуса, с 16-го июля 1914 года, вошёл в состав 5-ой армии Юго-Западного фронта [14; 15; 17].

Космовский Михаил Григорьевич – участник боевых действий 1-ой Мировой войны 1914 – 1918 годов. Служил и воевал, младший офицер 15-ой роты 150-го пехотного Таманского полка, подпоручик Космовский Михаил Григорьевич, в составе 1-ой бригады 38-ой пехотной дивизии 19-го армейского корпуса 5-ой армии. Сначала, в июле-августе 1914 года – на Юго-Западном фронте, затем в сентябре-декабре 1914 года на Северо-Западном фронте, а после, в 1916–1917 годах на Северном фронте. Погиб после 1922 года.

Судьба сестер Космовских Марии и Веры на первый взгляд сложилась куда удачнее, но на самом деле они обе стали жертвами великих потрясений, которые пережила Россия в начале XX века. По словам Ефимова М.Д., одного из авторов данной статьи, его прапрабабушка и прапрадед познакомились примерно в 1906 году, а в 1907 году у них родился сын – Александр Александрович Сатин – старший брат его прабабушки, в 1912 году родилась его прабабушка – Сатина Зинаида Александровне, её крестным отцом стал Александр Григорьевич Космовский – родной дядя по маминой линии и близкий друг Александра Николаевича [1].

Мария Григорьевна, по воспоминаниям прабабушки и бабушки Ефимова М.Д., была красавицей и, как и её тетя Мария Константиновна удачно вышла замуж за военного врача из потомственных дворян Симбирской губернии Карч – Карчевского Сергея

Францевича. Он окончил Симбирскую гимназию и медицинский факультет Императорского Московского Университета. Вольнопрактикующий лекарь. Определен в службу по военно-медицинскому ведомству в 111-й пехотный Донской полк младшим врачом. Переведен младшим врачом в 3-й Восточно-Сибирский стрелковый полк и служил в нем по декабрь 1909. Участник русско-японской войны 1904–1905 в рядах того же полка, награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. с мечами, Св. Анны 3-й ст. с мечами, Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Анны 2-й ст. с мечами. Коллежский асессор. Надворный советник. Зачислен в запас чинов военно-медицинского ведомства по Буинскому уезду Симбирской губернии. Принят на службу по ведомству Министерства Внутренних Дел с 18.09.1910. Земский начальник 3-го участка Симбирского уезда Симбирской губернии. На 1914 – в той же должности, надворный советник. К 1913 – женат. В браке у них родился сын – Карч – Карчевский Сергей Сергеевич [20; 21].

Судьба Сергея Францевича и его братьев сложилась аналогично судьбе братьев Космовских – они воевал в Первой Мировой, а затем принимали участие в гражданской войне на стороне белых. О судьбе Сергея Францевича после гражданской войны ничего неизвестно, зато известна судьба его брата – Алексея Францевича. В военную службу вступил нижним чином на правах вольноопределяющегося: зачислен юнкером рядового звания на одногодичное отделение Московского военного училища, которое окончил в 1901 году по 1-му разряду и произведен по экзамену из юнкеров в подпоручики гвардии в лейб-гвардии Волынский полк. Младший офицер 7-й роты. Из аттестации командира полка: «К службе усерден и исполнителен. Ротой командовать способен и подготовлен». С 07.12.1903 по 03.01.1904 находился в отпуске по домашним обстоятельствам на 28 дней с содержанием, а с 01.02.104 – в 11-месячном отпуске по домашним обстоятельствам без содержания. Зачислен в запас гвардейской пехоты, со взятием на учет по Буинскому уезду Симбирской губернии. Состоял в запасе гвардейской пехоты Оставаясь гвардии подпоручиком запаса, поступил 31.10.1910 на службу по ведомству Министерства Внутренних Дел: непременный член Симбирского губернского присутствия. Переведен на службу по ведомству Главного управления землеустройства и земледелия: непременный член Симбирской губернской землеустроительной комиссии затем – Псковской губернской землеустроительной комиссии, подпоручик запаса. Участник Белого

движения на северо-западе России. Заведующий хозяйством 3-го госпиталя Северо-Западной армии. Умер 07.01.1920. Похоронен на Ассеринском военном кладбище (ныне – поселок Ázери / Aseri, волость Виру-Нигула уезда Ляэне-Вирумаа, Эстония) [18; 19].

Сын Марии Григорьевны и Сергея Францевича участвовал уже в Великой Отечественной и 24 сентября 1941 году попал в плен под Городищем, погиб в плену 8 мая 1942 года. Мария Григорьевна пережила революцию, гражданскую войну и великую отечественную войну, после войны она осталась в Симбирске, а затем с ней произошло странное событие: через 10 лет после окончания великой отечественной войны к ней вернулся сын, на тот момент считавшейся пропавшим без вести. До сих пор непонятно, был ли он действительно её сыном, и информация о его смерти в плену была ошибочной, или просто выдавал себя за него, дабы получить наследство.

Возвращаясь к судьбе Александра Николаевича, как и братья Космовские, Карч – Карчевские, Александр Николаевич был истинным патриотом России и был готов отдать жизнь за неё, поэтому с началом Первой Мировой Войны, вместе со своим другом Александром Григорьевичем Космовским отправился на фронт в составе 307 Спасского пехотного полка в город Варшаву. Александр Николаевич находился на северо-западном фронте вплоть до 1915 года, то есть до великого отступления, во время великого отступления попал в плен в городе Грубешов, ныне Польша, где и находился до 1919 года. В плену он содержался в лагере для военнопленных в городе Меве на Висле. После освобождения из плена Александр Николаевич желал лишь одного – вернуться на родину к своей семье, но сделать это было не так просто, для этого ему пришлось объехать половину Европы: после освобождения его отправили в Варшаву, оттуда он поехал в Чехословакию, где прожил около 10 дней в Праге, затем в Будапешт, потом в Бухарест, где встретил старого знакомого – подполковника царской армии, который предложил ему вступить в Деникинскую армию. Александр Николаевич согласился и наконец смог вернуться в Россию, уже в составе белого движения. Поступив на службу к Деникину, он был назначен командиром казачьего полка. На тот момент носил звание капитана. Пробыл в составе Деникинской армии вплоть до её ликвидации, то есть до 1920 года [5].

Вернуться к своей семье Александр Николаевич смог лишь к 1922 году – с 1920 по 1922 содержался в лагерях в городе Тула. В 1922 году он вернулся на родину – в деревню Афанасьевка, где наконец – то смог встретиться со своей женой и детьми. В

Афанасьевке они прожили вплоть до 1926 года, а затем переехали в Симбирск, где купили избу неподалеку от города. Переезда был связан с тем, что Александр Николаевич попросту не могу найти работу – мешала история участия в белом движении, поэтому ему приходилось работать чернорабочим, охранником и т. д. В 1927 году дабы прокормить семью ему пришлось переехать в Москву, где проживал его старший брат – Николай Николаевич. Там Александр Николаевич устроился чернорабочим в Технический Институт. Когда начался голод в Поволжье, семья моей прабабушки продала дом под Симбирском и переехала в Туапсе, где жила старшая сестра Александра Николаевича – Васильева Елизавета Николаевна. Меньше, чем через год, в 1933 Александр Николаевич был выслан на 3 года за причастность к белому движению. В Туапсе прабабушка одного из авторов данной статьи Ефимова М.Д. встретила своего первого мужа – Евграфова Бориса Евграфовича, который работал кузнецом на фосфорном заводе в Чувашии, в поселке Вурнары. Именно так Сатины оказались на чувашской земле. В мае 1936 года после возвращения из ссылки Александр Николаевич переехал к дочери и жене в Вурнары, где устроился работать охранником на электростанцию. В Чувашии он планировал остаться вместе с семьей и жить спокойной жизнью, забыв все ужасы, пережитые в прошлом. Но увы, судьба распорядилась иначе – Александр Николаевич стал жертвой репрессий конца 1930 – х годов [5].

11 февраля 1938 года Александр Николаевич был арестован по обвинению в работе на иностранную разведку, через полгода – 22 сентября 1938 года он был расстрелян за диверсионную деятельность в пользу немецкой, польской и румынской разведки. В 1989 году во время пересмотра дел жертв репрессий, он был реабилитирован, так как «Объективных доказательств в шпионской деятельности в деле нет. Репрессирован необоснованно». Моя прабабушка Зинаида Александровна так и не узнала о судьбе своего отца – всю жизнь она говорила, что её отца забрало НКВД и больше она ничего о нём не слышала. Данная информация об Александре Николаевиче была найдена нами лишь в 2023 году, благодаря книге памяти Чувашской Республике [5].

Первый муж Зинаиды Александровны Борис Евграфович умер очень рано из – за работы на фосфорном заводе, уже в 1938 году она вышла замуж второй раз, за выходца из дворянской семьи, хотя на тот момент сословие уже не играло никакой роли. Её второго

мужа звали Комаров Петр Максимович. В браке у них родилось трое детей – Александр, Вера и Ольга. В семье Сатиных была традиция – называть своих детей именами родителей, именно в честь них и были названы Александр и Вера. Иванова Вера Петровна и была идейным вдохновителем всего исследования родословной т.к. вся наша работа началась с воспоминаний и записей прабабушки одного из авторов Ефимова М.Д., которые хранились именно у неё. Среди записей его прабабушки был один листочек, на котором было написано лишь то, что её отец был из дворян Тамбовской губернии и, что его арестовали в 1938 году [5].

В заключении стоит отметить, что род Сатиных, с которым неразрывно связана семья автора Ефимова М.Д. всегда был, есть и будет истинными патриотами России, с давних времен эти люди стояли на защите своего отечества, дома, не жалея своих жизней. Ввиду различных объективных обстоятельств судьба этого рода была не лишена различных жизненных трудностей и неизвестных историй, которые стали известными, благодаря исследованию данной проблематики.

Список литературы

1. ОГБУ «Государственный архив Ульяновской области». Ф. 134. Оп. 39. Д. 16. Метрическая книга Богоявленской церкви. Л. 122, № 252.

2. ОГБУ «Государственный архив Ульяновской области». Ф. 477. Оп. 1. Д. 449. Л. 63, 64.

3. ОГБУ «Государственный архив Ульяновской области». Ф. 1. Оп. 26. Д. 149. Л. 1–5.

4. ОГБУ «Государственный архив Ульяновской области». Ф. 45. Оп. 1. Д. 315.

5. Чувашский государственный исторический архив. Р-2669. Оп. 3. Д. 3315. Л. 1–43.

6. Власьев, Г. А. Потомство Рюрика : материалы для составления родословий / Г. А. Власьев. – Санкт-Петербург, 1906.

7. ОГБУ «Государственный архив Ульяновской области». Ф. 1. Оп. 30. Д. 4. Л. 1.

8. ОГБУ «Государственный архив Ульяновской области». Ф. 1. Оп. 39. Д. 313. Л. 6, 7, 8, 22.

9. ОГБУ «Государственный архив Ульяновской области». Ф. 45. Оп. 1. Д. 560.

10. ОГБУ «Государственный архив Ульяновской области». Ф. 125. Оп. 2. Д. 71. Л. 1–16.

11. ОГБУ «Государственный архив Ульяновской области». Ф. 477. Оп. 1. Д. 449. Л. 63 об., 64.

12. ОГБУ «Государственный архив Тамбовской области». Ф. 1049. Оп. 5. Д. 6257. Л. 50 об. -51.

13. Приказ по Симбирскому кадетскому корпусу от 15 июня 1912 г. – С. 3.
14. Приказ по Одесскому военному училищу от 1 сентября 1912 г. – С. 3.
15. Высочайший приказ от 12 июля 1914 г. – С. 66.
16. Высочайший приказ от 18 октября 1915 г. – С. 18.
17. Приказ по армии и флоту от 24 мая 1917 г. – С. 18. (ПАФ).
18. Высочайший приказ от 13 августа 1901 г.: со старшинством с 13 августа 1901 г.
19. Высочайший приказ от 25 февраля 1904 г.
20. Высочайший приказ по гражданскому ведомству от 18 февраля 1913 г. № 10: со старшинством с 23 января 1913 г.
21. Высочайший приказ о гражданских чинах военного ведомства от 29 сентября 1902 г.
22. Высочайший приказ о гражданских чинах военного ведомства от 1 ноября 1909 г.: со старшинством с 29 сентября 1909 г., за выслугу лет.

Голюнов Александр Николаевич
аспирант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПИСЬМА Е.А. ЯКОВЛЕВОЙ И И.Я. ЯКОВЛЕВА СЫНУ АЛЕКСЕЮ И ЕГО ЖЕНЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация: *в статье представлена характеристика писем И.Я. и Е.А. Яковлевых. Выделяется большое количество сведений о самой семье Яковлевых, её знакомых, Симбирской чувашской учительской школе и об эпохе Гражданской войны*

Ключевые слова: *эпистолярное наследие, семья Яковлевых, Симбирская чувашская учительская школа, Гражданская война, исторический источник, биография, просвещение чувашского народа.*

Благодарим за возможность участвовать в конференции и опубликовать статью.

Деятельность семьи Яковлевых оставила после себя большое количество писем. В настоящее время они организованы в архивные фонды, рассредоточенные в нескольких культурно-образовательных учреждениях нашей республики.

Особенно интересными и разнообразными являются документы ГИА ЧР, составляющие Личный фонд И.Я. Яковлева №515. Дела

фонда представлены двумя описями. Вторая включает документы, хронологически укладывающиеся в период 1890–1945 гг. Нам показались интересными письма И.Я. Яковлева, знаменитого чувашского просветителя и инспектора чувашских школ [4, с. 65], и его жены Е.А. Яковлевой своему сыну, знаменитому учёному, специалисту по истории России XVII века, профессору А.И. Яковлеву [7, с. 159]. Часть писем адресовалась его жене О.П. Яковлевой. Все они относятся ко времени с 1905 по 1920 годы, когда Россия вступила в эпоху социально-политических потрясений, связанных с Первой мировой войной, Февральской и Великой Октябрьской революциями, а также Гражданской войной.

Письма разнообразны по своему внешнему виду и содержанию. Некоторые из них представляют собой открытки, но их немного. Преобладают письма на обычной нелинованной бумаге. В некоторых делах есть конверты. На них обычно можно видеть штампы Симбирского и Московского почтовых отделений. Но второй штамп иногда отсутствует. На некоторых письмах штампов нет совсем, поскольку они передавались родителями через общих знакомых, которые ехали из Симбирска в Москву или в Петроград (Николаевский, Е.Д. Панов) [Д. 35, л. 2; Д. 66, л. 9 об.]. В части единиц хранения к письмам прилагались некоторые документы [Д. 76, л. 2], но они не сохранились. Некоторые дела содержат только конверты [Д. 29, л. 1, 1 об.; Д. 36, л. 1, 2] от писем, которые относятся к весне и концу 1919 года, а также к началу 1920. К настоящему времени они считаются утраченными.

При получении писем и открыток от родителей А.И. Яковлев выделял красным карандашом важную информацию, связанную с делами его семьи и Симбирской чувашской учительской школы [Д. 71, л. 8 об.]. Можно видеть пометку «NB!» [Д. 32, л. 5]. Штампы иногда не пропечатывались, что вводило в заблуждение. Из-за того, что Е.А. Яковлева в годы Гражданской войны не могла привыкнуть к новому стилю, она указывала в письме ошибочную дату. Однажды эти два обстоятельства совпали, и А.И. Яковлев, посчитав, что письмо долго находилось на почте, написал на конверте неверную дату получения. Однако письмо пришло вовремя. Подобные случаи были причиной того, что Алексей не всегда своевременно мог реагировать на просьбы о помощи родителям и ориентироваться в меняющихся обстоятельствах.

Перед передачей писем на хранение в архив в конце 1970-х годов О.А. Яковлевна, дочь профессора А.И. Яковлева и

О.П. Яковлевой, сделала ко многим из них копии, написанные от руки карандашом. Письма были снабжены примечаниями постранично и в конце. Такие примечания объясняли, кем являлись люди, упоминаемые в письмах. Сама доработка материалов значительно упростила работу с ними.

Все письма удобнее будет разделить на 2 группы по хронологии: 1) 1905–1916; 2) 1917–1920. Первая группа немногочисленная. Поскольку это было относительно мирное время, с тех пор писем осталось не так много. Можно выделить упоминания о выступлении учеников Симбирской школы на Дворянском собрании [Д. 39, л. 17], о проекте преобразования школы. Е.А. Яковлева пишет о детях священника Курмышского уезда Н.А. Воскресенского, живущих в Симбирске [Д. 41, л. 7–7 об.]. В 1910 году в Симбирске были эпидемии тифа и скарлатины [Д. 46, л. 2]. К сожалению, умерла Л.А. Некрасова, внучка Е.А. и И.Я. Яковлевых, о чём они долго переживали.

Наиболее многочисленные и насыщенные по содержанию письма относятся ко времени Революций и Гражданской войны (1917–1920). Положение Симбирской чувашской школы и И.Я. Яковлева усложняется, т.к. его хотят отстранить от должности под предлогом возраста и контрреволюционной агитации. Его вызывают в ЧК, проводят обыски в квартире [Д. 61, л. 8 об.]. И.Я. Яковлев неоднократно просит ходатайствовать за себя и других сослуживцев по Мин. нар. просвещения и Симбирской школе, а также знакомых: Н.П. Охотина [Д. 14, л. 8], В.Н. Орлова [Д. 15, л. 6 об.], А.Н. Покровскую – перед В.И. Лениным и его сестрой Анной. Некоторых из них удаётся освободить [Д. 28, л. 4]. Также передаются просьбы местных архиереев, связанные с закрытием монастырей. Можно видеть информацию о препятствиях, которые чинят просветителю П.И. Карякин, Гольман и другие [Д. 33, л. 5 об.; Д. 23, л. 7 об.]. Иногда он просит сына обратиться к В.И. Ленину для помощи сохранения самой Школы или пригласить ревизора. В.И. Ленин представлял семью Ульяновых, с которой Яковлевы находились в дружеских отношениях и которую давно знали [1, с. 89; 3, с. 39; 5, с. 411–412]. В 1919 году И.Я. Яковлев просит защиты от комиссара Бокия, поскольку ему грозило выдворение из квартиры. Вместе с тем И.Я. Яковлев рассчитывал помочь некоторым своим знакомым, каким был, например, Н.Я. Шатров [Д. 73, л. 6].

Яковлевы, испытывая трудности, приглашают сына скорее приехать в Симбирск [Д. 16, л. 7 об.], переживают о пути из Москвы. В начале 1919 года, когда на Восточном фронте происходило

наступление войск А.В. Колчака, Яковлевы предупреждали сына о трудностях передвижения по железной дороге и советовали выбрать для поездки вагон, который используется представителями власти РСФСР: там всегда соблюдается дисциплина, есть хлеб и горячая вода [Д. 66, л. 8 об.]. Просматривая одно из писем, можно видеть, что в мае 1919 года историк посещал Симбирск [Д. 68, л. 3 об.], но потом вернулся в Москву.

Помня о том, что его сыну также нелегко, родители просят его думать также о себе и не присылать денег. Вопрос о приезде в Симбирск в конце 1919 года они предлагают решить Алексею самому. Интересно, что И.Я. Яковлев снабжает его некоторыми рекомендациями перед приездом для помощи в сохранении Симбирской учительской семинарии: познакомить Д.Н. Егорова и П.И. Карякина, обеспечить себе роль в новом Институте, принять меры по безопасности посредством Ульяновых [Д. 22, л. 4], заручиться авторитетным мнением В.И. Ленина, получить точные полномочия из Центра, а также пропуск для проезда из Москвы в Симбирск и обратно. Подчёркивает необходимость чёткого определения полномочий сына, если он сюда будет направлен Председателем Института или ректором Гос. университета. Здесь речь идёт о Чувашском институте народного образования, который должен был быть организован на базе Симбирской школы. Он начал свою работу 1 сентября 1920 года [6, с. 43]. В одном из писем встречается просьба привезти с собой учительницу по английскому языку, для того чтобы Катя Некрасова могла его изучить [Д. 72, л. 9 об. – 10]. Отстранение И.Я. Яковлева от дел Симбирской учительской семинарии влечёт за собой проблемы с пенсией, о чём родители регулярно уведомляют своего сына [Д. 34, л. 6 об.; Д. 35, л. 6]. И.Я. Яковлев и его жена также сообщают сыну о своём самочувствии [Д. 67, л. 4]. В январе – феврале 1920 года И.Я. Яковлев болел воспалением лёгких [Д. 33, л. 5].

В это непростое время Яковлевы отправляли сыну в Москву продовольствие. Упоминаются масло, лепёшки, гречневая мука [Д. 35, л. 2; Д. 59, л. 5]. Некоторые посылки отправлялись некой Еременко, которая, вероятно, была слушательницей А.И. Яковлева на Женских курсах [Д. 23, л. 7].

Из писем можно извлечь информацию о ситуации Симбирской чувашской учительской школы: подрыв дисциплины [Д. 60, л. 4 об.], отсутствие занятий и согласования преобразования школы старой и новой властью, сдача имущества школы и фермы, учреждение Русского института и курса вместо семинарии [Д. 23а, л. 4],

смена заведующих, удаление от дел Н.И. Колосова и В.Н. Орлова, а также отчуждение фермы от школы в пользу губернского учреждения [Д. 25, л. 4]. По всем этим вопросам И.Я. Яковлев обращается к сыну с просьбой их решить. В 1920 году, когда положение И.Я. Яковлева улучшилось, мы узнаём о том, что некоторые люди не стали бы учреждать в Симбирске Чувашский институт по причине отсутствия подготовительных учреждений и малого количества чувашского населения [Д. 82, л. 8 об.]. На страницах писем встречаются и другие фамилии преподавателей Симбирской чувашской школы: В. Абутков (политэкономия), И.И. Турченко (арифметика) и В.П. Турченко, Лёбле [Д. 31, л. 3 об.].

Периодически Яковлевы пишут сыну и его жене о других своих родственниках. Прежде всего, о Лидии и её муже, А.Д. Некрасове, о Н.И. Яковлеве, брате историка. О Николае, который проживает в Петрограде, редко бывают известия [Д. 61, л. 8; Д. 65, л. 12 об.]. По возможности родители просят Алексея сообщить о нём. Сообщают также и о Бобровниковых [Д. 31, л. 3; Д. 35, л. 7]. Несмотря на сложность положения своей семьи и Симбирской чувашской школы, Яковлевы интересуются своими внуками (радуются навыкам письма) [Д. 34, л. 7], а И.Я. Яковлев начинает переписку с младшим, Ивочкой (И.А. Яковлев (1912–2000) – сын А.И. Яковлева, советский и российский физик, доктор физических наук, профессор). В начале 1920-го года он направляет своему сыну письмо, из которого мы узнаём о том, что он в курсе планов создания чувашами культурно-национальной автономии по типу губернии [Д. 33, л. 5 об.]. Таким образом, Яковлевы проявляли интерес к социально-политической жизни страны того времени.

Из писем Яковлевых сыну мы узнаём о жизни в самом Симбирске. Проблемы начинаются в конце 1917 года, сообщается о грабежах и убийстве семьи врача из Земской больницы [Д. 57, л. 5 об.]. В 1918 году ещё сохраняется хорошее продовольственное положение (есть хлеб, молоко и манная крупа), сообщается о взятии города в сентябре 1918 года красными (был обстрелян Венец), о бегстве части жителей и конфискации имущества. Постепенно начинаются проблемы с керосином. В 1919 году на рынках почти нет продуктов [Д. 69, л. 6 об.], в лавках нет материи, плохо с одеждой [Д. 66, л. 9 об.]. Тогда же в Симбирске было много больных тифом [Д. 21, л. 4].

Достаточно часто в этот период Е.А. Яковлева переписывается не только с сыном, но и с его женой, к которой она испытывала тёплые материнские чувства. Через О.П. Яковлеву она также узнавала о

жизни семьи. Она просит её присылать обратно баночки [Д. 64, л. 1] для последующих посылок и благодарит Ивочку за бумажный коврик, который он сплёл [Д. 64, л. 1].

Интересно, что в период, к которому относятся рассматриваемые документы, А.И. Яковлев как минимум один раз меняет место проживания в Москве. Если в 1910 году он живёт по адресу «Арбат, Малый Толстовский переулок, д. Егорова, кв. 16», то в 1913 и позже родители отправляют письма на адрес «Волхонка, против Храма Христа Спасителя, д. Голофтеева» [Д. 52, л. 3 об.]. На наш взгляд, это очень важные сведения для реконструкции биографии А.И. Яковлева в московский период его жизни.

В годы Гражданской войны И.Я. Яковлев знакомится с А.В. Жиркевичем, переехавшим в Симбирск ещё в 1916 году. Он проникся личностью И.Я. Яковлевича и стал его другом. Он часто к нему приходил в гости и оставил после себя воспоминания о знаменитом чувашском просветителе [Д. 61, л. 9; Д. 62, л. 5].

Таким образом, письма Е.А. и И.Я. Яковлевых своему сыну и его жене предоставляют большое количество разнообразных сведений не только об истории и деятельности самой семьи, но и об истории Симбирска, окружении семьи Яковлевых и восприятии Гражданской войны в Симбирско-Ульяновском Поволжье.

Список литературы

1. Голюнов, А. Н. Жизнь и деятельность историка А.И. Яковлева в годы Гражданской войны (1917–1922 гг.) / А. Н. Голюнов // Гуманистическая миссия просветительства и формирование социально-культурного пространства России (памяти И.Н. Ульянова и И.Я. Яковлева): материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 28 апр. 2026 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары : Среда, 2026. – С. 89–93.

2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 515. Оп. 2.

3. Иванова, Т. Н. Общественные настроения в Симбирске в конце XIX – начале XX по воспоминаниям профессора А.И. Яковлева / Т. Н. Иванова, О. С. Тюнтеров // Исторический поиск / Historical Search. – 2025. – Т. 6, № 1. – С. 37–46.

4. Краснов, Н. Г. Иван Яковлев и его потомки / Н. Г. Краснов. – 2-е изд., доп. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2007. – 478 с.

5. Кривошеев, Ю. В. Яковлев и революционер В.И. Ульянов-Ленин (по материалам Архива ФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области и воспоминаниям) / Ю. В. Кривошеев, А. И. Историк // НИР. – 2018. – № 2. – С. 410–423.

6. Пушина, А. П. Общественная и научная деятельность А.И. Яковлева / А. П. Пушина // Чувашский национальный музей: Люди, события, факты (2020): сб. статей. – Вып. 15. – Чебоксары : ЧНМ, 2020. – С. 42–45.
7. Яковлев, И. Я. Воспоминания / И. Я. Яковлев. – 2-е изд., доп. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1983. – 288 с.

Данилов Никита Игоревич
аспирант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОТ ШКОЛЫ МИЛИЦИИ К УНИВЕРСИТЕТУ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ В ЧУВАШИИ (1991–2022 гг.)

Аннотация: *в статье рассматривается процесс институциональной трансформации системы подготовки юридических кадров в Чувашской Республике в период с 1991 по 2022 год. Анализируются ключевые этапы перехода от ведомственной модели подготовки кадров для органов внутренних дел к университетской модели юридического образования. Исследуется роль Чебоксарской специальной средней школы милиции и её преемника – филиала Нижегородской академии МВД России, а также процесс становления и развития юридического факультета Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Выявляются структурные и содержательные изменения в системе подготовки юристов, связанные с общими тенденциями развития социально-гуманитарного образования в постсоветской России.*

Ключевые слова: *история Чувашии, юридическое образование, подготовка юридических кадров, институциональные трансформации, социально-гуманитарное образование, Чувашский государственный университет, школа милиции.*

Постсоветский период российской истории ознаменовался глубокими трансформациями во всех сферах общественной жизни, включая систему образования. Особое место в этих процессах занимала подготовка юридических кадров, поскольку именно от неё во многом зависело становление правового государства, защита прав и свобод

граждан, эффективность судебной и правоохранительной систем. Для Чувашской Республики, как и для многих других регионов России, 1991–2022 годы стали временем перехода от преимущественно ведомственной, узкоспециализированной модели подготовки юристов к университетской, ориентированной на широкую фундаментальную и социально-гуманитарную подготовку.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью осмысления регионального опыта институциональных трансформаций в сфере юридического образования, который до настоящего времени не получил комплексного освещения в исторической науке. Существующие работы носят преимущественно «ведомственный» характер и сосредоточены на описании отдельных учебных заведений, тогда как целостная картина эволюции системы подготовки юридических кадров в Чувашии остаётся нереконструированной.

Цель статьи – проанализировать ключевые этапы и содержание институциональных трансформаций системы подготовки юридических кадров в Чувашии в 1991–2022 годах, выявить их связь с общими тенденциями развития социально-гуманитарного образования в России.

Изучение становления и развития системы юридического образования в Чувашии в постсоветский период обеспечено репрезентативной источниковой базой, центральное место в которой занимают материалы научных форумов, периодическая печать, архивные документы и воспоминания участников образовательного процесса [3, с. 421–423]. Историографическое поле сформировалось благодаря усилиям прежде всего преподавательского корпуса юридического факультета Чувашского государственного университета, что обусловило его практико-ориентированный характер и глубокое погружение в предмет. Отдельного внимания заслуживают работы, посвящённые истории правоохранительных органов республики, в частности докторская диссертация Н. В. Иванова, где рассматриваются процессы институционализации милиции Чувашии в 1917–1991 годах [2, с. 3–5].

Вместе с тем исследовательское поле остаётся открытым для изысканий, выполненных в рамках социальной истории и сравнительного регионоведения. Преодоление «ведомственного» ракурса позволит интегрировать историю юридического образования Чувашии в общероссийский и поволжский историко-культурный контекст.

Первый этап (1991–1995 гг.) характеризуется сосуществованием двух моделей подготовки юридических кадров: ведомственной, представленной Чебоксарской специальной средней школой милиции, и зарождающейся университетской, связанной с открытием юридического факультета Чувашского государственного университета. Чебоксарская специальная средняя школа милиции (ЧССШМ) была создана в 1969 году как межобластная школа подготовки младшего и среднего начальствующего состава МВД Чувашской АССР, а в 1979 году преобразована в ЧССШМ. Школа готовила участковых инспекторов милиции и сотрудников уголовного розыска для органов внутренних дел. В штате школы состояло 57 преподавателей, а в период с 1979 по 1995 год было подготовлено более 4 тысяч курсантов [1, с. 345]. Параллельно в 1984 году в Чебоксарах был открыт учебно-консультационный пункт Горьковской высшей школы МВД СССР, который выпускал юристов с высшим юридическим образованием по заочной форме обучения. В 1989 году УКП был передан в подчинение Высшей юридической заочной школе МВД СССР, а в феврале 1994 года преобразован в Чебоксарское отделение заочного обучения Юридического института МВД России [5].

Ключевым событием первого этапа стало открытие в 1991 году юридического факультета Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Приказом Государственного комитета РСФСР по делам науки и высшей школы от 24 апреля 1991 года был образован юридический факультет ЧГУ – тринадцатый по счету в университете. Первый набор студентов по специальности «Правоведение» начал обучение 1 сентября 1991 года. Это событие ознаменовало начало формирования региональной университетской системы подготовки юридических кадров, ориентированной на широкую фундаментальную и социально-гуманитарную подготовку [9].

Второй этап (1995–2001 гг.) связан с институциональным оформлением ведомственного юридического образования в Чувашии. 18 сентября 1995 года на базе Чебоксарской специальной средней школы милиции и Чебоксарского отделения заочного обучения Юридического института МВД России был создан Чебоксарский филиал Юридического института МВД России [8]. Новое учебное заведение готовило специалистов для органов внутренних дел по очной и заочной формам обучения по трём специальностям: оперативно-розыскной, административно-правовой и следственной. Данный этап характеризовался дальнейшим расширением

системы юридического образования в республике. В 1994 году первый набор студентов по специальности «Юриспруденция» был проведён в Чебоксарском кооперативном институте на факультете экономики и права, а в 2000 году юридический факультет стал самостоятельным структурным подразделением института, деканом которого был назначен кандидат юридических наук Н. К. Филиппов [5]. Статистические данные свидетельствуют о росте числа высших учебных заведений, осуществляющих подготовку юридических кадров: с 2 в 1991 году до 4 в 2005 году. Численность студентов юридического направления увеличилась с 32 человек в 1991 году до 120 человек в 2005 году [6, с. 47].

Третий этап (2001–2022 гг.) ознаменовался дальнейшей трансформацией ведомственного юридического образования и укреплением университетской модели. Приказом МВД России от 16 мая 2001 года №514 Чебоксарский филиал Юридического института МВД России был передан в состав Нижегородской академии МВД России [4, с. 387]. Это решение отражало общую тенденцию к укрупнению и централизации ведомственного образовательного пространства. В 2011 году Чебоксарский филиал Нижегородской академии МВД России был закрыт [4, с. 387]. Чебоксарский филиал Нижегородской академии МВД России функционировал как единый учебно-научный комплекс, структурно объединяющий командно-управленческий аппарат, 10 кафедр, отделение заочного обучения, факультет платных образовательных услуг. В учебном процессе большое внимание уделялось практическому обучению по профилирующим юридическим и специальным дисциплинам, практика и стажировка проводились непосредственно в передовых службах и подразделениях базовых органов внутренних дел под руководством опытных наставников [4, с. 387].

В университетском секторе в этот период происходит укрепление юридического факультета ЧГУ как ведущего центра подготовки юридических кадров в республике. К 20-летию факультета (2011 г.) на нём функционировали пять кафедр, обучение велось по очной, заочной и очно-заочной формам, а число выпускников превысило 4400 человек [7]. К 2022 году число вузов, осуществляющих подготовку юридических кадров в Чувашии, достигло пяти, а численность студентов юридического направления выросла до 500 человек [6, с. 48]. Институциональные трансформации системы подготовки юридических кадров в Чувашии происходили в русле общероссийских тенденций развития социально-

гуманитарного образования. Переход от ведомственной модели, ориентированной на узкопрофессиональную подготовку сотрудников органов внутренних дел, к университетской модели, предполагающей широкую фундаментальную и гуманитарную подготовку, отражал изменение общественных запросов и представлений о роли юриста в постсоветской России.

В 2020-х годах в истории юридического образования в России и Чувашии прослеживается трансформация в воспитательной части образовательного процесса. На базе юридического факультета Чувашского государственного университета были реализованы проекты, направленные на формирование патриотизма, исторической памяти и духовно-нравственных ценностей у будущих юристов. Воспитательная среда юридического факультета складывается из мероприятий, ориентированных на интеллектуальное, духовно-нравственное, гражданско-патриотическое, правовое и этическое воспитание студентов. Привлечение студентов и преподавателей к разработке программ по правовому воспитанию и профилактике правонарушений, проведение встреч с сотрудниками правоохранительных органов, участие во всероссийских образовательных акциях, стали неотъемлемой частью образовательного процесса [9].

Заключение. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что система подготовки юридических кадров в Чувашии в 1991–2022 годах прошла сложный путь институциональной трансформации от ведомственной модели, представленной Чебоксарской специальной средней школой милиции, к университетской модели, ядром которой стал юридический факультет Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Этот переход отражал общие тенденции развития социально-гуманитарного образования в постсоветской России: от узкопрофессиональной подготовки к широкой фундаментальной и гуманитарной образованности, от ведомственной замкнутости к открытости университетской науки и практики.

Ключевыми институциональными результатами трансформаций стали: создание и развитие юридического факультета ЧГУ как ведущего центра подготовки юридических кадров в республике; преобразование Чебоксарской специальной средней школы милиции в Чебоксарский филиал Нижегородской академии МВД России (закрыт в 2011 г.); расширение сети высших учебных заведений, осуществляющих подготовку юристов. К 2022 году в Чувашии функционировало пять вузов, готовящих юридические кадры, а

общая численность студентов юридического направления достигла 500 человек [6, с. 49].

Дальнейшее изучение темы представляется перспективным в рамках социальной истории, исторической антропологии и сравнительного регионоведения, что позволит интегрировать историю юридического образования Чувашии в общероссийский и поволжский историко-культурный контекст.

Список литературы

1. Бельцов, Н. И. Чебоксарская специальная средняя школа милиции / Н. И. Бельцов, В. А. Ендеров // Чувашская энциклопедия. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2006. – Т. 1 : А-Е. – С. 345.

2. Иванов, Н. В. Милиция Чувашии: институционализация и основные формы правоохранительной деятельности (1917–1991 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 5.6.1 / Н. В. Иванов. – Казань, 2022. – 39 с.

3. Кожина, Т. Н. Юридическое образование в 1990-е годы в воспоминаниях преподавателей и выпускников юридического факультета ЧГУ им. И. Н. Ульянова / Т. Н. Кожина, М. Ю. Изратова // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья : сб. науч. ст. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. – С. 421–428.

4. Чебоксарский филиал Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации // Чувашская энциклопедия. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2011. – Т. 4 : Си-Я. – С. 387.

5. 1950–1990-е годы // Национальная библиотека Чувашской Республики : виртуальная выставка «На пути к правовому государству». – URL: https://www.nbchr.ru/virt_lawyers/razdel4.html (дата обращения: 23.09.2026). – Текст : электронный.

6. Основные показатели системы профессионального образования Чувашии с 1991 по 2022 г // Гуманитарные науки. – 2024. – № 68. – С. 46–56.

7. Юридическому факультету Чувашского госуниверситета имени И. Н. Ульянова – 25 лет // Алатырский филиал ЧГУ им. И. Н. Ульянова : офиц. сайт. – 2016. – 19 дек. – URL: https://alatyr.chuvsu.ru/yuridicheskomu-fakultetu-chuvashskogo/ (дата обращения: 23.09.2026). – Текст : электронный.

8. Календарь событий: 18 сентября // Национальная библиотека Чувашской Республики. – URL: https://chuvashia100let.nbchr.ru/calendar/18-sentyabrya/ (дата обращения: 23.09.2026). – Текст : электронный.

9. Юридический факультет ЧГУ им. И. Н. Ульянова // Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова : офиц. сайт. – URL: https://www.chuvsu.ru/sveden/struct/uridicheskij-fakultet/ (дата обращения: 23.09.2026). – Текст : электронный.

Ефимов Лев Архипович
д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
Чувашская Республика - Чувашия, Чебоксары г,
DOI 10.31483/r-169406

АРХИВНЫЙ ФОНД П.Т. ЗОЛОТОВА В ЧГИГН КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ НАСЛЕДИЯ ЧУВАШСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ И.Я. ЯКОВЛЕВА

Аннотация: *в статье дается обзор материалов архивного фонда видного деятеля культуры Чувашской Республики, яковлеведа П. Т. Золотова, хранящегося в фондах научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук. Фонд личного происхождения, состоящий из более 50 томов, содержит богатейшие материалы, освещающие деятельность И. Я. Яковлева, его учеников и Симбирской Чувашской учительской школы, является источником изучения наследия чувашского просветителя.*

Ключевые слова: *архивный фонд, просветитель И.Я. Яковлев, наследие, Симбирская чувашская учительская школа, воспоминания, письма, исторический источник.*

Пётр Терентьевич Золотов (22.01.1902–01.05.1989) внёс значительный вклад в увековечение памяти чувашского просветителя И.Я. Яковлева. Метрическая запись в архиве подтверждает, что он родился в д. Синерь Ядринского уезда (ныне – Аликовского муниципального округа Чувашской Республики) [1]. Как журналист, член Союза журналистов СССР, директор Чувашского книжного издательства, заслуженный работник культуры Чувашской АССР, кавалер ордена «Знак Почёта», в течение всей жизни он занимался сбором воспоминаний воспитанников Симбирской чувашской учительской школы, был одним из организаторов встреч воспитанников И.Я. Яковлева. Он вёл большую общественную работу, работал заместителем председателя Совета музея И.Я. Яковлева при Чувашском государственном педагогическом институте им. И.Я. Яковлева с момента его открытия в 1968 году. Также П.Т. Золотов является одним из организаторов выпуска первого издания книги «И.Я. Яковлев в воспоминаниях современников» в 1968 году [4].

После окончания Симбирского педагогического техникума П.Т. Золотов продолжил учёбу на курсах редакторов-

переводчиков при Ленинградском Восточном институте. В 1926–1932 гг. трудился учителем в Ульяновской области, а в 1932–1934 гг. – секретарём редакции газеты «Коммунар». В 1937–1962 гг. ему пришлось быть редактором, главным редактором, директором Чувашского книжного издательства, занимался и переводческой деятельностью. В его переводческом портфеле – работы «Социализм и война», «Империализм как высшая стадия капитализма» В.И. Ленина, которые выходили в чувашских изданиях. Он же перевёл на чувашский язык политическую и художественную литературу: «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «Грач – птица весенняя» С. Мстиславского, учебники «Древняя история» В. Коровкина, «История СССР» М. Нечкиной и др. [17, с. 72].

В 1980-е гг. автору данной статьи посчастливилось сотрудничать с Петром Терентьевичем в ходе работы по сбору материалов для книги по истории Аликовской средней школы им. И.Я. Яковлева – единственной сегодня, носящей имя просветителя в Чувашской Республике. Материалы о нём включены в юбилейную книгу, посвящённую 150-летию школы [2]. В январе 1982 г. принимал участие в работе круглого стола по случаю 80-летия со дня его рождения П.Т. Золотова в главном корпусе ЧГПИ им. И.Я. Яковлева вместе с воспитанниками чувашского просветителя В.И. Иварбеевым, Р.Г. Золотовой, А.И. Токсиной и некоторыми другими, пожалуй – последними оставшимися в живых к этому времени «симбиряками» (как они сами себя называли). Вели тогда чествование юбиляра ректор пединститута А.С. Марков и доцент Н.Г. Краснов. Эти материалы отражены и в архивном фонде П.Т. Золотова [6, л. 22].

Из воспоминаний П.Т. Золотова известно, что ещё в 1943–1945 гг. в Чувашском государственном издательстве, где он работал директором, сотрудники задались мыслью: к 100-летию со дня рождения И.Я. Яковлева издать книгу о просветителе и начали подготовительную работу. По тому времени это была смелая идея. Будущая книга должна была показать многогранную деятельность просветителя И.Я. Яковлева. А книгу написал его сын, Алексей Иванович Яковлев, профессор Московского университета имени М.В. Ломоносова, член-корреспондент Академии наук СССР, воспитанник великого российского историка Ключевского В.О. В Чувашском обкоме КПСС была создана инициативная группа, которая обратилась в Главное управление пропаганды и агитации ЦК КПСС с просьбой найти редактора книги. Оно рекомендовало Фёдора Николаевича Петрова – профессора, заместителя главного

редактора Большой советской энциклопедии, старейшего коммуниста. Он и стал редактором книги «Иван Яковлевич Яковлев» [18].

П.Т. Золотову удалось договориться с Первой Московской образцовой типографией о наборе рукописи, но она не брала на себя печатание и выпуск книги, потому пришлось отпечатать с матриц в Чувашской типографии и выпустить в 1948 году, к вековому юбилею просветителя. А второе издание книги увидело свет в 1958 г. [19]. Издание книги «Иван Яковлевич Яковлев» способствовало справедливой оценке многогранной деятельности просветителя, стало переломным моментом в понимании исторической роли и значения И.Я. Яковлева в жизни чувашского народа.

П.Т. Золотов об Иване Яковлевиче Яковлеве вспоминал так: «Помню я Ивана Яковлевича с 1917 г., с тех пор, как начал учиться в Симбирской чувашской учительской школе. Поздней осенью 1917 г. моя учёба прервалась, так как воспитанников школы распустили по домам, а впоследствии я вернуться на учёбу даже по вызову школы не смог из-за материальной необеспеченности родителей.

…Был он человеком богатырского телосложения: высокого роста, плечист, крепок, как дуб. Прежде всего бросалось в глаза то, что он не кичился своим положением, не чуждался своих сородичей. Манеры его отличались обходительностью. Родители воспитанников и другие крестьяне, приезжавшие по своим делам в Симбирск, зачастую останавливались в школе. Можно было подумать, что это постоялый двор. Именно здесь, среди крестьянского люда, часто можно было видеть Ивана Яковлевича, беседующего о житейских делах. В здании учебного корпуса, в подвальном этаже, было отведено специальное помещение для приезжих крестьян. Там были расставлены столы и скамейки, постоянно имелся кипяток…» [3, л. 296].

«Ближе я узнал Ивана Яковлевича с 1920 г., когда вновь вернулся на учёбу в Симбирск. Будучи заместителем председателя студкома Чувашского практического института народного образования, я не раз беседовал с ним по делам студенчества. Не помню случая, чтобы он возражал против мероприятий, проводимых студенческим комитетом.

Был я свидетелем первой встречи Ивана Яковлевича с И.Н. Яштайкином. Отрекомендовавшись вновь назначенным директором института народного образования, Яштайкин потребовал от И.Я. Яковлева сдать ему дела института. 8 октября 1922 г. он навсегда покинул свою школу, переехав в Москву к сыну.

В 1925 г., будучи в Москве на экскурсии под руководством преподавателя С.Д. Сотина, я со своим сокурсником Г.Е. Обдиркиным навестил Ивана Яковлевича. Любезно встретила нас, как всегда обаятельная, Екатерина Алексеевна. В приёмной на коляске сидел И.Я. Яковлев, но уже не тот, которого я знал раньше, а ослабевший и ещё более постаревший. Когда я назвал свою фамилию, он оживился и, что-то вспомнив, сказал: «Да, да, помню, были в школе Золотовы». Затем стал расспрашивать о жизни школы, о городе. Мы были у него недолго. Но эти дорогие минуты навсегда остались у меня в памяти» [12, л. 89].

Далее более детально остановлюсь на формировании материалов архивного фонда личного происхождения П.Т. Золотова [5]. Документы поступили в Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН) в 1991 г.: 52 весомых тома, подшитых в корочки и систематизированных, составленных самим П.Т. Золотовым в 1983 г.

Материалы представляют большой научный интерес для учёных-яковлевоведов. Из содержания описи материалов видно, что фонд состоит из копий архивных и других источников, воспоминаний, переписки с партийными и советскими органами, учреждениями, бывшими воспитанниками Симбирской чувашской учительской школы, деятелями культуры, образования, науки и т. д. Тут хранятся письма, фотоснимки, газетные вырезки, воспоминания Яковлева в записи Жиркевича, протоколы собраний Совета музея И.Я. Яковлева, газетные вырезки и т.д. [9].

В 4 томе фонда хранятся материалы празднования 130-летия со дня рождения И.Я. Яковлева [10]. В 5 томе – копии архивных материалов о жизни и деятельности И.Я. Яковлева, фотокопии документов из отдела рукописей РГБ им. В.И. Ленина (Москва), материалы о видных воспитанниках Симбирской чувашской учительской школы, собранные Золотовым П.Т. в разные годы [7].

В 6–14 тт. хранятся воспоминания о 100-летии зарождения чувашского женского образования, проспект музея истории народного образования (9054, 6 т.), письма Золотова по вопросам жизни и деятельности И.Я. Яковлева, проспект музея И.Я. Яковлева [8]. Особую ценность по истории Симбирской чувашской учительской школы (СЧУШ) для исследователя представляют материалы переписки Золотова П.Т. с воспитанниками И.Я. Яковлева и с родственниками просветителя, копии Завещания Яковлева [11],

материалы П.Т. Золотова по издательским делам, краткий очерк-описание своей жизни и деятельности [13].

Последующие тома (тт. 15–27) содержат материалы по истории СЧУШ по данным Ульяновского ОК КПСС, воспоминания Н.В. Муромцева, воспоминания об И.П. Павлове, письма воспитанников СЧУШ, отзывы, поздравления, о деятельности СЧУШ за период 1868–1920 гг., список преподавателей, о документах, содержащихся в Государственном архиве Ульяновской области (ГАУО) [14].

Интерес для исследователей представляет список исследователей, изучающих наследие И.Я. Яковлева, ответ директора ГИА ЧР И. Музыкантова о наличии яковлевского фонда в национальном архиве Чувашии, материалы РГБ им. Ленина 1870–1968 гг. [16], список сотрудников Симбирского чувашского практического института народного образования, описание истории создания книги Орлова, о симбирском окружении И.Я. Яковлева.

В последующих томах содержатся реестр-каталог личного архива, письма, газетные вырезки разных лет, пьеса, уцелевшая в период политических репрессий 1930-х гг., которые нашли достойное место в архивном фонде П.Т. Золотова [15].

Таким образом, в фонде П.Т. Золотова отложились уникальные материалы, отражающие жизнь и деятельность Ивана Яковлевича Яковлева и воспитанников Симбирской чувашской учительской школы. Многие из них ещё не введены в научный оборот. Научно-исследовательская лаборатория И.Я. Яковлева завершила оцифровку фонда П.Т. Золотова, хранящегося в НА ЧГИГН. Теперь эти материалы стали достоянием гласности для многих исследователей.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИАЧР). – Ф. 557. – Оп. 9. – Д. 27. – Л. 112–113 об.

2. Ефимов, Л. А. Аликовская средняя школа им. И.Я. Яковлева (1854–2004) / Л. А. Ефимов. – Чебоксары : Новое Время, 2004. – 280 с.

3. Золотов, П. Т. Автобиография (Переписка с воспитанниками СЧУШ, воспоминания и другие материалы) / П. Т. Золотов // НА ЧГИГН. Ед. хр. 2472. – Т. 3.

4. И.Я. Яковлев в воспоминаниях современников / отв. ред. В. Я. Канюков. – Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1968. – 150 с.

5. НА ЧГИГН. Ед. хр. 2469 (Фонд личного происхождения П.Т. Золотова).

6. НА ЧГИГН. Ед. хр. 2470. – Т. 5. – Л. 22–25 (Чествование П.Т. Золотова по случаю 80-летия со дня рождения).

7. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Ед. хр. 9054.

8. НА ЧГИГН. Ед. хр. 9055.

9. НА ЧГИГН. Ед. хр. 9050–9052 (Т. 2, Т. 3).

10. НА ЧГИГН. Ед. хр. 9053.
11. НА ЧГИГН. Ед. хр. 9056–9060 (Т. 13, 14).
12. НА ЧГИГН. Ед. хр. 9057 (Т. 9. – Л. 89).
13. НА ЧГИГН. Ед. хр. 9061, 9062.
14. НА ЧГИГН. Ед. хр. 9063–9075.
15. НА ЧГИГН. Ед. хр. 9090–9101 (Т. 42–52).
16. Российская государственная библиотека им. В.И. Ленина. – Ф. 361.
17. Савантьева, Л. Н. Золотов Пётр Терентьевич / Л. Н. Савантьева // Чувашская энциклопедия: в 4 т. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2006–2011. – Т. 2: Ж-Л. – Чебоксары, 2008. – С. 72.
18. Яковлев, А. И. Иван Яковлевич Яковлев 1848–1930. Просветитель чувашского народа / А. И. Яковлев ; под ред. проф. Ф. Н. Петрова. – Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1948. – 160 с.
19. Яковлев, А. И. Иван Яковлевич Яковлев педагог и просветитель / А. И. Яковлев ; под ред. проф. Ф. Н. Петрова. – 2-е изд. – Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1958. – 119 с.

Иванов Николай Васильевич
д-р ист. наук, профессор
Александрова Надежда Владимировна
канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ РАБОТНИКОВ МИЛИЦИИ ЧУВАШИИ В 1920-е ГОДЫ

Аннотация: *в статье рассмотрены вопросы, связанные с исследованием профессионально-образовательного уровня работников советской милиции Чувашии в 1920-е гг. Одним из последствий профессионализации органов милиции на местах в этот период связано с ужесточением кадровых требований к потенциальным кандидатам. В практической плоскости это привело к необходимости развертывания многоуровневой специализированной системы милицейских школ и курсов повышения квалификации.*

Ключевые слова: *Чувашия, советская милиция, профессионально-образовательный уровень, школы милиции, милицейские курсы.*

Институционализация органов милиции в Чувашии в начале 1920-х гг. проходила в сложных условиях преодоления тяжелых

последствий гражданской войны и голода. К этому моменту, на высшем политико-управленческом уровне молодого советского государства приходит понимание того факта, что добровольный принцип комплектования исполнительных органов по охране правопорядка, провозглашенный в ноябре 1917 г. [1] изжил себя. С принятием 10 июня 1920 г. нового постановления «О рабочей милиции» [1, 1920 г., №14, ст. 86] советским правительством был взят курс на постепенную профессионализацию органов милиции на местах.

В первую очередь, это коснулось вопросов, связанных с ужесточением требований к потенциальным кандидатам на должность сотрудников советской милиции. Помимо «здоровья и политической надежности» особое внимание стали уделять и профессионально-образовательному уровню будущего работника советской правоохранительной системы. Это нашло свое правовое закрепление в принятом 24 мая 1922 г. ВЦИК и СНК РСФСР постановлении «О Народном комиссариате внутренних дел» [1, 1922, №33, ст. 386].

Вместе с тем, реализация новых требований к сотрудникам милиции на местах, включая Чувашию, сталкивалась с целым рядом трудностей. В связи с этим, для повышения профессионально-образовательного уровня работников милиции была развернута сеть специализированных курсов. Так, в сентябре 1922 г. в Чувашской автономной области было принято решение о комплектовании четырех групп курсантов при уездных управлениях милиции. В общей сложности на дополнительное обучение по Чувашии было отобрано 45 курсантов из Чебоксарской, Цивильской, Ядринской, Ибресинской управлений, а также 13 человек из состава резерва и Чебоксарской Главмилиции [2, с. 92].

Необходимость проведения подобных курсов на местах диктовалась тем обстоятельством, что общий профессионально-образовательный уровень работников милиции Чувашии был очень низким. Так, по данным на 1 апреля 1923 г., в Батыревской уездной милиции из 34 милиционеров среднее образование имели лишь четыре сотрудника. Остальные относились к категориям с низшим образованием (24 человек) и неграмотным (6 человек) [4, с. 56].

Еще одна форма повышения профессионально-образовательного уровня сотрудников милиции Чувашии в 1920-е гг. – это окончание специализированных милицейских школ. Так, в сентябре 1923 г. было принято решение об открытии Свердловской, Саратовской и Воронежской школ младшего комсостава милиции. Работники милиции Чувашии были приписаны к Свердловской школе [5, с. 12].

Во второй половине 1920-х гг. возможности повышения профессионально-образовательного уровня работников милиции Чувашии путем обучения в специализированных милицейских учебных заведениях значительно расширились. Так по состоянию на 1929–1930 учебный год, по специальной квоте было предоставлено 18 мест в первую школу НКВД в г. Ленинград. Из них: 10 мест приходилось на младшее милицейское отделение; 4 места на уголовно-розыскное отделение; 2 места на старшее милицейское отделение; 2 места на старшее уголовно-розыскное отделение [3, с. 236, 236(об)]. При этом, для поступления в такого рода учебные заведения необходимо было сдавать вступительные экзамены. Поэтому, прежде чем отправлять потенциальных кандидатов на учебу, их предварительно экзаменовали в местных управлениях милиции [3, с. 237, 259, 259(об)].

Несмотря на принятые меры, общий уровень профессионально-образовательного уровня сотрудников милиции Чувашии к концу 1920-х гг. все еще оставался довольно низким. Так, по состоянию на 1 января 1930 г., из 479 работников лишь 111 человек числились в категории, как «прошедшие школу или милицейские специальные курсы». Это в общей сложности около 20% личного состава. Имели высшее и среднее образование только 26 человек; остальные (342 человек) относились к категории, имевших только «низшее образование или грамотные (умеющие читать и писать печатными буквами)» [3, д. 26, с. 480(об)]. Но и эти данные следует считать большим достижением. По крайней мере, среди сотрудников милиции Чувашии к концу 1920-х гг. уже не числилось «неграмотных» граждан.

Таким образом, в 1920-е гг. в Чувашии было предпринято ряд мер, направленных на повышение профессионально-образовательного уровня сотрудников советской милиции на местах. Одна из самых распространенных и доступных образовательных моделей того времени – это прохождение «школ и специальных милицейских курсов» различных уровней, организованных как на базе местных отделений (управлений), так и за пределами региона.

Список литературы

1. Собрание узаконений РСФСР. – 1917. – №1. – Ст. 15.
2. ГИА. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 11. Л. 92.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-784. Оп. 5. Д. 22. Л. 236, 236(об).
4. ГИА ЧР. Ф. Р-1638. Оп. 3. Д. 2. Л. 56.
5. ГИА ЧР. Ф. Р-1538. Оп. 1. Д. 135. Л. 12.

6. Богомазова, Ю. А. И.Д. Кузнецов – ученый, педагог и общественный деятель: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук / Ю. А. Богомазова. – Казань : КГУ, 2008. – 22 с.

7. Васильев, В. А. Становление и развитие исторической науки в Чувашской Республике: профессор И.Д. Кузнецов / В. А. Васильев // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 12–19.

Краснова Марина Николаевна
канд. филос. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О КИТАЕВЕДЕ ИАКИНФЕ БИЧУРИНЕ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема сохранения исторической памяти о выдающемся синологе Иакинфе Бичурине, уроженце Чувашии. Автор фиксирует достижения в области коммеморации: деятельность музея «Бичурин и современность», систематизацию материалов Национальной библиотекой г. Чебоксары, театральные постановки (спектакли Чувашского драматического театра и ТЮЗа им. М. Сеспеля, балет «Иакинф»), создание мурала в рамках проекта «ГЕОграффИти», присвоение имени Бичурина Атлашевской школе. Показано, что историческая память формируется через различные агенты коллективной памяти, а монументальная культура и театральное творчество создают многогранный образ учёного в общественном сознании. Сделан вывод о высокой оценке вклада Бичурина в науку и культуру и значении его примера для воспитания подрастающего поколения. Материал адресован исследователям исторической памяти, краеведам и педагогам.*

Ключевые слова: *историческая память, коммеморация, Иакинф Бичурин, синология, Чувашия, монументальная культура, театральные постановки, мурал, агенты коллективной памяти, краеведение, воспитание.*

Проблема сохранения исторической памяти как об отдельных личностях, так и о целых народностях в последнее время весьма актуальна.

Для чувашского народа особенно актуальна проблема сохранения памяти о выдающихся личностях, принадлежащих и идентифицирующих себя по национальной принадлежности к чувашам. Безусловно, важным является сохранение исторической памяти о выдающемся синологе, выходце из Чувашской Республики – Иакинфе Бичурине.

Монументальная культура формирует образы в общественном сознании как о событии, так и об отдельной личности. Для Чувашской Республики особо значима фигура Бичурина, известного китаеведа, уроженца Чувашии. В предыдущих работах я упоминала монументы и памятники, которые используются как приём коммеморации [2]. В данной статье важно зафиксировать достижения в этой области на настоящий момент.

Огромную роль в сборе информации по сохранению памяти И. Бичурина выполняют Национальная библиотека г. Чебоксары, которая систематизировала материал по памятникам, посвящённым выдающемуся синологу [5], а также районный музей «Бичурин и современность». Фонд музея, созданного в 2001 году и названного в честь великого земляка, основоположника российской школы синологии и монголоведения Никиты Яковлевича Бичурина, насчитывает более десяти тысяч экспонатов – предметов археологии, этнографии, изделий прикладного искусства, коллекций художественных работ. Ежегодно посетителями музея становятся более семи тысяч человек, что говорит о большом охвате и высокой ценности музея как коммеморативной единицы [1]. Основной музейной коммеморативной практикой является музей «Бичурин и современность» – уникальное хранилище памятников историко-культурного, материального и духовного наследия. Работают залы «Научный подвиг Бичурина», «Сокровища абашевских курганов», «Этнографический зал», «Край Чебоксарский». Над созданием экспозиций работал народный художник Чувашии Ю.П. Матросов. «Жемчужиной музея» является зал «Научный подвиг Бичурина».

История жизни И. Бичурина воплощается и передаётся через театральное творчество. В Чувашском драматическом театре 8 июля 2021 года состоялась премьера спектакля «Эп сӳннӗ чух – эс çун! Угаснет свет во мне, а ты гори!». Он был поставлен на грант Главы Чувашской Республики [7].

30 ноября 2023 г. в Чувашском ТЮЗе им. М. Сеспеля состоялась премьера спектакля о выдающемся сыне чувашского народа, известном востоковеде Никите Бичурине (Иакинфе) «Бичурин.

Молодые годы» в постановке заслуженного деятеля искусств республик Башкортостан и Татарстан Байраса Ибрагимова [6].

26, 27 сентября 2023 г. на сцене Татарского театра оперы и балета им. М. Джалиля состоялась мировая премьера балета «Иакинф» на музыку Резеды Ахияровой в постановке Александра Полубенцева, либретто Рената Хариса. Постановка приурочена к 300-летию Казанской духовной семинарии, в которой Бичурин учился. В центре нового спектакля – яркая, полная неожиданных взлётов и падений судьба архимандрита Иакинфа Бичурина, крупного учёного-востоковеда и путешественника начала XIX века. Действие трёх актов спектакля происходит в разных городах – Казани, Пекине, Санкт-Петербурге, отражая перипетии непростой судьбы главного героя [3].

В 2024 году ко дню рождения И. Бичурина в рамках проекта «ГЕОграффИти» в Чебоксарах появился мурал, посвящённый нашему земляку Никите Бичурину. Он расположился на стене учебного корпуса № 1 Чувашского госуниверситета. Место выбрано не случайно – на базе одного из факультетов находится штаб-квартира регионального отделения Русского географического общества, с помощью которого реализовали проект. Молодые ребята Сергей Петров и Ильгиз Валиулов написали портрет Никиты Бичурина буквально за пару дней [4].

19 мая в Атлашевской школе состоялась торжественная церемония, посвящённая присвоению ей имени выдающегося учёного-синолога Никиты Яковлевича Бичурина. Представители Чувашского республиканского отделения Русского географического общества подарили школе «Парту Открытий», посвящённую жизни и деятельности Н.Я. Бичурина, проектор с экраном, микроскоп, глобус, географические карты и разнообразные учебные пособия.

Это свидетельствует о высокой оценке вклада Никиты Яковлевича Бичурина в науку и культуру, а также о стремлении воспитывать подрастающее поколение на его примере. Присвоение имени Бичурина школе станет важным этапом в её развитии и послужит сохранению памяти об этом выдающемся учёном [7].

Благодаря таланту, титаническому труду и любви к науке отец Иакинф был признан научным миром России и Европы как один из выдающихся учёных своего времени. Его труды показывают пример бескорыстной и самозабвенной любви к высоким ценностям науки и культуры человечества.

Для чувашского народа особенно актуальна проблема сохранения памяти о выдающихся личностях, принадлежащих и идентифицирующих себя по национальной принадлежности к чувашам. Безусловно, важным является сохранение исторической памяти о выдающемся синологе, выходце из Чувашской Республики – Иакинфе Бичурине.

Формирование исторической памяти осуществляется не только благодаря непосредственному акту свершения исторически важных действий определённой личностью, но и присутствием в процессе образования истории определённых агентов коллективной памяти. На основе исследования видно, что в источниках коллективной памяти, посвящённых Иакинфу Бичурину, рассматриваются различные аспекты жизни и деятельности выдающейся личности чувашского народа, которые не могут формировать единый образ в общественном сознании по отдельности.

Список литературы

1. Краснова, М. Н. Монументальная и музейная культура, сохраняющая память об Иакинфе Бичурине на территории Чувашской Республики / М. Н. Краснова, Д. Е. Дымов // Развитие современных компетенций педагогов и обучающихся через изучение и популяризацию традиционной культуры народов Российской Федерации : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Чебоксары, 16–17 декабря 2021 г.) / редкол.: Н. М. Гурьева, Т. Н. Николаева. – Чебоксары : Среда, 2021. – С. 137–140.

2. Мировая премьера балета «Иакинф» состоится в Казани. – URL: https://www.classicalmusicnews.ru/anons/kazan-iakinf-premiere-2023/ (дата обращения: 14.09.2026). – Текст : электронный.

3. На здании Чувашского госуниверситета появился портрет Никиты Бичурина. – URL: https://www.chuvsu.ru/news/na-zdanii-chuvashskogo-gosuniversiteta-poyavilsya-portret-nikity-bichurina-video/ (дата обращения: 14.09.2026). – Текст : электронный.

4. Образ, И. Бичурина в произведениях искусства. – URL: http://www.nbchr.ru/virt_bichurin/page04_iss.htm (дата обращения: 14.09.2026). – Текст : электронный.

5. По инициативе преподавателей ЧувГУ Атлашевской школе присвоено имя всемирно известного учёного-синолога Никиты Бичурина. – URL: https://www.chuvsu.ru/news/po-inicziative-prepodavatelej-chuvgu-atlashevskoj-shkole-prisvoeno-imya-vsemirno-izvestnogo-uchyonogo-sinologa-nikity-bichurina/ (дата обращения: 14.09.2026). – Текст : электронный.

6. Угаснет свет во мне, а ты гори!. – URL: https://chuvdram.ru/repertoire/ugasnet-svet-vo-mne-a-ti-gori/ (дата обращения: 14.09.2026). – Текст : электронный.

Никонорова Инна Витальевна
канд. геогр. наук, доцент, заведующая кафедрой
Никитина Ольга Валерьевна
учебный мастер
Вишневская Марина Петровна
канд. пед. наук, доцент
Гуменюк Анна Евгеньевна
канд. геогр. наук, доцент
Сытина Татьяна Феликсовна
старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА В ЧУВАШИИ: ЛЮДИ, ШКОЛА, ПРАКТИКА (ОПЫТ КАФЕДРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ГЕОМОРФОЛОГИИ ЧГУ ИМ. И.Н. УЛЬЯНОВА)

Аннотация: *в статье прослеживается становление и развитие географической научной школы в Чувашской Республике на примере кафедры физической географии и геоморфологии Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Показаны механизмы преемственности поколений. Представлены основные направления исследований коллектива.*

Ключевые слова: *географическая школа, физическая география, геоморфология, просветительская деятельность, преемственность научных кадров.*

Образование – это не только учебные планы, стандарты и реформы, но и живая история людей, усилиями которых сохраняются научные традиции и воспитываются новые поколения специалистов. История географической научной школы в Чувашской Республике наглядно показывает, как личный опыт, гражданская позиция и профессиональная стойкость отдельных учёных становятся фундаментом целого образовательного направления.

Детство и юность будущих ярких лидеров чувашской географической школы пришлись на тяжёлые военные и послевоенные годы – время материальных лишений, разрухи и огромных

человеческих потерь. Тем не менее именно в этих условиях формировались характер, трудолюбие и глубокая приверженность делу.

По воспоминаниям основателя вузовской географической школы в Чувашии, доктора географических наук, профессора Е. И. Арчикова, в 1941 году Чувашский государственный педагогический институт был переведён в Мариинский Посад, учебные аудитории разместили в зданиях лесного техникума. Из 75 студентов лекции посещали лишь 11 – те, кто остался верен науке. Несмотря на острую нехватку помещений, преподавателей и студентов, вузы сохраняли кадры и продолжали давать знания. Для тех, кто учился в те годы, образование становилось не просто профессией, а делом чести и способом поддержать устойчивость общества.

Не менее показательны воспоминания профессора Н. Ф. Петрова, чья юность прошла в деревне Верхняя Кумашка Шумерлинского района. Дети росли в окружении женщин и вернувшихся с войны мужчин с тяжёлыми ранениями. Семью Николая Фёдоровича раскулачили ещё до его рождения: большой недостроенный дом и всё имущество были изъяты. Тем не менее даже в войну ни один ребёнок в деревне не остался вне школы. Удивительным образом дети почти не болели, несмотря на скудное питание и плохую одежду. День Победы Н. Ф. Петров встретил второклассником от одноклассников, выбежавших со школы криками «Ура! Победа! Победа!».

Эти истории подчёркивают силу советской системы образования того времени – её всеохватность, обязательность, доступность и бесплатность. Они же объясняют, почему послевоенное поколение стремилось к фундаментальным знаниям и получить полноценное образование.

Траектории Е. И. Арчикова и Н. Ф. Петрова во многом типичны для поколения, прошедшего через войну и её последствия, но именно их личные качества и научный подход стали основой будущей школы.

Е. И. Арчиков после ранения на фронте и демобилизации в 1944 году работал учителем математики и военруком в сельской школе, а затем последовательно окончил Чувашский учительский институт (1948), физико-математический факультет пединститута (1956) и географический факультет МГУ (1960). В 1970 году под руководством профессора В. И. Лымарева он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1990 году – докторскую по проблемам теоретической и прикладной геоморфологии берегов дальневосточных морей. В своей работе Е. И. Арчиков предложил новую научную

концепцию о морфоструктурах и денудационно-аккумулятивных комплексах. За 25 лет работы в Дальневосточном государственном университете он исследовал берега дальневосточных морей от Чукотки до Приморья, организовал экспедиции на Сахалин, Камчатку и Шантарские острова.

Н. Ф. Петров, вдохновлённый встречей выпускников со студентами Свердловского горного института, отправился на Урал, сдал шесть вступительных экзаменов и провёл пять студенческих лет, ставших для него временем не только профессионального, но и культурного становления: он пел в мужском хоре института, затем в хоре Свердловской филармонии, участвовал в 7-м Всемирном фестивале молодёжи и студентов в Москве (1957). Позже он отмечал, что главным приобретением тех лет стал «устойчивый иммунитет к пошлости в любых её проявлениях». Н. Ф. Петров окончил аспирантуру при кафедре исторической геологии в Свердловске и в 1968 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Стратиграфия ордовика Западного склона Южного и Среднего Урала». До 1970 года он работал геологом в Уральском территориальном геологическом управлении, а с 1970 по 1990 год – в Молдавии, где занимался инженерно-геологическими изысканиями в районах развития оползней. Накопленный опыт позволил ему сформулировать системный подход к классификации оползней и опубликовать две фундаментальные работы: «Оползневые системы. Простые оползни» (1987) и «Оползневые системы. Сложные оползни» (1988). Прошли десятилетия, были изучены десятки новых оползней, но основные положения этих книг остаются актуальными до сих пор.

Дальневосточный, уральский и молдавский опыт – полевые экспедиции, инженерные изыскания, системный подход – стали тем фундаментом, на котором впоследствии выросла чувашская географическая школа. Объединение этих традиций в рамках кафедры физической географии и геоморфологии ЧГУ позволило сформировать междисциплинарную исследовательскую программу, сочетающую физико-географический, геоморфологический и инженерно-геологический подходы.

1990-е годы стали временем серьёзных вызовов для высшего образования в России, но именно тогда в Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова было принято решение создать вузовскую географическую школу. В августе 1992 года при историческом факультете была создана кафедра географии. Работать

приходилось практически с нуля: не хватало квалифицированных преподавателей, ресурсов для организации учебного процесса.

Первый состав кафедры объединил высококвалифицированных специалистов разного профиля:

− доктор географических наук, профессор Е. И. Арчиков (зав. кафедрой);

− доктор экономических наук, профессор П. А. Сидоров;

− кандидат геолого-минералогических наук, доцент Н. Ф. Петров;

− кандидат географических наук, доцент М. М. Сироткина;

− кандидат географических наук, доцент Д. В. Прокопьева;

− старший лаборант И. В. Никонорова.

В последующие годы коллектив пополнился новыми специалистами: доцентом Г. П. Скребковым, старшими преподавателями В. Б. Косолаповым, Е. И. Беззубовой, (впоследствии доцентом) Л. М. Лапташкиной, В. Н. Гожих, В. Ф. Кудровым, ассистентом (впоследствии доцентом и профессором) В. В. Сироткиным, старшим лаборантом (впоследствии доцентом) М. П. Ивановой (Красновой, Вишневской), ассистентом (впоследствии доцентом) А.Е. Гуменюк, старшим лаборантом (впоследствии учебным мастером) О.В. Никитиной, старшим преподавателем А.В. Мулендеевой, доцентом В.Н. Ильиным и другими.

В 1994 году кафедра географии была разделена на кафедру физической географии и геоморфологии, и кафедру экономической и социальной географии. Благодаря энергии, конструктивному настрою и огромному научному и педагогическому опыту Е. И. Арчикова удалось открыть географический факультет (2000–2008 гг.) и заложить основы устойчивого развития вузовского географического образования в республике. Были привлечены специалисты, подготовлены научные кадры, получено госбюджетное и хоздоговорное финансирование для научных тем, создана Географическая станция в д. Шомиково Моргаушского района – база для полевой практики студентов.

Способность научной школы готовить кадры – один из главных показателей её зрелости. Под руководством Е. И. Арчикова были подготовлены и защищены кандидатские диссертации И. В. Никоноровой, З. А. Трифоновой, М. П. Ивановой, С. С. Максимова, а также оказана научная поддержка при защите докторских работ. После 2004 года развитие школы продолжилось под руководством его учеников, что обеспечило преемственность традиций.

Среди значимых работ, подготовленных на кафедре в последующие годы:

– В. Н. Ильин «Ландшафтное планирование экологического каркаса территории интенсивно освоенного региона (на примере Чувашской Республики)» (2012);

– А. Е. Гуменюк «Природно-рекреационный потенциал урбанизированных ландшафтов (на примере г. Чебоксары и пригородов)» (2012);

– Т. Г. Артемьева «Формирование регионального геокультурного пространства Чувашии в специфических условиях местного ландшафта» (2012);

– А.Ю. Харитонов «Оценка доступности первичной медико-санитарной помощи сельскому населению Чувашской Республики» (2026).

Диссертации были защищены в вузах Москвы, Перми и Санкт-Петербурга, а их результаты нашли применение в научных и прикладных проектах.

После кончины Е. И. Арчикова в ноябре 2004 года решением Учёного совета ЧГУ кафедре физической географии и геоморфологии было присвоено его имя. Сегодня кафедру возглавляет его ученица – кандидат географических наук, доцент, председатель Чувашского республиканского отделения РГО И. В. Никонорова. Инна Витальевна – человек, искренне болеющий за своё дело, руководитель, который умело совмещает научную основательность с предприимчивостью общественного деятеля. Она стала одним из инициаторов возрождения Чувашского отделения РГО в 2006 году и бессменно его возглавляет. За это время отделение вошло в топ-20 региональных филиалов РГО по стране – для небольшого региона серьёзное достижение, говорящее о способности руководителя не просто администрировать, а генерировать проекты, находить ресурсы и вовлекать людей. Инна Витальевна постоянно работает на расширение географической культуры в обществе: через РГО, работу со школьниками и одарёнными детьми, подготовку новых кадров.

Проекты, которые реализует отделение под её руководством, отличаются масштабностью и – что существенно – опорой на коллектив кафедры и студентов ЧГУ. Каждый проект, за который берётся команда, не точечная акция, а комплекс. «Родники Чувашии» начался с инвентаризации, а перерос в реестр из сотен объектов, карту на платформе 2ГИС, конкурсы, фестивали, мастер-классы. Проект «Семейный лес» вышел за пределы Чувашии и России – к нему присоединились Беларусь, Таджикистан, Калмыкия. Проекты

отделения участвуют в национальной премии «Хрустальный компас». Передвижная фотовыставка об экспедиционной деятельности путешествует по учреждениям образования и культуры республики. Всё это результат слаженной работы кафедры и команды, которую Инна Витальевна собрала, вдохновила и ведёт за собой.

Ключевым направлением научной школы кафедры является экология и рациональное природопользование. Оно реализуется через изучение устойчивости геосистем и минимизацию природных рисков.

У каждого сотрудника – свой исследовательский профиль:

− Николай Фёдорович Петров – изучает склоновые процессы;

− Марина Петровна Вишневская -занимается экологическим образованием и топонимикой;

− Татьяна Феликсовна Сытина – исследует агроландшафты и вопросы эколого-географического образования;

− Олег Анатольевич Шлемпа – специализируется на исторической географии и геоинформационном картографировании;

− Анна Евгеньевна Гуменюк – оценивает природно-рекреационный потенциал урбанизированных ландшафтов;

− Алёна Владимировна Мулендеева – работает в области ландшафтного планирования;

− Владимир Николаевич Ильин – занимается созданием экологического каркаса интенсивно освоенных территорий.

Каждый вносит в развитие кафедры свой вклад, и все понимают: наука – дело коллективное. Среди важнейших результатов кафедры:

Оползневые исследования и инженерная геология. Разработаны принципы классификации простых и сложных оползневых систем, выполнены расчёты устойчивости склонов и рекомендации по противооползневым мероприятиям. Изданы Атлас «Типы оползней» и монография «Структурное оползневедение: аспекты классификации», получившая признание на региональном уровне. Результаты исследований применяются в сотнях проектов строительства, дорожного хозяйства и освоения склоновых территорий в Чувашии и сопредельных регионах.

Береговые процессы и природопользование. Проанализированы геодинамические процессы в береговой зоне Чебоксарского водохранилища. Разработаны рекомендации по оптимизации природопользования на абразионно-оползневых берегах, востребованные при территориальном планировании и защите прибрежной инфраструктуры.

Ландшафтное планирование и экологический каркас. Выполнены работы по проектированию экологического каркаса Чувашской Республики, включая предложения по расширению сети особо охраняемых природных территорий и сохранению природного наследия.

Реестр родников Чувашии. В рамках хоздоговорной работы с Минприроды Чувашской Республики создана единая информационная система – Реестр родников, обеспечивающая доступ к экологической информации для органов власти, научного сообщества и населения.

Научная школа активно участвует в конкурсных проектах, среди которых – гранты РГНФ, РФФИ и ФЦП по темам ландшафтно-экологического зонирования, истории картографирования, экологического туризма и структурно-морфологических особенностей оползневых систем. Объёмы финансирования этих проектов свидетельствуют о востребованности тематики и высокой конкурентоспособности исследовательских заявок коллектива.

Кафедра последовательно реализует модель непрерывного образования «школа – ссуз – вуз», выстраивая преемственную траекторию географического просвещения. Для школьников проводятся выездные занятия, дни открытых дверей, открытые лекции и мастер-классы; кафедра курирует школьные географические мероприятия и содействует популяризации геоморфологии и инженерной геологии среди старшеклассников, в том числе через олимпиады и конкурсы исследовательских работ.

Особое место занимает ежегодная Республиканская олимпиада ЧГУ по географии «ГЕОтурнир», проводимая с 1996 года. Бессменный организатор олимпиады – кандидат педагогических наук, доцент М. П. Вишневская. «ГЕОтурнир» ежегодно собирает сотни юных любителей географии и служит площадкой для раскрытия талантов, взаимодействия кафедры с учителями республики, обмена педагогическим опытом и интеграции школьной и вузовской образовательной среды.

Важную роль играют акции под эгидой Русского географического общества: участие в Фестивалях РГО (с 2014 года); организация Международного географического диктанта (с 2015 года); проведение Чемпионата РГО по играм «Что? Где? Когда?» (2019); НЕуроки географии, интерактивные и фотовыставки; экспедиции

по Казанскому и Сурскому оборонительным рубежам, экспедиция «Амоксар» (2016–2018 гг.).

Одним из ключевых просветительских проектов кафедры является кросскультурный историко-географический проект «Тропа памяти» протяжённостью 39 км. Маршрут посвящён подвигу строителей Казанского обвода – части Сурского оборонительного рубежа времён Великой Отечественной войны. Автор проекта – М. П. Вишневская – развивает его как мультиформатную площадку, объединяющую историко-краеведческий, экологический и спортивно-туристический компоненты. Под её руководством кафедра системно обустраивает маршрут: устанавливаются навигационные указатели и информационные баннеры, помогающие туристам ориентироваться и глубже погружаться в исторический и природный контекст территории. На «Тропе памяти» ежегодно проходят тематические мероприятия: вело- и лыжные пробеги, пешие походы, объединяющие любителей активного отдыха, краеведов, студентов и старшеклассников. Всероссийское соревнование по сноукатингу сделало маршрут точкой притяжения для спортсменов и туристов. Важной частью проекта стали встречи и беседы с местными жителями – хранителями традиций и свидетелями истории. Благодаря этому «Тропа памяти» стала пространством живого диалога поколений, где история, природа и культура региона раскрываются через личный опыт и коллективную память.

С 2000 года на кафедре на системной основе проводится научно-практическая конференция «Арчиковские чтения», посвящённая памяти Е. И. Арчикова. Её миссия – не только сохранять научное наследие Емельяна Ивановича, но и формировать открытое пространство для профессионального диалога. Особенностью конференции стала гибкая тематическая рамка: каждое мероприятие проходит под собственным девизом, задающим смысловой вектор и расширяющим круг участников. Десятые «Арчиковские чтения» прошли в формате конференции-фестиваля под девизом «К вершинам эколого-географического познания» (2022), подчеркнув стремление к интеграции фундаментальных знаний и прикладных решений. В 2025 году конференция продолжила эту традицию под девизом «Синтез географической науки, прикладных исследований, опыта и молодости», максимально раскрыв возможности для взаимодействия студентов учреждений среднего профессионального и высшего образования, молодых и состоявшихся учёных, учителей

географии, биологии и краеведения, а также специалистов в области наук о Земле. Такой подход позволяет «Арчиковским чтениям» оставаться не только научной площадкой, но и точкой притяжения для широкого круга заинтересованных сторон, способствуя преемственности научных традиций и формированию межпоколенческих профессиональных связей.

Всё, чего достигла кафедра, – это результат работы всего коллектива. Следует отметить, что за научными достижениями и проектными отчётами стоит нечто очень важное – то, что трудно измерить показателями, но без чего кафедра не была бы собой. Это особая дружелюбная атмосфера, которую и руководитель, и каждый член коллектива бережно поддерживает. На кафедре принято помогать друг другу – не по обязанности, а по внутренней потребности. Старшие делятся опытом с молодыми, а молодые привносят энергию и свежий взгляд. Это не регламентировано приказами – такая взаимопомощь стала естественной нормой. Полевые практики, экспедиции, студенческие конференции, фестивали, выставки, совместные походы в театры – всё это укрепляет дух взаимовыручки. Ведь вместе действительно легче и интереснее: вместе поставить палатку под дождём, вместе изучить геологическое обнажение, вместе отправиться на велопробег и лыжный поход, вместе порадоваться удачной находке… Тёплые человеческие отношения здесь не просто фон, а неотъемлемая часть работы. Кафедра стала не просто рабочим коллективом, а настоящей географической семьёй, где каждый чувствует, что его видят, ценят и обязательно поддержат. Вероятно, именно поэтому студенты возвращаются сюда после выпуска, а выпускники годами сохраняют связь с родной кафедрой.

Сегодня географическая научная школа Чувашии – это устойчивый, динамично развивающийся коллектив, сочетающий фундаментальные исследования с решением прикладных задач региона. Её достижения – не только научные публикации и защищённые диссертации, но и конкретные рекомендации по снижению природных рисков, сохранению природного и культурного наследия, а также формированию экологической культуры и профессиональных компетенций у новых поколений специалистов.

Дальнейшее развитие школы видится в интеграции цифровых технологий, расширении междисциплинарных исследований и усилении роли просветительских и образовательных проектов. Важным направлением остаётся укрепление связей с учреждениями

общего и среднего профессионального образования, вовлечение молодёжи в полевую и аналитическую работу. Перспективным представляется расширение тематики исследований за счёт изучения антропогенных трансформаций ландшафтов, и разработки адаптивных моделей территориального планирования.

Таким образом, географическая научная школа Чувашии, зародившаяся на стыке большого личного опыта, экспедиционной практики и системного научного подхода, продолжает вносить значимый вклад в развитие науки, образования и общества. Она остаётся примером того, как сила человеческого характера и преданность делу способны формировать устойчивые научные традиции, передавать их от поколения к поколению и наполнять актуальным и востребованным содержанием.

Список литературы

1. Арчиковские чтения – 2022: к вершинам эколого-географического познания : материалы Всерос. науч.-практ. конф.-фестиваля (20–22 октября 2022 г.) / Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2022.

2. Арчиковские чтения – 2025: синтез географической науки, прикладных исследований, опыта и молодости : материалы Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. (14–17 октября 2025 г.), посвящённой 100-летию учёного-географа Е.И. Арчикова, 180-летию Русского географического общества, 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне / Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2025. – 264 с.

3. Сохраняя наследие учёного, учителя и наставника / И. В. Никонорова, О. В. Никитина, М. П. Вишневская, А. Е. Гуменюк // Арчиковские чтения – 2025: синтез географической науки, прикладных исследований, опыта и молодости : материалы Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию учёного-географа Е.И. Арчикова, 180-летию Рус. геогр. об-ва, 80-й годовщине Победы в Великой Отечеств. войне (Чебоксары, 14–17 окт. 2025 г.). – Чебоксары : Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2025. – С. 5–8.

4. Петров, Н. Ф. Яркие представители науки Чувашской Республики: Николай Петров / Н. Ф. Петров ; науч. ред. И.В. Никонорова ; М-во образования и науки Чуваш. Респ., Нац. б-ка Чуваш. Респ. – Чебоксары, 2025. – 48 с.

Плотникова Елена Владимировна
соискатель, старший преподаватель
Карпова Ольга Владимировна
старший преподаватель
Харитонова Светлана Брониславовна
канд. ист. наук, доцент, начальник отдела

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПОДГОТОВКА НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ЧЕРЕЗ АСПИРАНТУРУ В 1925–1955 гг.

Аннотация: *в статье освещаются вопросы количественного изменения обучающихся в аспирантуре с момента ее образования по 1955 год. Рассмотрены формы подготовки научных кадров в СССР в указанный период.*

Ключевые слова: *высшие учебные заведения, аспирантура, научно-педагогические кадры, защита диссертации.*

Важными условиями полноценного развития системы высшего образования и науки являются постоянное самовоспроизводство новых научно-педагогических кадров, поддержание необходимого соотношения опытных и начинающих специалистов, сохранение преемственности смены научных поколений.

Аспирантура на сегодняшний день является одной из основных форм подготовки научных и научно-педагогических кадров в российской системе науки и высшего образования.

Аспирантура как система массовой плановой подготовки научно-педагогических кадров в определённый срок возникла с 1925–1926 учебного года. Конкретной точкой отсчёта можно считать «Положение о руководстве делом подготовки научных работников» от 30 июня 1925 г. С созданием аспирантуры в СССР в дело подготовки научно-педагогических кадров было внесено централизованное плановое начало [5, с. 20].

В период развития первой пятилетки (1925–1930 гг.) численность аспирантов в высших учебных заведениях страны возросла с 800 до 2000 человек [1, с. 243]. В последующее десятилетие количество аспирантов при вузах и научно-исследовательских институтах увеличилось в несколько раз. В 1936 г. их численность возросла

до 6400 человек, а в 1941 г. составляла 16,9 тыс. человек, из них при вузах – 13,2 тыс. человек [1, с. 244].

Особый период в развитии высшего образования занимает Великая Отечественная война, когда только что формирующийся состав научно-педагогических кадров заметно поредел. Главной причиной стал уход преподавателей на фронт. Численность аспирантов резко сократилась и составляла в 1943 г. 3,6 тыс. человек, в том числе при вузах подготавливалось всего лишь 2,8 тыс. человек.

После окончания Великой Отечественной войны в стране остро ощущалась нехватка высококвалифицированных специалистов в различных областях науки. Вместе с восстановлением и дальнейшим развитием высшего образования в стране проводилась огромная работа по подготовке научно-педагогических кадров. В 1946 г. в стране насчитывалось 9,6 тыс. аспирантов, из них при вузах – 6,9 тыс. человек, а в 1948 г. – 15,8 тыс. и 9,6 тыс. человек соответственно [1, с. 245].

Во второй половине 1940-х годов вузы и научно-исследовательские учреждения страны по уровню подготовки аспирантов несколько превосходили уровень последнего предвоенного года. Общая численность аспирантов составляла 19,4 тыс. человек [1, с. 250]. Большое влияние на развитие аспирантуры и новые качества подготовки будущих специалистов оказало Постановление Совета Министров СССР от 22 мая 1948 г. «О подготовке научно-педагогических кадров через аспирантуру». Совет Министров потребовал от министерств и ведомств обеспечить более тщательный отбор кандидатов для зачисления в аспирантуру, обратить особое внимание на выбор тем диссертационных исследований по их содержанию и актуальности.

Особо возросли темпы подготовки научно-педагогических и научных работников в период пятой пятилетки (1951–1955 гг.). В директивах XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР была поставлена задача «расширить за пятилетие подготовку научных и научно-педагогических кадров через аспирантуру высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений примерно в два раза по сравнению с предыдущей пятилеткой» [3, с. 158]. В 1955 г. численность аспирантов в СССР возросла до 30,8 тыс. человек, в том числе по высшим учебным заведениям – до 18 тыс. человек. Почти на этом уровне сохранилась численность аспирантов и на конец 1956 г., составив по СССР 29,4 тыс. человек [1, с. 248]. Следует отметить, что в данный период большие

изменения произошли в подготовке научных кадров через аспирантуру и в отдельных отраслях науки. Так, например, по техническим наукам численность аспирантов в вузах и научных учреждениях страны возросла в 1956 г. до 9358 человек против 5809 в 1951 г.; по физико-математическим наукам соответственно до 2855 человек против 972; по геолого-минералогическим – до 1260 человек против 503. В то же время по ряду специальностей сохранилась прежняя численность аспирантов. Например, по историческим и филологическим специальностям число аспирантов в 1956 г. составило 2064 человека против 2607 в 1951 г.; по юридическим соответственно 367 человек против 748 [1, с. 250]. Таким образом, за период с 1946 по 1955 гг. высшие учебные заведения и научные учреждения выпустили 47,8 тыс. аспирантов, в том числе окончило аспирантуру при вузах страны более 30 тыс. человек.

Наряду с перечисленными формами подготовки научных кадров получают развитие следующие формы: прикомандирование к аспирантуре и подготовка научных кадров вне аспирантуры.

Отбор аспирантов для прикомандирования к аспирантуре проводили советы вузов и органы народного образования. Срок прикомандирования для научного кандидата устанавливался индивидуально в зависимости от готовности к диссертации, но не свыше одного года. Преподаватели вузов и учителя школ прикомандировывались, как правило, к крупным вузам и научно-исследовательским учреждениям страны. Преимущественным правом на прикомандирование пользовались те из преподавателей, которые провели значительную работу по диссертации и имеют опубликованные работы [4, с. 275]. В помощь прикомандированному в вузы выделялись научные руководители из числа наиболее квалифицированных профессоров и докторов наук. Данная система подготовки научных кадров позволяла направлять в столичные вузы страны научных работников периферии по разнообразным специальностям.

За период с 1949 по 1956 гг. из вузов Министерства высшего образования СССР за годичную аспирантуру было прикомандировано свыше 1900 человек, из них в 1949 г. – 216, в 1950 г. – 196, в 1951 г. – 204, в 1952 г. – 161, в 1953 г. – 380, в 1954–1955 гг. – 466, в 1956 г. – 281 человек. Кроме того, министерства просвещения союзных республик ежегодно прикомандировывали около 200–225 ассистентов и преподавателей педагогических институтов. Из общего числа прикомандированных в среднем ежегодно защищали диссертации около 80% [2, с. 157].

Другой формой подготовки научных кадров была система, когда граждане страны, имеющие законченное высшее образование, самостоятельно вне аспирантуры, без отрыва от основной работы сдают экзамены, подготавливают и защищают диссертации на соискание учёной степени кандидата наук. Они также прикомандировываются к вузам. Но в отличие от аспирантов очного и заочного отделений им не выделялись научные руководители. Данная форма подготовки вне аспирантуры при минимальных государственных расходах давала возможность пополнить состав научно-педагогических работников вузов и научно-исследовательских учреждений за счёт лиц, имеющих большой опыт производственной работы в учебно-воспитательных учреждениях.

По данным Высшей аттестационной комиссии, из общего количества соискателей, получивших учёную степень кандидата наук, в 1948–1953 гг. аспиранты составляли: в 1948 г. – 35%, в 1949 г. – 45,1%, в 1950 г. – 52%. За последующие два с половиной года в общем числе получивших учёную степень кандидата наук (это 17 227 человек) аспиранты составляли 8849 человек. Остальные соискатели готовили диссертации к защите вне аспирантуры [2, с. 158].

Таким образом, говоря о развитии высшего образования в СССР в 1925–1955 гг., можно говорить о количественном и качественном росте научно-педагогического и профессорского состава для высших учебных заведений.

Список литературы

1. Высшая школа СССР за 50 лет. – Москва : Высшая школа, 1967. – 272 с.

2. Галкин, К. Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР / К. Т. Галкин. – Москва : Советская наука, 1987. – 176 с.

3. Кабанов, П.И. История культурной революции в СССР / П.И. Кабанов. – Высшая школа, 1971. – 271 с.

4. Темирбаев, К. М. Очерки истории советской культуры / К. М. Темирбаев. – Москва : Просвещение, 1980. – 382 с.

5. Цеховой, Н. П. Подготовка научных и научно-педагогических кадров в СССР (1920-е – 1991 гг.): региональный опыт / Н. П. Цеховой. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. – 200 с.

Семенов Александр Анатольевич
главный архивист
БУ «Государственный исторический архив Чувашской Республики» Минкультуры Чувашии
г. Чебоксары, Чувашская Республика

РОЛЬ ЛИЧНЫХ ДОКУМЕНТОВ УЧАСТНИКОВ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ (ПО ДОКУМЕНТАМ ВЕТЕРАНА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И.С. СЕМЕНОВА, ХРАНЯЩИМСЯ В ГИА ЧР)

Аннотация: *в статье рассматривается патриотизм как любовь к Отечеству и гордость за его достижения. Автор размышляет о судьбе патриотического воспитания после распада СССР. Центральное место занимает семейная история – рассказ о деде автора И. С. Семёнове (1912–1994), уроженце д. Саруй Цивильского уезда. На основе дневниковых записей прослежен его боевой путь: служба в РККА, участие в советско-финляндской войне, работа в военных трибуналах, блокада Ленинграда, освобождение Митавы, служба на Западной Украине, в Мурманске, Ворошиловграде, работа в Верховном Суде Чувашской АССР. Приведены награды (два ордена Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги») и статистика потерь. Автор подчёркивает роль архивов в сохранении исторической памяти и призывает передавать семейные документы в архивы.*

Ключевые слова: *патриотизм, Великая Отечественная война, историческая память, семейная история, военный трибунал, блокада Ленинграда, Государственный исторический архив Чувашии, преемственность поколений.*

Патриотизм – это любовь к Отечеству, преданность своему народу и гордость за его победы и достижения. После распада СССР сам термин «патриотизм» нередко был для подрастающего поколения предметом насмешек. К сожалению, плоды такого «воспитания» дают о себе знать до сих пор.

Но даже в те в лихие 90-е гг. последним бастионом патриотизма оставалась Великая Победа всего советского народа над нацистской Германией и ее европейскими сателлитами (фактически в 1941–1945 гг. Россия в союзе с тремя Закавказскими и пятью

Среднеазиатскими республиками и при поддержке партизан и подпольщиков Белоруссии и Украины выдержала натиск всех стран Европы, включая формально нейтральные Швецию и Швейцарию, а затем освободила их народы от фашизма). В той борьбе с нацизмом нам помогали США и Великобритания со всеми своими колониями и доминионами.

Подвиги наших дедов и прадедов – это образцы и ориентиры, на которые равняются участники СВО, в ходе которой нам противостоят не только все страны Европы, но и США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия и многие другие бывшие колонии и доминионы Англии – всего 52 страны. Вот почему Специальная военная операция длится уже 4,5 года – дольше, чем Великая Отечественная война. И несмотря на то, что кроме КНДР, Россию боятся открыто поддержать даже ближайшие соседи – те самые три Закавказские и пять Среднеазиатских республик, представители которых штурмовали Берлин в 1945 г., долгожданная победа на фронтах СВО над объединенными силами Запада уже не за горами!

Уже стала расхожей фраза: «Архивы на страже истории». Что она означает? Вот яркий пример того, как Государственный исторический архив Чувашии стоит на страже исторической памяти: в 2024 г. на грант Главы Чувашской Республики О.А. Николаева был снят фильм, основанный исключительно на письмах фронтовиков и их близких «Их с волнением читали, знали наизусть». Мне тем более приятно его представлять, потому что среди документов участников Великой Отечественной войны есть письма моего деда Семенова Ивана Семеновича. Фильм можно бесплатно посмотреть на сайте Государственного исторического архива Чувашской Республики (публикации – видеофильмы).

Мой дед Семенов Иван Семенович родился 18 марта 1912 г. в семье крестьянина д. Саруй Яниково-Шоркистринской волости Цивильского уезда Казанской губернии (ныне Урмарского муниципального округа Чувашской Республики). По окончании Казанского юридического института в 1938 г. был призван в ряды РККА. Одногодичник – призывник с высшим образованием – за один год службы становился офицером – командиром взвода. Службу проходил в 3-й роте одногодичников 168 стрелкового полка Самаро-Ульяновской Железной дивизии в Ленинграде. Вместе с ним служили не только молодые юристы, но и будущие писатель Леонид Агаков и журналист Федор Ситов. В последний раз он видел своего

земляка Ситова в конце 1942 г. на левом берегу Невы – на окраине Ленинграда. Гвардии майор Ситов с войны не вернулся.

Однако через год войска Ленинградского военного округа были приведены в боевую готовность: все отпуска и увольнения отменялись. 29 ноября 1939 г., не успев получить офицерское звание, Иван в звании сержанта форсировал пограничную реку Сестра. В конце декабря 1939 г. был ранен в руку в ходе ожесточенных боев с белофиннами. После госпиталя был направлен в оздоровительный батальон в г. Ржев. После чего старший сержант Семенов был переведен в Военный трибунал 8-й армии. 20 июня 1940 г. части 8-й армии вступили на территорию Эстонии. Штаб, включая Военный трибунал, расположился сначала в Тарту (до 1920 г. Юрьев – город, который был основан Ярославом Мудрым), а затем – в Таллине. Осенью 1940 г. был перебазирован в Митаву (Елгаву) – недалеко от столицы Латвии.

С октября 1940 г. по истечении срочной службы, он остался в кадрах РККА и продолжил службу в Военном трибунале 8-й армии в должности секретаря судебных заседаний. В конце декабря жену и двух сыновей перевез в двухкомнатную служебную квартиру. За полгода дети научились говорить по-русски. А в один из июньских дней после игр с латышскими детьми они пришли домой и рассказали матери: дети во дворе узнали, что мы чуваши и предупредили: «Уезжайте скорее отсюда – скоро начнется война, и всех русских будут убивать…». Иван в это время находился в госпитале. Сразу после выздоровления жена упросила его взять отпуск и отвезти семью на родину. Выехали из Митавы 20 июня 1941 г. Навстречу их поезду шли военные эшелоны. Так случилось, что капитану Семенову в 1944 г. довелось освобождать Митаву от фашистов. Он отыскал тот самый дом, в котором жили семьи офицеров, точнее то, что от него осталось после первого же авианалета 22 июня 1941 г. Найти Военный трибунал 8-й армии ему удалось лишь 6 июля 1941 г. в лесу близ Тарту, когда армия с боями отходила к Финскому заливу. В августе младший военный юрист Семенов был назначен секретарем Военного трибунала 268-й дивизии. В начале сентября уцелевшие подразделения дивизии были отведены в Ленинград. Началась блокада Ленинграда. Офицеры штаба дивизии получали 300 г хлеба в сутки. Только меткая стрельба из пистолета ТТ по воронам давала Ивану и его сослуживцам мясной бульон к корке хлеба.

С середины декабря 1941 г. переведен на должность члена ВТ 72-й стрелковой дивизии [1]. Военный трибунал располагался в помещении цеха действующего завода «Ленметаллург» под

постоянным артиллерийским обстрелом. Летом 1942 г. сотрудники вырастили капусту и засолили большую кадушку.

Рис. 1

В начале ноября 1943 г. Ивана Семеновича назначили членом Военного трибунала 109-го стрелкового корпуса в связи с тем, что весь состав военного трибунала корпуса, находившийся в одной большой землянке, погиб от прямого попадания авиабомбы.

После успешного выполнения ряда поручений председателя ВТ 3-го Прибалтийского фронта генерал-майора юстиции Голенкова старший лейтенант юстиции Семенов И.С. 17 сентября 1944 г. был назначен председателем ВТ 288-й Дновской стрелковой дивизии. Ему запомнилось одно из поручений Голенкова. Военно-полевой суд разбирал дело женщины – инвалида войны, бывшего сержанта полковой разведки. Она, выпив в рюмочной, достала два трофейных немецких пистолета и начала стрелять в окружающих инвалидов, которые напившись стали насмехаться над ней и ее боевыми наградами. Председательствующий Семенов И.С. выслушал потерпевших, обвиняемую и свидетелей, и долго обсуждал с заседателями, что делать. Фронтовичке по законам военного времени грозил расстрел. Приговор был вынесен максимально мягкий: три года заключения общего режима с возможным расконвоированием; поскольку люди не пострадали и урон обороноспособности страны нанесен не был.

Только 21 мая 1945 г. капитан Семенов был награжден орденом Красной Звезды. Кроме прочего, в наградном листе указано: «…Проводил большую правовую работу среди личного состава, систематически в частях рассматривал дела о снятии судимости с военнослужащих, отличившихся в боях с немецкими захватчиками.

27 сентября 1944 г. в районе ДАГСТЫ Латвийской ССР задержал диверсанта с оружием в руках».

В сентябре 1945 г. после капитуляции Японии военным юристам массово предлагали подавать рапорта о демобилизации. Но капитан Семенов продолжил службу в Военном трибунале Могилевского гарнизона, где проходили судебные процессы над пособниками оккупантов и военными преступниками.

Перед октябрьским праздниками получил краткосрочный отпуск для перевода семьи на место службы; приехал на родину 7 ноября и сразу был приглашен на торжественное собрание, где он выступил с докладом о победе в Великой Отечественной войне. Этот доклад был со слезами на глазах: из 165 уроженцев деревни Саруй, ушедших на фронт, домой вернулись лишь 82. Всего из Чувашской АССР ушли на фронт более 208 тыс. человек, из которых вернулись только около 102 тыс. Многие из них – инвалидами. Среди них был и его старший брат Гаврил Семенович – сапер, возвратившийся домой в конце декабря 1943 г. на костылях (ему осколком мины оторвало половину ступни).

Не успел Иван Семенович собраться с семьей к переезду, как получил телеграмму: «Выезжай без семьи, переведен в другую часть». Он был поставлен перед выбором места службы: Воркута, Комсомольск-на-Амуре или Дрогобыч; выбрал Дрогобыч Львовской области УССР.

Проводя выездные судебные заседания (по сотне дел в месяц) по всей Западной Украине, капитан Семенов и там умудрялся выносить мягкие приговоры. Например, полагалось осудить не только обвиняемого, задержанного в том момент, когда он зашел к своей матери за продуктами, но и саму пожилую женщину; однако, понимая материнские чувства, попытался сократить ей срок лишения свободы более, чем в два раза. И сам чуть не поплатился за это – сослуживцы обвинили его в попустительстве, оформили материалы и отправили в военную прокуратуру. Однако прокурор, выяснив, сколько дел «повесили» на капитана Семенова, расследование в отношении него прекратил со словами: «Не доносы надо писать на сотрудника, который работает больше, чем остальные, а к ордену представлять!». Так капитан юстиции Семенов был представлен ко второму ордену Красной Звезды.

Но не только прокуратура оценила его работу. Однажды ночью раздался требовательный стук в дверь его квартиры. К этому моменту семья перебралась к нему, жена и четверо детей уже спали. Он

спросил: «Кто там?». «Открывай! – услышал в ответ, за тобой пришли!». Ранее на пороге собственной квартиры был убит его первый начальник, несмотря на наличие ординарца, вооруженного автоматом. Иван скомандовал проснувшейся семье: «Всем лечь на пол, за стены!» и приготовился стрелять из пистолета ТТ через дверь, крикнув: «Если попытаетесь ворваться, я буду стрелять! Может, вы бандеровцы, ведь сейчас ночь. Если вы из МГБ – приходите завтра на службу. Там меня и возьмете!». А в это время жена, схватив новорожденного младшего сына, тащила свободной рукой 11-летнего старшего, цеплявшегося спросонья за свою железную кровать, за выступ стены ванной комнаты. За дверью посовещались и ушли. Никто не пришел и на службу. А утром на центральной площади был убит военный комендант гарнизона… Это лишь небольшой эпизод шестилетней службы в Карпатах, за которую майор Семенов 30 января 1951 г. был награжден медалью «За боевые заслуги».

Прослужив еще два года на Западной Украине, майор юстиции Семенов был направлен в Военный трибунал войск МВД в Мурманск; где 28 февраля 1953 г. ему было присвоено звание подполковника. А в августе в его семье родился пятый ребенок, и в тесной комнате офицерского барака появился еще один очень шумный жилец.

В конце 1954 г. подполковник Семенов, окончив Курсы усовершенствования военно-юридического состава на «отлично», получил назначение на должность помощника военного прокурора Ворошиловградского военного трибунала.

В Ворошиловграде (ныне Луганск) семья жила сначала в гостинице, потом на частной квартире. Будни все были загружены работой и постоянными командировками в Жданов (ныне Мариуполь), Сталино (ныне Донецк), Артемовск, Краснодон и другие города Донбасса. Служба продолжалась до марта 1957 г., когда началось сокращение армии на 1 млн. 200 тыс. человек, и подполковнику Семенову предложили уйти в запас.

В мае 1957 г. новоиспеченный военный пенсионер обменял огромную трехкомнатную квартиру в центре Ворошиловграда, полученную в 1955 г., на очень скромную двухкомнатную квартиру без ванной комнаты в Казани. Главное для него было перебраться поближе к родителям. В мае 1959 г. он обменял квартиру в Казани на трехкомнатную – в Чебоксарах – в элитном доме в самом центре города, в которой проживал председатель Союза писателей Чувашской АССР А.Ф. Талвир. И еще три года работал в Верховном Суде Чувашской АССР; из них два последних – консультантом

председателя Верховного Суда по кадрам и режиму [2]. После чего вышел на заслуженный отдых. Умер в окружении пятерых детей и девятерых внуков 19 октября 1994 г.

Рис. 2

Все эти факты известны с точностью до дня благодаря привычке моего деда вести дневниковые записи, выработанной за 17 лет службы, а также целеустремленности его третьего сына – моего дяди Николая Ивановича, который обобщил эти записи и готовит к изданию уже пятую книгу.

Пользуясь случаем, обращаюсь ко всем читателям с призывом – отнести в ближайший архив фотографии и другие документы, сохранившиеся в ваших семьях! Эти бесценные свидетели прошлого не должны исчезнуть! Они должны служить нашей стране – ее будущим победам и достижениям! Архивисты систематизируют их, сохранят и обеспечат доступ к ним всех, кто интересуется прошлым своей Родины. Только тогда нам удастся сохранить преемственность поколений и привить любовь к Отечеству подрастающему поколению. Так в Государственном историческом архиве Чувашской Республики ежегодно обновляется экспозиция в выставочном зале, где вниманию студентов и школьников представлены документы и фотографии Великой Отечественной войны и других эпох. Продолжается сбор документов участников СВО.

Список литературы

1. ГИА ЧР. Коллекция фотодокументов. Оп. 2. №14691.
2. ГИА ЧР. Коллекция фотодокументов. Оп. 2. №14675.
3. Род «Вунике тавраш» и род Янрала – вместе из века в век. Кн. 3 / Н. И. Семёнов-Янрал, Н. Н. Николаев [и др.]. – Чебоксары: Изд-во Л.А. Наумова, 2009. – 135 с.

Скворцова Мария Сергеевна
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика
Орехов Никита Алексеевич
ведущий архивист
БУ «Госархив современной истории Чувашской Республики»
Минкультуры Чувашии
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОБЗОР ЛИЧНОГО ФОНДА А.А. ЗИМИНА (Ф. Р-3161) В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: СОСТАВ, СОДЕРЖАНИЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Аннотация: *статья посвящена характеристике личного архивного фонда Р-3161 Александра Алексеевича Зимина, хранящегося в Государственном архиве современной истории Чувашской Республики. На основе документов фонда, его описей, нормативно-методических материалов и опубликованных сведений рассматриваются история формирования фонда, основные этапы профессиональной и творческой деятельности фондообразователя, состав и структура документального комплекса. Особое внимание уделяется документам научной, трудовой, общественной, педагогической и литературной деятельности, а также фотодокументам. Показан информационный потенциал фонда для изучения истории образования, науки, экономики, журналистики и общественной жизни Чувашской Республики второй половины XX – начала XXI века. Определены основные направления дальнейшего использования и популяризации документов фонда.*

Ключевые слова: *личный архивный фонд, Зимин, Государственный архив современной истории Чувашской Республики, архивные документы, архивный обзор, документы личного происхождения, источниковедение, фотодокументы.*

Документы личного происхождения занимают особое место в составе Архивного фонда Российской Федерации. В отличие от документов, сформировавшихся в результате деятельности учреждений и организаций, личные фонды позволяют рассматривать исторические процессы через биографию конкретного человека, его

профессиональные связи, круг интересов и результаты интеллектуальной и творческой деятельности. В подобных комплексах одновременно представлены документы биографического характера, переписка, материалы профессиональной деятельности, рукописи, публикации, фотографии и иные источники, позволяющие реконструировать не только жизненный путь фондообразователя, но и исторический контекст его деятельности [1, с. 4].

Актуальность обращения к личным фондам региональных деятелей определяется необходимостью расширения источниковой базы исследований истории субъектов Российской Федерации. Особенно значимы комплексы документов, в которых пересекаются несколько сфер общественной жизни. К таким фондам относится личный фонд Р-3161 Александра Алексеевича Зимина, педагога, публициста, поэта-песенника, экономиста, кандидата экономических наук.

Цель статьи – охарактеризовать состав, содержание и информационный потенциал личного фонда А.А. Зимина, хранящегося в Государственном архиве современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР), и определить возможности его дальнейшего научного, образовательного и культурно-просветительного использования.

Александр Алексеевич Зимин родился 23 декабря 1940 г. в селе Моргауши Сундырского района Чувашской АССР в семье сельских учителей. Его родители – Алексей Петрович и Александра Михайловна Зимины – были связаны с педагогической деятельностью. В семейном окружении формировался интерес будущего фондообразователя к образованию, литературе и творчеству. Сведения о происхождении и семье представлены, в частности, в документах личного фонда, в том числе в материалах биографического характера [5, д. 139, л. 47–49].

Профессиональная деятельность А.А. Зимина охватывала несколько направлений. Начав трудовой путь в промышленности, он затем работал в редакциях периодических изданий, занимался научно-исследовательской работой, преподаванием, организацией образовательных проектов и литературным творчеством. В разные годы он был сотрудником научно-исследовательских учреждений Чувашии, работал в Чувашском государственном университете, занимал должности в сфере управления и проектирования, преподавал в учреждениях высшего образования [1, с. 67; 2, с. 47–48]. Значительное место в его деятельности занимала работа в сфере образования: в 1998 г. по его инициативе был создан Центр гуманитарного образования «Наследник», связанный с реализацией программ дополнительного образования и проектов по организации занятости школьников и молодёжи.

Литературное и музыкально-поэтическое творчество дополняло профессиональный профиль А.А. Зимина. Его стихи публиковались в республиканской печати, в соавторстве с братом Николаем создавались песни. В библиографических и справочных публикациях деятельность А.А. Зимина представлена как часть культурной истории Чувашской Республики [1, с. 67; 2, с. 47–48].

Личный архив А.А. Зимина поступил на хранение в ГАСИ ЧР в 2011 г. В составе фонда сформированы две описи. Опись №1 включает 145 единиц хранения за 1956–2010 гг., опись №2 – 25 единиц хранения фотодокументов за 1953–2004 гг. Таким образом, документальный комплекс насчитывает 170 единиц хранения [5; 6].

Научное описание документов проводилось с учётом действующих на момент работы архивных нормативных и методических требований. В 2013–2014 гг. специалистами архива были подготовлены описи документов постоянного хранения и фотодокументов. В описи №1 дела систематизированы по основным тематическим группам: документы о научной деятельности; печатные издания; отзывы и рецензии; документы о трудовой и общественной деятельности; письма к А.А. Зимину; документы к биографии. Внутри разделов применён преимущественно хронологический принцип [5]. Опись №2 объединяет фотодокументы, систематизированные по двум основным направлениям: личные фотографии и фотографии, отражающие трудовую деятельность [6].

Структура фонда демонстрирует характерную для личных архивов взаимосвязь документов различного происхождения и назначения. В одном комплексе соседствуют рукописи научных работ, статьи, доклады, методические материалы, печатные издания, рецензии, документы трудовой деятельности, удостоверения, членские билеты, письма, дипломы, трудовая книжка, документы семейно-биографического характера и фотографии. Это позволяет осуществлять комплексный анализ личности и одновременно использовать отдельные группы документов для решения специальных исследовательских задач.

Наиболее значительную часть описи №1 составляют материалы, связанные с научной деятельностью А.А. Зимина. В соответствующий раздел вошли рукописи научных трудов, статьи, доклады, методические указания, библиографические материалы и газетные вырезки. Среди них представлена диссертация, посвящённая совершенствованию организации труда мастеров производственных участков, а также материалы, характеризующие исследования в области экономики и управления производством [5, д. 1–56]. Источниковедческая ценность этой группы определяется возможностью

сопоставить опубликованные результаты научной работы с их подготовительными материалами. Рукописи и рабочие тексты позволяют изучать не только содержание исследований, но и особенности формирования научной позиции автора.

Документы о трудовой и общественной деятельности включают приказы, распоряжения, удостоверения, справки, членские и профсоюзные билеты, а также документы организаций, с которыми был связан фондообразователь. Важным источником является трудовая книжка А.А. Зимина, содержащая записи о его трудовой деятельности с 1958 по 2001 г [5, д. 120, л. 1–31]. Особый интерес представляют материалы общественной деятельности и документы, связанные с Центром гуманитарного образования «Наследник». Они позволяют рассматривать деятельность А.А. Зимина в контексте образовательных и общественных процессов Чувашской Республики 1990-х – начала 2000-х гг. Одновременно такие документы показывают практическую сторону работы образовательных и общественных инициатив, в которых участвовал фондообразователь [5].

Биографический комплекс фонда включает документы, непосредственно характеризующие жизненный путь А.А. Зимина: свидетельство о рождении, свидетельство о браке, дипломы, трудовую книжку, удостоверения, почётные грамоты и другие материалы [5, д. 135]. Документы об образовании позволяют уточнять этапы профессионального становления, а наградные материалы – оценивать институциональное признание различных направлений деятельности.

Отдельную группу составляют письма к А.А. Зимину: письма редакций журналов, издательств, учебных заведений, а также переписка с государственным архивом по вопросам передачи личного архива на постоянное хранение. Переписка представляет ценность не только для биографии фондообразователя, но и для изучения истории самого фонда [5, д. 118, л. 1].

Второй раздел описи №1 составляют печатные издания А.А. Зимина: сборники научных трудов, стихов и песен, а также отдельные издания, связанные с его редакторской и профессиональной деятельностью. Наличие опубликованных работ непосредственно в составе личного фонда существенно расширяет возможности исследования: опубликованный текст может рассматриваться в связи с рукописью, отзывами, рецензиями [5].

Литературное творчество А.А. Зимина отражено также в периодической печати. Публикации и сборники позволяют изучать тематические и жанровые особенности его произведений, а

сопутствующие документы – историю их подготовки и распространения [1, с. 67; 2, с. 47–48].

Фотодокументы выделены в самостоятельную опись №2. В ней представлены 25 единиц хранения за 1953–2004 гг. Тематически фотографии разделены на личные и связанные с трудовой деятельностью. Среди личных фотографий имеются материалы, отражающие детские и юношеские годы, семейные события, встречи с родственниками и другие стороны частной жизни [6, д. 3–4]. Фотографии трудовой деятельности отражают различные периоды профессионального пути А.А. Зимина: снимки, сделанные во время работы в редакциях, научных учреждениях, поездок, семинаров, курсов повышения квалификации и других мероприятий [6, д. 7–8, 15, 22–24]. Информационный потенциал фотографий выходит за пределы идентификации изображённых лиц. По ним можно изучать профессиональное окружение Зимина, географию его поездок, характер рабочих мероприятий, организационную среду и социальные связи.

Совокупность документов фонда позволяет рассматривать А.А. Зимина одновременно как индивидуального автора и как участника более широких общественных, научных, образовательных и культурных процессов. Научные материалы дают возможность изучать проблемы экономики и организации труда; педагогические документы – историю образовательной деятельности; журналистские публикации – развитие региональной периодики; литературные материалы – культурную жизнь Чувашии; фотографии и личные документы – биографию и социальное окружение фондообразователя.

Особенность фонда заключается в возможности междисциплинарного использования. Экономические исследования Зимина могут рассматриваться в истории науки и региональной экономики; педагогические материалы – в истории образования; журналистские публикации – в истории региональной прессы; литературное наследие – в истории культуры; переписка и документы общественной деятельности – в изучении социальных коммуникаций и общественной жизни. Тем самым один личный фонд формирует источниковую базу сразу для нескольких направлений гуманитарного исследования.

Документы фонда имеют значение для изучения истории Чувашской Республики второй половины XX – начала XXI века. Они отражают не только индивидуальную биографию А.А. Зимина, но и процессы, связанные с развитием региональной науки, образования, журналистики, экономики и культуры. В связи с этим дальнейшая научная обработка, цифровое представление и популяризация материалов фонда способны расширить источниковую базу

региональных исследований и сделать документальное наследие доступнее для исследователей и образовательных проектов.

Список литературы

1. Бойко, И. И. Зимин Александр Алексеевич / И. И. Бойко // Чувашская энциклопедия. – Чебоксары, 2008. – Т. 2: Ж-Л. – С. 67.
2. Ильин, С. П. Зимин Александр Алексеевич / С. П. Ильин // Ассоциация композиторов Чувашской Республики. – Чебоксары, 1995. – С. 47–48.
3. Наследие Чувашии. Зимин Александр Алексеевич. – URL: https://наследиечувашии.рф/russian/зимин-александр-алексеевич-научный-р/ (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.
4. Портал «Архивы Чувашии». Фонд Р-3161. – URL: https://giachr.archives21.ru/archives/gasi/inventories/10897770 (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.
5. Ф. Р-3161. Оп. 1. Д. 1–145. Личный фонд А.А. Зимина / БУ «Госархив современной истории Чувашской Республики» Минкультуры Чувашии.
6. Ф. Р-3161. Оп. 2. Д. 1–25. Личный фонд А.А. Зимина / БУ «Госархив современной истории Чувашской Республики» Минкультуры Чувашии.

Смирнов Фёдор Евгеньевич
ассистент
Скворцова Мария Сергеевна
старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОБЗОР ФОНДА Р-3231 «МИНИНФОРМПОЛИТИКИ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ» В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: СОСТАВ, СОДЕРЖАНИЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Аннотация: *в статье представлены результаты архивного обзора фонда Р-3231 «Мининформполитики Чувашской Республики», хранящегося в Государственном архиве современной истории Чувашской Республики. Рассмотрена история организаций-фондообразователей – Государственного комитета Чувашской Республики по связи и информатизации (2003–2012) и Министерства информационной политики и массовых коммуникаций Чувашской Республики (2012–2016). Проанализирован видовой состав документов, выявлены*

наиболее информативные группы дел. Охарактеризован информационный потенциал фонда для изучения административных реформ, информатизации и медиаполитики на региональном уровне.

Ключевые слова: *архивный обзор, фонд Р-3231, Мининформполитики Чувашии, Госкомсвязьинформ Чувашии, научно-справочный аппарат, архивные документы, административная реформа, информатизация.*

Документы, образующиеся в деятельности государственных учреждений, со временем становятся частью Архивного фонда и требуют специальной процедуры систематизации – составления архивного обзора. Такой обзор представляет собой архивный справочник, включающий систематизированные сведения о составе, содержании и поисковых данных комплексов архивных документов, дополненных источниковедческим анализом [4, с. 3].

Объектом настоящего исследования является фонд Р-3231 «Мининформполитики Чувашской Республики», сосредоточенный в Государственном архиве современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Фонд Р-3231 – объединенный и содержит документы двух организаций-фондообразователей: Государственного комитета Чувашской Республики по связи и информатизации (2003–2012) и Министерства информационной политики и массовых коммуникаций Чувашской Республики (2012–2016).

Актуальность обращения к фонду Р-3231 обусловлена тем, что его документы обладают высокой исторической ценностью, но до настоящего времени не становились объектом специального обзора. Между тем, они позволяют проследить ход административных реформ 2000–2010-х годов на региональном уровне, эволюцию системы управления информатизацией и развитие механизмов государственной поддержки средств массовой информации в Чувашской Республике.

Целью работы является выявление и характеристика информационного потенциала фонда Р-3231 для исторических и управленческих исследований.

Государственный комитет Чувашской Республики по связи и информатизации был создан указом Президента Чувашской Республики от 15 июля 2003 г. №68 [7]. На него возлагались функции по выработке и реализации государственной политики в области информатизации и развития инфраструктуры связи. Комитету были переданы часть полномочий Администрации Президента Чувашской Республики в сфере информатизации и часть функций Министерства

промышленности, транспорта и связи Чувашской Республики в области связи. Первым председателем Госкомитета стал Д.А. Назипов.

Основными задачами Госкомсвязьинформа были: разработка и реализация государственной политики в области связи, телекоммуникаций и информатизации; развитие инфокоммуникационной инфраструктуры; удовлетворение потребностей органов власти, хозяйствующих субъектов и населения в услугах связи и информации. Комитет активно участвовал в реализации федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002–2010 годы)», занимался формированием «электронного правительства» на республиканском и муниципальном уровнях.

За годы своего существования (2003–2012) комитет неоднократно менял структуру и расширял полномочия. В 2006 г. на него были возложены функции удостоверяющего центра для органов власти в области электронной цифровой подписи. В 2010–2011 гг. комитет получил статус оператора республиканской системы межведомственного электронного взаимодействия, оператора интернет-телефонии, государственного заказчика по формированию инфраструктуры для предоставления госуслуг в электронной форме, а также уполномоченного органа по выпуску, выдаче и обслуживанию универсальных электронных карт.

Как отмечает Д.В. Змиевский, структура органов исполнительной власти «не рождается умозрительно, исходя из субъективных представлений… Она всегда определена потребностями практики, особенностями управляемой среды» [3, с. 267]. Именно практическими задачами информатизации продиктованы частые изменения структуры Госкомитета в 2003–2012 гг., которые находят отражение в документак фонда Р-3231 – от расширения штата с 15 единиц в 2003 г. до наделения комитета функциями удостоверяющего центра, оператора межведомственного электронного взаимодействия и уполномоченного органа по универсальным электронным картам.

20 июля 2012 г. комитет был ликвидирован, а его правопреемником стало Министерство информационной политики и массовых коммуникаций Чувашской Республики [8]. Одновременно новому органу были переданы функции Министерства культуры Чувашии в части регулирования в сфере СМИ, издательской и полиграфической деятельности. Это привело к существенному расширению предмета ведения Министерства и появлению в его структуре новых подразделений – сектора по взаимодействию со СМИ и сектора книгоиздания и полиграфии.

В 2014–2016 гг. в функции Министерства вносились изменения: исключены полномочия по закупкам для государственных нужд, добавлены функции оператора регистра органов и организаций в единой системе идентификации и аутентификации, оператора системы высокоточного позиционирования, головного подразделения по технической защите информации [6; Д. 1. Л. 3–9]. В 2016 г. Министерство выступило учредителем бюджетного учреждения «Центр информационных технологий».

Как подчеркивает И.В. Глазунова, метод делегирования полномочий оказался «особенно востребованным» в ходе административной реформы и сохраняет актуальность для последующих этапов преобразований [1, с. 225]. Передача Госкомитету части полномочий Администрации Президента Чувашской Республики в сфере информатизации, а затем – Мининформполитики функций в сфере СМИ, служит наглядным подтверждением этого тезиса и нашло отражение в появлении новых групп документов в описи №2.

Фонд Р-3231 был создан на основе решения экспертно-проверочной комиссии Министерства культуры Чувашской Республики от 25 июля 2012 г. Изначально он получил наименование «Органы исполнительной власти Чувашской Республики по связи, информационной политике и массовым коммуникациям». Объединение документальных комплексов двух учреждений в единый фонд было обусловлено их преемственностью.

Научно-техническая обработка документов проводилась в два этапа. В мае – июле 2012 г. сотрудниками отдела информационных услуг ГАСИ ЧР были обработаны документы Госкомитета за июль 2003 – июнь 2012 г. В результате составлены опись №1 дел постоянного хранения (146 дел) и опись №3 дел по личному составу (16 дел). По итогам экспертизы ценности был составлен акт о выделении к уничтожению 69 дел, не имеющих научно-исторической ценности.

В декабре 2017 – феврале 2018 г. была проведена обработка документов Министерства за май 2012 – 2016 г. В результате составлены: опись №2 дел постоянного хранения (308 дел), опись №3 (продолжение) дел по личному составу (21 дело), опись №4 личных дел уволенных работников (42 дела), опись №5 личных дел руководителей и сотрудников, имеющих почетные звания и правительственные награды (28 дел). По результатам экспертизы ценности был составлен акт о выделении к уничтожению 533 единиц хранения.

Таким образом, на постоянном хранении в ГАСИ ЧР находятся 454 дела (опись №1 – 146 ед. хр., опись №2 – 308 ед. хр.). Документы

по личному составу (описи №3–5) остаются в ведомственном архиве Министерства, в соответствии с требованиями законодательства об архивном деле и персональных данных. Это ограничивает доступность сведений о кадровой политике ведомства для внешних исследователей, но не снижает источниковедческую ценность документов на постоянном хранении в ГАСИ ЧР. Документы фонда представлены преимущественно на русском языке, отдельные документы (протоколы комиссии по грантам для авторов рукописей книг для детей и юношества на чувашском языке) – на чувашском языке. Документы фонда находятся в удовлетворительном физическом состоянии, что подтверждается отсутствием в исторической справке сведений о повреждениях или утратах.

Научно-справочный аппарат фонда представлен описями №1 и №2, к которым составлены титульные листы, оглавления и предисловия. К наиболее важным и ценным с исторической точки зрения документам на заголовках дел представлены аннотации. Вместе с тем, следует отметить отдельные недостатки: в исторической справке отсутствуют сведения о физическом и санитарно-гигиеническом состоянии документов; в описи №2 не представлены планы финансово-хозяйственной деятельности подведомственных организаций за 2015 год.

Документы описи №1 (Госкомсвязьинформ Чувашии) представлены несколькими основными группами. Нормативно-правовую базу составляют указы Президента Чувашской Республики, постановления и распоряжения Кабинета Министров, Положение о Государственном комитете и изменения к нему. Организационно-распорядительная документация включает приказы по основной деятельности, штатные расписания, положения об отделах и должностные регламенты. Значительный массив составляют протоколы заседаний коллегий, конкурсных комиссий, рабочих групп и совещаний по проектам [5; Д. 13, 14, 38, 39, 49, 64, 133, 135, 136].

Особый интерес представляют паспорта информатизации Чувашской Республики, содержащие систематизированные статистические данные о внедрении информационно-коммуникационных технологий. Так, в паспорте за 2004 г. зафиксировано, что затраты на внедрение и использование ИКТ в 2003 г. составили 433,9 млн рублей, число учащихся на один компьютер сократилось с 300 до 54, было открыто более 90 модельных библиотек с доступом в Интернет. Эти данные позволяют оценить масштаб информатизации региона [5; Д. 16. Л. 1–48].

Государственные контракты, отложившиеся в фонде, раскрывают процессы создания и внедрения ключевых информационных систем: АИС «Госзаказ», система «ЗАГС-ПВС-ЖКХ», ОГИР «Мониторинг-Аналитика-Прогноз», система «Мультикарта». Стоимость отдельных контрактов достигала 4,59 млн рублей.

Финансово-отчетная документация включает сметы доходов и расходов, балансы исполнения бюджета, планы работы. Эти документы дают представление об эволюции штатной структуры: если в 2003 г. в комитете работало 15 сотрудников, то в дальнейшем численность и структура аппарата менялись в соответствии с новыми задачами.

Документы описи №2 (Мининформполитики Чувашии) отражают существенное расширение функций ведомства. Наиболее многочисленную группу составляют планы финансово-хозяйственной деятельности подведомственных автономных учреждений (более 20 томов) и их бюджетная отчетность (около 40 томов). В них расписаны доходы и расходы каждой районной газеты, республиканских издательств, НТРК Чувашии, а с 2016 г. – БУ «Центр информационных технологий». Как показала Д.Д. Горбушина, именно сфера взаимодействия Мининформполитики с региональными СМИ была сопряжена с проблемами недостаточной открытости и доминирования коммерческих приоритетов [2, с. 29]. Многотомная финансовая документация фонда позволяет оценить реальный уровень государственной поддержки СМИ и эффективность использования бюджетных средств.

В описи №2 появились новые группы документов, отсутствующие в описи №1: акты приема-передачи прав и обязанностей учредителя средств массовой информации от Министерства культуры Чувашии к Мининформполитики (25 актов за сентябрь 2012 г.); протоколы Совета по реализации государственной политики в области издания социально значимой литературы; протоколы редакционной коллегии библиографической серии «Замечательные люди Чувашии»; протоколы комиссии по грантам для авторов рукописей книг для детей и юношества на чувашском языке [6; Д. 52, 177, 235, 301].

Проекты нормативных правовых актов, подготовленные Министерством, показывают его активную нормотворческую роль. Наиболее показательным является дело №42, содержащее проект закона «Об универсальной электронной карте» со всеми стадиями согласования: справкой о согласовании, письмами с замечаниями от Министерства финансов, Министерства юстиции, федеральной уполномоченной организации «Универсальная электронная карта» [6; Д. 42. Л. 1–71].

Документы фонда Р-3231 обладают высоким информационным потенциалом для исследователей. Они позволяют:

– формировать эмпирическую основу для исследований регионального управления, цифровизации и медиаполитики;

– внедрение информационных технологий в государственное управление, создание «электронного правительства», развитие системы межведомственного электронного взаимодействия;

– механизмы государственной поддержки региональных средств массовой информации, включая финансирование подведомственных учреждений, предоставление субсидий, организацию конкурсов социально значимых проектов;

– историю книгоиздания и полиграфии в Чувашской Республике, включая поддержку издания социально значимой литературы и книг для детей и юношества на чувашском языке.

Документы, хранящиеся в фонде, содержат уникальные статистические данные о развитии ИКТ-инфраструктуры региона, а плановые и отчетные документы подведомственных учреждений позволяют провести детальный анализ эффективности государственной поддержки СМИ.

Особого внимания заслуживает опыт внедрения общественных советов при органах исполнительной власти. Общественные советы были созданы на втором этапе административной реформы, для привлечения граждан к участию в осуществлении государственных функций [1, с. 219]. Протоколы заседаний Общественного совета при Мининформполитики [6; Д. 122, 188, 243, 308] показывают какие вопросы выносились на обсуждение, кто входил в состав совета и какова была реальная степень влияния общественности на решения ведомства.

Таким образом, фонд Р-3231 «Мининформполитики Чувашской Республики» является ценным источником по истории регионального госуправления, информатизации и медиаполитики 2000–2010-х гг. Его документы позволяют изучать административные преобразования, формирование электронного правительства, механизмы господдержки СМИ и книгоиздания.

Научно-справочный аппарат фонда позволяет ориентироваться в его содержании, хотя и имеет отдельные недостатки. Видовой состав документов отражает как общие для органов исполнительной власти группы (приказы, протоколы, планы, отчеты), так и специфические, связанные с деятельностью Министерства в сфере СМИ и книгоиздания.

Составленный архивный обзор может быть использован в работе читального зала ГАСИ ЧР, при подготовке научных и учебных работ, а также в практике органов исполнительной власти. Документы фонда являются надежной эмпирической базой для дальнейших исследований истории государственного управления и информационной политики в Чувашской Республике.

Список литературы

1. Глазунова, И. В. Формы и методы государственного регулирования: опыт административной реформы 2003–2010 годов / И. В. Глазунова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 4 (95). – С. 212–225.

2. Горбушина, Д. Д. Взаимодействие органов государственной власти субъекта Федерации со средствами массовой информации (на примере Чувашской Республики) / Д. Д. Горбушина // Концептуальные основы стратегического управления региональным развитием в условиях глобальных вызовов : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 5 февраля 2015 года). – Чебоксары : Новое время, 2015. – С. 28–31.

3. Змиевский, Д. В. Конституционно-правовое обеспечение административной реформы в Чувашской Республике / Д. В. Змиевский // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 3. – С. 266–270.

4. Лаптева, Е. Л. Архивные обзоры: метод. рекомендации / Е. Л. Лаптева. – Чебоксары : ЧГУ им. И.Н. Ульянова, 2009. – 28 с.

5. Опись №1 дел постоянного хранения за 2003–2012 гг. // Ф. Р-3231. ГАСИ ЧР.

6. Опись №2 дел постоянного хранения за 2012–2016 гг. // Ф. Р-3231. ГАСИ ЧР.

7. О дополнительных мерах по развитию современных услуг связи и информатизации в Чувашской Республике : указ Президента Чувашской Республики от 15 июля 2003 г. №68 // Глава Чувашской Республики: официальный сайт. – 2003. – URL: https://glava.cap.ru/doc/laws/2003/07/15/decree_84564 (дата обращения: 22.09.2026). – Текст : электронный.

8. О мерах по совершенствованию государственного управления в Чувашской Республике : указ Главы Чувашской Республики от 25 мая 2012 г. №49 // Вестник Главы Чувашской Республики. – 2012. – № 5. – Ст. 49.

Ткаченко Владимир Глебович
канд. ист. наук, доцент
Харитонов Михаил Юрьевич
канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой
Ткаченко Евгений Владимирович
старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

И.Д. КУЗНЕЦОВ И НАЧАЛО АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЧУВАШИИ В 1930-е ГОДЫ

Аннотация: *в статье впервые исследуется опыт археографической деятельности одного из основоположников чувашской исторической науки – Ивана Даниловича Кузнецова. На основе опубликованных им сборников документов анализируются научно-методологические подходы и особенности публикации архивных источников по истории чувашского и других народов в 1930-е годы. Показан вклад ученого в становление и развитие археографии в Чувашии.*

Ключевые слова: *Кузнецов, Чувашия, историческая наука, археография.*

Важной задачей современной историографии является изучение биографий историков, чья судьба была связана со становлением чувашской советской исторической науки. Иван Данилович Кузнецов – яркий пример учёного, внёсшего значительный вклад в развитие гуманитарного знания в Чувашии. Ему посвящено немало работ, связанных с изучением его научного наследия. Однако опыт его деятельности как первого чувашского советского археографа до сих пор оставался в тени и по-настоящему не оценён.

Научные интересы И.Д. Кузнецова формировались в 1920–1930-е годы, когда в стране шёл процесс становления марксистской историографии. Будучи выходцем из чувашской крестьянской семьи, он олицетворял собой генерацию молодых исследователей бывших окраин Российской империи, активно включившихся в изучение прошлого своей страны и родного края. Проявив интерес к истории чувашского крестьянства, аграрных отношений и национальной политики, И.Д. Кузнецов начинает активно публиковаться, участвовать в работе действовавшего в Москве краеведческого Общества

изучения чувашской культуры, заниматься популяризацией исторических знаний. Самое глубокое влияние на его мировоззрение и политические взгляды оказало обучение на Историческом отделении Института красной профессуры. Именно в этот период проявился его интерес к архивным документам, стремление опираться в своей работе на первоисточники. В дальнейшем это стало одним из факторов, обусловивших активную археографическую деятельность молодого исследователя в середине 1930-х годов.

Публикация им архивных документов также мотивировалась его общественно-политической деятельностью: в 1920–1930-е годы он занимал ответственные посты в партийных органах Чувашии, в частности был заведующим отделом культпросветработы и школ обкома партии, что предполагало проведение активной пропагандистской работы среди широких слоёв местного населения, воспитание молодёжи в духе революционных традиций.

Именно в этот период Чувашский обком ВКП(б) испытывал определённый недостаток в материалах для реализации своей идеологической деятельности. Данное обстоятельство было обусловлено тем, что до 1935 года партийного архива в республике не существовало, а на развитии архивного дела в Чувашии сказывались трудности с подбором кадров, финансированием деятельности архивных учреждений. На работе Центрального архивного управления Чувашской АССР также сказывалось отсутствие точных сведений о количестве сконцентрированных и хранящихся в архивохранилищах ЦАУ архивных материалов, неразвитость научно-справочного аппарата к документам фондов [2, л. 7–12]. Очевидно, не последнюю роль сыграла и подчинённость архивной службы с 1927 по 1930 гг. республиканскому НКВД, не проявлявшему заинтересованность в научном исследовании документальных источников по истории региона [1, л. 40].

Так, например, в резолюции совещания организационно-планового сектора Центрального архивного управления РСФСР по докладу о результатах деятельности Центрального архивного управления Чувашской АССР от 22 мая 1932 г. отмечалось, что в республике «не развёрнута до сих пор агитационно-пропагандистская работа архивного дела Чувашской АССР (выставки на основе архивных материалов, публикации документов в печати и т.п., согласно директивам коллегии ЦАУ РСФСР)». Органу управления архивным делом Чувашии было поручено «приступить к развёртыванию агитационно-пропагандистской работы по архивным материалам путём устройства выставок, докладов на рабочих собраниях, путём

публикаций отдельных историко-революционных документов в местной печати и т.п.» [3, л. 9–10].

Определённые подвижки наметились в начале 1933 г., когда после отчётных докладов, заслушанных на Президиуме ЦИК Чувашской АССР (31 января 1932 г.) и на организационно-плановом совещании Центрального архивного управления РСФСР (21–23 мая 1932 г.), «были приняты основные предложения о перестройке работы ЦАУ: о развёртывании работы по выявлению архивных материалов для нужд соцстроительства, истории гражданской войны, истории фабрик и заводов, истории революционного движения, агитпропработы путём устройства архивных выставок, публикации документов в печати» [1, л. 40–49].

Отчитываясь перед Центральным архивным управлением РСФСР о работе за 1934 г., ЦАУ Чувашской АССР в части выявления и использования документов и научно-исследовательской работы отмечал, что им было проведено выявление и копирование документов по следующим темам: «Национальный гнёт, эксплуатация и убожество жизни чуваш до революции. Здесь выявлены и сконцентрированы документы, относящиеся к колонизации Чувашии, крепостному праву, старой школе, роли церкви, бездорожью и другим тёмным сторонам старой чувашской жизни» [4, л. 3–7 об.]. Хотя «выявленные документы использовались в докладах на съездах Советов республики, для оформления раздела Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в г. Москве, посвящённого Чувашской АССР, в газетных статьях» [7, с. 25–26], однако наладить работу по изданию архивных документов в виде тематических сборников документов местным архивистам не удавалось.

Сложившаяся ситуация, очевидно, послужила одним из факторов, мотивировавших И.Д. Кузнецова на активную публикационную деятельность. Именно поэтому подготовка и публикация сборников архивных документов заняла особое место в его научном наследии. Результатом стало издание Чувашским научно-исследовательским институтом социального и культурного строительства фундаментального для своего времени сборника документов «Национальные движения в период первой революции в России» тиражом в 2000 экземпляров [6], а также параллельный выпуск в виде отдельного оттиска восьмой главы сборника под названием «Крестьянское движение среди чуваш, мари и удмуртов во время революции 1905–1907 гг.» тиражом в 500 экземпляров [5]. Обе книги по праву считаются одними из наиболее значительных археографических проектов советской исторической науки 1930-х годов.

Основу сборников составили документы, выявленные И.Д. Кузнецовым в фонде Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи. Ценнейшая информация о ходе крестьянских и национальных выступлений представлена делопроизводственными материалами: донесениями губернаторов, начальников губернских жандармских управлений, рапортами исправников и становых приставов, всеподданнейшими записками Департамента полиции. Такой подход стал определяющим с точки зрения источниковедческой специфики издания: «голос» самих участников движения – крестьян, рабочих, представителей национальной интеллигенции – «звучит» через цитаты и пересказы, содержащиеся в полицейских документах, то есть опосредованно и с неизбежными в этом случае интерпретациями.

Принципы отбора документов демонстрируют стремление составителя охватить как можно больше представителей национальных окраин Российской империи. В основной сборник вошли материалы об аграрных движениях на Алтае, в Бурятии, Якутии, Калмыкии, Башкирии, в Поволжье (марийцы, татары, удмурты, чуваши), на Северном Кавказе. И.Д. Кузнецов считал необходимым изучение этих выступлений в неразрывной связи с общероссийским революционным процессом. Несомненно, такой отбор источников был подчинён не только научным, но и идеологическим задачам, характерным для советской исторической науки 1930-х годов.

Оценивая данные издания с археографической точки зрения, необходимо иметь в виду, что ко времени их выхода в свет в СССР хотя и имелся значительный опыт публикации архивных документов (достаточно упомянуть действовавшую с 1926 г. Историко-археографическую комиссию, преобразованную в 1931 г. в Историко-археографический институт, позднее влившийся в созданный в 1936 г. Институт истории АН СССР), единых правил публикации исторических источников не существовало. Проект «Правил издания документов Центрального архивного управления СССР», подготовленный А.А. Сергеевым и опубликованный в журнале «Архивное дело» в том же 1935 г. [8, с. 55–77], носил дискуссионный характер и не претендовал, по признанию автора, «на исчерпывающий и универсальный характер». В связи со смертью А.А. Сергеева работа над ними и вовсе была приостановлена.

Таким образом, хотя данный проект и заложил важные основы для дальнейшего развития теории и практики советской археографии, оказать какое-либо влияние на подготовленные И.Д. Кузнецовым материалы он не мог.

Важно отметить, что основной сборник по национальным движениям в период первой революции в России готовился по заданию редакционно-издательского отдела Центрального архивного управления, что накладывало на составителя особую ответственность в научном плане. По техническим причинам его публикация задержалась. В связи с предстоящим празднованием 30-летия революции 1905 года было принято решение о его издании исторической секцией Чувашского научно-исследовательского института культурного строительства. Очевидно, по этой причине отдельным тиражом вышла одна из его глав, посвящённая революционным событиям среди чувашей, мари и удмуртов [6, с. 6].

Археографическое оформление подготовленных в Чувашии изданий находилось для того времени на весьма высоком уровне. Автор-составитель бережно подошёл к передаче текста источников, сохранив их языковые особенности, в том числе элементы делопроизводственной лексики XIX – начала XX в. Сборники снабжены предисловиями, каждому разделу предпосланы краткие аннотации о содержании представленных в них материалов. К публикуемым документам составлены заголовки, указаны даты, в легендах приводятся архивные шифры (фонд, опись, дело, лист), что позволяет исследователям верифицировать публикуемые сведения. В отдельных случаях И.Д. Кузнецов сопровождает документы краткими примечаниями и пояснениями.

Особо следует отметить научно-справочный аппарат сборника «Национальные движения в период первой революции в России», который можно оценить как одно из безусловных достоинств издания. Он включает обширное пятидесятистраничное предисловие, являющееся развёрнутым историческим очерком революционного движения в России в контексте событий, происходивших в том числе в европейских государствах. Не лишённое характерной для той эпохи идеологической риторики, оно содержит ценную информацию о принципах отбора документов, о лакунах в источниковой базе (например, по Удмуртии), а также о связи публикуемых материалов с более широким контекстом революционного движения. Это придаёт изданию характер не просто тематической подборки, а продуманной и научно обоснованной публикации.

Сборник снабжён именным и географическим указателями, что для археографических изданий 1930-х годов, в первую очередь региональных, было скорее исключением, чем правилом.

Формально сборник «Крестьянское движение среди чуваш, мари и удмуртов во время революции 1905–1907 гг.» представляет

собой отдельный оттиск восьмой главы основного издания. Однако между ними существуют различия, на которые следует обратить внимание, поскольку оба издания преследовали разные цели: первый из них – это итоговый научный труд, ориентированный на широкую исследовательскую аудиторию, а второй – его отдельная часть, печатавшаяся «в тираже, неотложно необходимом сейчас, в связи с 30-летием революции 1905 г.» [5, с. 6]. И.Д. Кузнецов прямо указывал на то, что оттиск не претендует на полноту, а лишь освещает «наиболее крупные события революционной борьбы широких масс крестьянства Чувашии и Марийской области 1905–1907 гг.», то есть решает локальные, прежде всего просветительские, задачи, рассчитанные на «внутреннюю» аудиторию. Тем более что, по утверждению самого автора-составителя, в ближайшее время предполагалось «издать полный сборник материалов по истории 1905–1907 гг. в Чувашии» [5, с. 6].

Надо полагать, по этой причине его научно-справочный аппарат ограничен до минимума и представлен лишь двухстраничным предисловием в виде историографического очерка с краткой оценкой печатных изданий, газетных и журнальных статей по теме революции 1905 года. Небольшой объём издания едва ли нуждался в указателях, особенно географическом, поскольку местное население прекрасно ориентировалось в названиях населённых пунктов и их территориальной локализации.

Оценивая обе публикации в целом, следует отметить, что они не свободны от идеологической заданности. Это ярко прослеживается и в предисловиях, и в комментариях, которые содержат оценки, продиктованные не только марксистско-ленинской методологией, но и политической конъюнктурой середины 1930-х годов.

Сказанное, однако, ни в коей мере не дезавуирует источниковедческой ценности самих публикаций: документы воспроизводятся с достаточной степенью точности, а их подборка отражает реальный ход событий. В более широком контексте ценность публикаций И.Д. Кузнецова – это одна из первых в СССР попыток систематической публикации документов по истории национальных движений народов бывшей Российской империи и, в частности, Поволжья. До него материалы по данной проблематике были представлены в основном разрозненными статьями и брошюрами, причём с явно выраженным публицистическим или мемуарным характером. Заслуга И.Д. Кузнецова – прежде всего в том, что он ввёл в научный

оборот значительный корпус архивных источников, которые до того были доступны лишь узкому кругу исследователей.

Не менее важно и то, что оба издания демонстрируют высокий для своего времени уровень археографической культуры: продуманную структуру (хронологический принцип расположения документов, тематические разделы), наличие указателей, легенд, которые свидетельствуют о профессиональном подходе составителя. Это тем более важно, если учитывать, что издания готовились в провинции.

Оценивая проделанную И.Д. Кузнецовым работу по изданию архивных источников, нельзя не отметить и некоторые ограничения подготовленных им сборников документов, отражающие определённые противоречия советской археографии 1930-х годов. К ним прежде всего следует отнести идеологическую заданность предисловия и комментариев. Кроме того, официальный, преимущественно «полицейский», ракурс источников не позволяет раскрыть в полной мере позицию самих участников движения. Тем не менее эти ограничения не умаляют значения проделанной И.Д. Кузнецовым работы. Оба сборника безусловно являются ценным памятником истории отечественной археографии 1930-х годов, а также важным источником для изучения истории национальных движений в России в период первой русской революции. Следует также отметить и то, что он впервые на региональном уровне ярко продемонстрировал информационный потенциал архивных документов, обогатив источниковую базу чувашской исторической науки. Не менее важным представляется и то, что подготовленные им сборники можно рассматривать и как методическую основу для последующих археографических начинаний в республике. Заложив традиции научной публикации документов, он по сути проложил дорогу для развития публикаторской деятельности архивов Чувашии.

Научное наследие Ивана Даниловича Кузнецова – это не только конкретные исторические труды по проблемам аграрной истории, но и создание основ исторической науки в Чувашии в целом. Уделяя большое внимание публикации исторических документов, он понимал, что без введения в оборот первоисточников невозможно построение объективной исторической картины. Опыт его археографической деятельности, собранные им архивные материалы заложили основу для последующих публикаций документов по истории Чувашии, увидевших свет уже в первое послевоенное десятилетие.

Дальнейшее изучение биографии и трудов И.Д. Кузнецова позволяет глубже понять процессы развития региональной

исторической науки в СССР, а также восстановить незаслуженно забытые страницы прошлого.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп.2. Д.992.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп.2. Д.1109.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. Р-819. Оп. 1. Д. 60.
4. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. Р-819. Оп. 1. Д.124.
5. Крестьянское движение среди чуваш, мари и удмуртов во время революции 1905–1907 гг. / сост. по архив. документам И. Д. Кузнецов ; Чувашский НИИ соц. культ. стр-ва. Ист. секция. – Алатырь : Чувашгосиздат, 1935. – 46 с.
6. Национальные движения в период первой революции в России : сборник документов из Архива быв. Департамента полиции) / сост. И. Д. Кузнецов ; подготовл. к печати И. Д. Кузнецовым ; Чуваш. науч.-иссл. ин-т культ. строительства. Историч. секция. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1935. – 398 с.
7. Нестеров, В. А. Архивное строительство Чувашской АССР. Краткий очерк истории (1918–1973 гг.) / В. А. Нестеров. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1973. – 55 с.
8. Сергеев, А. А. К вопросу о разработке правил издания документов ЦАУ СССР / А. А. Сергеев // Архивное дело. – 1935. – С. 55–77.

Ткаченко Евгений Владимирович
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

О КОНЦЕПЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО СПРАВОЧНИКА «ИСТОРИКИ ЧУВАШИИ»: ЦЕЛИ, ПРИНЦИПЫ И СТРУКТУРА РЕСУРСА

Аннотация: *в статье рассматривается проблема отсутствия систематизированного цифрового ресурса, посвященного научной биографии историков Чувашии. Обосновывается актуальность создания электронного справочника, который объединит разрозненные сведения о жизни и деятельности ученых-историков, работавших на территории Чувашской Республики и за ее пределами. Предлагается концепция веб-сайта, описываются его цели, принципы формирования контента и структура. Особое внимание уделяется принципам научной объективности, полноты и доступности. Проект рассматривается как инструмент сохранения историко-научной памяти и популяризации исторического знания в цифровую эпоху.*

Ключевые слова: *историки Чувашии, цифровая гуманитаристика, электронный справочник, биобиблиография, историография, научное наследие, открытый доступ.*

Современное развитие исторической науки невозможно представить без использования цифровых технологий. Процессы цифровизации затрагивают не только методы исследования, но и способы хранения и репрезентации научного знания. В этом контексте особое значение приобретают биобиблиографические ресурсы, позволяющие не только фиксировать персональный вклад учёных, но и реконструировать научные школы, направления и динамику развития историографии в отдельных регионах.

Чувашская историческая школа имеет богатую историю и представлена плеядой ярких ученых, чьи труды внесли значительный вклад в изучение истории, источниковедения, археологии и этнографии Чувашии, а также других регионов Поволжья. Однако на сегодняшний день информация об этих исследователях рассредоточена по разрозненным источникам: энциклопедиям, сборникам статей, юбилейным изданиям, архивным документам, некрологам. Сюда же относятся некоторые цифровые порталы, посвященные известным деятелям Чувашии в целом. Подобная фрагментация затрудняет проведение комплексных историографических исследований и препятствует формированию целостного представления о развитии исторической мысли в регионе.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью ликвидации этого информационного пробела и созданием единого цифрового общедоступного ресурса (веб-сайта), посвященного ученым-историкам Чувашии. Существующие платформы (например, электронная Чувашская энциклопедия или портал «Наследие Чувашии») носят универсальный характер и не могут вместить всей полноты биографических и библиографических данных, необходимых для глубокого анализа. Создание специализированного электронного справочника отвечает запросам цифровой гуманитаристики и является насущной задачей современной региональной историографии.

Цель статьи – представить концепцию электронного справочника «Историки Чувашии», обосновать его структуру и принципы функционирования как попытку реализации данного цифрового проекта.

Основной замысел проекта – создание открытого, научно выверенного и постоянно пополняемого цифрового справочника, посвящённого учёным-историкам, чья жизнь и деятельность связаны с Чувашией.

Его достижение обусловлено решением следующих задач.

1. Сбор и верификация биографических данных об историках.

2. Систематизация их научного наследия (монографии, статьи, диссертации, доклады).

3. Фиксация научных интересов, школ и направлений.

4. Представление библиографии работ о самих учёных.

5. Обеспечение удобного поиска и навигации по материалам.

6. Популяризация региональной исторической науки среди студентов, краеведов и широкой общественности.

Целеполагание проекта.

Концепция электронного справочника базируется на триединой цели.

1. *Научно-исследовательская:* создание верифицированной базы данных для историков, краеведов и социологов, занимающихся изучением научных кадров и интеллектуальной истории региона.

2. *Мемориальная:* сохранение и актуализация памяти о деятелях исторической науки, увековечение их вклада в развитие научной мысли в Чувашии.

3. *Просветительская:* популяризация исторического знания среди широкой аудитории, включая студентов и школьников, формирование интереса к локальной истории.

Принципы формирования ресурса.

Для успешной реализации проекта необходимо соблюдение следующих принципов.

Принцип достоверности: информация должна основываться на проверенных источниках (архивные документы, публикации, официальные биографии, авторефераты диссертаций) и сопровождаться ссылками.

Принцип объективности: представленная информация не должна быть тенденциозной, зависимой от влияния составителя.

Принцип полноты (репрезентативности): ресурс должен охватывать максимально широкий круг персоналий. Критерии включения: например, наличие ученой степени (кандидат/доктор исторических наук), работа в вузах или институтах Чувашии, либо чувашское происхождение при работе за пределами региона.

Принцип структурированности: информация должна быть организована по единым шаблонам, что задает единый формат персональных статей, а также облегчает поиск и анализ.

Принцип доступности: сайт должен иметь интуитивно понятный интерфейс и бесплатный доступ для всех пользователей сети Интернет.

Принцип интерактивности и открытости: возможность обратной связи, уточнения данных и дополнения базы исследователями-пользователями (с обязательной модерацией).

Принцип междисциплинарности: необходимость учета связи истории с такими дисциплинами, как этнография, археология, филология и социология.

Структура ресурса.

Предлагаемый сайт может состоять из нескольких функциональных блоков.

«Главная страница»: содержит краткую аннотацию проекта, новости и обновления, навигационное меню, а также форму для быстрого и расширенного поиска (по фамилии, году рождения, научной специальности, месту работы).

«Каталог персоналий» (биобиблиографический указатель): ядро ресурса. Карточка каждого ученого должна включать:

− биографическую справку: ФИО, даты жизни, место рождения, образование, этапы научной карьеры, ученые степени и звания;

− научную деятельность: сфера интересов, основные направления исследований, научная школа;

− библиографию: список основных монографий, статей, диссертаций (с возможностью скачивания при наличии открытых источников);

− фотогалерею: портреты ученого, фотографии из архивов;

− ссылки на внешние ресурсы: архивные фонды, музеи, энциклопедические и справочные порталы.

«Научные школы и направления»: краткий обзор и статьи об истории становления исторической науки в Чувашии, хронология развития исторической науки в регионе.

«Библиография»: сводный список трудов чувашских историков, тематические подборки, ссылки на электронные версии публикаций.

«Мультимедиа»: видеозаписи лекций, документальные киноматериалы, интервью с учеными-историками, аудиоматериалы.

«Научный аппарат»: список источников и литературы, использованных при составлении электронного справочника, методические рекомендации для исследователей, а также описание фондов, содержащих материалы по историографии Чувашии.

«Проект»: в данном разделе освещаются концепция, цели и задачи проекта, а также размещаются контакты редакционной коллегии и форма для обратной связи.

Техническая реализация и перспективы.

Технически проект может быть реализован на базе системы управления контентом (CMS) типа WordPress или Drupal. Это позволит создать веб-сайт и управлять им без глубоких технических знаний. Использование специализированных плагинов (например, для создания баз данных, для возможности поиска и фильтрации) позволит

расширить функционал и повысит юзабилити. Перспективы развития связаны с интеграцией с федеральными порталами (например, «Открытое образование», электронные библиотеки и архивы), созданием мультиязычной версии для расширения целевой аудитории, включение мультимедиа с целью повышения наглядности.

Создание электронного каталога «Историки Чувашии» является назревшей необходимостью для региональной исторической науки. Цифровизация справочно-информационной деятельности изменила традиционное представление о справочнике как о завершенном печатном издании. В электронной среде он приобретает свойства развивающегося информационного объекта: его содержание может дополняться и корректироваться, а отдельные записи – связываться с публикациями, организациями, архивными документами и другими информационными объектами.

Предложенная концепция может стать основой для практической реализации ресурса и дальнейшего научного обсуждения. Успешная реализация проекта позволит систематизировать накопленные знания, сделать их доступными для широкого круга пользователей и создать основу для дальнейших историографических изысканий. В более глобальном смысле станет значимым вкладом в сохранение культурного и научного наследия Чувашской Республики в цифровом пространстве.

Список литературы

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 №203.

2. Иванов, С. А. Роль информационно-коммуникативных технологий в формировании и развитии информационного общества / С. А. Иванов, О. С. Опекун // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 4–1 (80). – С. 273–276.

3. Исаев, А. П. О стратегии развития информационного общества РФ на 2017–2030 гг / А. П. Исаев, В. Н. Наумов, Ю. В. Саблина // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2018. – № 1 (23). – С. 84–98.

4. Копырина, С. Н. История создания архивных сайтов России и тенденции развития сайтов федеральных архивов / С. Н. Копырина // Научный вестник Крыма. – 2017. – № 4 (9). – С. 18.

5. Якушев, М. В. Доклад НИУ ВШЭ «Регулирование данных в Российской Федерации: текущее состояние, проблемы, перспективы» / М. В. Якушев, А. А. Ефремов. – URL: https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/480910412.pdf (дата обращения: 04.10.2026). – Текст : электронный.

Научное издание

ИСТОРИЯ ЧУВАШИИ
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1920–1991 гг.):
ИНСТИТУТЫ, ПРАКТИКИ, ДИСКУРСЫ

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 120-летию со дня рождения
доктора исторических наук, профессора
Ивана Даниловича Кузнецова

(Чебоксары, 29 сентября 2026 г.)

Научный редактор *М. Ю. Харитонов*
Компьютерная вёрстка *Е. А. Малышева*

Подписано в печать 16.10.2026 г.
Дата выхода издания в свет 20.10.2026 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 20.93. Заказ К-1489. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»
428023, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
https://phsreda.com

Отпечатано в Студии печати «Максимум»
428023, Чебоксары, Гражданская, 75
info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru